

*Энн Тайлер стоит в одном ряду с Элис Манро и
Джонатаном Франзеном. Она летописец нашего времени.
US TODAY*

роман

ЭНН ТАЙЛЕР

*Лауреат Пулитцеровской премии
Номинация на премию «Букер» 2015*

Annotation

Уитшенки всегда удивляли своей сплоченностью и едва уловимой особостью. Это была семья, которой все по-хорошему завидовали. Но, как и у каждой семьи, у них была и тайная, скрытая от глаз реальность, которую они и сами-то толком не осознавали. Эбби, Ред и четверо взрослых детей в своем багаже имеют не только чудесные воспоминания о радости, смехе, семейных праздниках, но и разочарования, ревность, тщательно оберегаемые секреты. В романе Энн Тайлер, одной из лучших современных писательниц, разворачивается история трех поколений одной семьи – трогательная, но совсем не сентиментальная, драматичная, но ироничная, очень глубокая, но простая.

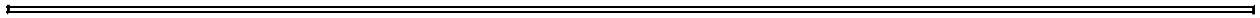
Энн Тайлер иногда называют северной Фэнни Флэгг, но ее истории гораздо ближе рассказам А.П.Чехова – тонкие, грустные, забавные и невероятно глубокие. Она рассказывает их тихим, чуть насмешливым голосом, и они еще долго резонируют в душе, о них думаешь, и собственная жизнь предстает в новом свете – куда более наполненной смыслами. Иные книги вспыхивают ослепительными фейерверками, но быстро гаснут, оставляя после себя черное небо, в котором светятся редкие, но настоящие звезды – среди которых и романы Энн Тайлер.

Энн Тайлер – лауреат Пулитцеровской премии, «Катушка синих ниток» в 2015 году номинировался на премию «Букер».

-
- [Энн Тайлер](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)

Энн Тайлер

Катушка синих ниток

A SPOOL OF BLUE THREAD by Anne Tyler

Copyright © 2015 by Anne Tyler

Это издание публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency and The Van Lear Agency

Изящная и глубокая, сентиментальная и ироничная комедия пополам с драмой. Энн Тайлер с виртуозной ловкостью превращает ситком в нечто значительное, тревожное и полное смыслов. Ее очевидный литературный дар направлен своим острием в самое сердце американской мечты. Ее новый роман о том, что даже у ангелов есть темная сторона. Она воистину великий романист, мудрый и с потрясающе тонким чувством юмора.

New York Times Book Review

И снова Энн Тайлер доказывает, что жизнь обычного семейства из среднего класса может быть темой для большого романа идей. Ее герои такие обычные, такие свойские, кажется, они и в самом деле живут в соседнем доме, но, глядя на их заурядную жизнь, хочется зажмуриться от мощного экзистенциального сияния.

Los Angeles Times

«Катушка синих ниток» – семейная драма в самом прямом смысле, вот только после чтения возникает ощущение, будто ты понял нечто очень важное, саму суть жизни. Роман о заплутавших путниках, которые всю жизнь ищут дорогу к дому, но он у них в душе.

Wall Street Journal

Истинный литературный шарм. Так просто и так здорово. Тайлер уже много-много лет остается лучшим летописцем семейной жизни.

Washington Post

Отлично скроенный, элегантно простой роман. Можно только надеяться, что Энн Тайлер еще не раз порадует нас своими обаятельными, ироничными, умными историями.

NPR.org

Среди ныне живущих романистов нет никого, кто писал бы проницательней и ироничней, чем Энн Тайлер.

Baltimore Sun

Удивительно, как Энн Тайлер заставляет верить каждому ее слову, каждому поступку ее героев. Этот удивительный фокус она повторяет из книги в книгу. Она пишет так, словно персонажи – члены твоей собственной семьи. Даже самые лучшие из современных писателей не могут сравниться с ней в этом. И в том, как сквозь грусть и меланхолию ее рассказа вдруг прорывается неудержимое веселье.

The Guardian

Нежный, трогательный, но и едко саркастичный роман о том, что каждая семья и счастлива, и несчастлива по-своему.

Associated Press

Гений Тайлер как романиста в том, чтобы не судить своих героев. Писательница доверяет читателю решать и выносить суждения. Роман вдумчивый, интригующий и с превосходным юмором.

Boston Globe

У Энн Тайлер огромное число почитателей. И ни одним из

своих романов она не обманула их ожидания. А с «Катушкой синих ниток» наверняка и превзошла, потому что это один из лучших, если не самый лучший, роман Тайлер. От почти комедии до высокой семейной драмы, от этой книги порой перехватывает дыхание.

Richmond Times Dispatch

Тайлер нежно распутывает нить жизни трех поколений одной семьи. Интимная, психологически выверенная история-портрет обычных людей, взглядевшись в которую начинаешь видеть множество странностей, смыслов, глубину. Книга о том, что под поверхностью заурядной жизни прячется нечто огромное, прекрасное и пугающее разом.

O Magazine

Роман о любви и напряжении, что связывают нас.

Gawker

Возможно, это лучший роман, который вы прочтете в этом году. Красивый, смешной, трагичный, а порой почти невыносимо горький.

Chicago Tribune

Лев Толстой писал, что все счастливые семьи счастливы одинаково. Энн Тайлер подтверждает это наблюдение, но с куда большим чувством юмора. Вот автор, которая и через пятьдесят лет после выхода первой ее книги демонстрирует отменную писательскую форму. Ее проза отполирована так, что буквально сияет с книжных страниц. Энн Тайлер делает беллетристику высокой литературой.

Houston Chronicle

Какой замечательный, натуральный писатель. Энн Тайлер знает все тайны человеческого сердца.

Моника Али

Книги Энн Тайлер как встречи с дорогим старым другом.

Рэйчел Джойс

Славное удовольствие для тех читателей, что ценят в книгах тонкость. Тайлер, получившая Пулитцеровскую премию, – мастер нежной комедии, сдержанной драмы.

The Independent

Книги Энн Тайлер более захватывающие, чем зубодробительные триллеры. Я не знаю другого писателя, который с такой точностью писал бы о реальной жизни и чьи произведения были бы настолько же свободны от клише ТВ и голливудских штампов. Романы Энн Тайлер – это органическая пицца для души.

Mailon Sunday

Я читаю книги Энн Тайлер уже лет двадцать, и она ни разу не подводила меня. Тайлер обладает замечательным даром обнажать обыденность семейной жизни и превращать в нечто экстраординарное. Она вытаскивает то необычное, трагичное, смешное, что скрыто под обыкновенностью. Тайлер делает это снова и снова с гипнотической силой. Она удивительная.

Ванесса Берридж, Express

Энн Тайлер, старшая из четырех детей, родилась в Миннеаполисе, штат Миннесота, выросла в Рейли, штат Северная Каролина. В университете Дьюка специализировалась в области русского языка, истории и литературы, удостоилась премии Энн Флекснер за творческие успехи, стала членом братства «Фибета-каппа» и получила степень бакалавра искусств. Свои русские занятия она продолжила в Колумбийском университете, затем в течение года работала как библиограф в библиотеке университета Дьюка, два года была сотрудником Макгильского университета в Монреале. В 1963 году она вышла замуж за детского психолога и романиста иранца Таги Мохаммеда Модаресси (умер в 1997). Они переехали в Балтимор, ставший местом действия многих романов Тайлер. У нее две дочери. Тэз Модаресси – художница и Митра Модаресси – детская писательница и иллюстратор.

Энн Тайлер – автор 20 романов. За роман «Уроки дыхания» (1988) она была удостоена Пулитцеровской премии и еще дважды была финалистом Пулитцера. Ее последний роман «Катушка синих ниток» вошел в короткий список премии «Букер» 2015 года.

Часть первая

Не могу уехать, пока жива собака

1

Поздним июльским вечером 1994 года Реду и Эбби Уитшенк позвонил их сын Денни. Супруги укладывались спать, Эбби стояла у комода в комбинации, вынимая шпильки из пучка непослушных светло-русых волос. Сухопарый брюнет Ред, в полосатых пижамных штанах и белой футболке, сидел на краю кровати и снимал носки; он и ответил, когда рядом на ночном столике затрещал телефон.

– Дом Уитшенков, – сказал он.

И затем:

– А, привет.

Эбби, с поднятыми руками, повернулась от зеркала.

– В каком смысле. – В голосе ее мужа не было вопроса. – А? Что за чушь, Денни?

Эбби уронила руки.

– Алло? – произнес Ред. – Эй. Алло? Алло?

Он пару секунд помолчал и повесил трубку.

– В чем дело? – спросила Эбби.

– Он гей.

– *Что?!*

– Мне, говорит, нужно тебе кое-что сообщить. «Я гей».

– И ты повесил трубку?!

– Нет, Эбби. Он повесил. Я только и успел сказать: «Что за чушь?» – а он уже шварк – и все.

– Ред, ну как же так можно? – простонала Эбби и потянулась назад за бесцветным, некогда розовым, ворсистым халатом. Укуталась, туго завязала пояс. – Что на тебя нашло?

– Да я же не хотел его обидеть! Когда тебе такое выдают, что еще скажешь? «Что за чушь». Нормальная реакция.

Эбби схватилась за голову, примяв пышные волосы надо лбом.

– Я имел в виду, – принялся объяснять Ред, – «что еще за чушь, чем еще ты вздумал нас огорошить, Денни?» И он великолепно меня понял. Уж

поверь. Зато теперь у него есть полное право заявить, что во всем виноват я, моя узколобость, или ретроградство, или... в общем, он найдет словечко. И он *обрадовался*, что я так ответил. Потому и повесил трубку: только и ждал от меня промашки.

– Ладно. – Эбби переменяла тон, заговорила деловито: – Откуда он звонил?

– Мне почем знать? У него нет постоянного адреса, он не объявлялся целое лето, он уже поменял работу дважды. Правда, дважды – это с его слов, а может, и больше! Парню всего девятнадцать, а мы не в курсе, в каком уголке планеты его искать! Это, спрашивается, нормально?

– А тебе по звуку не показалось, что это межгород? Ты не слышал такого, знаешь... шуршания? Вспомни. Мог он звонить отсюда, из Балтимора?

– Я не знаю, Эбби.

Она села рядом с мужем. Матрац прогнулся в ее сторону: Эбби была женщина широкая, плотная.

– Надо его найти, – сказала она. И чуть погодя: – Нам нужен этот... как его... определитель номера. – Она наклонилась и впилась взглядом в телефон. – Боженька, подари нам определитель прямо сейчас!

– Зачем? Чтобы ты ему названивала, а он не отвечал?

– Он никогда так не поступит. Он бы увидел, что это я звоню. И обязательно ответил бы, если б видел, что это я.

Она вскочила и зашагала туда-сюда по персидской ковровой дорожке, в центре вытертой почти до белизны от ее хождений. Спальня, просторная, хорошо обставленная, радовала глаз своей уютной затрапезностью – естественной для комнат, обитатели которых давно перестали замечать их красоту.

– А голос, какой у него был голос? – Эбби не успокаивалась. – Нервный? Расстроенный?

– Обычный.

– Это *по-твоему*. Он выпил? Как тебе показалось?

– Не знаю.

– А был с ним кто-нибудь? Компания?

– Не могу сказать...

– Или... кто-то один?

Ред резко вскинул глаза:

– Ты же не думаешь, что он серьезно?

– Разумеется, серьезно! Иначе с чего бы ему такое заявлять?

– Эбби, он не голубой.

- Ты-то откуда знаешь?
- Знаю, и все. Попомни мои слова. Потом поймешь, что вела себя глупо: ах, ужас и кошмар, я делала из мухи слона!
- Тебе просто удобно так считать.
- Да где твоя женская интуиция? Ведь речь о парне, который еще в средней школе довел девчонку до беды.
- И что? Это ничего не значит. Может, это вообще симптом.
- Чего-чего?
- Ничего нельзя знать наверняка о сексуальной жизни другого человека.

– Вот уж слава тебе господи, – проворчал Ред.

Он наклонился и, кряхтя, потянулся под кровать за тапочками, а Эбби остановилась и вновь приклеилась взглядом к телефону. Положила руку на трубку, замерла в нерешительности. Быстро схватила, на полсекунды прижала к уху, бросила обратно.

– С определителем номера штука в том, – словно обращаясь сам к себе, заговорил Ред, – что это в некотором роде жульничество. Телефонный звонок – всегда риск. Человек должен решить, рисковать ему или нет, отвечать или нет. В этом *суть* телефонной связи, я считаю.

Он с некоторым трудом поднялся и пошел в ванную. Эбби сказала ему в спину:

– Но это многое объяснило бы, согласишься? Если он действительно гей.

Ред уже закрывал дверь ванной, но высунул голову и недовольно уставился на жену. Его тонкие черные брови, обычно прямые как палочки, почти связались узлом.

– Иногда, – бросил он, – я горько проклиная тот день, когда женился на социальном работнике. – И громко хлопнул дверью.

Когда Ред вернулся, Эбби сидела на кровати, сцепив руки на груди поверх кружев ночной сорочки.

– Ты не можешь винить во всех бедах Денни мою профессию, – сказала она.

– Я только о том, что ты иногда проявляешь *чрезмерное* понимание. Всепрощение, сострадание. Лезешь ребенку в душу.

– Понимание не бывает чрезмерным.

– Слова типичного соцработника.

Она раздраженно фыркнула и еще раз посмотрела на телефон, который стоял со стороны мужа. Ред забрался под одеяло, закрыв ей обзор, и выключил лампу на прикроватном столике. Комната погрузилась в темноту, лишь слабо светились два высоких окна, выходящие на газон перед домом.

Ред лежал на спине, а Эбби все сидела.

– Как думаешь, он перезвонит? – спросила она.

– Да, рано или поздно.

– Мальчику и так пришлось призвать на помощь всю свою храбрость.

Вдруг он больше не осмелится?

– Храбрость? Какую еще храбрость? Мы его родители. Зачем для звонка родителям храбрость?

– Не родителям, а тебе, – сказала Эбби.

– Это нелепо. Я сроду его пальцем не тронул.

– Да, но и не поощрял никогда. Ты вечно ищешь в нем недостатки. С девочками ты весь сахарный, и Стем тоже твой человек. Но Денни!

С ним все сложно. Иногда мне кажется, что он тебе даже не нравится.

– Эбби, побойся бога! Ты прекрасно знаешь, что это неправда.

– Нет, конечно, ты его любишь. Но я видела, как ты иногда на него смотришь. С таким выражением: это еще что за тип? Не думай, что он этого не замечает.

– Прекрасно, – ответил Ред. – Но как тогда получилось, что избегает он тебя, а не меня?

– Ничего он меня не избегает!

– Лет с пяти-шести он не пускал тебя в свою комнату. Сам готов был менять постельное белье, лишь бы ты к нему не заходила. Он почти никогда не приводил в гости друзей, не признавался, как их зовут, и даже не рассказывал, как провел день в школе. Уйди, мама, говорил, не мешай, не лезь, не дыши мне в затылок. А та книжка с картинками – ну, которую он терпеть не мог, которую изорвал, помнишь? Где крольчонок, чтобы убежать, хотел превратиться в рыбку, в облачко и тому подобное, а мама-крольчиха твердила, что превратится в то же самое – и за ним! Денни вырвал из этой книги все страницы до единой!

– Это абсолютно ни при...

– Ты удивляешься, почему он стал голубым? То есть не стал, но как будто бы стал, раз уж ему пришло в голову этим нас ошарашить, так вот знаешь почему? Я тебе скажу. Дело всегда в матери. В чертовой, понимаешь ли, матери!

– Что? – вскричала Эбби. – Это нелепая, устаревшая, ретроградская и... *неверная* теория! Я даже отвечать ничего не стану.

– Однако вон сколько наговорила.

– Как тогда насчет отца? Если следовать твоим же средневековым воззрениям. Как насчет отца-строителя, крутого мачо, который только и твердил сыну: «Не трусь, будь мужчиной, не хнычь из-за пустяков, лучше

влезь на крышу и приколоть шифер!»

– Шифер не *приколачивают*, Эбби.

– Так что насчет отца? – повторила она.

– Хорошо, хорошо! Я такой. Худший в мире папаша. Все, поздно, не поправишь.

На мгновение воцарилась тишина, и стало слышно, как мимо едет машина.

– Я не сказала, что ты *худший*.

– Ну... – буркнул Ред.

Они помолчали.

Затем Эбби спросила:

– Есть ведь, кажется, номер, который можно набрать, чтобы узнать, кто звонил последним?

– Звездочка шестьдесят девять, – незамедлительно ответил Ред и кашлянул. – Но ты же не станешь?..

– Почему?

– Напомню тебе, что разговор прервал Денни.

– Это потому, что ты его обидел, – заявила Эбби.

– Если б я его обидел, он бы подождал вешать трубку. Не бросил бы ее так сразу. А он как будто только того и ждал. Прямо-таки потирал руки в предвкушении, когда делал свое признание. Так с места в карьер все и выдал. Я хотел тебе кое-что сказать, говорит.

– Раньше было «мне *нужно* тебе кое-что сказать».

– Ну да, как-то так.

– Но все-таки что?

– А есть разница?

– *Да*, есть.

Ред помолчал секунду. Потом задумчиво зашептал:

– Я должен тебе кое-что сказать... Мне нужно тебе кое-что сказать...

Пап, я хотел бы... – И сдался: – Я не помню.

– Набери «звездочка шестьдесят девять», будь добр.

– Я все не могу понять, зачем ему это? Знает же, что я не гомофоб. Черт, да у меня и на работе есть гей, мастер по гипсокартону. О чем Денни прекрасно известно. Не понимаю, почему он думал нас этим разозлить. В смысле, я, конечно же, не в восторге. Своим детям желаешь как можно меньше трудностей в жизни. Но...

– Дай телефон, – попросила Эбби.

Раздался звонок.

Эбби бросилась через Реда, но он схватил трубку первым. Впрочем,

после небольшой возни телефон все равно оказался у Эбби. Она села прямо и сказала:

– Денни?

И тут же:

– А, Джинни.

Ред опять лег ровно.

– Нет-нет, не спим, – заверила Эбби. И после паузы: – Конечно. А что с тобой? – Снова пауза. – Нет-нет, без проблем. Да, завтра в восемь, увидимся, пока.

Она передала трубку Реду. Тот взял ее и поставил на базу.

– Просит мою машину, – объяснила Эбби, укладываясь на своей стороне кровати. И добавила тонким, каким-то очень одиноким голосом: – Звездочка шестьдесят девять теперь не работает, да?

– Нет, – ответил Ред. – Не думаю.

– Ой, но что же нам делать? Мы больше никогда его не услышим. Он не даст нам второго шанса.

– Да что ты, милая, – успокоил Ред, – Денни обязательно еще позвонит, точно тебе говорю.

Он привлек жену к себе, пристроил ее голову на свое плечо. Так они и лежали, пока Эбби не успокоилась и не задышала медленно, размеренно. А Ред все смотрел в темноту и вдруг зашептал еле слышно, пробуя так и этак:

– Должен сказать тебе кое-что. Мне нужно тебе кое-что сказать. Пап, я бы хотел. Пап, мне нужно. – Потом раздраженно мотнул головой на подушке и начал снова: – Сказать тебе кое-что: я гей. Кое-что тебе сказать: думаю, что я гей. Я гей. Я думаю, что я гей. Думаю, что, возможно, я гей. Я гей.

В конце концов Ред замолчал и тоже заснул.

* * *

Разумеется, он потом позвонил. В семье Уитшенк чурались *мелодраматизма*, и даже Денни был не из тех, кто способен исчезнуть с лица земли и прекратить всяческое общение, – во всяком случае, не так чтобы раз и навсегда. Он, правда, тем летом не поехал с ними на море, но вряд ли из-за обиды, просто зарабатывал себе на карманные расходы в следующем году (Денни учился в колледже Сент Эскил в Пронгхорне, штат Миннесота). Он позвонил в сентябре и попросил денег на учебники. Дома, к сожалению, оказался один Ред, и разговор вышел не слишком

информативный.

– О чем была речь? – спросила Эбби.

– Я сказал, чтобы он покупал учебники на свои средства.

– Нет, я про тот его последний звонок, вы все обсудили? Ты извинился? Объяснил ему? Расспросил?

– По правде, до этого не дошло.

– Ред! – воскликнула Эбби. – Но это же классика! Стандартная реакция: подросток объявляет, что он гей, а его семья живет себе дальше как жила и притворяется, будто ничего не знает.

– Отлично, – буркнул Ред. – Сама позвони ему. Позвони на кампус, в общежитие.

Эбби колебалась:

– А что я скажу? Зачем я звоню?

– Скажи, что хочешь учинить допрос с пристрастием.

– Нет, лучше подожду, пока он позвонит, – решила Эбби.

Но когда это случилось – примерно через месяц; Эбби была дома и ответила, – то обсуждали они бронирование авиабилета на рождественские каникулы. Денни хотел поменять дату прилета, поскольку вначале собирался в Хиббинг к своей девушке. (К девушке!)

– А что мне оставалось? – сказала потом Эбби Реду. – Только соглашаться: да, да, отлично.

– Да, что тебе оставалось, – не стал спорить Ред.

Он больше к этой теме не возвращался, но Эбби, выражаясь фигурально, кипела на медленном огне до самого Рождества. Ей явно не терпелось устроить разбирательство. Дети обходили ее стороной. Они не знали о заявлении Денни – тут Ред и Эбби сошлись во мнении: нельзя ничего говорить, пока Денни не даст добро, – но чувствовали: что-то происходит.

Эбби (игнорируя мнение Реда) намеревалась, едва Денни появится, сесть с ним и хорошенько поговорить по душам. Но утром в тот день, когда его ждали, из Сент Эскил пришло письмо с напоминанием, что по условиям договора Уитшенки обязаны оплатить следующий семестр, несмотря на то что их сын покинул колледж.

– Покинул, – задумчиво проговорила Эбби.

Читали письмо они вдвоем, но конверт распечатала именно она. В ее тоне прозвучало сразу все, что для них с мужем означало это ужасное слово. Денни бросил учебу, его выгнали, он давно *покинул* свою семью. Кто еще из американских подростков живет так – бродяжничая по стране, не считаясь с родителями, сообщая о себе только изредка и не давая ни адреса,

ни телефона, чтобы с ним не могли связаться? Как это получилось? Другим детям подобное не позволялось. Ред и Эбби обменялись долгими, отчаянными взглядами.

В итоге, понятное дело, все рождественские праздники они обсуждали уход Денни из колледжа. (Бесполезная трата денег, аргументировал он. И нет, он представления не имеет, чем хочет заниматься в жизни. Может, через годик-другой поймет.) Вопрос о его сексуальной ориентации на фоне прочих неприятностей отодвинулся на последний план.

– Теперь я понимаю, почему люди притворяются, будто ничего не слышали, – сказала Эбби уже после каникул.

– М-м-м, – с непроницаемым видом отозвался Ред.

* * *

Из всех четверых детей Денни был самым привлекательным. (Жаль, что хоть капелька этой красоты не досталась девочкам.) Уитшенковские прямые волосы, узкие пронзительно-голубые глаза, точеные черты. Кожа, правда, чуть темнее, не такая белоснежная, как у других в семье, зато телосложение намного лучше – остальные просто мешки с костями да шишками. И все же что-то в лице Денни – некая неровность, неправильность, асимметрия – мешало назвать его настоящим красавцем. Compliments его внешности делались всегда с запозданием, удивленно, так, будто люди поражались собственной редкой наблюдательности.

Он родился третьим. Аманде уже исполнилось девять, Джинни – пять. Старшие сестры – вероятно, для мальчика это тяжело? Унизительно? Угнетает? Девчонки бывали жутко самоуверенны, особенно командирша Аманда. Но от нее Денни, как правило, отмахивался, а с маленькой хулиганкой Джинни обращался почти нежно. Так что проблема не в них, нет. Но вот Стем! Он появился, когда Денни было четыре. Это действительно могло оказать влияние. Стем ведь хороший от природы. Встречаются порой такие дети – послушные, добрые, ласковые, причем сами по себе, ненатужно, без усилий.

Не то чтобы Денни был плохим. Ничего похожего. Часто он поступал куда благороднее, чем остальные трое вместе взятые, – например, когда у Джинни умерла любимая кошка, он обменял свой новый велосипед на котенка. Он не дрался, не задибался, не закатывал истерику. Но... до того скрытный! А иногда вдруг ужасно упрямый, необъяснимо, ни с того ни с сего. Напыжится весь, уйдет в себя, и никому с ним не сладить. Он как

будто скандалил сам с собой, направлял злость внутрь себя и потому ожесточался, леденел. Ред в таких случаях возмущенно всплескивал руками и удалялся, но Эбби не могла бросить сына наедине с бедой. Она считала, что обязана вытащить его из этого состояния. Она хотела счастья всем своим близким!

Однажды в магазине – Денни в то время почему-то увлекся фанком^[1] – по радио вдруг заиграли «Приятные вибрации»^[2]. Любимая песня Эбби, она всегда говорила, что выбирает ее для своих похорон. И Эбби затанцевала. Затопала, завиляла бедрами, заприседала вокруг Денни, словно вокруг майского дерева, но он, безучастно глядя прямо перед собой и сунув в карманы кулаки, решительно зашагал к отделу супов, прочь от нее. «Я выглядела дура душой», – жаловалась она Реду уже дома, попытавшись перевести все в шутку. Сын даже не смотрел на нее. Как будто она городская сумасшедшая. И это в девять лет, когда мальчишки еще не стыдятся своих мам. Но Денни, похоже, стыдится ее с раннего детства. Он ведет себя так, словно ему досталась чужая мама, кричала Эбби, и к тому же бракованная, некондиционная!

Ну это ты глупости говоришь, укорил Ред.

И Эбби ответила: да, да, знаю. Я так не думаю, я другое хотела сказать.

Ей то и дело звонили учителя: «Не могли бы вы прийти поговорить о Денни? Как только сможете, пожалуйста». Жаловались на его невнимательность, лень, нерадливость, но никогда – на отсутствие способностей. И даже перевели из третьего класса в пятый, полагая, что ему, возможно, просто неинтересно. Но это оказалось ошибкой. Денни стал и вовсе отщепенцем. Немногочисленные его друзья все были какие-то сомнительные: мальчишки из других школ, мальчишки, от чьих редких появлений в доме неизменно становилось неловко. Они что-то мычали, прятали глаза, загребали ногами.

Иногда, конечно, случалось, что забрезжит надежда. Денни выиграл приз на конкурсе изобретателей: разработал специальную упаковку для яйца, в которой оно не разбивается, как ни швыряй, но больше в конкурсах не участвовал. Потом, как-то летом, он решил освоить игру на валторне, чему немного учился раньше, в начальных классах, и взялся за дело с превеликим усердием, какого никто не ожидал. Несколько недель из-под закрытой двери его комнаты час за часом ползли блеющие, вымученные, тоскливые звуки – концерт № 1 для валторны с оркестром Моцарта, – ползли, спотыкаясь, но упорно, и Ред уже начал шепотом чертыхаться, а Эбби гладила его по руке и говорила:

– Перестань, могло быть гораздо хуже. «Баттхоул Серферз»^[3], например.

Эту группу тогда обожала Джинни.

– По-моему, замечательно, что он нашел себе занятие, – твердила она и, когда Денни останавливался в местах, где звучит оркестр, Эбби – тра-ля-ля! – пела, заполняя паузы.

Вся семья выучила произведение наизусть: если Денни не играл его сам, оно непременно грохотало из магнитофона. Но, едва научившись исполнять первую часть без запинок и возвратов к началу, он внезапно все бросил. Заявил, что валторна – это отстой. Казалось, «отстой» – его любимое слово. В футбольном лагере тоже был отстой, и он уехал оттуда через три дня. То же самое – теннис, плавание.

– Может, нам надо как-то поспокойнее, – сказал Ред. – Не сходить с ума от радости при каждом новом увлечении.

Но Эбби воскликнула:

– Мы же родители! Родители *обязаны* радоваться за детей.

Денни ревностно, словно государственный секрет, охранял собственную личную жизнь, зато постоянно лез в чужие дела. От него ничто не могло укрыться. Он читал дневники сестры и дела клиентов матери. В ящиках его стола с виду царил порядок, но только с виду. В глубине таилось черт знает что.

Потом он стал подростком, и началось: выпивка, курево, прогулы, травка, если не хуже. К дому периодически подъезжали раздолбанные машины, и неведь кто сигналил и орал оттуда: «Эй, гондон!» Дважды Денни угодил в полицию (езда без прав; фальшивое удостоверение личности). Одевался он неряшливо, но это не был обычный тинейджерский гранж. Нет, куда хлеще: стариковские пальто с блошиных рынков, мешковатые заскорузлые твидовые штаны, кеды, скрепленные изолентой. Он не мыл голову, сальные волосы висели веревками, и пахло от него как от целого шкафа нестираной одежды. Бродяга, одним словом. Ирония судьбы, говорила Эбби Реду. Чтобы такой ребенок родился в семье Уитшенк – семье всем на зависть! Мы же настоящий клан, единый, дружный... да попросту *уникальный*. А Денни оттирается у нас по углам приемным.

Тогда уже оба сына работали на полставки в «Уитшенк Констракшн». Денни прекрасно во всем разбирался, но с клиентами вести себя не умел. Как-то раз одной женщине на кокетливое «Боюсь, я вам рзонравлюсь, если признаюсь, что передумала насчет цвета» он ответил: «А с чего вы взяли, что вообще мне нравились?» Зато Стем был и услужлив с клиентами, и

крайне усерден: оставался допоздна, проявлял заинтересованность, выпрашивал новые поручения. Что-нибудь с деревом, умолял он. Ему нравилось обрабатывать древесину.

Денни взял манеру разговаривать с надменной, усмешливой снисходительностью. «Держи, мой мальчик», – ронял он, когда Стем просил спортивный раздел газеты, или: «Как скажете, Эбигейл». На знаменитых «сиротских обедах» Эбби, где собирались всякие маргиналы, одиночки, неудачники, куртуазное поведение Денни сначала всех очаровывало, но потом становилось оскорбительным.

– Пожалуйста, я настаиваю, – сказал он как-то миссис Меллон. – Возьмите мой стул, он выдержит ваш вес.

Миссис Меллон, стильная разведенка, безмерно гордившаяся своей необычайной худобой, вскричала:

– А! Но...

Однако Денни перебил:

– *Ваш* стул, пожалуй, для вас хрупок.

Родителям, дабы не усугубить ситуацию, только и осталось, что промолчать. Или вот еще случай, с Би Джей Отри, неопрятной блондинкой, чей хриплый смех напоминал воронье карканье, от которого окружающих просто передергивало. Денни все пасхальное воскресенье напролет жеманно восхищался: ах, колокольчик! Но Би Джей, дама не промах, в конце концов рыкнула:

– Отвяжись, малютка.

Ред потом устроил Денни взбучку.

– В нашем доме, – назидательно произнес он, – гостей обижать не принято. Ты должен извиниться перед Би Джей.

Денни ответил:

– Конечно. Я виноват. Не сразу допер, что она вся из себя нежная фиалка.

– Все мы нежные, сынок, если хорошенько допечь.

– Правда? Я – нет, – бросил Денни.

Они, конечно, подумывали о психотерапии. По крайней мере, Эбби подумывала. Причем давно, но теперь стала настойчивей. Денни отказывался наотрез. Но однажды, уже в выпускном классе, Эбби попросила его помочь свозить собаку к ветеринару – иначе как вдвоем это было не сделать. Кларенса затолкали в машину, Денни плюхнулся на переднее сиденье, скрестил на груди руки. Они поехали. Клэрэнс сзади скулил, метался, царапал когтями виниловую обивку. Кабинет ветеринара приближался; скулеж усилился, превратился в стоны. Эбби проехала

кабинет и направилась дальше. Стоны ослабели, в них зазвучало недоумение, потом пес затих. Эбби подъехала к низкому оштукатуренному зданию, припарковалась, заглушила двигатель. Вышла из автомобиля, обогнула его, открыла пассажирскую дверь, приказала:

– Выходи.

Денни пару секунд сидел неподвижно, затем повиновался, но вылезал медленно и неохотно, словно бы *вытекал* наружу. Две ступеньки – и они поднялись на крыльцо. Эбби нажала на звонок рядом с табличкой «Ричард Хэнкок, доктор медицины».

– Я заберу тебя через пятьдесят минут.

Сын посмотрел равнодушно. Прожужжал домофон, Денни открыл дверь, Эбби вернулась в машину.

Ред не поверил своим ушам.

– Прямо вот так взял и вошел? – изумился он. – Взял и согласился?

– Естественно, – отозвалась Эбби бодро, но глаза ее тут же наполнились слезами. – Ой, Ред! Только представь, до чего нашему мальчику плохо, раз он даже не протестовал?

Месяца два или три Денни еженедельно посещал доктора Хэнкока, которого называл Хэнки^[4] («Я не могу мыть подвал, сегодня же чертов Хэнки»). Денни никогда не рассказывал, о чем они беседуют, как, впрочем, и сам психотерапевт. Эбби однажды позвонила ему спросить, не пойдет ли на пользу семейный сеанс; сомневаюсь – отвечивал доктор Хэнкок.

Это было в 1990-м, в конце года. А в начале 1991-го Денни сбежал с невестой.

Девушку звали Эми Лин. Дочь двух ортопедов-китайцев, худая как рыбья кость, в готских нарядах, волосы будто две занавески, беременна на шестой неделе. Уитшенки знать ни о чем не знали. Понятия не имели ни о какой Эми Лин. Впервые услышали, когда отец Эми позвонил и спросил, не знают ли они, где она.

– Кто-кто? – переспросила Эбби. Подумала, что ошиблись номером.

– Эми Лин, моя дочь. Она сбежала с вашим сыном. Если верить записке, они намерены пожениться.

– *Пожениться?* Ему же всего шестнадцать!

– Да, и Эми тоже, – ответил доктор Лин. – Только позавчера исполнилось. Но она, похоже, считает, что по закону замужество с шестнадцати разрешено.

– Ну разве что где-нибудь в Мозамбике, – пробормотала Эбби.

– А вы не могли бы проверить, нет ли в комнате Денни записки? Пожалуйста, будьте добры. Я подожду.

– Хорошо, – согласилась Эбби. – Но, по-моему, вы все-таки ошибаетесь.

Она положила трубку на столик, позвала Джинни – признанного эксперта по Денни – и привлекла ее к поискам. Джинни к словам доктора тоже отнеслась скептически.

– Денни? Женится? – говорила она, поднимаясь с матерью по лестнице. – У него и девушки-то нет.

– Этот тип точно из ума выжил, – заявила Эбби. – И главное, весь такой начальственный! Я, говорит, доктор Лин. Заметно, что привык распоряжаться людьми.

Конечно, они не нашли ни записки, ни других улик – любовного письма, скажем, или фотографии. Джинни проверила еще и жестяную коробочку в шкафу, о существовании которой Эбби не подозревала, но там оказались лишь пачка «Мальборо» и спичечная книжечка.

– Вот видишь, – восторжествовала Эбби.

Но Джинни смотрела задумчиво и, уже спускаясь по лестнице, изрекла:

– Все так, но когда это Денни вообще оставлял записки?

– Доктор Лин что-то напутал, – твердо сказала Эбби, подняла трубку и повторила: – Вы что-то напутали, доктор Лин.

Таким образом, хлопоты по розыску влюбленной пары легли на плечи семьи Лин – уже после того, как дочь позвонила им за их счет и сообщила, что с ней все в порядке, хотя она чуточку скучает по дому. Им с Денни не удалось получить лицензию на брак, и они отсиживались в мотеле под Элктоном в штате Мэриленд. Их не было уже три дня, и Уитшенки вынужденно признали, что доктор Лин из ума не выживал, но по-прежнему не могли поверить, что их Денни оказался способен на такой поступок.

Супруги Лин отправились в Элктон, забрали Эми и Денни и вернулись напрямик к Уитшенкам на совет двух семей. Ред с Эбби в первый и последний раз увидели Эми и поразились ее некрасивости: землистая кожа, нездоровый вид и какая-то общая вялость. К тому же, позднее призналась Эбби, ее неприятно потрясло, что мама и папа Лин настолько хорошо знают Денни. Папа, маленький человечек в бирюзовом спортивном костюме, разговаривал с ним дружески и даже благожелательно, а мама утешительно погладила по руке, когда он согласился с тем, что аборт, вероятно, оптимальный выход из положения.

– Значит, Денни бывал у них много раз, – сделала вывод Эбби, – а мы с тобой об Эми слыхом не слыхивали.

– С дочерьми совсем другое дело, – ответил Ред. – Ведь и нас Мэнди и

Джинни знакомят со своими ухажерами, но я не уверен, что их родители хоть раз видели наших девочек.

– Нет, я не про то. Кажется, что он не просто с ними знаком, а *входит в семью*, – пояснила Эбби.

– Ерунда, – отмахнулся Ред.

Но Эбби это, похоже, не успокоило.

Лины ушли. Ред и Эбби попробовали обсудить с Денни его побег, но он сказал только, что мечтал ухаживать за малышом. А услышав, что слишком юн для таких забот, замкнулся в себе. Но потом, в ответ на неуклюжий вопрос Стема: «Так вы с Эми теперь что... типа, тили-тили-тесто? Жених и невеста?» – ответил:

– А? Я не знаю.

Уитшенки больше не встречались с Эми, и Денни, насколько можно было понять, тоже. К концу следующей недели его благополучно пристроили в интернат для трудных подростков в Пенсильвании – стараниями доктора Хэнкока, который все и организовал. Денни окончил там два последних класса и поскольку склонности к строительству, по его словам, не имел, то и первое и второе лето обслуживал столики в Оушен-Сити. Домой приезжал лишь по великим случаям: на похороны бабушки Далтон и на свадьбу Джинни. Объявится на денек – и нет его.

Это неправильно, говорила Эбби. Ему бы побыть подольше. Дети не должны покидать дом раньше восемнадцати лет. (Девочки не уезжали даже в колледж.)

– Его у нас словно украли, – пожаловалась она Реду. – Забрали раньше срока.

– Ты так говоришь, как будто он умер, – укорил Ред.

– По моим ощущениям, так и есть, – горько обронила Эбби.

И действительно, даже находясь дома, Денни казался незнакомцем. Он и пах по-другому, уже не затхлым шкафом, а чем-то почти химическим, как новый ковер. И носил греческую бескозырку, которая у Эбби, чья молодость пришлась на шестидесятые, прочно ассоциировалась с молодым Бобом Диланом. С родителями Денни был вежлив, но холоден. Обижался, что они отослали его из дома? Но ведь он не оставил им выбора. Нет, наверное, причина крылась глубже, в самом раннем детстве.

– Вероятно, дело в том, что я плохо его защищала, – предположила Эбби.

– Защищала от чего? – удивился Ред.

– Ну... неважно...

– Не от *меня*, надеюсь?

- Твои слова.
 - Нет уж, Эбби, меня не приплетай.
 - Не буду.
- В такие моменты они друг друга ненавидели.

* * *

Затем Денни поступил в колледж Сент Эскил – воистину чудо, учитывая его сомнительное прошлое и тройки с минусом. Правда, и это мало что изменило. Для Уитшенков Денни оставался загадкой.

Даже пресловутый звонок ни на что не повлиял – они ведь ничегошеньки не обсудили. Не сели, не спросили: «Так ты гей или не гей? Объясни *толком*, больше мы ни о чем не просим».

Но события нарастали как снежный ком. Денни не сиделось на месте. После Рождества он по обратному билету вернулся в Миннесоту – надо полагать, к своей девушке. Пару месяцев проработал в магазине сантехники – если судить по тому, что прислал Джинни на день рождения бейсболку с надписью «Трубы и фурнитура Томпсона». Но в следующий раз весточка от него пришла уже из штата Мэн: Денни устроился чинить какую-то лодку; его уволили; он хотел вернуться в колледж, но, видно, не получилось.

По телефону он разговаривал особенно – до того жарко и живо, что родители почти верили: сыну *хочется* с ними общаться. Неделями он звонил каждое воскресенье, пока наконец Ред и Эбби не начинали ждать звонка, *рассчитывать* на него, но тут-то как раз Денни и пропадал на долгие месяцы, и связаться с ним не представлялось возможным. Какая-то аномалия: чтобы у такого мобильного человека не было мобильного телефона. Эбби к тому времени уже подписалась на услугу по определению номера, но что толку? На дисплее высвечивалось ВНЕ ЗОНЫ или АБОНЕНТ НЕИЗВЕСТЕН. Для Денни следовало бы завести специальную надпись: ПОЙМАЙ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ.

Он жил в Вермонте, но вскоре прислал открытку из Денвера. Потом стал компаньоном человека, разработавшего многообещающую компьютерную программу, однако их сотрудничество долго не продлилось. В любой работе Денни разочаровывался – как и в деловых партнерах, девушках и целых географических регионах.

В 1997 году он пригласил семью на свою свадьбу в нью-йоркский ресторан, где его будущая жена работала официанткой, а он – шеф-

поваром. Кем-кем? Это еще что за новости? Дома он только и умел, что разогреть консервированный чили «Хормель». На свадьбу, разумеется, поехали все – Ред, Эбби, Стем, девочки с мужьями. Целая толпа, намного больше, чем остальных гостей. Но их же позвали! Денни сказал, что надеется увидеть всех. Причем таким тоном, что ясно было: ему это жизненно необходимо. И они взяли напрокат минивэн, табором двинулись на север и заполнили собой крошечный ресторан, скорее, даже бар – захудалое местечко: шесть высоких табуретов у деревянной стойки и четыре круглых столика. В число приглашенных входили вторая официантка, владелец заведения и мать невесты. Сама невеста, Карла, была туго затянута в платье для беременных на тонких бретельках, едва прикрывавшее нижнее белье. Выглядела она явно старше Денни, двадцатидвухлетнего, слишком еще молодого, чтобы жениться. Ее жесткие крашенные волосы лежали на голове темно-коричневым шматком, напоминающим мертвое животное, глаза, голубые стеклянные бусины, смотрели сурово. Она казалась старше даже собственной матери, пухлой веселой блондинки в сарафане. Но Уитшенки старались держаться на высоте. Перед церемонией они светски общались с гостями, спрашивали у Карлы, где они с Денни познакомились, а у второй официантки – она ли будет подружкой невесты. Карла и Денни познакомились на работе. Подружки у невесты не предполагалось.

Денни вел себя вполне приемлемо – для Денни. На нем был приличный темный костюм и красный галстук, и он очень сердечно беседовал со всеми, переходя от одного человека к другому, но временами возвращался к Карле и стоял рядом, собственнически положив ладонь ей на поясницу. Карла держалась мило, но рассеянно, словно пыталась вспомнить, выключила дома конфорку или нет. У нее был нью-йоркский акцент.

Эбби поставила себе задачей лучше узнать мать невесты и, когда пришло время садиться за стол, присоседилась к ней, и они начали разговаривать, тихо, почти соприкасаясь головами, то и дело поглядывая на молодых. Остальные Уитшенки надеялись, что после, в своем кругу, узнают подоплеку этой странной истории. Ибо, в конце концов, что такое здесь происходит? Это брак по любви? Честно? И когда же должен родиться ребенок?

Роль священника, если можно так выразиться, исполнял курьер на велосипеде, получивший лицензию от Универсальной церкви жизни^[5]. Карла не раз отметила, что он сегодня «весь при параде», – но коли так, думали Уитшенки, страшно представить, каков он обыкновенно. Сейчас он

красовался в черной кожаной куртке – на дворе август! – и в сапогах с цепями до того тяжелыми, что они не позвякивали, а лязгали при ходьбе. И еще удивляла его черная козлиная бороденка. Впрочем, к своим обязанностям курьер отнесся серьезно: по очереди спросил жениха и невесту, обещают ли они любить друг друга и заботиться друг о друге, и, когда те ответили: «Обещаю», положил руки им на плечи и почти пропел: «Идите с миром, дети мои». Вторая официантка слабо и неуверенно выкрикнула: «Ура», Денни с Карлой поцеловались – долго и страстно, с облегчением увидели Уитшенки, – а владелец заведения вынес несколько бутылок игристого вина. Уитшенки потолкались там недолгое время, но вскоре почувствовали себя не у дел (Денни слишком увлекся другими гостями) и решили удалиться.

По дороге к минивэну всем стало интересно, что Эбби удалось разведать у матери Карлы.

– Да ничего особенного, – вздохнула Эбби.

Мать Карлы работает продавщицей в косметическом отделе. Отец «давно смылся». Карла уже была замужем, но «буквально полминуты». Эбби призналась, что долго ждала хоть какого-то упоминания о беременности, но не дождалась, а сама спрашивать не хотела. Лина – так звали мать – очень сетовала на внезапность свадьбы. Если б предупредили заранее, она бы успела подготовить подарок, а ее известили всего неделю назад. Эбби сразу полегчало: Уитшенкам сообщили примерно тогда же. Она-то переживала, что их одних специально держали в неведении. Но дальше Лину словно прорвало: Денни то, Денни се. Денни купил костюм в секонд-хенде, Денни одолжил галстук у начальника, Денни нашел им с Карлой симпатичную однокомнатную квартирку над корейским музыкальным магазином. В общем, Лина хорошо его знала. Уж точно лучше, чем Уитшенки знали Карлу. Ну почему, почему он всегда с такой готовностью меняет свою семью на чужую?

Домой Эбби возвращалась в унынии.

Почти три месяца после свадьбы от молодоженов не было ни слова, а затем Денни позвонил ночью и сообщил, что Карла родила. Судя по голосу, он ликовал.

– Девочка! Семь фунтов, мы назвали ее Сьюзен.

– Когда мы ее увидим? – спросила Эбби.

И он ответил:

– Чуть погодя.

В сущности, объяснимо. Но только когда слышишь это от Денни, поневоле задумаешься, сколько именно «погодя». Ведь первая внучка!

Эбби заявила Реду, что не вынесет, если ей не позволят участвовать в ее воспитании.

Однако, сюрприз-сюрприз, утром в День благодарения – праздник, которого Денни обычно избегал из-за переизбытка в доме «сирот», – он позвонил с известием, что они со Сьюзен садятся в поезд на Балтимор, и спросил, нельзя ли их встретить. И появился с дочкой в холщовом кенгурятнике, личико прижато к его груди. Малышка трех недель от роду! Даже меньше. Малюсенькая и ни на кого еще не похожая, разве что на сморщенный арахис. Семейство тем не менее не могло от нее отлипнуть. Все сошлись во мнении, что клочковатые черные волосики поистине уитшенковские, пытались разжать крохотный кулачок и посмотреть, длинные ли у нее пальцы. Потом, изнывая, ждали, когда девочка откроет глазки, чтобы узнать, какого они цвета. Эбби даже вытащила Сьюзен из кенгурятника, но та продолжала спать.

– Денни, а как получилось, – спросила Эбби, пристраивая малышку у себя на плече, – что ты приехал один?

– Я не один. Я со Сьюзен, – ответил он.

Эбби закатила глаза, и он снизошел до объяснения:

– Мать Карлы сломала запястье, и Карле пришлось везти ее в больницу.

– Ой, какая неприятность, – сказала Эбби, и остальные забормотали что-то сочувствующее. По крайней мере, Карла никуда не «смылась». – Тогда как же? Она что, сцедилась?

– Сцедилась?

– Она достаточно сцедила молока?

– Нет, мам, я привез смесь. – Он похлопал по розовой виниловой сумке под мышкой.

– Смесь, – повторила Эбби. – Но ведь тогда у нее убавится.

– Что убавится?

– Свое молоко. Если кормить ребенка смесью, молоко у матери пропадает.

– Но мы с самого начала кормим Сьюзен из бутылочки.

Эбби много читала о том, как быть хорошей бабушкой. Главное правило – ни во что не вмешиваться. Не критиковать, не давать советов. Поэтому она лишь произнесла:

– Ясно.

– А как ты хотела? – взвился Денни. – Карла целый день на работе. Не все могут себе позволить расслаживаться дома и развлекаться грудным кормлением.

– Я же молчу.

Раньше бывало, что визиты Денни ровно столько и длились: задашь лишний вопрос – и поминай как звали. Эбби, вероятно, вспомнила об этом, поскольку крепче прижала к себе ребенка.

– Ну неважно, – проговорила она. – Хорошо, что ты приехал.

– Хорошо, что я приехал, – эхом отозвался Денни, и все выдохнули с облегчением.

Видно, по дороге домой он что-то для себя решил. С ним стало очень легко, и он не придирался даже к сиротам. Когда Би Джей Отри в очередной раз раскаркалась вороной и разбудила ребенка, сказал только:

– Что же, люди, теперь можно разглядеть глазки Сьюзен.

Он и с глуховатым мистером Дейлом был крайне предупредителен, повторял все по нескольку раз без малейшего раздражения.

Аманда, беременная на седьмом месяце, приставала к нему с расспросами, как заботиться о младенцах, и он обстоятельно отвечал. (Колыбелька не нужна, сойдет и ящик комода; прогулочная коляска – тоже лишнее; высокий стульчик? Зачем?) Потом Денни вежливо побеседовал о делах «Уитшенк Констракшн» не только с отцом, но и с Джинни, которая теперь работала там плотником, и даже со Стемом. Спокойно кивая, выслушал его поминутный отчет о мелком недоразумении с заказчиком: «Представляешь, он требовал шкафы от пола до потолка, ну мы и выдрали перегородки, и тут-то он говорит: “Нет, постойте!”»

Эбби покормила девочку, подождала, пока та отрыгнет, сменила миниатюрный одноразовый подгузник, но воздержалась от замечания о запахе. У Сьюзен оказался пухлый подбородок, красиво вылепленные губы и серьезные синевато-серые глаза. Эбби передала внучку Реду, и он вначале картинно изобразил ужас и полнейшую беспомощность, но немного погодя все заметили, что он прижимается носом к ее пушистой голове и глубоко вдыхает детский запах.

Денни объявил, что не останется ночевать, но они нисколько не обиделись. Эбби упаковала остатки индейки для Карлы и ее матери, и Ред отвез Денни с ребенком на станцию.

– Ты уж не пропадай, – попросил Ред, когда сын вышел из машины, и услышал в ответ:

– Не пропаду, скоро увидимся.

Что он и раньше говорил много раз, но это никогда ничего не значило. Сейчас, однако, все изменилось. Может, подействовало отцовство. Может, он начал понимать, насколько важна семья. Так или иначе, он приехал на Рождество – на один день, но все-таки! – и привез с собой не только

Сьюзен, но и Карлу. Малышке исполнилось семь недель, и она сильно продвинулась в развитии – реагировала на окружающее, смотрела на того, кто с ней говорил, и кривовато улыбалась, обнаруживая на правой щеке ямочку. Карла вела себя вполне дружелюбно, но понравиться особо не старалась. Она была в джинсах и толстовке, и Эбби (которая как раз старалась, причем вовсю) решила не переодеваться к ужину, а осталась в джинсовой юбке. Предложила: – Карла, налить тебе вина? Хорошо, что ты не кормишь. Можешь пить что вздумается.

Ее дочери посмотрели друг на друга, округлив глаза: мама, как всегда, переигрывает! Но и сами из кожи вон лезли, лишь бы подольститься к Карле. Осыпали комплиментами буквально по любому поводу и даже похвалили татуировку на сгибе левой руки – имя ее собаки.

Позже семья признала, что визит прошел удачно. Денни, видимо, считал так же, поскольку привозил Сьюзен почти каждый месяц. (Без Карлы; он приезжал, когда та работала, подавала гамбургеры в закусочной. Они оба ушли из ресторана, но Денни больше повезло с графиком.) Сьюзен научилась сидеть, есть твердую пищу, ползать. Денни иногда оставался на ночь. Спал у себя в комнате, а переносную колыбельку, которую Эбби сохранила от собственных детей, ставил возле кровати. Тогда уже у Аманды родилась Элиза, и Уитшенкам нравилось представлять, как две девочки вырастут вместе и станут лучшими подругами на всю жизнь.

Но потом Денни обиделся на отца. Стояло лето, и они обсуждали предстоящую поездку на море. Денни сказал, что он со Сьюзен может поехать, но Карле надо работать. Ред спросил:

– А тебе почему не надо работать?

– Не надо, и все.

– А Карле, значит, надо?

– Да.

– Нет, я ничего не понимаю. Карла ведь мать, так?

– И что?

При этом присутствовали Эбби и Джинни, и обе сразу напряглись. И одинаково посмотрели на Реда: осторожно! Ред, видимо, не заметил и осведомился:

– У тебя вообще *есть* работа?

– А тебя это что, касается?

Ред умолк, хотя ему явно стоило труда сдержаться. Казалось, инцидент исчерпан. Но когда Эбби попросила помочь достать колыбельку, Денни сказал, что не нужно, он не собирается ночевать. Разговаривал он, впрочем, любезно и уехал, не устраивая сцен.

Прошло три года, прежде чем он объявился вновь.

Первые несколько месяцев они ничего не предпринимали. Вот как боялись его тревожить, вот как он запугал их своими молчанками! Но на день рождения Сьюзен Эбби все-таки позвонила ему по номеру, который записала, когда тот впервые высветился на определителе. (Родители людей вроде Денни быстро становятся детективами.) Ред с незаинтересованным видом слонялся вокруг. Однако Эбби ответил механический голос, сообщивший, что данный номер не обслуживается.

– Видимо, переехали, – решила она. – Но это, наверное, *хорошо*, как думаешь? Значит, нашли квартиру побольше, с отдельной комнатой для Сьюзен.

Увы, ей ничего не удалось узнать в справочной о новом местожительстве Денниса Уитшенка.

– А Карла Уитшенк? – спросила Эбби, нервно глянув на Реда, – ведь, в конце концов, вовсе не исключалось, что Денни и Карла разошлись. Потом повесила трубку и проговорила: – Придется ждать, пока он сам позвонит.

Ред кивнул и побрел в другую комнату.

Прошли месяцы. Годы. Сьюзен, очевидно, выучилась ходить и заговорила. Волшебный период, когда дети стремительно, по экспоненте, овладевают родным языком, впитывают его как губка, – Уитшенки его весь пропустили. Конечно, у них были еще две внучки – Джинни родила Деб вслед за последним визитом Денни, – но от этого казалось только тяжелее смотреть, как развиваются эти девочки, и не видеть, как растет Сьюзен.

Затем случилось 11 сентября, и Эбби обезумела от беспокойства. То есть, конечно, вся семья переживала. Но что Денни делать в Международном торговом центре? Нечего, говорили они себе, поэтому с ним все в порядке. Да-да, соглашалась Эбби без всякого убеждения. Два дня она без конца смотрела телевизор, даже когда остальных начало уже воротить от вида вновь и вновь падающих башен, и одну за другой выдумывала причины, по которым Денни мог оказаться на месте катастрофы. С ним разве угадаешь, столько работ поменял. Или вдруг мимо проходил. Эбби поверила, что чувствует: ее мальчик в беде. Что-то не так, объявила она. Надо звонить Лине.

– Кому? – не понял Ред.

– Матери Карлы. Как ее фамилия?

– Не знаю.

– *Наверняка* знаешь, – настаивала Эбби. – Вспоминай.

– Милая, нам не называли ее фамилии.

Эбби принялась расхаживать. Супруги находились в спальне, и она, по

обыкновенно, протаптывала персидскую дорожку, слегка путаясь в ночной рубашке.

– Лина Аббот, Адамс, Армстронг, – бормотала. – Лина Бепкок, Беннетт, Браун. (Алфавит иногда ей помогал.) Нас точно представляли друг другу, – вспомнила она. – Денни представлял. Он должен был назвать фамилию.

– Насколько я знаю Денни, вряд ли, – ответил Ред. – Вообще сомневаюсь, что он нас знакомил. Но если и так, то, скорее всего, просто сказал: «Лина, вот мои предки».

Да, трудно поспорить. Эбби опять зашагала.

Потом выдала:

– Официантка. Вторая.

– Вот уж представления не имею, как ее звали.

– Я тоже, но помню, что она обратилась к Лине «миссис как-то там». Я еще подумала, что бедняжка, видно, очень застенчива, раз не в состоянии назвать Лину по имени. Это в наши-то дни.

Она остановилась, затем направилась к своей стороне кровати.

– Ладно, само вернется. – Эбби гордилась собственной феноменальной памятью, но та иногда функционировала с задержкой. – Всплывет, если не напрягаться.

Она легла, разгладила одеяло и демонстративно закрыла глаза, поэтому Ред тоже лег и выключил лампу.

Среди ночи она толкнула его в плечо и провозгласила:

– Карлуччи.

– А?

– Я прямо слышу, как официантка говорит: «Миссис Карлуччи, налить вам еще?» Как я могла забыть! Карла Карлуччи: аллитерация. Даже не просто аллитерация, а что-то еще шибче, только не знаю, как называется. Вот взяла и вспомнила, когда встала в туалет.

– Угу. Хорошо. – Ред лег на спину.

– Я позвоню в справочную.

– Сейчас? – Он, сощурившись, всмотрелся в радио с часами. – Половина третьего! Нельзя ее тревожить.

– Нет, но можно пока узнать номер, – объяснила Эбби.

Ред снова заснул.

Утром жена сообщила ему, что на Манхэттене живут трое Л. Карлуччи и она всех намерена обзвонить. Начать решила в семь. Было шесть с хвостиком, Уитшенки просыпались рано.

– Некоторые в семь еще дрыхнут, – заметил Ред.

– Может быть, – ответила Эбби. – Но фактически уже утро.

– Тогда давай.

Ред отправился вниз и сварил кофе, хотя обычно в это время уезжал на работу и по дороге заскакивал в «Данкин Донате».

Без пяти семь Эбби набрала первый номер.

– Доброе утро, могу я поговорить с Линой? – А затем: – Ой, простите, я, видимо, ошиблась.

Позвонила по второму номеру.

– Алло, Лина? – Кратчайшая пауза. – Да, простите, я знаю, что еще очень рано, но...

Эбби поморщилась. И набрала следующий номер.

– Алло, Лина? – Она села прямее. – Здравствуйте, это Эбби Уитшенк из Балтимора, надеюсь, не разбудила. – Выслушала ответ и продолжила: – Да-да, хорошо вас понимаю. Часто говорю Реду: «Прямо не знаю, зачем вообще ложусь, если все равно не сплю». Возраст, видимо, как считаете? Или стресс из-за нашей безумной жизни? Кстати говоря, Лина, хотела спросить: Карла, Денни и Сьюзен в порядке? Я имею в виду, после прошлого вторника.

Это еще называлось «прошлым вторником». Лишь со следующей недели начнут говорить «одиннадцатое сентября».

– Ах, вот как, – выслушав, промолвила Эбби. – Понятно. Ну, это уже кое-что! Успокаивает. Да, конечно, я понимаю, что вы не... Что же, спасибо большое, Лина, и пожалуйста, поцелуйте от меня Карлу и Сьюзен. Хмм? Да, у нас у всех все хорошо, спасибо. В общем, благодарю вас! До свидания!

Она повесила трубку и доложила:

– У Карлы и Сьюзен все нормально. И у Денни, как она *думает*, тоже. Но точно не знает, потому что он переехал в Нью-Джерси.

– В Нью-Джерси? Куда в Нью-Джерси?

– Она не в курсе. И у нее нет его телефона.

Ред сказал:

– У Карлы должен быть. Ведь у них же Сьюзен. Что ж ты не попросила номер Карлы?

– А смысл? – бросила Эбби. – Теперь понятно, что у башен его не было. Разве этого не достаточно? И я, если честно, об заклад готова биться, что и Карла понятия не имеет, как с ним связаться.

Она начала загружать посудомоечную машину, а Ред стоял и смотрел на нее разинув рот.

Итак, Нью-Джерси. И очередные разорванные отношения. С двумя людьми – если Денни перестанет заниматься Сьюзен. Ред считал, что,

разумеется, не перестанет, они своими глазами видели, какой он заботливый отец. Эбби возражала: это ничего не значит. Возможно, Сьюзен – лишь очередное недолгое увлечение, вроде того недоношенного компьютерного проекта.

Казалось, она сама не своя. Эбби всегда свято верила в то, что люди способны меняться к лучшему, чем временами просто бесила родных. Но сейчас она словно махнула на Денни рукой. Передавая новость о нем Аманде и Джинни, она говорила в трубку бесцветным и равнодушным голосом и попросила Реда самого сказать Стему, когда тот вернется с работы.

– Сразу же, – с фальшивой бодростью пообещал Ред. – Он наконец успокоится.

– Не знаю, что было волноваться, – буркнула Эбби. – По-настоящему опасность Денни не грозила.

На следующее утро, в субботу, к ним неожиданно заехала Аманда. Она стала адвокатом; их самый практичный, деловой, боевой ребенок.

– Где телефон этой самой Лины? – осведомилась она.

Эбби сняла листочек с дверцы холодильника и протянула дочери. Аманда села за кухонный стол, взяла трубку и набрала номер.

– Алло, Лина? Это Аманда, сестра Денни. Не могли бы вы дать мне телефон Карлы, пожалуйста? – На том конце провода, видимо, запротестовали, потому что Аманда сказала: – Поверьте, я не собираюсь ее огорчать. Мне просто нужно найти моего негодяя братца.

И это, похоже, подействовало; Аманда свободной рукой выудила из сумочки блокнотик с прикрепленной к нему крошечной золотой ручкой.

– Да. – Она записала номер. – Спасибо большое. До свидания.

И принялась звонить Карле.

– Занято, – сообщила она родителям.

Эбби застонала, но Аманда успокоила:

– *Понятно*, что занято: мать звонит ее предупредить.

Она побарабанила пальцами по столу и еще раз набрала номер.

– Привет, Карла. Это Аманда. Как дела?

Ответ, хоть и короткий, явно не отличался любезностью.

– Отлично, – несколько раздраженно бросила Аманда. – Так как мне позвонить брату? Хочу высказать ему все, что о нем думаю.

Пока она записывала, Ред и Эбби, подавшись вперед и затаив дыхание, неотрывно смотрели на блокнот.

– Спасибо. Пока. – Аманда повесила трубку.

Эбби уже тянулась к блокноту, но Аманда отобрала его:

– Я позвоню. – И в очередной раз набрала номер. – Денни, – размеренным тоном произнесла она. – Это Аманда.

Родители не слышали, что он говорит.

– Когда-нибудь, – продолжала Аманда, – когда тебе будет уже за сорок, ты вдруг задумаешься о своей жизни, и тебе станет интересно: а что же там происходит с моей семьей? Ты прыгнешь в поезд, приедешь в Балтимор, выйдешь на Пенн-стейшн. Будет, знаешь, такой тихий-тихий летний вечер, когда на вокзале солнце косо падает через стеклянную крышу и в лучах хорошо видны пылинки. Ты пройдешь здание насквозь и очутишься на улице. Тебя никто не ждет, но это ничего, никто же не знал, что ты появишься. И все-таки тебе будет странно стоять там одному, когда другие пассажиры обнимают тех, кто их встретил, рассаживаются по машинам и уезжают. Ты подойдешь к остановке такси, дашь водителю адрес. Поедешь по городу. Кругом знакомые места – дома с террасами, брэдфордские грушевые деревья, на крылечках женщины, которые следят за играющими детьми. Такси свернет на Боутон-роуд, и тебя охватит невероятно странное чувство. Что это с нашим домом? Повсюду признаки запустения. Разве у папы такое возможно – облупившаяся краска, жалюзи с выпавшими планками? Дорожка залатана цементом другого цвета, на ступеньках крыльца резиновое покрытие – такая жалкая самодельщина, убогий аккуратизм, которого папа на дух не выносит. Ты возьмешься за ручку двери и так, знаешь, потянешь ее на себя, прежде чем открыть шпингалет, но дом окажется заперт. Ты позвонишь в звонок – а тот не работает. Ты закричишь: «Мама! Папа!» – но никто не ответит. Ты: «Эй!» – а никто не бежит, не распахивает дверь, не восклицает: «Это ты! Как мы рады! Почему ты не предупредил? Мы бы встретили тебя на вокзале! Ты устал? Ты голодный? Заходи!» И вот ты стоишь и не понимаешь, что делать дальше. Повернешься, выйдешь обратно на улицу, вспомнишь, что у тебя есть еще родные. «Может быть, к Джинни? – скажешь ты себе. – Или к Аманде?» Но только знаешь что, Денни? *На меня* не рассчитывай, я тебя не приму, потому что я зла на тебя. Зла за всю ту веселенькую жизнь, что ты нам устраивал, не последние несколько лет, а вообще всегда. Когда не являлся на каникулы, не ездил с нами на море, пропустил тридцатую годовщину свадьбы родителей и тридцать пятую тоже, и не видел ребенка Джинни, и не приехал ко мне на свадьбу, даже открытки не прислал, не позвонил пожелать счастья. Но самое главное, Денни, *самое главное*: я никогда не прощу тебе того, что ты забрал родительское внимание все до последней капли и ничего не оставил никому из нас.

Аманда замолчала. Денни что-то сказал.

– Ну, – ответила она, – я нормально. А ты что поддельывал?

* * *

И Денни приехал домой.

В первый раз – один. Эбби расстроилась, что он не привез Сьюзен, но Ред был доволен.

Денни хочет, чтобы этот приезд отличался от последних, – так он считал. Хочет заново навести мосты. Не считает, что можно взять и вернуться, как будто ничего не случилось.

Пожалуй, правда. Он вел себя иначе – осторожнее, внимательнее к чувствам родителей. Заметил все незначительные усовершенствования в доме. Одобрил новую прическу Эбби. (Она начала стричься коротко.) Что до него самого, то его подбородок, прежде мальчишески острый, чуточку округлился, а походка сделалась размеренней. Если Эбби спрашивала о чем-то – хотя она всячески сдерживалась и дозировала вопросы, – Денни старался дать более или менее подробный ответ. Он не стал разговорчив, нет, но все-таки *отвечал*.

У Сьюзен дела прекрасно, заверил он. Она ходит в детский сад. И да, конечно, он привезет ее показать. Карла тоже в полном порядке, но они уже не вместе. Работа? Ну, сейчас он работает в одной строительной компании.

– В строительной! – воскликнула Эбби. – Ты слышишь, Ред? Он работает в строительной компании!

Ред что-то буркнул. Он не слишком обрадовался, не так, как мог бы.

Ни от кого не ускользнуло, что рассказ Денни изобилует белыми пятнами. Как часто он видит свою дочь? А насчет Карлы – что значит «уже не вместе»? Они развелись? И где он, собственно, теперь живет? Он выбрал строительство своей профессией? То есть бросил колледж? Или нет?

Затем явилась Джинни с маленькой Деб. Ред и Эбби оставили детей одних и впоследствии узнали от дочери больше. Денни *много* общается со Сьюзен, отпрапортовала Джинни, он активно участвует в жизни ребенка. На развод пока нет денег. Он делит дом с какими-то двумя парнями, но те начинают его доставать. И разумеется, он окончит колледж. Когда-нибудь непременно.

И все же информации, как обычно, не хватало. Казалось, есть что-то еще, и, если *это* удастся выведать, они наконец-то узнают, что Денни за человек.

В тот раз он гостил полтора дня. И уехал, но – вот что важно – оставил номер своего мобильного. Оказывается, номер, по которому они раньше звонили, это его мобильный! Совсем другое дело! Отлично.

Они стратегически выждали несколько недель, а потом Эбби позвонила сыну (Ред висел у нее за спиной) и пригласила на Рождество вместе со Сьюзен. Денни сказал, что Карла ни за что не отпустит Сьюзен на само Рождество, но после – вполне может быть.

Ред и Эбби прекрасно знали эти его «может быть».

Но он таки привез дочку. Рождество в том году приходилось на вторник, а они приехали в среду и остались до пятницы. Четырехлетняя Сьюзен была спокойным ребенком с шапкой каштановых кудрей и очень большими, очень карими глазами. Эти глаза всех, можно сказать, шокировали. Совершенно не уитшенковские глаза! И одета она совсем не так, как дети Уитшенков, – во что-нибудь для игры, что не жалко пачкать. Сьюзен появилась в красном бархатном платье, белых колготках и красных туфельках с ремешками. Что же, по случаю Рождества, надо полагать. Однако следующим утром девочка спустилась к завтраку в белой блузке с оборками и красном в клетку сарафане из тафты, чуть ли не карнавальном. Джинни объявила, что сочувствует Денни: бедняге пришлось застегивать все эти крошечные белые пуговики на спинке!

«Ты помнишь нас? – спросили у девочки. – Помнишь, как гостила здесь совсем еще крошкой?» Сьюзен медленно проговорила: «Кажется, да», что, конечно, не могло быть правдой. Но как мило, что она хотя бы притворилась!

– У вас была другая собака? – поинтересовалась Сьюзен.

– Нет-нет, эта же самая.

– Я думала, у вас *светлая* собака, – сказала она, и все обменялись расстроенными взглядами. О ком это она? У кого это светлая собака? Причем, наверное, в отличие от Клэренса, не слюнявая и без артрита?

Двоюродные сестры очаровали Сьюзен. Ага! Вот она, приманка дома Уитшенков – девочка-фея Элиза и маленькая хулиганка Деб. Сьюзен, судя по всему, не учили играть в карты, но вскоре она уже пристрастилась к «ловле рыбки». А еще неожиданно выяснилось, что она умеет читать. Уитшенки удивились, что у Карлы такой развитый ребенок, но, возможно, это заслуга Денни? Девочке нравилось сидеть, прижавшись к Эбби, и, глядя в книжку «Прыг да скок»^[6], старательно произносить слово за словом. Осилив страницу, она всякий раз громко и довольно вздыхала.

К отъезду она совсем перестала дичиться. На вокзале стояла, держа Денни за руку, отчаянно махала и кричала: «Пока! Пока! До встречи! Скоро

увидимся! Пока! Пока!»

И Денни привез ее опять. И опять. Ей отвели комнату – бывшую спальню дочерей Уитшенков. Она пила какао из кружки с надписью СЬЮЗЕН, а когда приходило время накрывать на стол, знала, где искать тарелку с алфавитом, некогда принадлежавшую Денни. Он же сидел и благостно за этим наблюдал. Он был самый сговорчивый папа на свете. Похоже, Сьюзен умела сгладить все его острые углы.

В 2002-м, вскоре после того как у Джинни родился Александр, Денни приехал побыть с Джинни и присмотреть за ее детьми. Всем это показалось странным. Эбби уже выполняла обычные бабушкины обязательства: взяв на работе отпуск, сидела с Деб, пока Джинни находилась в больнице, и потом частенько заезжала помочь со стиркой и другими делами. И тут вдруг как снег на голову свалился Денни и остался у Джинни и Хью на целых три недели. Спал на раскладном диване, каждый день после обеда брал коляску и возил Деб на детскую площадку, готовил еду, встречал Эбби в дверях с подгузником, переброшенным через плечо, и младенцем на руках.

Позже выяснилось, что на Джинни тогда напало нечто вроде послеродовой депрессии. И что же, она позвонила Денни и попросила приехать за ней поухаживать? Попросила брата, а не мать? Эбби как могла постаралась разведать ситуацию, расспросила Джинни самым что ни на есть нейтральным, ни капельки не обиженным тоном. Та ответила, что да, она действительно ему звонила, так просто, поговорить. Но он, видно, что-то такое понял по ее голосу – естественно, понял, ведь Джинни, к ее стыду, разревелась – и сказал, что приедет следующим же поездом.

Очень трогательно – и одновременно печально. Неужели Джинни побоялась позвонить родной матери?

– У тебя же работа, – объяснила Джинни.

А у Денни, можно подумать, нет.

Впрочем, кто знает? Может, и правда нет.

Ред считал, что они должны быть благодарны Денни за помощь.

Эбби рассеянно пробормотала:

– Да, да, конечно.

Понемногу все вошло в норму. Денни так и не научился регулярно звонить и приезжать, но это свойственно миллионам других сыновей. Главное, он не пропадал, и у семьи был если не его адрес, то хотя бы телефон.

Поразительно, говорила Эбби Реду, что мы готовы довольствоваться

какими-то крохами.

– Ты мог себе такое представить? Иногда я не думаю о нем несколько дней кряду. Это же неестественно!

Но Ред ответил:

– *Очень даже* естественно. Кошка тоже успокаивается, когда котята вырастают. В тебе заговорил здравый смысл.

– Вообще-то мы все-таки люди! – возмутилась Эбби.

По крайней мере, они могли не бояться, что он переедет куда-то далеко от Нью-Йорка. До тех пор, во всяком случае, пока там живет Сьюзен. Хотя иногда Денни путешествовал – на день рождения Александра, например, прислал открытку из Сан-Франциско. А в другой раз меньше пробыл с ними на Рождество, поскольку собрался в Канаду со своей девушкой. В первый раз он упомянул о девушке – и в последний. Сьюзен в том году гостила одна. Уже большая девочка – семь лет, но выглядела еще старше. Голова для тела казалась великовата, а лицо удивляло взрослой красотой: огромные усталые карие глаза, губы полные, мягкие, сложной лепки. Она, по видимости, нисколько не скучала по дому и отца, приехавшего за ней, встретила спокойно.

– Как Канада? – осмелилась спросить Эбби.

Он ответил:

– Весьма неплохо.

Было очень трудно понять, что происходит в его личной жизни.

И чем он занимается – тоже. Одно время они знали: установкой звуковых систем, потому что он предложил свои услуги Хью, мужу Джинни, когда тот прокладывал провода в кабинете. Но потом Денни появился в толстовке с капюшоном и нашивкой на кармане «Компьютер Клиник» и по просьбе Эбби без особых усилий починил ее закапризничавший «Макинтош». Однако у него всегда находилось время приехать и гостить сколько хочется. Разве такое возможно при нормальном офисном графике? Взять хотя бы свадьбу Стема – Денни, выбранный шафером, оставался у них целую неделю. Эбби радовалась – она переживала, что ее мальчики не слишком дружны, – но без конца спрашивала, не будет ли у него проблем на работе.

– На работе? – переспросил он. – Нет.

Однажды, ничего не объясняя, он просидел у родителей целый месяц. Они подозревали, что у него какой-то кризис в личной жизни: выглядел он очень устало и нездорово. Тогда они впервые заметили легкие морщинки в уголках его глаз, волосы сзади неряшливо падали на воротник. Но он не объяснял, что с ним происходит, и даже Джинни не решилась спросить. Он

словно бы выдрессировал наконец свое семейство, все они сделались загадочными молчунами почти под стать самому Денни.

Иногда вдруг их захлестывала обида. Почему они ходят вокруг него на цыпочках? Почему им приходится что-то сочинять в ответ на вопросы соседей? «А-а, Денни, – говорила Эбби. – У него все в порядке, спасибо. Просто замечательно! Он сейчас работает в.... Ой, я точно не помню, как называется, но, так или иначе, у него все отлично!»

Одно он им неизменно обеспечивал, на одно они всегда могли рассчитывать: он пропадал, и на его месте возникала зияющая дыра. В то лето, когда впервые не поехал с ними на море, например. Когда заявил, что он голубой; они тогда знать не знали, что он не едет, ждали, что вот-вот позвонит и сообщит, в какой день к ним присоединится. А потом стало ясно, что его не будет, и всех точно бетонной плитой придавило. Они приехали в коттедж, который всегда арендовали. Распаковали еду. Постелили постели. И начали, как обычно, ходить на пляж, но не переставали ждать. Вечерний ветерок хлопывал сетчатую дверь – они с надеждой поднимали головы от пазла. Видели, что кто-то плывет в бурунах, приближаясь, особым кролем, характерным для Денни, – и на полуслове обрывали разговор. А в середине недели... о, это было самое странное. Посреди недели ближе к вечеру Эбби и девочки сидели на застекленной веранде и чистили кукурузу, но вдруг слышали, что где-то играет концерт Моцарта № 1 для валторны с оркестром. Они посмотрели друг на друга, встали со стульев, бросились через дом к входной двери... и поняли, что музыка доносится из автомобиля, припаркованного на другой стороне улицы. Кто-то сидел за рулем, открыв окна (но наверняка все равно там зажарился!), и радио у него орало во всю мощь. Мужчина в спортивной майке, а Денни такую не надел бы под страхом смерти. Грузный дядя, если судить по руке, выставленной из окна, куда крупнее, чем Денни мог бы стать, даже если со дня последней встречи с родными только ел бы да ел. И все-таки вы же знаете, как оно бывает, когда скучаешь по любимому человеку. Он видится вам повсюду; вы ловите обрывок знакомой мелодии и уже готовы поверить, что ваш любимый человек стал по-другому одеваться, поправился на целую тонну, купил машину и припарковал ее перед чужим домом. «Это он! – восклицаете вы. – Приехал! Мы знали, что он приедет, мы всегда...»

Но потом вы слышите, как жалко это звучит, и слова ваши повисают в воздухе, и сердце ваше разбивается на куски.

В семье из поколения в поколение передавались две истории. Они считались наиболее характерными – судьбоносными, по сути, – и все, включая трехлетнего сына Стема, слышали их тысячу раз. Эти две истории Уитшенки рассказывали, пересказывали, расцвечивали подробностями, обсуждали все с новых и новых точек зрения.

Первая касалась старейшего из известных им предков – Джуниора Уитшенка, плотника, что во времена оны был в Балтиморе нарасхват благодаря своему великому мастерству и чувству прекрасного.

Странно называть патриарха Джуниор^[7], но на то существовало вполне логичное объяснение. По-настоящему его звали Джарвис Рой, что сначала сократилось до Дж. Е, а затем вновь, наподобие аккордеона, расплзлось до Джуниора. Настоящее имя свекра выяснила его же собственная невестка, когда подумывала присоединить к имени первенца, если тот окажется мальчиком, римскую цифру III. Однако еще удивительнее другое: Джуниор был не какой-то далекий прапрадед, а всего лишь отец Реда Уитшенка. К тому же никто понятия не имел, где он обретался до 1926 года. Генеалогическое древо у них получалось до ужаса низкорослое.

Откуда Джуниор появился, доподлинно неизвестно. По общему смутному ощущению, откуда-то с Аппалачей. Может, он об этом упоминал. А может, догадка основывалась на его акценте. Если верить Эбби, которая еще девочкой его знала, он говорил как южанин, в нос, тонким металлическим голосом, хотя в какой-то момент, похоже, решил, что повысит свой социальный статус, если будет произносить букву «i» на северный лад. Четкие острые «ай» протыкали его тягучую деревенскую речь шипами – опять же, по словам Эбби, видно не одобрявшей эту его манеру.

Фотографий Джуниора сохранилось немного. С них смотрел человек с лицом, пожалуй, чересчур худым – в те времена о нем не постеснялись бы сказать «белая шваль». Истинный Уитшенк, он и после шестидесяти был черноволос, очень белокож и характерно поджар; голубые глаза казались вечно прищуренными. Эбби утверждала, что он всегда носил строгий темный костюм, но Ред возражал: ничего подобного, костюмы появились позже, когда Джуниор сам уже не работал, а лишь объезжал строительные объекты с проверками. В детских воспоминаниях Реда отец фигурировал только и исключительно в комбинезоне.

Так или иначе, попав в Балтимор, Джуниор нанялся на работу к строительному подрядчику Клайду Л. Уорду. Об этом свидетельствует напечатанное на машинке письмо, найденное среди бумаг Джуниора после его смерти; письмо извещает «всех, кого это касается» о том, что Дж. Р. Уитшенк трудился под началом мистера Уорда с июня 1926 года по январь 1930-го и проявил себя умелым и талантливым плотником. Впрочем, он, очевидно, обладал и другими редкими качествами, поскольку уже в 1934 году в «Балтимор пост» появляется прямоугольничек с рекламой услуг компании «Уитшенк Констракшн» – «Качество и Порядочность».

Не лучший, видит бог, период для начала собственного дела, но Джуниор процветает: вначале реконструирует, а после строит с нуля роскошные дома в окрестностях Гилфорда, Роланд-парка и Хоумленда. Приобретает пикап «Форд модель Б», на дверях которого с обеих сторон красуются переплетенные буквы УКК и под ними телефонный номер. Ни названия компании, ни чем она занимается – кому нужно, знают и так. В 1934-м у Джуниора восемь служащих, в 1935-м – двадцать.

А в 1936-м он влюбился в дом.

Нет, вероятно, прежде он все-таки влюбился в свою жену, ведь к тому времени он женат. Когда-то до этого он успел жениться на Линии Мэй Инман.

Но только о Линии у него редко находилось что сказать, зато о доме на Боутон-роуд он говорил много, буквально *запоем*.

Дом вошел в его жизнь еще чертежом. Они с мистером Эрнестом Бриллом, владельцем балтиморской ткацкой фабрики, договорились встретиться у земельного участка и стояли там, и мистер Брилл развернул калечный рулон. Джуниор посмотрел на участок (мириады птиц, тюльпанные деревья^[8], россыпи белого кизила), потом на эскизы дощатого дома с необъятным крыльцом-верандой, и в голове его как-то само по себе выскочило: «Да это же *мой* дом!»

Вслух он, конечно, ничего такого не сказал. Вслух он сказал: «М-м-м» и «Понятно». Взял у мистера Брилла чертежи, изучил фасад. Полистал поэтажные планы. Протянул:

– М-м-м.

– Как вам? – осведомился мистер Брилл.

Джуниор откликнулся:

– Ну...

Это не был величественный особняк, о каком должен бы мечтать человек вроде Джуниора. Нет, скорее, это следовало назвать *семейным гнездом*. Такой дом нередко служит картинкой для пазла на тысячу

элементов; удобное, незатейливое жилье, которое трудно представить без звездно-полосатого флага, развевающегося перед входом, и без лимонадной стойки у бордюра^[9]. Высокие подъемные окна, дымоход, обложенный плитняком, над дверью раскрытым веером арочное окошко. Но главное – крыльцо: изумительное, во всю длину фасада крыльцо. Веранда, в сущности.

– Оно меня поразило в самое сердце, – говорил потом Джуниор. – Вот не знаю, поразило, и все тут.

И он объявил мистеру Брилли:

– Пожалуй, я за это возьмусь.

«Почему же не построить точно такой же дом себе?» – часто спрашивали дети Реда. Скопировать чертежи да и построить? Ред отвечал, что не может объяснить. Потом предположил, что дело, вероятно, в участке. Боутон-роуд – элитная территория, к 1936 году там почти все уже раскупили. Кондиционеров по тем временам еще не было, и окна домов в Балтиморе с мая по октябрь закрывали маркизами до самого подоконника, но тюльпанные деревья затеняют не хуже. Кроме того, на таком участке дом просто обязан стоять наверху пологого длинного холма: как иначе показать его во всей красе?

В общем, Джуниор построил дом мистеру Брилли.

Это стало его лучшим в жизни творением. Он придирчиво осматривал каждую полочку в кладовке и каждую ручку всех без исключения шкафов. Отклонял любые пожелания заказчика, если считал, что они экономят время в ущерб качеству или попросту безвкусны. Ибо репутацию Джуниор себе создал именно благодаря хорошему вкусу. Откуда у него это взялось, неизвестно, но его нюх на все претенциозное поистине потрясал. Колонны в два этажа – нет уж, увольте! И никаких шикарных подъездов – они для тех, кто раскатывает в лимузинах с шоферами! Когда мистер Брилл робко спросил, нельзя ли устроить перед домом «каретную» дорогу в форме подковы, Джуниор взорвался.

– Каретную? – вскричал он. – Зачем еще, черт побери? У вас всего лишь «Крайслер Эйрфлоу», а не шестерка лошадей!

Так, во всяком случае, диалог звучал в его пересказе. Он вполне мог преувеличить собственную дерзость.

Дальше он начал фантазировать и долго, с любовью, в деталях рассказывал, как к дому будут съезжаться гости. Дорога для машин, говорил он, должна подходить сбоку, она для семейного пользования. Гости пускай паркуются на улице. Представьте: они выходят из автомобилей, поднимают головы, видят это роскошное крыльцо, идут по дорожке,

вымощенной плиткой, а хозяева ждут их на ступенях. Да, и кстати! Крыльцо должно быть деревянное. Только так. Считается, что доски прогибаются, трескаются, но, если правильно заботиться, нет ничего прекраснее широких ступеней мореного дерева (в морилку надо вмешать немного мелкого песка, чтобы не скользили) и деревянного и крепкого, как корабельная палуба, пола. Это, конечно, потребует усилий, денег и тщания, но такое крыльцо говорит само за себя.

Полностью согласен, отвечал мистер Брилл.

Джуниор строил дом почти год; он привлек всех своих рабочих и еще нескольких со стороны. Затем Бриллы вступили во владение, а Джуниор погрузился в траур. Обычно болтливый – заказчики старались не встречаться с ним, если спешили по делам, – он погрузился в молчание, затосковал, мало интересовался новыми объектами. Он сам об этом рассказывал годы спустя, а вот его жена откровенничать не любила.

– Я не мог пережить, – признавался Джуниор, – что кто-то поселился в моем доме.

К счастью, Бриллы оказались людьми безрукими. Едва ударили морозы, они позвонили Джуниору и пожаловались, что не работает отопление. Джуниор поехал сливать воду из радиаторов. Он мог бы научить их самих это делать, но не стал. Ходил из комнаты в комнату со специальным ключом, а закончив, спрятал его в карман и сказал Бриллам:

– Если что, звоните.

И вскоре уже заходил к ним практически еженедельно. Для окон – громадных – требовались особые противомоскитные сетки и зимние ставни с хитроумным креплением, Джуниор каждую весну и осень руководил их снятием и установкой. Как шафер, который влюблен в невесту и крутится вокруг нее, хотя свадьба давно позади, он изобретал предлоги, чтобы на минуточку заскочить. Завозил начатую баночку краски или неиспользованный кафель, перепроверял замок, который смазывал всего неделю назад. Появлялся в любое время и, если дома никого не оказывалось, открывал дверь своим ключом. А когда замечал неполадки – щербинку в штукатурке или еле заметную трещинку в раковине, – то впадал в чудовищное беспокойство. Он вел себя так, будто пустил в собственный дом жильцов, которые не следят за порядком.

Одно из первых воспоминаний Реда в возрасте примерно трех лет – он вылезает из грузовика отца, а миссис Брилл ждет их на заднем крыльце, придерживая на плечах кардиган.

– Главное, Джуниор, не уходи сразу, если ее не услышишь! – истерически завопила она. – Она же, наверное, затаится, едва ты зайдешь.

На чердак тогда залезла белка, это Ред помнил.

– Паникерша была, жуть, – говорил он. – Считала, что все зверьки только за ней и охотятся, и всюду-то у нее пахло дымом, и еще она до смерти боялась, что к ней залезут. Залезут! На Боутон-роуд!

Но – самое страшное ее прегрешение – она так и не полюбила дом. Жаловалась, что он слишком далеко от центра, и скучала по старой квартире, откуда до ее женского клуба рукой подать. Правда, и на Роланд-авеню имелся женский клуб, но это, сами понимаете, абсолютно не то.

Хуже того, мистер Брилл часто уезжал, выражаясь словами Джуниора, по «делам-делишкам» и оставлял миссис Брилл без всякой помощи, не считая, конечно, двух их испорченных мальчишек (Джуниор неизменно называл сыновей Бриллов испорченными, хотя ни разу толком не объяснил почему). Они еще подростками весили каждый едва ли не больше Джуниора, но именно ему, заслышав шум в подвале, звонила миссис Брилл.

Ред практически не сомневался, что Джуниору не платили за труды. Бриллы принимали его услуги как должное. Они обращались к нему по имени, а сами оставались «мистер» и «миссис». И в Рождество миссис Брилл удостаивала его визитом наряду со своим дворовым мальчишкой и девчонкой-уборщицей. Стояла на пороге в пушистой шубе, с корзиной магазинных консервов в руках, и автомобиль урчал перед дверью; миссис Брилл никогда не заходила в дом, несмотря на то что ее всегда приглашали.

Джуниор жил в Хэмптоне, всего в трех-четырех кварталах от Бриллов – и одновременно в целом мире от них. Джуниор и Линии снимали дом на две спальни, который стоял несколькими футами ниже мостовой и оттого казался нахохленным. У Уитшенков было двое детей – Меррик (девочка) и Редклифф. «Ого!» – подумают некоторые. Неужели загадочное прошлое семьи скрывает неких Мерриков? И Редклиффов? Нет – просто Джуниор считал эти имена аристократическими. От самого их звучания веяло благородным происхождением, вероятно, по материнской линии. Джуниор постоянно изыскивал способы прибавить себе социальный вес и все-таки держал семью в жалком хэмптонском домишке, даже не потрудившись его отремонтировать, хотя кому, как не ему, было это делать?

– Я выжидал, – объяснял он много позже. – Выжидал, больше ничего.

И продолжал менять проводку в своем обожаемом доме на Боутон-роуд, подвинчивать петли, гонять многочисленных птиц и летучих мышей, не выказывая ни малейшего раздражения.

Холодным февральским вечером 1942 года миссис Брилл объявилась на пороге дома Уитшенков с обоими своими сыновьями. Все трое стояли без пальто. Миссис Брилл рыдала. Линии, открывшая дверь, воскликнула:

– Господи, что?..

Миссис Брилл схватила Линии за запястье:

– Джуниор дома?

– Дома. – Джуниор возник рядом с Линии.

– Случилась кошмарная вещь, – пролепетала миссис Брилл. – Кошмарная, просто кошмарная.

– Может быть, зайдете? – предложил Джуниор.

– Я вышла на веранду, – не двигаясь с места, заговорила она, – хотела заняться письмами. Знаете мой столик, за которым я пишу? Так там, на полу под стулом, лежит холщовая сумка, ну, такая, для инструментов, с застегивающимися ручками. Представьте, открытая, и внутри – воровские инструменты!

– Угу, – буркнул Джуниор.

– Отвертки, ломик и... о господи! – Она привалилась к сыну, выдержавшему ее вес. – А поверх всего – моток веревки!

– Веревки! – воскликнула Линии.

– Да, чтобы вязать людей.

– Святое небо!

– Знаете что, – решительно произнес Джуниор, – давайте-ка поедem и разберемся, в чем там дело.

– О, пожалуйста, Джуниор! Пожалуйста! Знаю, мне следовало позвонить в полицию, но я думала только об одном: надо скорее убираться отсюда, надо спасти моих мальчиков. Схватила ключи и побежала. Я не знала, к кому еще обратиться, Джуниор.

– Вы совершенно правильно поступили, – сказал Джуниор. – Я обо всем позабочусь. Вы оставайтесь с Линии, миссис Брилл, а я приведу копов, чтобы они все проверили до вашего возвращения.

– Нет, я ни за что туда не вернусь, – заявила миссис Брилл. – Этот дом для меня умер, Джуниор.

Тут один из сыновей подал голос:

– Ты чего, ма?

(Лишь эту реплику одного из сыновей Брилл сохранила история.)

Но та повторила:

– Умер.

– Давайте сначала разберемся. – И Джуниор потянулся за пиджаком.

О чем говорили женщины, оставшись вдвоем? Джинни как-то спросила, но никто не смог ей ответить. Линии сама об этом вроде не упоминала, а Меррик и Ред были маленькие (Меррик пять, Реду четыре) и вообще ничего не помнили. Казалось, Джуниор ушел – и все попросту

исчезло. А когда вернулся, снова включилось, ожило при первых звуках его тягучего тонкого голоса: «Он грит», «Я грю».

Полицейские сказали:

– Это просто старая сумка какого-то работяги.

Джуниор ответил:

– Точно. – И пхнул сумку носком сапога. – Правда, веревка... – через секунду прибавил он.

– Рабочим часто нужна веревка.

– Это верно, тут не поспоришь.

Они постояли молча.

– Вот только обычно у них я работаю, – проговорил Джуниор.

– Вот как.

– И кто тут разберется?

Он поднял руки ладонями вверх, будто проверяя, не идет ли дождь, и, глянув на полицейских, вздернул брови и пожал плечами. И все они сошлись на том, что о деле можно забыть.

Потом из поездки возвратился мистер Брилл, и состоялась следующая беседа.

– Ты купишь дом? – изумился мистер Брилл. – Купишь, и что будешь делать?

– Как что? Жить, – отозвался Джуниор.

– Жить? Ага. Ясно. Но... Ты уверен, что тебе здесь будет комфортно?

«А кому бы здесь не было комфортно?» – риторически спросил Джуниор у своих детей много лет спустя. Но мистеру Брилли тогда ответил:

– Во всяком случае, я могу быть уверен, что он хорошо построен.

Мистеру Брилли хватило деликатности не объяснять, что он имел в виду совершенно другое.

Ред вспоминал свое детство в том доме так, будто вырос в раю. На Боутон-роуд детей хватало, чтобы при желании составить две бейсбольные команды, и они все свободное время проводили на свежем воздухе – играли вместе и девочки, и мальчики, и большие, и маленькие. Ужинали всегда торопливо – еда как досадный перерыв в забавах, навязанный матерями. А потом вновь исчезали из дома и возвращались, лишь когда их звали спать, – потные, с прилипшими к телу стебельками травы, протестуя, выпрашивая еще полчаса.

– Могу поспорить, что и сейчас вспомню имена всех ребят в квартале, – хвастал Ред перед собственными детьми.

Не такое уж великое достижение: большинство так и остались здесь или вернулись, пожив какое-то время в других, менее достойных местах.

Ред и Меррик легко влились в детскую компанию, но их папа и мама не нашли общего языка с прочими родителями. Возможно, виной тому была Линии, слишком тихая и стеснительная. Заметно моложе Джуниора, худая и бледная, с обвислыми тусклыми волосами и почти бесцветными глазами, она обычно вся съеживалась и начинала ломать руки, если к ней обращались. Ясно, что не Джуниор всех отпугивал. Он-то спокойно беседовал с кем угодно. Говорил, говорил, говорил, пока у собеседника уши не отсохнут. Хотя, может, дело именно в этом? Люди отвечали ему вежливо, но сами предпочитали помалкивать.

Впрочем, неважно. Джуниор получил свой дом. И без устали с ним возился. Обустроил туалет в нише под лестницей, потому что, едва они въехали, понял, что одной ванной явно недостаточно, а в гостевой комнате соорудил шкафы для швейных принадлежностей Линии, поскольку гостей они никогда не принимали. Но нормальной мебели не заводили годами, деньги до последнего пенни ушли на первоначальный взнос за дом, а покупать старье Джуниор не собирался, слуга покорный!

«В нашем доме ценят качество», – заявлял он. Просто анекдот, сколько фраз у него начиналось со слов «в нашем доме». В нашем доме не ходили босиком. В нашем доме надевали парадную одежду, чтобы отправиться на трамвае в центр города. В нашем доме по воскресеньям и в дождь и в ведро отправлялись в епископальную церковь Св. Давида, хотя Уитшенки никак не могли принадлежать к ней с рождения. По-видимому, выражение «в нашем доме» в действительности означало «в нашей семье». Эти понятия совпадали.

Одно оставалось загадкой. Сколько ни болтал в свое время Джуниор, его внуки так толком и не поняли, кто он такой. Кто *в точности*? Откуда? И откуда Линии, если на то пошло? Казалось бы, Ред должен иметь об этом хоть какое-то представление, а уж его сестра тем более, женщины всегда любопытнее. Но нет, оба утверждали, что ничего не знают. (Если можно им верить.) А Джуниор и Линии умерли раньше, чем их внуку исполнилось два года.

И еще: что Джуниор за человек, противный или приятный? Плохой или хороший? Непонятно. С одной стороны, от его амбиций всех коробило. Все прямо кривились, думая о том, как он рабски копировал тех, кто выше по социальному статусу. Но потом они вспоминали его стесненные обстоятельства, его законную тоску «мальчика со спичками» и преданность работе – в сущности, гений же – и неохотно признавали:

«Что ж...»

Он был как все, говорил Ред. Противный *и* приятный. Хороший *и* плохой.

Но такой ответ никого не устраивал.

Итак, первая семейная легенда – про Джуниора: как Уитшенки поселились на Боутон-роуд.

Вторая – про Меррик.

В том, что Меррик истинная дочь своего отца, сомнений никогда не было. Уже в девять лет она срежиссировала собственный перевод из обычной школы в частную и потом – пока Ред кое-как учился в Мэрилендском университете, полностью сосредоточившись на строительстве, которое считал своим призванием, – прохлаждалась в колледже Брин Мор, постигая искусство превзойти собственное происхождение. Зимой по выходным она каталась на лыжах с друзьями, в теплую погоду ходила под парусами. Начала употреблять слова «божественно» и «вкуснейший» (не в отношении еды). Трудно представить такое в устах ее родителей! Она уже очень далеко от них ушла.

Лучшей подругой Меррик с четвертого класса была Поуки Вандерлин, тоже посещавшая Брин Мор. Весной 1958-го, когда они отучились предпоследний год, Поуки обручилась с Вальтером Барристером III, известным под именем Трей.

Балтиморец, выпускник Гилмора и Принстона, этот молодой человек работал в семейной фирме, занимался финансами. В летние каникулы, когда Меррик и Поуки с друзьями собирались на крыльце Уитшенков, курили «Пэлл-Мэлл» и жаловались, как им всем скучно, Трей часто присоединялся к ним. Похоже, в офисе ему разрешалось появляться по весьма свободному расписанию. Ред возвращался со своей летней работы около четырех – истинный работяга – и всегда заставлял Трея на крыльце вместе с остальными. Безупречно белый кардиган, небрежно наброшенный на плечи, кожаные мокасины, надетые без носков (Ред увидел такое в первый раз, но, к сожалению, не в последний). Затем они все куда-нибудь шли и чем-нибудь занимались. Поскольку рассказывал эту историю сам Ред, то непонятно было, что именно делали друзья Меррик, но, наверное, ели в кафе, потом шли в кино или на танцы. А поздно вечером опять сидели на крыльце. В конце концов, оно, такое необычно просторное, такое глубокое, не давало промокнуть даже в грозу. Их голоса отчетливо долетали до двух спален в передней части дома – Реда и родителей. Ред нередко высовывался из окна и кричал: «Эй, вы! Кому-то, если забыли,

утром рано вставать!» Но от родителей они ни разу не слышали ни слова упрека. Надо думать, Джуниор торжествовал: им с Линии родители не давали посидеть на крыльце, а у него толпятся все эти девочки и мальчики, раскованные, элегантные, с блестящими волосами.

Тем летом молодежь разделялась на пары. Приближался последний год обучения, а девушки тогда стремились выйти замуж сразу после колледжа. За Меррик ухаживал не один юноша, а сразу два, но Ред ни одного толком не знал. Они были на несколько лет старше и к тому же похожи, поэтому он постоянно их путал. Кроме того, он не верил, что кому-то может всерьез нравиться его сестра. Меррик, худая, нескладная, с уитшенковским выступающим подбородком, который больше шел мужчинам, чем женщинам, сменила прическу на новую, вызывающе модную. Ее волосы пышно топырились с левой стороны, а с правой липли к виску, как будто она стояла под сильным ветром. Но Тинк и Бинк, или как их там, от нее откровенно млели. Они называли ее Жер, от «жердь», и своим поддразниванием, очевидно, пытались завоевать ее расположение.

Отец как-то поинтересовался у нее:

– А кто тот блондин? Стриженный ежиком?

– Который? – спросила Меррик.

– Тот, что ныл насчет вчерашней игры в гольф.

– *Который, папа?*

Из этого Ред сделал вывод, что ни один не производит на нее особого впечатления. И еще: что родители, во всяком случае отец, прислушиваются к разговорам на крыльце куда внимательней, чем он думал.

Поуки тем временем в деталях обдумывала свою свадьбу. Оставалось меньше года, а событие такого масштаба требовало тщательной подготовки. Назначили дату и место. Обсуждалась цветовая гамма платьев подружек невесты. Меррик пригласили главной подружкой. Она заявила родителям, что все это невероятная скука, но мать возразила:

– Что ты, Поуки оказывает тебе честь.

А отец прибавил:

– Ты, может, не знаешь, но Вальтер Барристер I основал «Барристер Файненшиал».

Ред стал замечать, что, когда собирались одни девушки, Поуки чаще всего говорила о Трее уничижительно. Издевалась над тем, как он заботится о своей густой светлой челке, красиво падающей на лоб, привычно называла жениха «принц Роланд-парка». Изрекала: «По магазинам завтра пойти не смогу. У меня ланч с мамашей принца Роланд-пар-ка». Частично это, конечно, объяснялось тем, что в их компании

насмешливая ирония была в ходу, о ком бы или о чем ни шла речь. Но, если начистоту, Трей заслуживал титула. Еще в школе он ездил на спортивной машине, и, кроме особняка в Балтиморе, Барристеры владели двумя другими домами на далеких курортах из разряда тех, что рекламируются в «Нью-Йорк таймс». Поуки утверждала, что Трей испорчен до мозга костей, и винила во всем его мать, «королеву Юллу».

Юлла Барристер, тощая как спичка, невероятно стильная, казалась вечно недовольной. Ред, когда видел ее в церкви, всякий раз вспоминал миссис Брилл. Миссис Барристер верховодила в этой церкви, и верховодила в женском клубе и, конечно же, в семье, состоявшей всего из трех человек. Трей был ее единственным сыном – выражаясь ее словами, ее драгоценным мальчиком, ее солнышком. И Поуки Вандерлин, разумеется, солнышку абсолютно не подходила.

За лето Ред наслушался бесконечных разговоров о том, что Поуки приходится терпеть от королевы Юллы. Поуки вытаскивали на невыносимо мучительные семейные обеды и чаепития с чопорными пожилыми дамами, посылали к косметичке королевы Юллы «сделать что-нибудь со своими бровями», распекали за неумение написать благодарственное письмо или за то, что письмо недостаточно благодарственно. Рисунок серебряной вышивки, выбранный ею для платья, поменяли, не спросив согласия, и рекомендовали подумать о свадебном наряде такого фасона, который бы выгодно скрыл ее пухлые плечи.

Меррик вновь и вновь громко ахала, будто на сцене.

– Нет! Не верю! – восклицала она. – Почему Трей за тебя не вступится?

– *Трей*, – презрительно бросала Поуки. – Трей уверен, что именно его мамаша развесила на небе луну и звезды.

А еще: Трей ни о ком не думает, Трей эгоист и вдобавок ипохондрик. И забывает о существовании Поуки, едва заведя на улице приятелей. И хоть бы раз в жизни провел вечер, не выхлебав столько джина, сколько сам весит!

– Ему бы поосторожней, не то он тебя потеряет, – возмущалась Меррик. – Ты можешь выбрать кого захочешь! Тебе незачем цепляться за Трея. Вон Такки Беннетт – чуть не застрелился, когда узнал о твоей помолвке.

Часто Поуки жаловалась на жениха в присутствии Реда, которого в той компании не считали за мужчину. Но Ред, бывало, спрашивал: «Как ты это терпишь?» или: «И ты согласилась выйти за этого типа?»

– Знаю, я дура, – отвечала Поуки. Но конечно же, так не думала.

Настала осень, все разъехались по колледжам, но Меррик вдруг начала являться домой каждый уикэнд, что совсем за ней не водилось. Ред сам часто навещался домой, поскольку Колледж-Парк находился недалеко, но со временем понял, что сестра бывает дома еще чаще. По воскресеньям она ходила с семьей в церковь, а на выходе останавливалась поздороваться с Юллой Барристер. И даже если Трея, вопреки обыкновению, не оказывалось за плечом матери, Меррик, в новой скромненькой шляпке-таблетке, все равно энергично кивала головой, мило смеялась – фальшивым, как сразу почувствовал бы любой брат, каким-то жиденьким смехом – и внимала каждому слову, которое Юлла Барристер цедила сквозь зубы. А вечерами, когда Трей являлся с визитом, – «Это нормально, – говорила Меррик, – он ведь женится на моей лучшей подруге!» – они вдвоем сидели на крыльце, хотя погода стояла уже холодная. Дым их сигарет врывался в открытое окно Реда. (Но если так холодно, удивлялись через много лет его дети, зачем открывать окно?)

– Она меня допекла, я не шучу, – сказал однажды Трей. – Что я ни сделаю, она недовольна. Клюет меня в темечко и клюет.

– Она тебя в грош не ставит, как я погляжу, – ответила Меррик.

– А как она поступает с мамой? Не может, видите ли, помочь выбрать меню для ужина на репетиции свадьбы, потому что конец семестра и надо сдавать курсовую работу. Курсовую работу! Когда у нее свадьба!

– Бедная твоя мама, – вздохнула Меррик. – Она же старается ради Поуки, хочет, чтобы она чувствовала себя членом семьи.

– Вот почему *ты*, Жер, все понимаешь, а Поуки – нет?

Ред с силой захлопнул окно.

Джуниор велел Реду не выдумывать глупостей. Потом, когда ситуация взорвалась, и правда вышла наружу, и почти никто в Балтиморе не разговаривал с Треем и Меррик, Ред заявил:

– Я знал, что так будет! Я видел, что происходит. Меррик все спланировала с самого начала. Она украла его!

Но Джуниор ответил:

– Сынок, о чем ты? Человека нельзя украсть, если он сам не хочет.

– Клянусь, она плела интриги еще прошлым летом, и, черт побери, ей все удалось. Она льстила Трею в лицо, а за спиной мешала с грязью перед Поуки. И подлизывалась к его матери, лебезила перед ней так, что меня аж тошнило.

– Ну, он все равно не собственность Поуки. – Джуниор помолчал и добавил: – Да и вообще, теперь он собственность Меррик.

И морщины около его губ стали глубже, как всегда, когда ему

удавалось обстричь какое-нибудь дельце в точности по своему желанию.

Какие же это легенды, скажет сторонний наблюдатель. Человек покупает дом, которым всегда восхищался, когда этот дом наконец выставлен на продажу; девушка выходит замуж за жениха подруги. Такое случается сплошь и рядом.

Но возможно, клану Уитшенков, возникшему совсем недавно, не хватало историй, не из чего было выбирать. Вот и приходилось извлекать по максимуму из того, что имеется.

Ясно, что от Реда они ничего не ждали. Ред взял и женился на Эбби Далтон, которую знал с ее двенадцати лет, – на девочке, так уж совпало, из Хэмптона, где когда-то жили Уитшенки. Ред с Эбби и сами поселились в Хэмптоне после свадьбы. «Зачем мы вообще переезжали, – пробурчал тогда его отец, – если ты умчался назад при первой возможности». А когда в 1967 году родители Реда умерли – погибли под товарным поездом, их машина застряла на путях, – он вступил во владение домом на Боутон-роуд. Меррик родовое гнездо не интересовало. Они с Треем жили в особняке и владели недвижимостью в Сарасоте, к тому же Меррик призналась, что никогда не любила их дом. Естественно: без ванной комнаты при каждой спальне! В пятидесятых Джуниор пристроил ванную к супружеской спальне, переделав огромную, обшитую кедром кладовку, но Меррик жаловалась, что просыпается всякий раз, когда спускают воду. Так или иначе, Ред поселился в доме, где вырос и где однажды собирался умереть. Так себе, прямо скажем, легенда.

Соседи теперь говорили «дом Уитшенков». Знай об этом Джуниор, пришел бы в восторг. Он в свое время печалился, что его иногда именуют «мистером Уитшенком, который живет в доме Бриллов».

Уитшенки не представляли собой ничего особенного. Ни один не стал знаменит. Ни один не мог похвастаться феноменальным умом. Внешность тоже непримечательная: худоба из разряда «кожа да кости», а вовсе не гибкая стройность журнальных моделей, в заостренных лицах – намек на то, что если сами они и питаются нормально, то предки, вероятнее всего, недоедали. С возрастом у них появлялись мешки под глазами, опущенные внешние уголки которых и так придавали Уитшенкам несчастный вид.

Их фирма имела хорошую репутацию, но и многие другие считались не хуже, и небольшой порядковый номер лицензии свидетельствовал лишь о долголетию компании; о чем тут шуметь? Сидеть на одном месте – казалось, они видят в этом добродетель. Трое из четырех детей Реда и Эбби жили в двадцати минутах езды от родителей. Ничего выдающегося.

Однако, как и большинство семей, они считали себя особенными. И

очень гордились умением все чинить. Позвать мастера – даже из своей же фирмы – значило потерпеть поражение. Они унаследовали неприязнь Джуниора к показухе и были твердо убеждены, что вкус у них лучше, чем у других людей. Порой они придавали слишком много значения причудам судьбы. Тому, например, что и Аманда, и Джинни вышли замуж за мужчин по имени Хью; их называли «Хью, муж Аманды» и «Хью, муж Джинни». А еще – общему обыкновению просыпаться среди ночи и часа по два лежать без сна, а также почти сверхъестественному таланту выбирать собак, которые не умирают целую вечность. Всем, кроме Аманды, было плевать, что надеть утром, но все возмущались, увидев взрослого человека в голубых джинсах. Они начинали беспокойно ерзать, если разговор заходил о религии. Утверждали, будто равнодушны к сладкому, невзирая на явные доказательства, что это не совсем так. И, в разной степени, проявляли терпимость к спутникам жизни друг друга, зато с родственниками спутников не церемонились, считая чужие семьи не столь сплоченными и любящими, как собственная. Они разговаривали с подчеркнутой медлительностью, как люди физического труда, хотя отнюдь не все работали руками, и от этого казались добродушными и терпеливыми, что являлось правдой лишь частично.

Именно терпение, полагали Уитшенки, лежало в основе двух семейных легенд, – терпеливое ожидание того, что, по их мнению, обязано к ним прийти. «Я выжидал», говорил Джуниор, и Меррик сказала бы так же, если б захотела обсуждать свою историю. Но человек, настроенный критически, пожалуй, назвал бы здесь главной побуждающей силой зависть. А очень давний и близкий знакомый (которого не существовало) мог бы поинтересоваться, почему никто не замечает еще одного обстоятельства: обе истории со временем закончились разочарованием.

Джуниор получил свой дом, но не стал счастлив, нет, не настолько, как должен бы. Джуниора часто заставляли за тем, что он рассматривает свое жилище с озадаченным и печальным видом. Всю оставшуюся жизнь он постоянно возился, что-то менял, встраивал шкафы, перекладывал дорожку, будто надеялся, что дом, доведенный до совершенства, откроет ему сердца соседей – тех, что не признавали его своим и ему самому не слишком нравились.

Меррик получила мужа, но тот, когда не пил, был холоден и равнодушен, а когда пил, то хамил и ругался с ней. У них так и не родилось детей, и Меррик, как правило, жила одна в Сарасоте, дабы не встречаться со свекровью, которую презирала.

Но семья, похоже, не замечала ничего плохого. Очередная

удивительная особенность, особый талант делать вид, что все отлично. Но может, и не особенность вовсе, а доказательство абсолютной обыкновенности?

С первого дня 2012 года Эбби начала пропадать.

Они с Редом взяли к себе на ночь трех сыновей Стема, чтобы он и Нора могли встретить Новый год в Нью-Йорке. Наутро, около десяти, Стем приехал их забирать. Как и все в семье, он лишь для порядка постучался и сразу же открыл дверь. Крикнул: «Эй!» Заглянул в гостиную, постоял и, лениво почесывая собаку за ухом, прислушался. Повсюду тишина, а на застекленной веранде шумят дети.

– Эй! – опять крикнул он и пошел на голоса.

Мальчики сидели на ковре вокруг доски для игры в парчиси^[10], три светлые головы лесенкой, все одеты небрежно, в старые толстовки и джинсы.

– Пап, – тотчас сказал Пити, – объясни Сэмми, что ему нельзя с нами играть. Он неправильно соединяет!

– Где бабушка? – спросил Стем.

– Не знаю. Скажи ему, пап! Он так швыряет кости, что одна закатилась под диван.

– Бабушка *разрешила* с вами играть, – запротестовал Сэмми.

Стем направился обратно в гостиную.

– Мам? Пап? – позвал он.

Никакого ответа.

На кухне за столом он увидел отца, читающего «Балтимор Сан». В последние годы Ред стал глуховат, поэтому поднял глаза от газеты, только когда Стем появился в его поле зрения.

– Привет! – обрадовался он. – С Новым годом!

– И тебя тоже с Новым годом.

– Как в гостях?

– Хорошо. А где мама?

– Да где-то здесь. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо.

– Я сию минуту приготовил.

– Спасибо, не хочется.

Стем прошел к задней двери и выглянул во двор. Неподалеку в

зарослях кизила сидел одинокий кардинал, яркий, как осенний лист, не успевший облететь, но больше – ничего и никого. Стем повернулся к отцу и посетовал:

– Кажется, нам придется уволить Гильермо.

– Чего?

– Гильермо. Его надо выгнать. Де’Онтей говорит, что он и в пятницу явился с похмелья.

Ред цокнул языком и, складывая газету, ответил:

– Ну, сейчас не то чтобы дефицит работников.

– Дети хорошо себя вели?

– Да, нормально.

– Спасибо, что присмотрели за ними. Я пойду соберу их вещи.

Стем вышел в холл, поднялся по лестнице и шагнул в бывшую комнату своих сестер. Там теперь стояло несколько двухэтажных кроватей, а пол был завален скомканными пижамами, комиксами, рюкзаками. Стем, не разбираясь, где чье, распишал одежду по рюкзакам, закинул их на плечо, снова вышел на лестницу и крикнул:

– Мам?

Заглянул в спальню родителей. Эбби нет. Кровать аккуратно застелена, дверь ванной распахнута. Как и двери всех комнат подковообразного холла – спальни Денни, которая теперь служила Эбби кабинетом, детской ванной и его собственной комнаты. Стем поправил лямки рюкзаков и начал спускаться.

Войдя на веранду, он сказал мальчикам:

– Все, ребята, пора. Нужно найти ваши куртки. Сэмми, где твои ботинки?

– Не знаю.

– Ну так поищи.

Он еще раз заглянул на кухню. Ред наливал себе кофе.

– Мы поехали, пап, – сообщил Стем.

Отец словно бы не услышал.

– Пап, – повторил Стем.

Ред обернулся.

– Мы уезжаем.

– А! Хорошо. Поздравь от меня Нору с Новым годом.

– А ты передай маме от нас спасибо, хорошо? Как думаешь, она пошла по делам?

– Поделом?

– По делам. Она собиралась за чем-нибудь?

– Нет, она больше не водит машину.

– Не водит? – Стем поглядел изумленно. – Но на прошлой неделе она ездила.

– Нет, не ездила.

– Она отвозила Пити в гости к приятелю.

– Это было месяц назад как минимум. А теперь она больше не ездит.

– Почему? – спросил Стем.

Ред пожал плечами.

– Что-то случилось?

– По-моему, да, – сказал Ред.

Стем поставил рюкзаки на стол.

– Что именно?

– Она не признается. Но не авария, ничего такого. Машина на вид в полном порядке. Но она вернулась и заявила, что больше водить не будет.

– Вернулась откуда? – не унимался Стем.

– После того как отвезла Пити к другу.

– Ничего себе, – произнес Стем.

Они с Редом пару секунд смотрели друг на друга.

– Я сначала подумал, что надо продать ее машину, – заговорил Ред, – но тогда у нас останется только мой пикап. И потом, вдруг она передумает.

– Если что-то случилось, лучше пусть *не* передумывает, – ответил Стем.

– Но она же еще не старая. Всего-то семьдесят два на следующей неделе! Как она будет передвигаться всю оставшуюся жизнь?

Стем прошел через кухню и открыл дверь в подвал. Ясно было, что там никого нет – свет выключен, – но он все равно позвал:

– Мама!

Тишина.

Он закрыл подвал и направился обратно на застекленную веранду; Ред следовал за ним по пятам.

– Ребята, я должен найти бабушку, – объявил Стем.

Обстановка нисколько не переменилась – мальчики валялись вокруг доски парчиси без курток, Сэмми по-прежнему в носках. Они непонимающе воззрились на отца.

– Когда вы спустились, она была здесь, да? – начал расследование Стем. – Приготовила вам завтрак.

– Мы не завтракали, – поведал Томми.

– Она не готовила завтрак?

– Она спросила, хотим мы хлопья или тосты, и ушла на кухню.

Сэмми пожаловался:

– Мне никогда-никогда не достаются фруктовые колечки. В коробке всего два, и их съедают Пити и Томми.

– Это потому, что мы с Томми старшие, – объяснил Пити.

– Так нечестно, папочка.

Стем повернулся к Реду и увидел, что тот напряженно вглядывается ему в лицо, как будто ждет перевода.

– Она не кормила детей завтраком, – сказал ему Стем.

– Давай посмотрим наверху.

– Я уже смотрел.

Но они все равно отправились наверх, как люди, которые снова и снова ищут ключи на обычном месте, не в силах поверить, что их там нет. Поднявшись, заглянули в детскую ванную, где царил ужасный беспорядок: везде скомканные полотенца, кляксы зубной пасты, пластиковые кораблики на боку на дне ванны. Потом вошли в кабинет Эбби – и там она сидела на кушетке, одетая и в фартуке. Из холла и не увидишь. Но не могла же она не слышать, что Стем ее зовет? Собака валялась на коврик у ее ног. При виде мужа и сына Эбби и собака подняли головы. Эбби проговорила:

– Ой, привет.

– Мама, мы тебя потеряли! – воскликнул Стем.

– Простите. Как вечеринка?

– Нормально, – ответил Стем. – Мы тебя звали, ты не слышала?

– Нет, кажется, нет, простите!

Ред тяжело дышал. Стем обернулся к нему. Ред провел рукой по лицу и сказал:

– Милая.

– Что? – чересчур бодрым голосом отозвалась Эбби.

– Милая, мы беспокоились.

– Ну что за ерунда! – Она расправила на коленях фартук.

Эта комната стала ее кабинетом после того, как Денни уехал насовсем, – место, где она могла уединиться и просматривать дела клиентов, которые брала домой, или беседовать с ними по телефону. Но и сейчас, на пенсии, она приходила сюда читать, писать стихи, просто посидеть. Встроенные шкафы, некогда хранившие швейные принадлежности Линии, были забиты дневниками Эбби, какими-то вырезками, самодельными открытками, что дарили ей дети. Одну стену сплошь, рамка к рамке, занимали семейные фотографии.

– Их же не разглядеть! – удивилась как-то Аманда. – Как ты можешь что-то здесь видеть?

Но Эбби весело ответила:

– Да мне и не нужно!

Разве не бессмыслица?

Обычно Эбби располагалась за письменным столом у окна и никогда – на кушетке, которую поставили здесь на всякий случай, для гостей. Поза Эбби поражала своей неестественной театральностью, казалось, она уселась так впопыхах, заслышав шаги. Она спокойно взираала на вошедших с пустой, непроницаемой улыбкой, но почему-то без единой веселой морщинки на лице.

– Ладно, – буркнул Стем, обменявшись взглядом с Редом, и вопрос был закрыт.

Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведешь. И действительно, исчезновение Эбби задало тон на весь 2012 год. Она, даже находясь дома, словно бы удалялась куда-то и нередко выпадала из общих бесед. Мать ведет себя так, будто вдруг влюбилась, говорила Аманда. Но даже если забыть, что Эбби, насколько они знали, всегда любила одного только Реда, в ней все равно не чувствовалось той счастливой эйфории, что неизменно сопутствует влюбленности. Она, скорее, казалась *несчастной* — очень для нее необычно. На лице застыл какой-то вечный каприз. Волосы, седые, стриженные до подбородка, густые и пышные, как парик старинной фарфоровой куклы, были вечно растрепаны, точно после потасовки.

Стем с Норой расспрашивали Пити о том, что случилось по дороге в гости к его другу, но тот вначале не понимал, о каком друге речь, а потом сказал, что по дороге ничего не случилось. Тогда Аманда подступилась непосредственно к Эбби. Дескать, ходят слухи, ты больше не водишь машину. Да, ответила Эбби, это мой маленький подарок самой себе – никогда и никуда больше не ездить. И одарила Аманду своей новой бесцветной улыбкой. «Отстань от меня», – читалось в этой улыбке. И еще: «Что-то не так? Тебе что-то не нравится?»

В феврале она выбросила «коробку задумок» – картонную, из-под ботинок «Изи Спирит»^[11]; за десятки лет там накопилось множество бумажных обрывков с идеями для стихов. Ветреным вечером Эбби положила эту коробку в мусорный бак, и к утру бумажки разлетелись по всей улице. Соседи находили их в кустах и на ковриках у порогов – «луна, как желток яйца всмятку», «сердце, воздушный шар, наполненный водой». Не оставалось сомнений в том, откуда они взялись. Все знали и о стихах, и о любви Эбби к цветистым метафорам. Большинство поступило тактично и попросту выбросило бумажки, но Марж Эллис явилась к Уитшенкам с

целой пригоршней и всучила их ничего не понимающему Реду.

– Эбби, – спросил он позднее, – ты что, правда хотела это выбросить?

– Я больше не буду писать стихи, – ответила она.

– Но мне нравились твои стихи!

– Да? – произнесла она без интереса. – Это очень приятно.

Реду, вероятно, больше импонировал сам образ — жена-поэтесса пишет стихи за антикварным столом, который по его распоряжению заново отполировал его же рабочий, и рассылает их по разным журнальчикам, откуда они немедленно возвращаются. Так-то оно так, но теперь и у Реда сделалось вечно несчастное лицо.

В апреле дети Эбби заметили, что она зовет собаку Клэрэнс, хотя тот давно умер, а у Бренды совсем другой окрас – золотой ретривер. Не черный лабрадор. Причем Эбби не просто, как обычно, путалась в именах: «Мэнди... то есть Стем», когда на самом деле обращалась к Джинни. Нет, она уцепилась за неверную кличку, будто надеясь вызвать к жизни собаку своей молодости. Бедная Бренда, храни ее небеса, не знала, что делать. Недоуменно вздергивала светлые мохнатые брови и не реагировала на зов. Эбби раздраженно цокала языком.

Болезнь Альцгеймера? Нет, вряд ли. Эбби была не настолько неадекватна. Физически – тоже ничего такого, о чем стоило бы рассказать врачу, ни припадков, ни обмороков. Впрочем, к врачу она бы и не пошла. После шестидесяти она отказалась от услуг своего терапевта, заявив, что в ее возрасте «это уже экстрим». Да и доктор ее, кажется, оставил практику. Но если б и нет, то, вероятно, спросил бы: «Она забывчива?» – и ответом стало бы: «Не больше, чем обычно».

– Она непоследовательна в своих действиях?

– Не больше, чем...

В том-то и беда: для Эбби взбалмошность являлась нормой, поэтому никто не мог сказать, нормально ее нынешнее поведение или нет.

Девочкой она напоминала слегка чудаковатого эльфа. Зимой носила черные водолазки, летом – крестьянские блузы; длинные прямые волосы просто откидывала назад, в то время как все повально стриглись «под пажа» и с вечера завивались на бигуди. Но Эбби, не только поэтичная, но и артистичная, лихо отплясывала современные танцы и активно участвовала во всевозможных благородных делах. Без нее не обходились ни школьная кампания по раздаче консервов бедным, ни праздник Варезжового Древа^[12]. Эбби, как и Меррик, училась в дорогой частной школе для девочек; ее приняли на стипендию, но она все равно оказалась лидером, звездой. В колледже она заплетала косы корзинкой и стояла в пикетах за

гражданские права. В своем выпуске – одна из первых, но, вот ведь сюрприз, стала социальным работником и бесстрашно разгуливала по таким районам Балтимора, о существовании которых ее бывшие одноклассницы даже не подозревали. Она вышла замуж за Реда (которого знала так давно, что они оба не помнили, как познакомились), но разве сделалась обыкновенной? Вот еще! Она выступала за естественные роды, прилюдно кормила своих младенцев грудью, пичкала семейство пророщенной пшеницей и самодельным йогуртом, на марш против войны во Вьетнаме ходила с младшим ребенком под мышкой, детей отдала в государственные школы. Комнаты были полны ее поделок – кашпо из макраме, разноцветные вязаные серапе^[13]. Эбби частенько подбирада людей на улице, и некоторые гостили в доме неделями. Домашние никогда не знали, сколько народу соберется к ужину Джуниор полагал, что Ред женился на ней, лишь бы досадить ему. Что, конечно, не соответствовало действительности. Ред попросту любил ее – такую как есть. Линии Мэй обожала невестку, а та в ответ обожала свекровь. Зато Меррик от Эбби буквально шарахалась. Ей пришлось стать вожатой, «старшей сестрой» Эбби, когда ту перевели в их дорогую школу. Меррик сразу показалось, что девчонка никуда не годится, и время лишь подтвердило ее правоту.

Что касается детей, то они, разумеется, мать любили. Считалось, что даже Денни по-своему ее любит. Но они ее ужасно стеснялись. Когда к ним приходили друзья, она спокойно могла ворваться в комнату и начать декламировать стихи, которые только что сочинила. Или взять за пуговицу почтальона и долго объяснять, почему она верит в реинкарнацию. («Моцарт», такой аргумент она приводила. Слушая детские сочинения Моцарта, разве можно усомниться, что в их основе – опыт нескольких жизней?) А людей с малейшим намеком на иностранный акцент Эбби хватала за руку, проникновенно заглядывала в глаза и спрашивала:

– Скажите мне, где ваша родина?

– Мама! – возмущались потом дети.

А она удивлялась:

– Что? Что я сделала не так?

– Но это же тебя не касается, мам! Он-то, может, надеялся, что ты ничего не заметишь. Думал, ты и не догадаешься, что он иностранец.

– Ерунда! Он должен гордиться этим. Я бы гордилась.

В ответ дети хором стонали.

Она лезла во все их дела без малейшего стеснения в полной уверенности, что так и нужно. Считала себя вправе задавать любые вопросы. И почему-то была убеждена: даже если они не хотят обсуждать

что-то личное, то непременно передумают, предложи она им поменяться ролями. (Особый трюк соцработников, надо думать?)

– Давай представим, что все наоборот, – говорила она, склоняясь вперед. – И *ты* даешь совет *мне*. Допустим, это *мой* молодой человек ведет себя собственнически. – Она издавала глупый смешок и театрально вскрикивала: – Ах, я не знаю, что делать! Ах, помогите мне!

– Мама. Ну честное слово...

Они старались по возможности не соприкасаться с ее «сиротами» – ветеранами, которым не удавалось вернуться к нормальной жизни, монахинями, бросившими монастырь, китайскими студентами из «Хопкинса»^[14], скучавшими по дому, – и считали День благодарения настоящим адом. Контрабандой таскали в дом белый хлеб и хот-доги, напичканные нитритами. Вздрагивали, узнав, что матери поручена организация школьного пикника. А сильнее всего, яростнее всего они ненавидели то, что она постоянно им *сострадает*. «Бедняжка, – вздыхала она, – у тебя такой усталый вид!» Или: «Тебе, должно быть, страшно одиноко!» Кто-то выражает любовь похвалами; Эбби предлагала одну только жалость. Что ее детям представлялось *невыносимым*.

И все же, когда Эбби, после того как младший ребенок пошел в школу, вернулась на работу, Джинни призналась Аманде, что не испытывает ожидаемого облегчения.

– Я думала, буду рада, – сказала она. – А сама то и дело ловлю себя на мысли: «Где мама? Почему не дышит мне в затылок?»

– Когда зубная боль проходит, тоже всегда замечаешь, – ответила Аманда, – но это не значит, что ты хочешь ее возвращения.

В мае у Реда случился инфаркт.

Не очень серьезный. Просто на работе Ред почувствовал себя плохо. Не так чтобы слишком, но Де'Онтей настоял и отвез его в больницу. Тем не менее для семьи это стало настоящим потрясением. Ему всего семьдесят четыре! На вид он абсолютно здоров: как в молодости, легко взбирается по лестницам, таскает тяжести и в весе не прибавил ни фунта с самой свадьбы. Но Эбби теперь требовала, чтобы муж ушел на пенсию, и дочери с ней соглашались. А если он потеряет сознание где-нибудь на крыше? Ред заявил, что дома сойдет с ума. Стем заметил, что можно продолжать работать, только на крыши не лазить. Денни не было, поэтому в дискуссии он не участвовал, но в данном случае наверняка принял бы сторону Стема – для разнообразия.

Ред одержал верх и вернулся к работе вскоре после выписки из

больницы. Выглядел он прекрасно. Правда, признавался, что чувствует некоторую слабость и устает быстрее, чем раньше. Впрочем, возможно, ему это лишь казалось; родные несколько раз замечали, как он щупает себе пульс и кладет ладонь на грудь, проверяя сердце.

– Все нормально? – спрашивала Эбби.

– *Естественно*, – отвечал он, раздражаясь, чего прежде за ним не водилось.

Он стал пользоваться слуховым аппаратом, но утверждал, что от него никакого проку, и часто забывал на своем комодe – две розовые пластиковые шутовинки, размером и формой похожие на цыплячье сердце. Как следствие, разговоры с заказчиками не всегда проходили гладко. Чаще и чаще Ред, хоть и с очевидной неохотой, перекладывал эту обязанность на Стема.

Дом он тоже забросил. Стем первый это заметил. Если раньше все здесь было тип-топ – нигде ни торчащего гвоздя, ни щербинки в оконной замазке, – то сейчас тут и там попадались следы запустения. Как-то вечером Аманда пришла с дочерью и, увидев, что Стем возится с рамой сетчатой двери, без особого интереса осведомилась:

– Что-то сломалось?

Стем выпрямился и сказал:

– Раньше он бы такого не допустил.

– Чего не допустил?

– Да сетка едва не вывалилась! И кран в уборной течет, не заметила?

– Бог ты мой, – бросила Аманда и хотела пройти вслед за Элизой в дом, но Стем прибавил:

– Он как будто потерял ко всему интерес. – И Аманда замерла на месте. – Кажется, что ему на все наплевать, – пожаловался Стем. – Я говорю: «Пап, сетка на двери вываливается», а он: «Черт побери, у меня же не сто глаз, чтобы за всякой ерундой следить!»

Это нечто: Ред огрызнулся на Стема. Тот всегда ходил у него в любимчиках.

– Должно быть, ему уже трудно управляться с таким большим домом, – предположила Аманда.

– Это еще не все. Однажды мама оставила на плите чайник, а Нора зашла и видит: чайник свистит вовсю, а папа в столовой как ни в чем не бывало выписывает чеки.

– Не услышал чайник?

– Очевидно.

– У меня от него барабанные перепонки чуть не лопаются, –

проговорила Аманда. – Небось папа от него и оглох.

– По-моему, им больше нельзя жить одним, – заявил Стем.

– Да? Вот как.

И Аманда с задумчивым видом прошла мимо брата в дом.

Следующим вечером состоялось семейное заседание. Стем, Джинни и Аманда заскочили словно бы на минутку, без супругов и детей. Стем выглядел подозрительно нарядно; Аманда, как всегда идеально причесанная и с накрашенными губами, была в элегантном сером брючном костюме, который носила на работу; только Джинни, по обыкновению, не позаботилась о внешности: футболка, мятые штаны защитного цвета, длинные черные волосы кое-как собраны в хвост. Эбби очень обрадовалась. Рассадила всех в гостиной, воскликнула:

– Ну разве не замечательно! Совсем как в старые добрые времена! Не в смысле, конечно, что я не хотела бы видеть вас вместе с семьями...

Ред вмешался:

– В чем дело?

– Понимаете, – начала Аманда, – мы тут подумали про ваш дом.

– И что дом?

– Вам, наверное, стало труднее за ним следить, все-таки вы с мамой не молодеете.

– Я могу следить за домом, даже если мне одну руку привяжут за спиной.

Последовала пауза; видимо, дети решали, стоит ли с ним спорить. К их удивлению, на помощь пришла Эбби.

– Разумеется, можешь, милый, – сказала она. – Но тебе не кажется, что пора бы уже больше отдыхать?

– Поле пропахать?

Дети не то засмеялись, не то застонали.

– Видите, с чем мне приходится мириться? – воззвала к ним Эбби. – Он не желает носить слуховой аппарат! А когда притворяется, что слышит меня, то несет сущую околесицу. Просто... бред какой-то! Я говорю: «Пошла на рынок за овощами», а он мне: «Барвинок с хвощами?»

– Я же не виноват, что ты мямлишь, – буркнул Ред.

Эбби громко вздохнула.

– Вернемся к делу, – бодро произнесла Аманда. – Мама, папа, мы считаем, что вам лучше переехать.

– Переехать? – хором вскричали Ред и Эбби.

– Но, папа, у тебя сердце, а мама больше не водит... Мы думаем, может быть, в резиденцию для пожилых людей? Неплохое решение.

– В резиденцию для пожилых, как же. Это ведь для *стариков*. Для чопорных старушенций с вечно поджатыми губами, которые давно похоронили мужей. И вы полагаете, что нам с матерью там будет хорошо? Думаете, нас там примут с распростертыми объятиями?

– Конечно, примут, папа. Да ты же им всем дома перестраивал!

– Ага, – хмыкнул Ред. – Только мы, знаете ли, с вашей мамой люди независимые. Которые справляются.

Дети явно считали, что восхищаться тут нечем.

– Хорошо, – сказала Джинни. – Пусть не резиденция. Как насчет кондоминиума? Квартирки с садиком где-нибудь в округе Балтимор?

– Все эти квартирки из картона, – отрезал Ред.

– Нет, пап, не все. Некоторые очень хорошо построены.

– А что делать с домом, если мы переедем?

– Продать, наверное.

– Продать! Кому? С начала кризиса здесь полный застой. Мы будем продавать его вечно. Думаешь, я брошу родовое гнездо? Оставлю дом гнить и разваливаться на части?

– Папа, конечно же, мы не допустим, чтобы он...

– Дому нужны люди, – перебил Ред, – и вы это прекрасно знаете. Разумеется, люди много чего портят. Царапают полы, засоряют унитазы и все такое, но это ерунда по сравнению с тем, что бывает, если дом стоит пустой. Это как сердце из него вырвать. Все в нем проседает, провисает, и сам он заваливается набок. Да я с одного взгляда на конек крыши сразу скажу, жилое это место или нет. И вы полагаете, что я способен поступить так с собственным домом?

– Рано или поздно *кто-нибудь* его купит, – сказала Джинни. – А пока я буду каждый день приходить и все проверять. Включать краны. Заходить в комнаты. Открывать окна.

– Это не то, – вздохнул Ред. – Дом все равно почувствует.

Эбби спросила:

– Дети, а вы не хотите его купить? За доллар. Или как там это делается.

Воцарилось молчание. Ее детей вполне устраивали собственные дома, и Эбби это знала.

– Он так долго служил нам верой и правдой, – произнесла она с тоской. – Помните, как нам тут было хорошо? А я помню, как приходила сюда еще девочкой. А уж сколько мы сидели здесь на крыльце, когда ваш папа за мной ухаживал! Помнишь, Ред?

Он досадливо отмахнулся.

– А как я привезла сюда Джинни из больницы? – продолжала Эбби. – Малышка, три денька от роду. В ажурном одеяльце, которое бабушка Далтон связала крючком еще для Мэнди, и так завернута, что прямо не ребенок, а маленькое буррито. Я вошла с ней в дверь и говорю: «Это твой дом, Джинн Энн. Здесь ты будешь жить и здесь будешь очень счастлива!»

Глаза Эбби наполнились слезами. Дети уткнулись взглядами в собственные колени.

– Ой, ладно. – И она издала какой-то дребезжащий смешок. – Послушайте, зачем беспокоиться о том, чего еще неизвестно сколько ждать? Клэрэнс ведь пока жив.

– Кто? – переспросил Ред.

– Бренда. Она имеет в виду Бренду, – пояснила Аманда.

– Жестоко куда-то перевозить Клэрэнса на старости лет, – объявила Эбби.

После этого, похоже, ни у кого не осталось сил продолжать дискуссию.

Аманда уговорила Реда нанять домработницу, которая к тому же будет водить машину. Эбби занималась хозяйством сама, даже когда ходила на службу, но Аманда сказала:

– Скоро ты привыкнешь и будешь жить как королева. А если захочешь куда-то поехать, миссис Гирт тебя отвезет.

– Если и захочу, то только затем, чтобы убраться от нее подальше, – отозвалась Эбби.

Аманда рассмеялась, будто в ответ на шутку, но Эбби говорила серьезно.

Миссис Гирт, женщине крупной и жизнерадостной, было шестьдесят восемь лет. Ее временно уволили с работы в школьной столовой, и она нуждалась в дополнительном доходе. Приходила каждое утро в девять и начинала возиться: кое-как убирала, вытирала пыль. Затем ставила на веранде гладильную доску и, водя утюгом, смотрела телевизор. Конечно, у двух пожилых людей не так-то много белья, но Аманда велела не сидеть без дела. Эбби между тем пряталась в другой части дома и, вразрез со своей привычкой, нисколько не интересовалась подробностями биографии новой знакомой. Но стоило ей пошевелиться, как миссис Гирт выскакивала с веранды и спрашивала: «Вы как? Нормалек? Может, нужно чего? Хотите, отвезу куда-нить?» Эбби говорила, что это непереносимо, и жаловалась Реду, что живет как будто в чужом доме.

И все-таки ни разу не спросила, для чего, собственно, взяли эту женщину.

Через две недели миссис Гирт силой вырвала у Эбби сковородку и настояла, что сама сделает ей омлет. Утюг, брошенный ею на веранде, прожег дыру в кухонном полотенце. И хотя серьезно пострадало лишь полотенце – обычное, махровое, которое и гладить-то не нужно, – с миссис Гирт было покончено. Аманда объявила, что отныне они будут нанимать людей только до сорока. И добавила: «Предпочтительнее мужчину», правда, не объяснила почему.

Но Эбби как отрубилась:

– Нет.

– Нет? – повторила Аманда. – Ну хорошо. Тогда женщину.

– Ни мужчину, ни женщину. Никого.

– Но, мама...

– Не могу! – закричала Эбби. – Не могу этого терпеть! – И она заплакала. – Невозможно, когда в доме болтаются посторонние! Знаю, ты считаешь, что я старая и выжила из ума, но мне *плохо!* Лучше уж сразу умереть!

Джинни залепетала:

– Мамочка, успокойся. Мамочка, пожалуйста, не плачь. Мамочка, милая, мы совсем не хотели тебя расстраивать...

Она тоже плакала. Ред пытался отодвинуть и ее, и Аманду, чтобы обнять Эбби, а Стем вышагивал кругами и ерошил волосы. Он всегда так делал, если нервничал.

Итак: ни мужчины, ни женщины, никого. Ред и Эбби снова остались одни.

Вплоть до конца июня, когда Эбби нашли блуждающей в ночной рубашке по Боутон-роуд, а Ред, как выяснилось, даже не заметил ее отсутствия.

Тогда Стем объявил, что они с Норой переезжают к родителям.

* * *

Ведь Аманда, понятно же, не могла. Она, Хью и их дочь-подросток были до того заняты, что свою корги по утрам отправляли в собачий детский сад. Джинни с семьей жила в доме, где вырос ее Хью, с его матерью в гостевой комнате. Им пришлось бы переехать вместе с миссис Энджелл – сущая нелепость. А Денни, стоит ли говорить, исключался из рассмотрения.

Казалось бы, Стема тем более следовало исключить. Во-первых, их с

Норой гиперактивные сыновья требовали постоянного внимания, а во-вторых, они обожали свой дом в стиле крафтсман^[15] на Харфорд-роуд и вечно там что-то любовно усовершенствовали. Было жестоко просить их его покинуть.

Но Нора, по крайней мере, весь день находилась дома. А Стем, человек мягкий и покладистый, как должное воспринимал то, что не все в жизни идет по его задумке. И даже находил в собственном предложении все новые и новые преимущества. Мальчики будут проводить больше времени с бабушкой и дедушкой! Они смогут ходить в местный бассейн!

Его сестры, свыкшись с этой мыслью, даже не спорили, только спросили растерянно: «Ты уверен?»

Родители сопротивлялись дольше. Ред сказал:

– Сынок, мы не вправе требовать от тебя таких жертв.

Эбби опять расплакалась. Но их с Редом лица выразили грустную задумчивость. Это ли не идеальный выход из положения!

И Стем твердо объявил:

– Мы переезжаем. И точка.

Что же, решено так решено.

Переезд состоялся в начале августа, в субботу днем. Стем и Хью, муж Джинни, с помощью Мигеля и Луиса с работы погрузили в пикап Стема чемоданы, ящики с игрушками, целый ворох двухколесных и трехколесных велосипедов, детские машины с педалями, самокаты; мебель они оставили своим жильцам – иракским беженцам, получавшим пособие от церкви Норы. Сама же Нора тем временем отвезла мальчиков и собаку в дом Реда и Эбби.

Нора, женщина очень красивая, не сознавала своей красоты. У нее были каштановые волосы и широкое, спокойное, мечтательное лицо. Она не пользовалась макияжем и носила недорогие хлопчатобумажные платья на пуговицах спереди. Когда она шла, подол ее платья колыхался плавно, будто в замедленной съемке, и все мужчины вокруг замирали и смотрели заворуженно. Но Нора не замечала их взглядов.

Она поставила машину на улице, как гость, и вместе с сыновьями и собакой стала подниматься к дому Мальчики и Хайди прыгали, вертелись и спотыкались друг о друга, а Нора плыла следом. Ред и Эбби, стоя рядом, ждали их на крыльце, волновались.

Пити закричал:

– Привет, бабушка! Привет, дедушка!

А Томми сообщил:

– Мы теперь будем здесь жить!

Они словно с ума посходили, узнав об этом, и до сих пор не могли успокоиться. Что чувствует Нора, никто не знал. С виду казалось: она, подобно своему мужу, покорно принимает все, что ни пошлет судьба. Нора ступила на крыльцо. Ред поприветствовал:

– Добро пожаловать!

Эбби шагнула к невестке и обняла ее:

– Здравствуй, Нора. Мы очень благодарны, что вы решились на это.

Нора в ответ улыбнулась своей медленной, загадочной улыбкой, отчего на щеках появились две глубокие ямочки.

Мальчикам отвели комнату с двухэтажными кроватями. Они понеслись вверх, обгоняя взрослых, и попадали туда, где всегда спали, когда здесь гостили. Стем и Нора, предполагалось, поселятся в старой комнате Стема – по диагонали через холл.

– Я сняла все плакаты и прочее, – сказала Эбби Норе, – так что вы, пожалуйста, чувствуйте себя свободно, вешайте на стенах что хотите. Еще я освободила шкаф и письменный стол. Вам хватит места для вещей, как думаешь?

– Да, – тихо и мелодично отозвалась Нора – первое ее слово с момента приезда.

– Кровать, к сожалению, еще не привезли, – продолжала Эбби, – доставят только во вторник. А пока, боюсь, вам придется довольствоваться двумя односпальными.

Нора опять улыбнулась, подошла к письменному столу и положила на него записную книжку.

– На ужин будет жареная курица, – изрекла она.

Ред переспросил:

– Что?

И Эбби громко повторила:

– Жареная курица. – А затем уже тише добавила: – Мы любим курицу, но тебе вовсе необязательно для нас готовить.

– Я люблю готовить, – ответила Нора.

– Тогда пусть Ред сходит за продуктами?

– Дуглас привезет продукты на грузовике.

Дуглас – в смысле Стем. Но настоящим именем его в семье не называли с двух лет, поэтому в первую секунду никто не мог сообразить, о ком речь, хотя они и понимали, что Норе приятно называть мужа «как взрослого».

Когда Нора и Стем объявили, что собираются пожениться, Эбби робко спросила:

– Прошу прощения, но хочешь ли ты, чтобы... Дуглас перешел в твою церковь?

Они только и знали о Норе, что та принадлежит к фундаменталистской конфессии и что религия играет в ее жизни очень серьезную роль. Однако Нора ответила:

– О нет. Я не верю в переменную евангелизацию.

Эбби позже передала своим дочерям:

– Она не верит в «переменную евангелизацию».

Из-за этого Нору долго считали недалекой, хотя до рождения детей она и занимала вполне ответственную должность – медсестры во врачебном кабинете. И время от времени отпускала пугающе глубокомысленные замечания. Или это выходило случайно? Нора оставалась для них загадкой. Может, теперь, живя вместе, они поймут наконец, какая она на самом деле?

Ред и Эбби оставили ее наверху разбираться с детьми, которые молотили друг друга подушками, а Хайди, взбалмошная колли, прыгала вокруг и отчаянно гавкала. Уитшенки-старшие спустились в гостиную. Делать было ничего не нужно, и они просто сели, сложив на коленях руки, и воззрились друг на друга. Эбби сказала:

– Что же, так до конца дней и проживем?

Ред не понял:

– Чего?

– Ничего, – ответила Эбби.

Стем и Хью, муж Джинни, подъехали на грузовике к задней двери, и все, даже дети и Эбби, пошли разгружать вещи. Нора же, приняв от Стема первое, что он внес, – сумку-холодильник с продуктами, достала лежавший поверх всего фартук фасона сороковых годов. Матери Реда и Эбби носили такие – ситцевые, в цветочек, с нагрудником на лямках, застегивающихся на шее сзади. Нора надела его и начала готовить.

За ужином очень много говорили о том, как же им разместиться. Эбби все предлагала поселить кого-то из мальчиков в ее кабинете.

– Может, Пити, он старший? – говорила она. – Или Сэмми, раз он младший?

– Или меня, раз я средний, – завопил Томми.

– Не волнуйся, мама, – сказал Стем. – Они и дома жили в одной комнате. Привыкли.

– Уж не знаю почему, – заметила Эбби, – но последние несколько лет дом вечно кажется не того размера. Когда мы с отцом одни, он слишком большой, а когда вы все приезжаете в гости, слишком маленький.

– Все будет нормально, – успокоил Стем.
– Это вы о собаке? – спросил Ред.
– Собаке?
– Не представляю себе двух собак на одной территории.
– Что ты, Ред, они прекрасно уживутся, – заверила Эбби, – ведь Клэрэнс просто ягненок, ты же знаешь.

– Что-что?
– Клэрэнс сейчас валяется на моей кровати, – объявил Пити, – а Хайди – на кровати Сэмми.

Ред перебил Пити, возможно не поняв, что тот вообще что-то говорит:
– Мой отец был против собак в доме. Они для дома настоящая чума и дерево портят. Отец выставил бы эту парочку во двор. Ему бы и не понять, на кой они сдались, если от них нет пользы.

Взрослые слышали это уже столько раз, что не потрудились ответить, но Пити возразил:

- От Хайди есть польза! Она нас веселит.
- Лучше б овец пасла, – проворчал Ред.
- Ой, а можно мы заведем овец, дедушка? Можно?
- Курица превосходная, – сказала Эбби Норе.
- Спасибо.
- Ред, правда, курица превосходная?
- А то! Я уже съел два куска и подумываю о третьем.
- Куда тебе три? Сплошной холестерин!

В кухне зазвонил телефон.

– Батюшки, кто это может быть? – всполошилась Эбби.
– Есть только один способ узнать, – съязвил Ред.
– Я не стану отвечать. Все нормальные люди знают, что сейчас время ужина, – заявила Эбби, но сама уже отодвигала стул и вставала из-за стола.

Ей всегда казалось, что кто-то непременно сейчас в ней нуждается. Она бросилась на кухню, по пути чуть не задвинув парочку своих внуков под стол.

– Да? – услышали все. – Ой, привет, Денни!

Стем и Ред повернули головы. Нора положила горку шпината на тарелку Сэмми, который скривился от отвращения.

- Нет, никто не думал... Что? Ой, ну что за глупости. Никто не знал...
- Что на десерт? – поинтересовался Томми у мамы.

Стем шикнул на него:

- Ш-ш-ш, бабушка разговаривает.
- Черничный пирог, – сказала Нора.

– Вкуснятина!

– Да, конечно, мы бы... – бормотала Эбби. Последовала пауза. – А вот это неправда, Денни! Это попросту непра... Алло?

Через секунду раздался щелчок: Эбби положила трубку на рычаг телефона, висевшего на стене. И появилась в дверном проеме.

– Это Денни, – сообщила она всем, – он приезжает сегодня. В полпервого ночи. Говорит, чтобы мы оставили дверь незапертой, а он возьмет на вокзале такси.

– Ха! Вот и пусть, – бросил Ред. – Я в такое время вставать не намерен.

– Возможно, тебе все-таки стоило бы его встретить.

– Это еще почему?

– Я встречу, – предложил Стем.

– Нет, милый, лучше отец.

Все замолчали.

– Что там у него опять? – осведомился все же Ред.

– Опять? – повторила Эбби. – Нет, не то чтобы опять. Просто он не понимает, почему мы не попросили его пожить с нами.

Даже Нора посмотрела удивленно.

– Почему не попросили? – изумился Ред. – А он бы что, согласился?

– Говорит, что да. И что все равно сейчас приедет.

Эбби так и стояла в проеме, но сейчас вернулась на свое место и рухнула на стул, будто после утомительного путешествия.

– Он узнал от Джинни, что вы переезжаете, – сказала она Стому, – и недоволен, что с ним не посоветовались. Якобы в доме нет на вас на всех комнат и переехать следовало ему.

Нора принялась абсолютно бесшумно собирать тарелки и составлять их в стопку.

– А что неправда? – спросил Ред у Эбби.

– Что?

– Ты говорила: «А вот это неправда, Денни».

– Видишь, каков? – обратилась Эбби к Стому. – То глух как пень, а то вдруг слышит, что происходит на кухне.

– Так что неправда, Эбби? – упорствовал Ред.

– Ну, – беззаботно отозвалась Эбби, – сам знаешь. Обычная история.

Она аккуратно положила серебряные нож и вилку поперек тарелки и отдала ее Норе.

– Он не понимает, почему мы позвали Стема, если он... ну, ты понимаешь. Если он не Уитшенк.

Повисла новая пауза. Нора, все так же беззвучно, одним плавным движением поднялась и понесла тарелки на кухню.

Стем и правда был не Уитшенк. Но только в самом буквальном понимании слова.

Люди как-то забывали о том, что Стем – сын укладчика кафеля Одиночки О’Брайана, Лоренса О’Брайана, если по-настоящему. Только он, подобно большинству укладчиков, был нелюдим, любил работать один и никогда не болтал о личном, вот его и прозвали Одиночкой. Ред всегда утверждал, что Одиночка кладет кафель лучше всех, хоть и далеко не быстрее.

Казалось странным, что у Одиночки есть ребенок. Глядя на него, высоченного, тощего как скелет и такого светлого, что видны кости черепа, никто почему-то не сомневался, что живет он отшельником, без жены, без детей, без друзей. Да, без жены и, наверное, без друзей, зато с сыном по имени Дуглас. И несколько раз, когда подводили няни, он приводил малыша с собой на работу. Правилами такое запрещалось, но, поскольку укладчикам не требовалось заходить в опасную зону, Ред смотрел на нарушение сквозь пальцы. Одиночка шел напрямик на кухню или в ванную, где работал, а Дуглас семенил за ним на коротких ножках. Одиночка никогда не смотрел, поспевает ли за ним мальчик, а тот не жаловался и не просил подождать. Они устраивались в помещении, плотно закрывали дверь, и все утро из-за двери не доносилось ни звука. В обед выходили, отец, а за ним, ковыляя, Дуглас, и ели сэндвичи – вроде бы вместе с остальными, а вроде бы и в сторонке. Дуглас, совсем еще маленький, пил из бутылочки с соской. Он не отличался миловидностью и походил скорее на беспризорника, чем на рекламного бутуза с ямочками на щеках, какими принято представлять детей этого возраста. Волосы у него были почти белые, стриженные колючим ежиком, глаза – бледно-бледно-голубые, с розоватым ободком по краям. Вся одежда, казалось, была ему велика. Создавалось впечатление, что это *она* его носит, нацепив впопыхах, как очки или шарф. Брюки ему подворачивали несколько раз. Красная курточка выглядела огромной на его паучьей фигурке, из-под эластичных манжет едва виднелись кончики пальцев, припорошенные белым, как и у отца, – издержки профессии.

Другие рабочие всячески старались развлечь мальчика. Эй, старина, говори, что скажешь, приятель? Но Дуглас лишь теснее жался к отцу и смотрел на них неотрывно. Одиночка не пытался помочь, как сделали бы на его месте почти все родители, не отвечал за ребенка, не зывал к его

хорошим манерам. Нет – равнодушно жевал свой убогий сэндвич, наспех слепленный из помятых кусков «Уандербрэд»^[16].

– А где наша мамочка? – спрашивал иногда кто-нибудь новенький. – Болеет нынче?

– Путешествует, – отвечивал Одиночка, не удосуживаясь поднять глаза.

Новенький тогда вопросительно оглядывался на остальных, а те показывали глазами в сторону, что значило «расскажем потом». И действительно, впоследствии кто-нибудь просвещал любопытного, в охотниках не было недостатка; рабочие – заядлые сплетники. «Мамаша этого мальчугана сделала ноги, когда он еще только родился. Бросила Одиночку самого кашу расхлебывать, представляешь? Но если его спрашивают, то он говорит, что она, мол, в отъезде. Делает вид, что она еще вернется».

Эбби, разумеется, слышала о Дугласе – она, как истинный соцработник, ежевечерне вытягивала из Реда все новые истории про его подчиненных. И, услышав, что Одиночка утверждает, будто мать Дугласа обязательно вернется, ровным тоном произнесла:

– Неужели.

Она все превосходно знала про таких матерей.

– Вообще-то она точно возвращалась как минимум дважды, – сказал Ред. – Жила дома неделю или вроде того, а Одиночка от счастья терял башку и увольнял няню.

– М-м-м, – протянула Эбби.

Холодным днем в апреле 1979-го, после полудня, Ред позвонил Эбби из офиса и спросил:

– Ты помнишь Одиночку О’Брайана? Ну который приводит с собой сына?

– Конечно, помню.

– Тут такое дело... Он как раз сегодня его привел, а теперь в больнице.

– Ребенок в больнице?

– Нет, Одиночка. У него какой-то припадок случился, пришлось вызвать «скорую».

– Ой, бедняга...

– Как думаешь, ты могла бы приехать и забрать мальчика?

– Что?

– Я не знаю, что с ним делать. Один из моих парней привел его ко мне, и он сидит тут на стуле.

– Ну...

– Слушай, я не могу долго говорить, у меня встреча с инспектором. Ты приедешь?

– Хорошо.

Она поспешно затолкала Денни в машину (ему тогда было четыре, и он ходил в детский сад только на полдня) и по Фолз-роуд поехала в контору Реда – дощатую хибарку за границей округа. Остановилась на гравийной площадке, и тут же из двери вышел Ред с маленьким мальчиком на руках. Ребенок явно нервничал и держался очень прямо, не касаясь Реда. Эбби видела малыша впервые, и хотя все вплоть до огромной куртки полностью соответствовало описанию, изумилась каменному выражению его лица.

– Эй, привет! – весело произнесла она, когда Ред стал усаживать Дугласа на заднее сиденье. – Как поживаешь, милый? Я Эбби! А это Денни!

Дуглас вжался в сиденье и упорно смотрел на колени своих вельветовых брючек. Денни, слева от него, наклонился и с любопытством заглянул ему в лицо, но Дуглас, казалось, не замечал его.

– После инспектора заеду в Синай^[17], – сказал Ред, – выясню, что там с Одиночкой, и спрошу, где найти их няню. Так что, если не трудно, ты просто... Короче, окажешь мне большую услугу, Эб. Обещаю, это ненадолго.

– Мы отлично проведем время, правда? – обратилась Эбби к Дугласу.

Тот продолжал рассматривать свои колени. Ред захлопнул дверцу и выпрямился неподвижно, подняв руку, прощаясь, а Эбби поехала прочь с двумя мальчиками, притихшими на заднем сиденье.

Дома она вызволила Дугласа из куртки, на скорую руку нарезала им бананы и дала печенье в форме зверушек. Мальчики сели за детский столик в углу кухни – Денни деловито жевал, а Дуглас брал зверей по одному и внимательно изучал, переворачивал, рассматривал с разных ракурсов, а потом аккуратно откусывал голову или ногу. К бананам он не прикоснулся. Эбби спросила:

– Дуглас, хочешь сока?

Помолчав, он помотал головой. Пока от него не слышали ни единого слова.

Эбби разрешила им обоим посмотреть по телевизору послеобеденную детскую программу, хотя обычно это категорически запрещала. И впустила со двора Клэрэнса – он был еще щенок, и в доме его одного не оставляли. Клэрэнс кинулся на веранду, вскарабкался на диван и принялся лизать мальчиков в щеки. Дуглас сначала отпрянул, но глядел с интересом, хоть и опасно, поэтому Эбби не вмешивалась.

Потом из школы вернулись девочки и устроили вокруг Дугласа невероятную возню. Потащили наверх разбирать ящик с игрушками, боролись за его внимание, расспрашивали о чем-то медовыми голосами. Дуглас хранил молчание и не поднимал глаз. Щенок отправился наверх вместе с ними; Дуглас отрывисто, неуклюже похлопывал его по голове.

К ужину Ред приехал с бумажным пакетом из-под продуктов.

– Одежонка и еще кое-что для Дугласа, – объяснил он Эбби, поставив пакет на кухне. – Я взял у Одиночки ключи от квартиры.

– Как он?

– Плоховато, если по правде. Оказалось, аппендицит. Пока я там был, его забрали в операционную. Ночь он вроде пробудет там, а завтра вечером сможет вернуться домой. Я успел спросить насчет няни, но у нее что-то с ногой. Одиночка переживает, извиняется, что взвалил на нас ребенка.

– Ну, хлопот от него никаких, – ответила Эбби. – Его не видно и не слышно.

За ужином Дуглас сидел на энциклопедическом словаре, который Ред положил на стул. Он съел в общей сложности семь горошин, брал одну за другой пальчиками. Разговор за столом будто бы облетал вокруг него и над ним, но все явственно ощущали, что выступают перед весьма внимательной аудиторией, что все говорится специально для него.

Эбби подготовила малыша ко сну: заставила пописать, почистить зубы и одела в застиранную пижаму из сирсакера, нашедшуюся в бумажном пакете. Ткань, конечно, чересчур легкая для того времени года, но выбирать Эбби не приходилось. Она уложила Дугласа на вторую кровать в комнате Денни, укрыла одеялом и, поколебавшись секунду, поцеловала в лоб – теплый и чуть влажный, словно мальчик совершил нечто, потребовавшее огромных усилий.

– Ну, все, спи сладко-сладко, – сказала Эбби. – А когда проснешься, будет уже завтра, и мы пойдем навестить твоего папу. Дуглас молчал, и выражение его лица не изменилось, но все-таки оно стало чуть мягче, спокойнее. И ребенок уже не казался таким некрасивым.

Наутро Эбби отправила детей в школу с соседями, воспользовавшись карпулингом^[18]. Даже тогда, до закона о детских креслах, она не могла допустить, чтобы такой малыш болтался по заднему сиденью, натываясь на остальных.

Оставшись с Дугласом вдвоем, она усадила его на полу веранды собирать пазл, который принесла из комнаты Денни. Мальчик не сложил его, хотя тот состоял всего из восьми или десяти частей, но целый час тихо передвигал детали, подбирал одну, потом другую и внимательно

рассматривал, а щенок сидел рядом и пристально следил за каждым движением. Потом, закончив все свои утренние дела, Эбби села вместе с ним на диване и стала читать ему книжки с картинками. Малышу явно нравились те, где есть животные: время от времени, когда она собиралась перевернуть страницу, он клал руку на книгу, чтобы получше рассмотреть рисунок.

Услышав, что к задней двери подъехала машина, Эбби подумала, что это Пэг Браун привезла Денни из детского сада. Она поспешила на кухню и очень удивилась: в заднюю дверь входил Ред.

– Что такое, почему ты вернулся?

– Одиночка умер.

– Что?

– Лоренс. Умер.

– Но я думала, у него просто аппендицит!

– Да, – ответил Ред. – Я пошел в его палату, а его там нет. Парень с соседней койки сказал, перевели, мол, в интенсивную терапию. Я туда, а меня не пускают. Я хотел уже уйти и заглянуть позже, но вдруг вышел врач и говорит: «Ваш друг умер». Они, дескать, всю ночь его спасали и сделали все возможное, но спасти не удалось. Перитонит.

Что-то заставило Эбби повернуть голову – в дверях кухни стоял Дуглас и напряженно вглядывался в лицо Реда.

Эбби проговорила:

– Ой, маленький ты мой...

Они с мужем посмотрели друг на друга. Понял ли ребенок? Может, и нет; он весь светился надеждой.

Ред начал:

– Сынок...

– Он ничего не поймет, – остановила Эбби.

– Но мы не можем от него скрывать.

– Он совсем еще крошка. – И Эбби спросила Дугласа: – Сколько тебе лет, малыш?

Ни она, ни Ред не ждали ответа, но Дуглас, помедлив, поднял два пальца.

– Два! – вскричала Эбби и повернулась к Реду: – Я думала, три, а ему всего два.

Ред тяжело опустился на кухонный стул.

– И что теперь? – проговорил он.

– Не знаю, – отозвалась Эбби. И села напротив.

Дуглас по-прежнему внимательно наблюдал за ними обоими.

– У тебя ведь есть ключи, да? – спросила она Реда. – Надо будет сходить на квартиру, поискать документы, узнать, кто ближайший родственник Одиночки.

Ред кивнул и, как послушный ребенок, опять встал. Тут за дверью просигналила Пэг Браун, и Эбби пошла впустить Денни.

В тот вечер, когда она укладывала Дугласа спать в комнате своего сына, Денни позвал:

– Мама.

– Что?

– Когда этот маленький мальчик уедет домой?

– Очень скоро, – ответила Эбби.

Денни ревниво следовал за ней по пятам, прямо как приклеенный. Он был одет – ему еще не пришло время ложиться.

– Иди вниз, – велела она. – Займись чем-нибудь.

– Завтра он уедет?

– Наверное.

Она подождала, пока он спустится по лестнице, и снова занялась Дугласом. Тот сидел на краю кровати в пижаме, аккуратненький и чистенький. Его искупали, хотя вчера вечером разрешили не принимать ванну. Эбби села рядом с ним.

– Знаю, я говорила, что сегодня ты увидишь своего папу, но я ошибалась. Он не смог прийти.

Дуглас смотрел куда-то в одну точку. Казалось, он не дышит.

– Он хотел, очень-очень-очень. Хотел тебя повидать, но не смог. Не может.

Вот, собственно, и все. И двухлетний ребенок понял бы. Она замолчала и робко обняла его, но он не прижался к ней. Сидел, отстранившись, очень прямо, весь окостеневший. Эбби убрала руку, но продолжала смотреть на мальчика.

Наконец он лег. Она укрыла его, поцеловала в лоб и выключила свет.

В кухне Денни и Джинни спорили из-за йо-йо, а Мэнди, едва Эбби вошла, оторвалась от домашней работы и поинтересовалась:

– Ты сказала ему?

Ей было тринадцать, и она больше других понимала, что происходит.

– Как смогла, – ответила Эбби.

– А он что?

– Ничего.

– Может, он не умеет говорить?

– Да нет, должен уметь. Просто сейчас он очень расстроен.

– Может, он умственно отсталый.
– Нет, видно, что он все понимает.
– Мам! – вмешалась Джинни. – Денни говорит, это его игрушка, но он свою сломал. Скажи ему, мам, что это моя.

– Ну-ка, тихо, вы оба.

Задняя дверь открылась, и вошел Ред еще с одним бумажным пакетом. По телефону он лишь попросил ужинать без него, поэтому сейчас Эбби немедленно спросила:

– Что ты узнал?

Он поставил пакет на стол.

– Его няня – какая-то древняя старушка. Ее номер оказался приклеен скотчем к телефону. Судя по голосу, она *слишком* дряхлая, чтобы ухаживать за ребенком. И она понятия не имеет, есть ли у Дугласа родственники, а также не знает и знать не желает, где его мать. Мальчику, говорит, без нее лучше.

– А еще какие-нибудь телефоны там были?

– Врач, дантист, «Уитшенк Констракшн».

– А номера матери нет? Казалось бы, Одиночка на крайний случай должен знать, как с ней связаться.

– Но, Эб, если она путешествует...

– Ха! Путешествует она.

Ред вывалил на стол содержимое пакета: одежду, два пластмассовых грузовичка, небольшую стопку документов.

– Документы на машину, – он взял одну из бумаг, – выписка с банковского счета, – взял другую, – свидетельство о рождении Дугласа.

Эбби протянула руку за свидетельством и прочла вслух:

– Дуглас Алан О’Брайан. Отец: Лоренс Дональд О’Брайан, мать: Барбара Джейн Имс. – Она посмотрела на Реда: – Они не были женаты?

– Может, просто не меняла фамилию.

– 8 января 1977 года. Значит, Дугласу и правда два года. Не знаю, с чего я взяла, что он старше. Наверное, потому, что он держится так... строго, понимаешь?

– Но что нам делать дальше? – спросил Ред.

– Понятия не имею.

– Звонить в социальную службу?

– Ты что, боже упаси!

Ред моргнул: Эбби раньше работала в соцопеке.

– Я разогрею тебе ужин. – Эбби деловито встала, давая понять, что разговор окончен.

Дети по очереди легли спать – сначала младшие, потом Мэнди. Джинни, желая родителям спокойной ночи, поинтересовалась:

– А можно нам его оставить?

Но при этом, казалось, понимала, что ответить взрослым ей нечего. Другие двое о Дугласе не говорили вовсе – как и Ред с Эбби, когда остались вдвоем. Хотя Ред один раз попытался:

– Ты ведь понимаешь, что у Одиночки наверняка найдутся родственники.

Но Эбби перебила:

– Слушай, мне вдруг безумно-безумно захотелось спать.

И Ред замолчал.

Назавтра была суббота. Дуглас спал дольше всех, включая Аманду, которая, как всякий подросток, уже полюбила дрыхнуть допоздна.

– Пусть отдохнет, бедняжка, – решила Эбби.

Она накормила семью завтраком, но сама даже не присела. Сновала от плиты к столу и, едва дети поели, предложила:

– Может, оденетесь и погуляете с Клэрэнсом?

– Джинни и Денни погуляют, – отозвалась Аманда. – Я позвала в гости Патрисию.

– Нет, ты тоже, – велела Эбби. – А Патрисия придет попозже.

Аманда хотела что-то сказать, но передумала и вслед за братом и сестрой вышла из кухни.

Остался Ред, он за второй чашкой кофе читал спортивный раздел газеты. Когда Эбби села напротив, он настороженно глянул на нее и вновь спрятался за газетой.

– Я считаю, что мы должны оставить его у себя, – объявила Эбби.

Ред шваркнул газету на стол:

– Господи! Эбби.

– Ясно же, что, кроме нас, у него никого нет. Эта его мамаша! Даже если мы ее разыщем, сомневаюсь, чтобы она захотела взять малыша. А если даже и захочет? По-твоему, она будет о нем как следует заботиться? Не бросит в первую же трудную минуту?

– Но мы не можем усыновлять всех детей, которые попались на пути, Эб. У нас своих трое, а больше мы и позволить себе не в состоянии! Троих-то с трудом! К тому же ты собиралась вернуться на работу, когда Денни пойдет в первый класс.

– Ничего, вернусь, когда Дуглас пойдет.

– Плюс ко всему, у нас нет на него прав. Ни один суд в нашей стране не разрешит нам оставить ребенка у себя при живой матери.

– А мы в суд не пойдем, – сказала Эбби.
– Совсем с ума сошла?
– Скажем, что присматриваем за ним, пока мать в отъезде. В сущности, так оно и будет.
– И потом, – продолжал Ред, – откуда нам знать, что он нормальный?
– Конечно, нормальный!
– А разговаривать он умеет?
– Он стесняется! Нервничает! Мы ему чужие!
– Но он реагирует на слова?
– Да! И ровно так, как реагировал бы любой ребенок, чей мир внезапно перевернулся с ног на голову.
– Но все же вдруг с ним что-то не так? – не унимался Ред.
– Допустим, он не Эйнштейн! И что? Скормим его волкам?
– Но сумеет ли он освоиться в нашей семье? Поладит ли с нашими детьми? *Подходит* ли он нам? Мы ровным счетом ничего о нем не знаем! *Его* не знаем. *Не любим!*
– Ред, – укорила Эбби.

И встала. Она была полностью одета, причем весьма тщательно – в половине десятого утра в субботу! Это, если задуматься, не входило в ее привычки. Но даже волосы она уже заколола и выглядела необычайно внушительно.

– Вчера вечером он сидел на краю кровати в пижаме, – заговорила она, – и я увидела сзади его шею – такую хрупкую, тоненькую, как стебелек! И меня вдруг как будто ударило в самое сердце. Я подумала: ведь нигде на всей нашей планете не найдется человека, который посмотрит на эту его шейку и не захочет обнять его. Знаешь, как это бывает? Тебя так и тянет коснуться собственного ребенка? Ты прямо обмираешь, глядя на него, и можешь часами не отрываться, и все удивляешься, до чего же он трогательный и невероятно, nepocтижимо прекрасный. Но ничего такого никогда не будет у Дугласа. Потому что на всем белом свете не осталось никого, кто считал бы его особенным.

– Черт возьми, Эбби...

– Не смей мне тут чертыхаться, Ред Уитшенк! Мне это нужно! Я обязана! Я не могу, глядя на эту шейку, этот стебелек, спокойно бросить ребенка одного в бескрайнем страшном мире. Я не могу! Я скорее умру!

Мэнди, Джинни и Денни появились в дверях кухни. Ред и Эбби одновременно это почувствовали. Дети еще не переоделись и все трое, одинаково распахнув глаза, тревожно смотрели на родителей. Потом кто-то тихо зашлепал в коридоре. Дети, обернувшись, расступились, и Дуглас

встал посреди них.

– Я описался, – сообщил он Эбби.

Они не усыновили его. Не сообщили в соцопеку. И даже ничего не сказали своим друзьям. Все шло как и прежде. Дуглас по-прежнему был О’Брайан, но у него появилось прозвище – Эбби взяла привычку называть его «мой маленький Стем»^[19]. Иногда и соседи говорили: «Стем Уитшенк», но исключительно по рассеянности, не подумав.

У посторонних складывалось впечатление, что ребенок гостит в доме, пока его мать разбирается со своими делами. (Или другой какой-нибудь родственник? Болтали всякое.) Однако прошло какое-то время, и почти все стали считать мальчика сыном Уитшенков.

Всего через несколько недель он начал звать Реда и Эбби папой и мамой, но не потому, что ему так велели. Просто он подражал другим детям и точно так же подражал Эбби, даже к взрослым обращаясь «солнышко», пока не подрос и не разобрался, что к чему.

Стем делался все разговорчивей, правда, очень постепенно – никто не мог бы точно указать день, когда он вдруг превратился в обыкновенного общительного мальчишку. Одежду он теперь носил по размеру и жил в отдельной комнате, бывшей спальне Джинни, а ее переселили к Мэнди, поскольку Стема, разумеется, нельзя было оставить с Денни, невзлюбившим новоявленного брата. И в конце концов все устроилось благополучно: Мэнди свыклась с постоянным присутствием Джинни, а та и вовсе умирала от восторга, что делит комнату со старшей сестрой, чей комод сплошь завален косметикой.

Над кроватью Стема висела черно-белая фотография в рамке – Одиночка со стаканом «Будвайзера» в руках. Снял его один из рабочих Реда в день окончания очередного проекта. Эбби горячо верила, что Стема нужно поощрять чаще и с любовью вспоминать отца. И мать тоже – хоть и не похоже, что он ее помнит. Мама ушла, потому что страдала, убеждала ребенка Эбби, а вовсе не потому, что не любила его. Нет, она очень его любила, и он обязательно это поймет, если она вернется. Эбби показывала Стему страницу в телефонной книге, где год за годом рядом с номером Уитшенков печаталось его имя: «О’Брайан, Дуглас А.», для того чтобы мама с легкостью могла его найти. Стем слушал внимательно, но молчал. А со временем стало казаться, что и отца он забыл. В десятый день рождения Стема Эбби спросила, вспоминает ли он о папе, и Стем ответил:

– Голос вроде бы помню.

– Голос! – воскликнула Эбби. – Он что-то говорит?

- Нет, кажется, он мне пел, когда укладывал спать. *Какой-то дядя пел.*
- О, Стем, как замечательно! Колыбельную?
- Нет, песню о козлике.
- Вот как... И это все? А лицо ты помнишь? Вы вместе что-то делали?
- Кажется, нет, – сказал Стем без особых эмоций.

Мудрый не по годам, говорила о нем Эбби знакомым. Это человек, который умеет приспособиться к трудным обстоятельствам и жить дальше.

В школе он отучился без потрясений, средненько, зато всегда выполнял все задания. И казалось бы, просто не мог не служить мишенью для всяких хулиганов, ибо поначалу был слишком маленьким для своих лет, однако нет, ничего подобного. Спасибо то ли его исключительному дружелюбию, то ли редкой невозмутимости, то ли склонности видеть в людях одно хорошее. Так или иначе, он все одолел. А окончив школу, сразу пошел в «Уитшенк Констракшн», где работал неполный день, пока не достиг совершеннолетия; он утверждал, что колледж ему не нужен. Женился он на той единственной девушке, в которую по-настоящему влюбился, и у них один за другим родилось трое детей. Стем никогда не смотрел на сторону, не искал чего-то получше и в этом куда сильнее других походил на Реда. Даже походка такая же – размашистый шаг, лбом вперед – и долговязость, пусть и не «окрас». Стем казался Уитшенком, выбеленным на солнце: волосы не черные, а светло-каштановые, глаза не сапфировые, а светло-голубые. Линялый, но все-таки Уитшенк.

«Больше Уитшенк, чем я» – так сказал Денни, услышав, что Стем теперь трудится в семейной фирме. Правда, раньше, еще подростком, когда жил дома, Денни как-то спросил у Эбби:

– Что этот *типчик* у нас делает? Ты его к нам пристроила, а чем вообще думала? Почему нашего разрешения не спросила?

– Разрешения! – воскликнула Эбби. – Он же твой брат!

Но Денни отрезал:

– Никакой не брат. Даже близко не родственник. А ты говоришь, как... как... недоделанная либералка! Из тех, знаешь, которые якобы в упор не видят, черная у человека кожа или белая. У них что, глаз нет? А у *тебя*? Думаешь, сотворила вселенское добро? Может, и да, только тебе наплевать, хорошо это для твоих собственных детей или плохо!

Эбби лишь пролепетала:

– Ох, Денни.

Ох, Денни.

В воскресенье утром дверь кабинета – там спал Денни – была закрыта и все уговаривали детей не шуметь.

– Идите играть на веранду – сказала им Нора после завтрака. – Только тихо. Не разбудите дядю.

Мальчишки, стараясь изо всех сил, с преувеличенной осторожностью крались на цыпочках из кухни, но все равно являли собой картину полного хаоса и разрушения: толкались, пихались локтями, тыкали друг друга пальцами, спотыкались о штанины собственных пижам, а Хайди носилась вокруг, словно обезумев. Бренда, лежа на полу в углу, подняла голову, посмотрела им вслед, застонала и опять уронила морду на лапы.

Ред тоже долго не вставал, и узнать, как прошла встреча на станции, не представлялось возможным.

– Я пыталась их дождаться, – пожаловалась Эбби, – а сама взяла и задремала. Все, я уже не способна читать в кровати! Нужно было сидеть и ждать внизу. Еще кофе, Нора?

– Я сама сделаю, мама Уитшенк. А вы отдыхайте.

Да, им требовалось время, чтобы решить, кто за что отвечает. Утром Эбби, по обыкновению, подала тосты и хлопья, но потом спустилась Нора и, не сказав ни здрасьте ни до свидания, взбила для омлета целую упаковку яиц.

Стем еще расхаживал в пижаме, а Эбби в халате, Нора же успела одеться в платье, белое, хлопчатобумажное, с узором из синих веточек; босоножки подчеркивали гладкость загорелых ног. На завтрак она съела больше всех остальных, вместе взятых, но до того медленно и изящно, что, казалось, не ела вовсе.

– Я вот думаю, – заговорила Эбби, – не пригласить ли девочек с мужьями и детьми на ланч? Они ведь захотят повидаться с Денни.

– Только можно попозже? – попросила Нора. – У нас с мальчиками церковь.

– Да, конечно. Пожалуй, сядем за стол в... час, скажем? И я, наверное, сделаю мясной рулет.

– Если вы поставите рулет в печку, то я, когда вернусь, быстренько приготовлю остальное.

– Нора, я пока еще в состоянии накормить обедом семью.

– Конечно, – безмятежно согласилась Нора.

Стем сказал:

– Я куплю что нужно из продуктов.
– Папа купит, – возразила Эбби.
– Мам. Я затем и здесь.
– Ну хорошо... только иди тогда к Эдди. Там запишешь все на наш счет.

– Мам.

К счастью для Эбби, которая не выносила споры из-за денег, в этот миг вошел Ред. На нем был потрепанный старый халат и шлепанцы, которые шаркали, как метла, а в руках – стакан с Фредом Флинтстоуном, куда Ред наливал воду на ночь.

– Всем доброе утро, – произнес он.

– Доброе! – Эбби начала отодвигать стул, но Нора уже несла к столу кофейник. – Денни нормально добрался? – поинтересовалась Эбби.

– Угу. – Ред сел.

Стем спросил:

– Поезд пришел по расписанию?

Ред либо не расслышал, либо не счел нужным отвечать. И потянулся за тарелкой с омлетом.

– Вот тост, – предложила Эбби. – Цельнозерновой.

Ред взял довольно много омлета и передал тарелку Норе: она тоже решила повторить.

– Если я еще хоть один распроклятый разочек увижу эту пакостную статую, – заявил Ред, – то, клянусь, возьму напрокат бульдозер. Это же просто позор! В других городах на вокзалах фонтаны или что-нибудь этакое солидное из металла, а у нас гигантский жестяной Франкенштейн с дурацким сердцем, которое мигает голубым да розовым.

– Как Денни? – перебила Эбби.

– Нормально, насколько могу судить. – Он заглянул в кувшинчик для сливок: – А еще есть?

Нора встала и направилась к холодильнику.

– Мы разговаривали исключительно про «Орионе»^[20]. – Ред наконец снизошел до того, чтобы удовлетворить любопытство родных. – Мы оба не верим, что они продержатся на том же уровне до конца сезона.

– А.

– Он привез с собой три сумки.

– Три?

– Я его спросил, – Ред размешивал кофе, – зачем, говорю, столько багажа? А он: тут, мол, летняя и зимняя одежда.

– Зимняя?

– Зимняя. Она, говорит, занимает почти все место – материал толще.

– Как же он это тащил? – удивился Стем.

– Когда садился в поезд, нанял носильщика, но вот когда высаживался... Вы когда-нибудь пробовали найти носильщика в Балтиморе? К тому же после полуночи? А он ничего, справился. Если б я знал, я бы припарковался и пошел за ним на вокзал.

– Зимняя одежда! – Эбби говорила тихо и обращалась будто сама к себе.

– Вкусный омлет, – сказал ей муж.

– Это Нора сделала.

– Вкусный омлет, Нора.

– Спасибо.

– Видимо, нужно убрать все из шкафа в кабинете, – задумчиво произнесла Эбби. – Но мне уже пришлось искать место для вещей из шкафа в кладовке. А еще из шкафа в комнате Стема и Норы. – У нее сделался испуганный вид.

– Расслабься, – буркнул Ред, не поднимая глаз от омлета.

– Ненавижу, когда так говорят.

– Я могу освободить этот шкаф, – предложила Нора.

– Но ты же не знаешь, куда переложить вещи.

– Нора – мастер оптимизации пространства, – поведал Стем.

– Да я несколько не сомневаюсь, что она мастер, но...

– Привет всем. – В кухне появился Денни.

На нем были защитного цвета штаны, заляпанные краской, и футболка с изображением группы «Стринг Чиз Инсидент». Взлохмаченные волосы бахромой падали на уши. (Другие мужчины в семье фанатично следили за тем, чтобы волосы не отрастали.) Впрочем, выглядел Денни здоровым и веселым.

Эбби воскликнула:

– Солнышко! Как я рада! – и встала обнять сына.

Тот коротко обнял ее в ответ и наклонился погладить Бренду. Собака с трудом поднялась с пола, доплелась до Денни и уткнулась в него носом. Стем, не вставая, приветственно поднял руку, а Нора улыбнулась:

– Привет, Денни!

– Поесть осталось?

– Сколько угодно, – ответила Эбби.

Нора опять пошла за кофейником.

– Где дети? – спросил Денни, усевшись за стол.

– На веранде, – сказала Эбби. – Надеюсь, это не они тебя разбудили?

- Вообще не слышал ни звука.
- Как доехал?
- Ничего, нормально. – Он положил себе омлет.
- Надо было ехать сегодня утром. В воскресенье утром поезд пустой.
- Вчера вечером тоже, – ответил Денни.

Стем спросил:

- По-прежнему занимаешься кухнями?
- Не-а, я уволился.
- И что же теперь?
- Теперь я здесь. – Денни смерил Стема холодным взглядом.

Нора вмешалась:

- Извините, но мне нужно одеть мальчиков. Скоро в церковь.

Денни коротко посмотрел на нее, взял вилку и начал есть.

Мальчики, узнав, что Денни проснулся, радостно ворвались на кухню, облепили его и забросали вопросами – не забыл ли он свою бейсбольную перчатку? Отвезет ли их на речку? Хайди гавкала, прыгала и пыталась пролезть между ними. Денни отделался от ребятни, добродушно пообещав, что позже они обязательно чем-нибудь займутся, и Нора увела их наверх. Стем направился следом с маленьким Сэмми на спине, а Ред удалился на веранду читать газету.

Эбби и Денни остались вдвоем. Она налила себе еще кофе и села.

- Деннис.
- Ой-ой-ой.
- Что?

– Раз ты называешь меня Деннис, значит, дело пахнет керосином. – Он положил себе на тарелку немного джема.

– Денни, я догадываюсь, что сказала тебе Джинни. Что я стала рассеянная и мне нужна нянька.

- Она так не говорила.
- Ну ладно, это *неважно*. Я хочу, чтобы ты выслушал и мою версию.

Он склонил голову набок.

– То, из-за чего все всполошились, – начала Эбби, – в смысле, почему Стем и Нора решили жить с нами. Все совсем не так, как может показаться. я не... не ушла из дома и не потерялась, как слабоумная старушка. В тот вечер случился жуткий ураган, ну, тот, который называли «Деречо», помнишь? Господи, «Деречо», «Эль Ниньо»... какими словами мы теперь бросаемся... И скажи только, что это не глобальное потепление! Так вот, ураган повалил у Эллисов одно из их огромных деревьев прямо на провода между нашими участками. И еще штук сто других деревьев, так что

половине города отключили электричество, и нам тоже.

– Фигово. – Денни принялся за тост.

– Видел бы ты это дерево! Оно валялось на земле, как гигантский черенок брокколи, только с корнями. А какая ямища от него осталась! Прямо подземелье. Представь, до чего любопытно на такое посмотреть.

– Значит, ты пошла смотреть яму?

– Получается так.

– Получается?

– Да. Я практически уверена.

– Мам... Ветер был ураганной силы. Ты должна помнить, выходила или нет.

– Я *помню*. То есть я помню, как стою на улице, но не помню, как выходила. Понимаешь, иногда моя память перепрыгивает вперед на пару минут, совсем как игла на пластинке. Я занимаюсь самым обычным делом и внезапно вижу, что время прошло, понимаешь? Минут пять или десять, точно не знаю. Но между *тогда* и *сейчас* полный провал. Не так, когда забываешься за каким-то рутинным занятием, но все-таки осознаешь, что время идет. Нет, больше похоже на... вот как будто просыпаешься от наркоза.

– Больше похоже на микроинсульт, – сказал Денни, – или что-то подобное. Приступ.

– Приступ? Не знаю.

– Ты говорила врачу?

– Нет, конечно.

– Но может, это легко лечится.

– В моем возрасте все трудно лечится, – возразила Эбби. – К тому же такое со мной случается не часто. Совсем не часто.

– Хорошо. Значит, ты говоришь, что вышла в грозу посмотреть яму.

– Нет, гроза кончилась. И дождь прекратился. Но вообще да, именно так. И я была в тапочках и в ночной рубашке и без ключей от дома. Зачем мне ключи? Обычно замок сам не захлопывается. Ох, до чего же я ненавижу автоматические замки! Это небось твой отец постарался, он все время с чем-нибудь возится. Ну а потом он, естественно, не слышал, как я его зову, потому что давно уже крепко спал, совсем стал глухой, ты ведь знаешь. Я кричала, стучала... Позвонить-то не могла, электричества ведь не было, да и не слышит он звонок почти никогда. Я даже бросала камешки в окно нашей спальни, но оказалось, что это довольно-таки бесполезное дело, не как в книгах. И в конце концов подумала: что ж, устроюсь в гамаке и дождусь утра. И, скажу тебе, это отнюдь не плохо. Приятно даже. Света

нигде нет, не горят ни фонари, ни окна в домах, и только слышно, как вода капает с деревьев и квакают древесные лягушки. Я пристроилась в гамаке и заснула, а утром проснулась все равно слишком рано, твой отец еще спал. И я решила погулять и посмотреть, что натворила гроза. Тут была настоящая зона бедствия, Денни! Посреди улицы поваленные огромные стволы, ветки, всюду оборванные провода, против дома Браунов расплюснутая машина... Там-то меня и застала Сакс Браун. Я проверяла, не застрял ли кто в этой машине. Представляю, как оно выглядело со стороны: я за полквартиры от дома в ночной рубашке с грязным подолом. – Эбби хихикнула.

– Понятно... – ответил Денни.

– Но это еще не повод приставлять ко мне сиделок.

– Нет, не повод, – кивнул Денни.

– Вот и хорошо.

– Это скорее стечение не подвластных тебе обстоятельств. Такое мне хорошо знакомо.

– Значит, ты согласен, что вам не нужно здесь быть? – спросила Эбби. – Нет, не подумай, мне нравится, что вы с нами. Но в этом нет нужды, понимаешь?

– Почему ты Стому этого не рассказала?

– Стому? Я рассказала. Вернее, попыталась. Я всем попыталась рассказать.

– Почему же ты его не попросишь уехать? Почему меня, а не его?

– Детка, я не прошу тебя уехать. Я надеюсь, что ты пробудешь у нас сколько захочешь. Я только говорю, что мне не нужна сиделка. Ты вот сразу во все вник. А Стем... не может. Они с твоим папой на одной волне. Они раскидывают умом и вырабатывают *мнение*, понимаешь, о чем я?

– Прекрасно понимаю, – ответил ее сын.

Эбби с явным облегчением откинулась на стуле, и лоб ее уже начал разглаживаться, но тут Денни со словами «Каждый раз одно и то же» встал и вышел из кухни.

По несчастливому совпадению к воскресному ланчу явилась очередная «сиротка». Некто Атта с безумно сложной фамилией – недавняя иммигрантка лет под шестьдесят, тучная, пастозная, в толстом платье с ремнем и в чулках, похожих на эластичный бинт, хотя стояла жара, тридцать три градуса, и чулок в Балтиморе не видывали уже несколько месяцев. Ее не ждали, и вдруг она забарабанила по сетчатой двери с криками:

– Эй! Эй! Я правильно пришла?

«Иа», так она произносила, и «прийшла».

– Ой, боже мой! – воскликнула Эбби. Она вслед за Стемом спускалась по лестнице, оба несли стопки бумаг, которые надеялись пристроить на веранде. – Атта, верно? Надо же! Я ужасно рада...

Передав свои бумаги Стому, она открыла сетчатую дверь.

– Я рано? – поинтересовалась Атта, вваливаясь в дом как слон. – Думаю, нет. Вы говорили, двенадцать тридцать.

– Нет, конечно же нет. Мы тут просто... Это мой сын Стем, – представила Эбби. – Атта в Балтиморе недавно, Стем, и пока не знает здесь ни души. Мы с ней познакомились в супермаркете.

– Здравствуйте. – Стем кивнул госте из-за кипы бумаг. – Прошу прощения, я пойду положу это куда-нибудь.

– Проходите, пожалуйста, – пригласила Эбби. – Вы легко нас нашли?

– Легко в достатке. Но вы точно говорили двенадцать тридцать.

– Да? – произнесла Эбби смущенно – вероятно, из-за своего вида: широкие штаны цвета морской волны чуть ниже колен и блузка без рукавов с цепочкой английских булавок, пристегнутой на уровне соска. – Мы домашнему, – объяснила она, – у нас не особо принято наряжаться. А вот и мой муж! Ред, это Атта. Она пришла на ланч.

– Очень приятно. – Ред наскоро пожал руку Атты, не расставаясь с отверткой: снова возился с проводами в щитке.

– Я не ем красный мясо, – громко и без интонации сообщила ему Атта.

– Нет?

– В своей стране я ем мясо, но здесь в него кладут гормоны. («Кхормоны».)

– А-а, – отозвался Ред.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала Эбби, а когда Стем вернулся с веранды, добавила: – Стем, сядь и поговори с Аттой, а я пока займусь едой.

Стем бросил на мать отчаянный взгляд, но Эбби ослепительно ему улыбнулась и вышла.

В кухне Нора резала на столе помидоры.

– Что же делать? – обратилась к ней Эбби. – У нас нежданная гостья, и она не ест красного мяса.

Нора, не оборачиваясь, предложила:

– Может, сделать салат из тунца? Дуглас купил.

– О, хорошая мысль. А где Денни?

– Играт в мяч с мальчиками.

Подойдя к сетчатой двери, Эбби выглянула во двор. Сэмми, не поймав

мяч, бежал за ним, а Денни стоял и ждал, лениво постукивая по своей перчатке.

– Ладно, пусть играют, – пробормотала Эбби. Протяжно вздохнула: – О господи! – и направилась к холодильнику за ледяным чаем.

В гостиной Атта растолковывала Реду и Стому, что не так с американцами:

– С виду они такие искренние, сердечные-сердечные. Все такие: «Здравствуйте, Атта, как поживаете?» А потом – ничего, один пшик. Я здесь не имею друзей. Ни единственного.

– Ну-у-у, – протянул Ред, – бросьте! Я уверен, друзья у вас скоро появятся.

– Нет, я не думаю, не появятся.

Стем спросил:

– А вы собираетесь присоединиться к какой-нибудь церкви?

– Нет.

– Дело в том, что у Норы, моей жены, при церкви есть целый комитет, который занимается иммигрантами.

– Я не собираюсь присоединяться к церкви.

После паузы Ред сказал:

– Я не очень понял последнюю фразу.

Стем и Атта посмотрели на него, но промолчали.

– А вот и я! – бодро пропела Эбби, входя с подносом, и поставила его на кофейный столик. – Кто хочет ледяного чая?

– О-о, вот спасибо, малыш, – с чувством отозвался Ред.

– Атта рассказала вам про свою семью? У нее очень необычная семья.

– Да, – подтвердила Атта. – Наша была удивительная семья. Нам все завидовали. – Она взяла из вазы пакетик сахарозаменителя, поднесла близко к глазам и, чуть шевеля губами, прочла надписи мелким шрифтом, а затем положила пакетик обратно в вазу. – В моей семье по обе стороны длинные линии знаменитых ученых. Мы всегда имели в доме научные дискуссии. Другие хотели тоже быть из нашей семьи.

– Правда же, очень необычно? – просияла Эбби.

Ред обмяк в кресле.

На ланч собралась такая толпа, что внуков пришлось посадить на кухне – всех, кроме Элизы, дочки Аманды. Ей было четырнадцать, и она считала себя взрослой. За обеденный стол уселось двенадцать человек: Ред и Эбби, четверо их детей, трое супругов детей, Элиза, Атта и миссис Энджелл – свекровь Джинни, жившая вместе с ней. Тарелки почти

соприкасались краями, между ними теснились ножи, вилки, ложки. Кругом то и дело повторялось: «Ой, простите, это ваш стакан или мой?» И Эбби, по крайней мере, все это явно воодушевляло.

– Как нас много, – улыбалась она детям. – Правда же, весело?

Те в ответ смотрели угрюмо.

До ланча почти все толпились на кухне, куда ретировались после знакомства с Аттой. Эбби присоединилась к ним, но, пожалуй, напрасно – расступившись, родные обожгли ее злобными взглядами.

– Мам, как ты могла?

Джинни добавила:

– Ты ведь, кажется, обещала, что это прекратится.

– Что прекратится? – возмутилась Эбби. – Честное слово, неужели трудно проявить капельку гостеприимства?

– Мы хотели собраться в тесном кругу! Но нет, тебе, как всегда, своей семьи мало! Что тебе, нас не хватает?

Однако теперь все уже потихоньку успокаивалось. Хью, муж Аманды, высокохудожественно резал мясо. Он окончил специальные курсы, и с тех пор эта почетная обязанность традиционно возлагалась на него. Ред, наблюдая, бормотал:

– Господи боже ты мой, там ведь нет костей, ну что за театр?

Нора бесшумно входила и выходила, успокаивала детей, вытирала пролитое, а миссис Энджелл, женщина с приятным лицом и седыми голубоватыми волосами, похожими на пух одуванчика, по мере сил развлекала Атту беседой. Расспрашивала о работе, о том, что едят у нее на родине, об устройстве системы здравоохранения. Атта сбивала каждый вопрос на лету. Казалось, те падают на пол, будто пропущенные воланчики.

– А вы будете подавать на американское гражданство? – поинтересовалась миссис Энджелл.

– Абсолютно ни за что нет, – отрезала Атта. А...

– Атта считает американцев недружелюбными, – объяснила Эбби миссис Энджелл.

– Святые небеса! Впервые такое слышу!

– Они *притворяются*, что они друзья, – сказала Атта. – Мои коллеги всегда спрашивают: «Как поживаете, Атта?» Говорят: «Мы рады вас видеть, Атта». Но что, зовут они меня в гости? Нет.

– Возмутительно.

– Они... как это у вас говорят? Двуликие, – заявила Атта.

Джинни перегнулась через стол и спросила Денни:

– Помнишь Би Джей Отри?

Денни невнятно промычал что-то в ответ.

– Я вдруг ее вспомнила, сама не знаю почему.

Аманда хмыкнула, а Стем застонал. Они отлично знали почему: Би Джей с ее скрипучим голосом и режущим смехом была, пожалуй, самой противной «сироткой» их матери. Денни без улыбки посмотрел на Джинни, а затем повернулся к Атте:

– Полагаю, вы ошибаетесь.

– Да? – удивилась она. – «Двуликие» неправильное слово?

– В этой ситуации да. «Вежливые», думаю, намного точнее. Люди проявляют вежливость. Вы им не слишком нравитесь, поэтому к себе они вас не приглашают, но очень стараются вести себя с вами любезно. Вот и спрашивают, как вы поживаете, и говорят, что рады вас видеть.

Эбби воскликнула:

– Денни!

– Что?

– Или еще, – абсолютно невозмутимо сказала Атта, – они желают мне «приятно провести выходные». Как, спрашивается, мне это делать, хотела бы я знать.

– Точно. – Денни улыбнулся матери; та откинулась на спинку стула и шумно выдохнула.

– Внимание! – прокричал Хью, муж Аманды, нанизав кусок мяса на большую двузубую вилку. – Смотрите-ка, Ред.

– Что?

– На этом куске ваше имя. Видите, он тоненький, как бумага.

Ред кивнул:

– А, хорошо, спасибо, Хью.

Хью, муж Аманды, прославился в семье тем, что однажды спросил, зачем под кустами азалии шнауцер. Он говорил о штуцере для поливных шлангов. В семье этого так и не забыли и часто спрашивали: «Что, Хью, как сейчас под кустами, много шнауце-ров?» Он нравился Уитшенкам, но изумлял их своей безрукостью, бесполезностью в том, что казалось им главным в жизни. Он не умел даже заменить выключатель! Хью тщательно ухаживал за собой, поражал модельной красотой и привык ко всеобщему восхищению. Он постоянно хватался за какие-то новые занятия, однако от недостатка терпения бросал их, а в настоящий момент держал ресторан под названием «День благодарения», специализировавшийся на блюдах с индейкой.

У Хью, мужа Джинни, напротив, были золотые руки; он работал в колледже, где Джинни училась. Другие девочки мечтали о студентах-

медиках, но Джинни, лишь глянув на простака Хью – борода цвета опилок, пояс с инструментами низко на бедрах, – сразу почувствовала себя как дома. Вот человек, с которым можно говорить на одном языке! Она вышла за него замуж на старшем курсе, доставив этим некоторые неудобства администрации колледжа.

Сейчас Хью, муж Джинни, расспрашивал Элизу о ее балете, проявляя тем самым большую любезность, поскольку до того с девочкой никто толком не разговаривал.

– Это у тебя из-за балета волосы затянуты? – осведомился он, и Элиза ответила:

– Да, мадам О’Лири требует.

Она села прямее – тоненькая, будто водоросль, плечики нарочито прямые – и потрогала маленький пончик у себя на макушке.

– А если бы у тебя были кудрявые волосы, которые не держались бы так? – не отставал он. – Или если бы не вырастали длинными, как иногда бывает?

– Никаких исключений, – серьезно отвечала Элиза. – Мы обязаны закалывать их на затылке.

– Вот как!

– А еще обязательно прозрачные юбки, – вмешалась Аманда, – поверх трико. Все думают, что им нужно носить пачку, но это лишь для выступлений.

Эбби спросила:

– Джинни, а помнишь, мы одели Элизу в пачку, когда она только родилась?

– Еще бы! – Джинни засмеялась. – Как такое забудешь? У нее их было целых три. Мы ее все время переодевали.

– Твоя мама попросила нас посидеть с тобой, – объяснила Эбби Элизе, – в самый первый раз ей казалось спокойнее поручить тебя родственникам. Ну, мы ей: «Давай, давай, езжай отсюда!» А сами, чуть она за порог, раздели тебя до подгузников и начали наряжать. Перепробовали все до единой вещички, что подарили на бэби-шауэр^[21].

– Впервые слышу, – удивилась Аманда.

Элиза сидела с довольным видом, но немного смущенная.

– Ах, как же мы мечтали добраться наконец до этих прелестных одежек! Не одни ведь пачки, а еще чудесное матросское платьице, и купальник-бикини, и – помнишь, Джинни? – синий в полоску комбинезон из тика с пластмассовой застежкой.

– Как не помнить, – отозвалась Джинни. – Это же я подарила.

– Мы сделались будто пьяные. – Эбби повернулась к Атте: – Все-таки первая внучка.

– Ну, не совсем, – возразил Денни.

– Что, солнышко?

– Ты, похоже, забыла. Первая внучка у вас Сьюзен.

– А! Да, конечно. Я имела в виду, первая внучка к нам близко. В смысле, географически. Что ты, разве я могла забыть Сьюзен!

– Кстати, как она? – поинтересовалась Джинни.

– Хорошо, – ответил Денни.

Он зачерпнул подливки для мяса и передал соусницу Атте, которая, сощурившись, заглянула внутрь и поспешила от нее избавиться.

– Чем она занимается летом? – спросила Эбби.

– Музыкай.

– Музыкай, как хорошо! У нее способности?

– Вроде бы да.

– А что за инструмент?

– Кларнет? – задумчиво произнес Денни. – Да, кларнет.

– Я подумала, может, валторна.

– Почему ты так подумала?

– Ты же ведь играл на валторне.

Денни принялся резать мясо.

– Что этим летом поделявает Сьюзен? – спросил Ред.

Все уставились на него.

– Играет на кларнете, Ред, – после некоторого молчания сказала Эбби.

– Чего?

– На кларнете!

– Мой внук в Милуоки играет на кларнете, – поведала миссис Энджелл. – Его, правда, трудно слушать без смеха. Вместо каждой третьей-четвертой ноты выходит пронзительный писк. – Она посмотрела на Атту: – У меня тринадцать внуков, представляете? А у вас, Атта, есть внуки?

– Откуда бы? – вознегодовала Атта.

Снова воцарилась тишина, на сей раз тяжелая, ватная, как одеяло, и все уткнулись в свои тарелки.

После ланча Атта удалилась, забрав с собой остатки магазинного слоеного торта, который подали на десерт. Она почти не притронулась к салату из тунца, объявив, что «в нем ртуть», зато оказалась большой сладкоежкой. Элиза ушла во двор к детям, а взрослые переместились на крыльцо. Даже Нору удалось убедить, что с уборкой на кухне можно

подождать, и Ред решил подремать не у себя наверху, а в пахнущем плесенью гамаке с южной стороны крыльца.

– Что это у папы руки в пятнах? – тихо спросил Денни своих сестер. Они втроем сидели на качелях.

Но ответила Эбби, от которой никогда ничего не ускользало. Она прервала разговор с миссис Энджелл и крикнула:

– Он принимает антикоагулянты. Из-за них легко появляются синяки.

– А с каких это пор он спит днем?

– Врачи велели. Теоретически он должен спать не только по выходным, а каждый день, но этим он манкирует.

Денни молчал, рассеянно качаясь и глядя на серую белку, прошмыгнувшую под кустом.

– Забавно, что мне не потрудились сообщить о его сердечном приступе, – произнес он чуть погодя. – Я до вчерашнего вечера был не в курсе. Не позвонил бы Джинни, так, может, вообще никогда не узнал бы.

– Но твое присутствие ничего бы не изменило, – ответила Аманда.

– Вот спасибо!

Эбби недовольно заерзала в кресле-качалке.

– Не правда ли, погода стоит восхитительная? – почти пропела миссис Энджелл.

На самом деле погода стояла на редкость знойная, с частыми бурными грозами, так что она, вероятно, просто хотела сменить тему.

– Ах, Лу, – Эбби похлопала ее по руке, – ты всегда смотришь на вещи позитивно.

– Но мне нравится жара, а вам разве нет?

– Да, нравится, – согласилась Эбби. – Но я не могу не думать о беднягах, что живут в центре города и сейчас буквально задыхаются.

Уитшенкам сносить жару помогали потолочные вентиляторы, чердачный вентилятор и по-старинному высокие потолки. Ред порой заговаривал о том, не установить ли кондиционеры, но тут же прибавлял, что не хочется тревожить каркас дома. На крыльце висели еще три вентилятора, равномерно распределенных по длине, – красивые, старомодные, с лакированными деревянными лопастями, подходящими по цвету к лакированным потолку и полу, а также медового цвета качелям и широким входным ступеням. Все это когда-то выбирал Джуниор, и он же велел установить над каждой дверью первого этажа узорчатые вентиляционные решетки для свободной циркуляции воздуха. Плюс, конечно же, тюльпанные деревья давали тень, хоть Эбби и жаловалась, что *слишком* густую. Под деревьями ничего не росло, вместо газона там была

утоптанная земля с пробивающейся кое-где выносливой росичкой, а по северному краю участка цвели одни только хосты с их жалкими цветочками и огромными монструозными листьями.

– А что поделявают дети Нельсонов? – спросила Джинни, глядя на дом соседа через дорогу.

– Я точно не знаю, – ответила Эбби. – В наши дни спросишь у людей о детях и понимаешь, что им и говорить-то ничего не хочется. Они мямлят: «Ну, знаете, наш сын окончил Йель, но сейчас он, м-м...» И в конце концов выясняется, что он бармен или варит капучино и вообще вернулся и опять живет дома.

– Нашел хоть какую-то работу – так уже повезло, – вмешался Хью, муж Аманды. – Я вот начал временно увольнять официантов.

– Ой, господи, у тебя что, дела идут плохо?

– Да, похоже, люди перестали есть в ресторанах.

– Но у Хью появилась идея получше, – сообщила Аманда, – нечто абсолютно новое. Правда, в том случае, если найдутся спонсоры.

– Вот как. – Эбби нахмурилась.

– «Не проходите старт»^[22], – сказал Хью.

– Что?

– Название моей будущей фирмы. Броское, да?

– Но чем эта фирма будет... заниматься?

– Беспокойными туристами, – ответил Хью. – В смысле, психами ненормальными. Вы, может, и не знаете, что бывают такие люди, вы ведь никогда не путешествуете, а я вот таких навидался, уж поверьте. Моя двоюродная сестра, например. Кузина Дарси. Она начинает паковать вещи загодя – настолько загодя, что ей становится нечего носить. Складывает в чемодан абсолютно все, на все случаи жизни. А еще она уверена, будто дом таинственным образом чувствует, что она собирается уехать, потому так и ждет, что буквально за пару часов до поездки случится протечка, засорится унитаз или откажет сигнализация. Для тех, кто останется с ее собакой, она пишет целые романы. И заодно начинает подозревать, что у кошки диабет. Так я что придумал: для людей вроде Дарси мы будем брать на себя всю подготовительную работу и делать намного больше, чем обычные турагенты. Она нам – дату и место назначения, а мы ей: «Ни слова больше!» И не только бронируем рейс и гостиницу, но и упакуем чемоданы за три дня и отправим их экспрессом, то есть можно не думать о регистрации багажа. Мы обеспечим такси в аэропорт и в месте назначения по прибытии, закажем билеты в музей, экскурсии с гидом и столики в лучших ресторанах. И это только начало! Мы также организуем уход за

домашними животными и вызовом мастера, если в доме что-то сломается, – это надо будет обсудить с Редом, – найдем англоговорящего врача недалеко от гостиницы, запишем в салон поправить прическу в середине поездки. За три часа до вылета мы позвоним ей в дверь: пора! Но она, допустим, ответит: «Понимаете ли, какая штука, у моей мамы диагностировали сердечную недостаточность, она может в любую минуту умереть». «Понятно, но *вот*, – говорим мы и выхватываем из кармана сотовый телефон, – вот вам сотовый с европейским роумингом, его номер известен и вашей мамочке, и ее реаниматору А к тому же мы приобрели для вас страховку, по которой вы в случае экстренной ситуации немедленно вылетаете домой».

Засмеялся один только Денни.

– Это должен быть *очень* богатый путешественник, – сказал Хью, муж Джинни.

– А я и не говорю, что будет дешево.

– Очень богатый и сильно психованный, причем в одном флаконе. Сколько таких найдется во всем Балтиморе?

– Ну, друг! Умеешь поддержать человека.

– Ой, а мне страшно нравится название, – поспешила вмешаться Эбби. – Сам придумал, Хью?

– Да.

– И оно означает... Под «Не проходите старт» подразумевается?..

– Что перед поездкой не надо ничего планировать и ни с чем возиться, как это обычно бывает.

– Понятно. То есть с тюрьмой ничего общего?

– С тюрьмой? Господи, конечно нет.

– А как же твой ресторан? – поинтересовалась Джинни.

– Я его продам.

– Интересно, кто же его купит?

– Ну, народ, вы даете!

– Я только спросила. – Джинни подняла брови.

Тут миссис Энджелл произнесла:

– А вы заметили, что в последнее время птицы не поют, а как будто бы разговаривают? Слышите?

Все прислушались.

– Может, из-за жары? – предположила Эбби.

– Боюсь, они решили бросить музыку и ударились в прозу.

– Нет, не верю, – возразила Эбби. – Они, скорее, просто устали и временно уступили сцену сверчкам.

– Когда мои внуки приезжают летом ко мне в гости из Калифорнии, – продолжала миссис Энджелл, – то обязательно спрашивают: «Что это за шум?» «Какой шум?» – говорю я. А они: «Да вот это вот щебетанье, стрекотанье, это вот чир-чир-чир». «А! – отвечаю я. – Так это же сверчки, или цикады, или еще кто. Вот забавно, я их даже не слышу». «Но от них же оглохнуть можно! – удивляются мои внуки. – Как ты можешь не слышать?»

И после ее слов все тоже внезапно услышали эту настойчивую трескотню, ритмичное трень-трень-трень старинных санных колокольчиков.

Аманда сказала:

– А я вот, например, считаю, что идея Хью замечательная.

– Спасибо, зайка, – отозвался Хью. – Приятно, что хоть ты в меня веришь.

Миссис Энджелл поддержала:

– Естественно! Мы все верим! Ну а ты, Денни?

– Верю ли я, что идея Хью замечательная?

– Где ты сейчас работаешь, я имела в виду.

– Нигде, – ответил Денни. – Я приехал помогать родителям. – Он откинул голову на спинку качелей и сплел пальцы на груди.

– Так приятно, что он дома. – Эбби улыбнулась миссис Энджелл.

– Конечно, могу представить!

– Ты по-прежнему кухни устанавливаешь? – поинтересовался Хью, муж Джинни.

– Уже нет. – И Денни добавил: – Я теперь внештатный преподаватель.

– Что? – изумилась Эбби.

– Внештатный преподаватель. Ну, во всяком случае, был этой весной.

– А разве для этого не нужен диплом колледжа?

– Как выяснилось, нет. Хотя диплом у меня имеется.

Все смотрели на Эбби и ждали вопроса. Его не последовало. Она сидела и смотрела на дом Нельсонов, напряженно сжав губы. Джинни спросила вместо матери:

– Так ты что, окончил колледж?

– Да, – сказал Денни.

– Как это?

– Так же, как и все, полагаю.

Все опять посмотрели на Эбби. Та никак не отреагировала.

– Ну, строительство никогда тебя особо не занимало, – заметил после некоторого молчания Стем. – Я это помню по тем временам, когда ты каждое лето работал у папы.

– Ничего не имею против строительства, но совершенно не выношу заказчиков. – Денни снова сел прямо. – Всех этих пижонов, которым не живется в доме без винного погреба.

– Винный погреб! Ха! А установку для мытья собак в гараже не хочешь?

– Установку для мытья собак?

– У одной мадам в Рагстоне.

Денни фыркнул.

– Мама Уитшенк, я принесу еще что-нибудь? – предложила Нора. – Ледяного чая?

– Нет, спасибо, – коротко ответила Эбби.

Внуки постепенно мигрировали с заднего двора к фасаду дома, а Сэмми по ступенькам вскарабкался на крыльцо, бросился к матери на колени и стал жаловаться на своих братьев.

– Кому-то пора поспать, – произнесла Нора, но продолжала сидеть, вся расслабленная, глядя поверх головы Сэмми на других детей. Они спорили из-за правил игры.

– Кусты около дома – это домик, а те, которые сбоку во дворе, – нет, – говорил один.

– Но те, которые сбоку, они самые лучшие, под ними можно прятаться.

– Так зачем же там будет домик?

– А.

Водил сын Джинни Александр, и на него было больно смотреть: первый в роду низкорослый, толстоватый Уитшенк. Бегая, он неуклюже выбрасывал ноги и загребал обеими руками воздух. По иронии судьбы его сестра Деб славилась как главная атлетка в семье – стройная крепкая девочка с мускулистыми ногами в пятнах комариных укусов. Александр не догнал ее, и она, достигнув куста азалии, крикнула:

– Ха-ха! Я в домике!

– Пожалуйста, кто-нибудь, отзовите Хайди, – попросил взрослых Александр. – А то путается под ногами.

Никто у него под ногами не путался – Хайди со своим неизменным пылом носилась по двору, но Стем свистнул, и она примчалась, запрыгнув по ступенькам крыльца.

– Лежать, девочка, – приказал Стем, ласково потрепав собаку по загривку, и та, смиренно проскулив, свернулась у его ног.

– Бренда, видно, стареет, – сказал Денни сестрам. – Раньше бы всю гонялась за Хайди.

– Меня убивает, что она стареет. Ты можешь представить себе этот дом

без собаки? – вздохнула Джинни.

– Легко, – ответил Денни. – Собаки – чума для дома.

– Ну, Денни...

– Что? Они царапают дерево, портят полы...

Аманда удивленно цокнула.

– Что смешного? – не понял Денни.

– Послушай себя! Ты говоришь, как папа. Ты из нас единственный, у кого нет собаки, а папа говорит, что и он бы не заводил, будь его воля.

– Это все разговоры, – заверила Эбби. – Ваш папа любит Клэренса не меньше нашего.

Четверо ее детей переглянулись.

Ред со стоном сел в гамаке.

– О чем вы там говорите? – Он почесал голову.

– О том, как ты любишь собак, пап, – сказала Джинни.

– А я разве люблю?

Аманда коснулась запястья Денни:

– Когда же мы увидим Сьюзен?

– Ну, пока ее некуда поселить, как она может приехать? – Денни пожал плечами.

Подразумевалось «Пока здесь Стем и его семейка», но Аманда, словно ничего не поняв, предложила:

– Пусть поживет в комнате мальчиков. Или она не захочет?

– Или можно подождать до поездки на море, – вставила Джинни. – Это уже очень скоро, а в пляжном доме миллион кроватей.

Денни предпочел оставить эту тему. Он следил за детьми, играющими во дворе: Пити боролся с Томми, а Элиза разнимала и бранила их тонким командирским голосом.

– Позвоню, пожалуй, братьям Петронелли. Опять пора дорожку чинить. – Ред медленно шагнул через крыльцо к остальным. Прихватил по пути за подлокотник кресло-качалку, поставил напротив Эбби.

– Сколько сюда ни приезжаю, ты вечно чинишь дорожку, – мягко укорил его Денни.

– Это пошло еще от твоего деда. Ему не нравилось, как ее положили.

– Да уж, он вечно с ней возился, – усмехнулась Эбби.

– Одно из моих первых воспоминаний, после того как мы сюда переехали. Он потребовал снять весь цемент и переложить камни, но все равно остался недоволен. Дорожку, мол, плохо выровняли, – сказал Ред.

– Но сейчас-то что? – спросил Стем. – С тех пор ее уже несколько раз ровняли. Чтобы покончить с проблемой раз и навсегда, надо сначала

спилить все деревья и выкорчевать корни, а я как-то сомневаюсь, что ты на такое согласишься.

– Эй, мужчины, хватит говорить о работе, – перебила его Эбби. – Сегодня для этого слишком хороший день. Правда, Лу?

– Еще бы, – откликнулась миссис Энджелл, – *замечательный*. И ветерок, кажется, поднимается.

Действительно, листва над их головами зашелестела, а густая шерсть на задних лапах Хайди заколыхалась наподобие нижних юбок.

– В такую погоду мне всегда вспоминается день, когда я влюбилась в Реда, – мечтательно произнесла Эбби.

Остальные улыбнулись. Они прекрасно знали эту историю, все, включая миссис Энджелл.

Сэмми крепко спал, прижавшись к груди матери. Элиза кружилась и кружилась рядом с кизилом, запрокинув голову и раскинув руки.

– Стоял прекрасный, ветреный, желтовато-зеленый полдень... – заговорила Эбби. Так она начинала свой рассказ всегда, всякий раз одними и теми же словами.

На крыльце все затихли. Лица разгладились, руки расслабленно легли на колени. Было так покойно сидеть здесь с семьей, под разговоры птиц, и стрекот сверчков, и сопенье собаки у ног, и крики детей: «В домике! Я в домике!»

В понедельник Денни спал почти до одиннадцати.

– Поглядите на него, мистер Соня! – воскликнула Эбби, когда он наконец спустился. – Во сколько же ты лег?

Денни пожал плечами и взял из шкафа коробку хлопьев.

– В половине второго, – ответил он. – Может, в два.

– Тогда ничего удивительного.

– Если я ложусь поздно, то есть надежда проспять до утра, – объяснил он. – А иначе просыпаешься среди ночи и нападают всякие дурацкие мысли. Терпеть этого не могу.

– Твой папа в таком случае встает и читает, – сказала Эбби.

Денни не потрудился ответить. В семье бытовали два диаметрально противоположных мнения относительно того, что делать при бессоннице, и Уитшенки давным-давно пришли к выводу, что спорить тут бесполезно.

После завтрака он, словно бы нагоняя упущенное, развил бурную

деятельность. Пропылесосил весь первый этаж. Смазал маслом петли калитки и подстриг живую изгородь на заднем дворе. Пропустил ланч, отчищая гриль. Потом взял машину Эбби и поехал в магазин Эдди за стейками для барбекю к ужину. Эбби велела записать стейки на ее счет, и Денни не возражал.

Казалось, дом невидимо поделен между Норой и Эбби. Нора возилась на кухне или занималась детьми, а Эбби сидела у себя в спальне или читала в гостиной, обе вели себя крайне любезно, но настороженно и явно старались друг другу не мешать. За весь день женщины по-настоящему разговаривали один раз – когда Денни уехал в магазин. Нора несла Сэмми наверх, чтобы уложить спать, и встретила с Эбби, спускавшейся с пачкой бумаг.

– Мама Уитшенк. Вам что-нибудь нужно, я могу вам помочь?

– Нет, дорогая, спасибо, – ответила Эбби. – Я просто решила, пока Денни нет, забрать из его комнаты что еще осталось от моих вещей. Правда, понятия не имею, куда это все девать.

– А если сложить в коробку и оставить у него в шкафу?

– Нет, нет, это не годится.

– Я могу принести коробку из подвала. Я видела, там есть несколько около стиральной машины.

– Нет, – тверже повторила Эбби, вздохнула и похлопала по блокноту на пружинке, лежавшему поверх стопки. – Не люблю оставлять свои вещи там, где Денни может до них добраться, – объяснила она.

– Ясно. – Нора поддержала Сэмми чуть выше у себя на бедре, но не двинулась с места.

– Я знаю, он ничего плохого не сделает, но тут мои стихи, дневники, всякие заметки. Если кто-нибудь их увидит, я буду чувствовать себя глупо.

– Да, понимаю, – сказала Нора.

– Так что я решила отнести это на веранду и разобрать, а потом уже попрошу Реда выделить мне ящик в его письменном столе.

– Я с удовольствием помогу, если нужно еще что-то принести, – предложила Нора.

– Я уже все забрала, милая.

И они разошлись в разные стороны.

На ужин были стейки, которые Денни пожарил на гриле, и суккоташ^[23] Норы, готовившей просто, по-деревенски; остальным суккоташ казался диковиной. Дети не желали есть стейки, и Нора, следуя модной педагогической тенденции, отправилась делать другую еду. Безропотно ушла на кухню и сварила макароны с сыром, полуфабрикат из

коробки. Эбби обратилась к мальчикам:

– Бедная, бедная ваша мамочка! Такая хорошая, бросила свое мясо с овощами и готовит для вас.

Так она пыталась намекнуть, что ее дети за столом не капризничали, но мальчики слышали это уже не раз и смотрели на бабушку безразлично. Один только Ред понял ее чувства.

– Ладно, милая, – утешил он, – такие уж теперь времена.

– Да, знаю!

До обеда мальчики с Норой плавали в местном бассейне и сейчас сидели раскрасневшиеся, с прилизанными волосами и опухшими глазами. Сэмми то и дело клевал носом – он не спал днем.

– Сегодня ляжете рано, – объявил детям Стем.

– А нельзя чуточку поиграть с дядей Денни? – заныл Пити.

Стем взглянул на Денни.

– Я не против, – сказал тот.

– Ура!

– Что сегодня на работе? – спросила Эбби У Реда.

Ред ответил:

– Сегодня не работа, а заноза в заднице. Попалась дама, которая...

– Прости... – Эбби встала и пошла на кухню, крича: – Нора, пожалуйста, вернись и поешь, я сама подам макароны.

Ред закатил глаза и, пользуясь отсутствием жены, положил большой кусок масла себе в суккоташ.

– Я сразу понял, что от этой леди будут одни неприятности, как только увидел ее толстенную папку, – проговорил Стем, обращаясь к Реду.

– Тюк-тюк-тюк, заклевала. – Ред согласно покачал головой.

Нора появилась в дверях со сковородкой и большой ложкой, Эбби шла за ней.

– Отличный суккоташ, – похвалил Ред.

– Спасибо.

Нора положила макароны на тарелку Томми, затем Пити и, наконец, Сэмми. Эбби села на свое место и потянулась за салфеткой со словами:

– Ну, Ред, что ты говорил?

– О чем?

– Что ты говорил о работе?

– Я не помню, – недовольно буркнул Ред.

– Речь шла про миссис Брюс, – пояснил Стем для Эбби. – Она перестраивает кухню.

– А я предупреждал насчет раствора! – не выдержал Ред. – Сто раз

говорил: мэм, не берите уретановый, это же еще два дня работы, и отчищать потом охренеешь. – И тут же добавил: – Ой, извиняюсь, – поймав трагический взгляд Норы из-под длинных густых ресниц. – Отчищать этот раствор – адский ад. В смысле, трудно очень. Сильно пачкается. Разве я ей не говорил, Стем?

– Говорил.

– А она что? Выбрала уретан. А теперь пеной исходит, что парни, видите ли, долго возятся.

Он на мгновение замолчал и нахмурился, вероятно решая, прилично ли выражение «исходит пеной».

– Не знаю, как ты выносишь таких людей, – поддержал отца Денни.

– Работа такая.

– Я бы не потерпел.

– Ты, может, и нет, – согласился Ред, – а вот нам подобная роскошь непозволительна. У нас половина людей две первые недели апреля простаивала. Думаешь, весело было? Мы и сейчас хватаемся за все, что подвернется, и еще небо благодарим.

Денни пожал плечами:

– Сам ведь только что жаловался.

– Я просто объясняю, что у меня происходит на работе, вот и все. А! Тебе не понять.

Денни склонился над стейком и молча отрезал себе кусок.

– Что же! – бодро произнесла Эбби. – Нора, я уже и не помню, когда в последний раз так вкусно ела.

– Да, очень вкусно, милая, – поддержал Стем.

– Стейки пожарил Денни, – уточнила Нора.

– Вкусные стейки, Денни.

Тот ничего не ответил.

– Теперь уже можно играть в мяч? – спросил его Томми.

Стем сказал:

– Дай ему доест, сынок.

– Нет, я все. Спасибо, Нора. – Денни отодвинул стул и встал, хотя почти не прикоснулся к стейку и едва тронул суккоташ.

Во вторник Денни спал до полудня. Потом вымыл пол во всех ванных и на кухне. Подмел крыльцо, протер там всю мебель и поправил расшатавшуюся балясину перил. Починил застежку на бусах Эбби, поменял батарейку в датчике дыма. Позже, днем, когда Нора и дети были в бассейне, он приготовил на ужин сложносочиненную овощную лазанью.

Нора, вернувшись, заметила, что собиралась подать гамбургеры и кукурузу в початках, но Денни ответил:

– Это можно оставить на завтра.

– Или можно оставить на завтра твою лазанью, – невозмутимо произнесла Нора, – потому что гамбургеры и кукурузу надо есть свежими.

– Эй, вы двое! – закричала Эбби. – Хватит вам думать об ужине, я уж как-нибудь сама справлюсь.

– Мою лазанью тоже надо есть свежей, – заявил Денни. – Слушай, Нора, я просто стараюсь чем-то себя занять, мне не хватает деятельности.

– И на то есть причина, – объявила Эбби всем в комнате. – Тут чересчур много помощников!

Она могла бы с тем же успехом быть комаром. Ни Нора, ни Денни на нее даже не взглянули. Их всецело поглотило другое: они пытались просверлить друг друга глазами.

Вечером ели гамбургеры и кукурузу. Посреди ужина Денни с отвлеченным любопытством спросил:

– Стем, а тебе не приходило в голову, что ты женился на собственной матери?

– Женился на матери? – не понял Стем. – На которой из них?

– Они обе с виду такие уступчивые, но потом становится понятно, что... – Денни осекся. – Чего? *На которой из них?*

Он откинулся на спинку стула и уставился на Стема.

Нора безмятежно продолжала намазывать маслом кукурузный початок.

Стем сказал:

– Нора очень уступчивая. Покажите мне женщину, которая так легко согласилась бы все бросить и уехать из своего дома.

– Но, – застонала Эбби, – мы же *не просили* ее это делать, мы бы никого из вас о таком не попросили.

Нора успокоила ее:

– Конечно, нет, мама Уитшенк. Мы сами решили, сами захотели. Подумайте, скольким вам обязан Дуглас.

– Обязан? – обиженно повторила Эбби.

Ред во главе стола вдруг встрепнулся:

– Что? Что происходит?

Он вопросительно смотрел на всех по очереди, но Эбби решительным жестом закрыла тему, и Ред стушевался и затих.

В среду Денни встал в половине одиннадцатого: видимо, постепенно переходил на нормальный режим. Он пропылесосил все спальни и сложил

целую гору белья, которое Нора достала из сушилки, начисто при этом перепутав, что кому принадлежит. Пришил пуговицу к блузке Эбби, но, правда, разбросал по полке в бельевом шкафу, где хранилась коробка для шитья, катушки и вязальные крючки. Затем поиграл с мальчиками в «чокнутую восьмерку»^[24], а когда Эбби сообщила, что уходит на занятия по гончарному мастерству, предложил ее отвезти. Она ответила, что всегда ездит с Ри Бэском.

– Ну как хочешь, – сказал Денни. – Только я сижу в потолок плюю, а мог бы пользу принести.

– Ты и так приносишь *много* пользы, милый, – возразила Эбби. – Просто мы с Ри уже тысячу лет ездим вместе, но спасибо тебе, что предложил.

– А можно воспользоваться твоим компьютером, пока тебя не будет? – спросил Денни.

– Моим компьютером... – Эбби, судя по лицу, запаниковала.

– Я хочу зайти в интернет.

– А ты не станешь... читать мою почту и все прочее?

– Нет, мама, кто я, по-твоему, такой?

Это ее не слишком убедило.

– Хочу пообщаться с миром всего-навсего, – объяснил Денни. – Для разнообразия. А то я здесь в полной изоляции.

– Денни, разве я не говорила? Тебе необязательно здесь оставаться.

– Надо же, какое гостеприимство, – сказал Денни.

– Бог мой, ты ведь понимаешь, о чем я. Я не старушка, Денни, меня не нужно водить за ручку. Все это совершенно лишнее!

– Неужели, – обронил Денни.

И в тот же день, как будто Эбби сама себя сглазила, с ней вновь случился припадок.

Она обещала вернуться с занятий около четырех. До пяти никто не волновался. Ред и Стем были уже дома, и Ред первый засомневался:

– А не пора ли маме быть дома, как вам кажется? Я, конечно, знаю, они с Ри любительницы поболтать, но все-таки!

– А у тебя есть телефон Ри? – спросил Денни.

– Он в трубке записан на какой-то там кнопке. Может, вы кто-нибудь позвоните, а то я теперь с телефонами не в ладах.

Мужчины посмотрели на Нору.

– Я позвоню. – Она пошла к телефону на веранде.

Ред плелся за ней, Стем и Денни остались сидеть в гостиной. «Алло, миссис Бэском, – слышали они, – это Нора, невестка Эбби Уитшенк. Она

случайно не у вас?» Пауза, и затем: «Понятно. Что же, спасибо вам огромное! Да, я уверена. Она появится. До свидания!»

Раздался щелчок: Нора положила трубку.

— Они вернулись к миссис Бэском час назад, — доложила она. — И мама Уитшенк сразу пошла домой.

— Черт! Ой, извиняюсь, — сказал Ред. — Я же миллион раз ей твердил: пусть Ри подвозит тебя к самой двери. Знает ведь, что ей нельзя ходить домой одной. Ах ты ж!.. Она небось и туда пешком шла.

Стем и Денни обменялись взглядами. Идти всего полтора квартала! Для них стало новостью, что Эбби не в состоянии осилить это расстояние сама.

— Может, по дороге домой она решила наведаться к знакомым? — предположила Нора.

— Нора, люди в нашем районе не *наведываются* друг к другу просто так.

— Я не знала, — ответила Нора.

— Значит, так, — распорядился Денни, встав с кресла. — Стем, ты иди по Боутон-роуд к дому Ри, а я двинусь в другом направлении — вдруг мама прошла мимо.

— Я с вами, — вызвался Ред.

— Хорошо.

Они ушли. Нора, скрестив на груди руки, с крыльца смотрела им вслед.

Стем широким размашистым шагом направился к дому Ри Бэском, а Ред и Денни — в противоположную сторону. Ред шагал тяжело. Раньше он всегда носился сломя голову, а теперь плелся нога за ногу. Они не прошли и трех домов, как услышали крик Стема: «Нашел!» Точнее, услышал Денни, Ред же как ни чем не бывало брел вперед. Денни тронул отца за рукав:

— Он ее нашел.

— А? — Ред обернулся.

— Стем нашел маму.

Они пошли обратно, мимо своего дома к Стему, который стоял в конце квартала и смотрел на дом Линкольнов. Денни ускорил шаг, оставив Ре да позади.

Эбби, с какой-то яркой глиняной штукой на коленях, сидела на кирпичных ступеньках подъездной дорожки соседского дома. Казалось, с ней все в порядке, но она даже и не пыталась встать.

— Ой, простите меня! — сказала она Денни и Реду, когда заметила их. — Не знаю, как это объяснить. Как-то вдруг раз — и оказалось, что я сижу

здесь. Сажу и думаю: «Я пришла или ухожу?» Я правда не понимаю. Ужасно неприятное чувство.

– Но с тобой же твоя поделка, – указал Стем.

– Моя... что? – Она посмотрела себе на колени, на очаровательный глиняный домик размером не больше стопки визитных карточек. Яркий-желтый, с красной крышей, по одной стороне – зеленые глиняные плети, имитирующие древесную крону. – Моя поделка, – повторила Эбби недоуменно.

– Значит, ты пришла, правильно? Пришла домой с занятия.

– Да, правильно. – Эбби подняла и показала им домик. – Моя самая лучшая работа за все время! Видите?

– Чудесная вещь, милая, – с чувством произнес Ред.

И все трое мужчин закивали чересчур энергично и заулыбались чересчур широко, как родители, восторгающиеся творением ребенка, которое он принес из детского сада.

Дом на Боутон-роуд был спланирован так, что человек мог стоять у перил холла на втором этаже и слышать все, что происходит у входа. Дети Уитшенков – а порою и Ред – нередко после звонка в дверь затаивались наверху и не спешили выходить: а вдруг появился кто-то из «сироток» Эбби?

Но Меррик сама здесь выросла, так что в четверг вечером, едва Эбби ее впустила, она подняла голову и крикнула:

– Кто там? Покажись! Я знаю, вы здесь.

Через пару секунд на верхней площадке лестницы возник Денни.

– Здравствуйте, тетя Меррик.

– Денни? Что ты делаешь дома? Привет, Ред-клифф, – добавила она, поскольку Ред тоже появился – с влажными волосами: после работы он принял душ.

– Приветик, – бросил он.

Эбби сказала:

– Рада тебя видеть, Меррик, – и клюнула золотку в щеку, изогнув шею, поскольку Меррик держала перед грудью картонную коробку.

– Эбби, – равнодушно произнесла Меррик. А потом: – Ой, привет, лапочка!

В холл, вывалив язык, выскочила Хайди. С собаками Меррик всегда была любезнее, чем с людьми.

– Кто эта симпатяжка? – спросила она у Эбби.

– Хайди.

– Только не говори, что бедняжка Бренда наконец умерла.

– Нет... – ответила Эбби.

– Как поживаете, мисс Хайди? – Меррик переместила коробку на бедро, чтобы погладить длинный собачий нос.

Если бы не коробка, Меррик являла бы воплощение элегантности – вся из острых углов, с резкими чертами лица, слишком черными волосами, коротко, по-мальчишечьи, подстриженными, в узких белых брючках и какой-то азиатской тунике.

– Мы уезжаем в круиз, – сообщила она Эбби. – А потом я отправляюсь во Флориду, так что вот – привезла вам все из моего холодильника.

Эбби хмыкнула: вечно Меррик навязывает свои объедки, не выносит, когда что-нибудь пропадает.

– Ну что ж, давай. – И Эбби повела Меррик на кухню; Ред и Денни, спускавшиеся по лестнице как можно медленнее, потянулись за женщинами, держась от них поодаль.

– Ты надолго? – поинтересовалась Меррик, взглянув на Денни.

– Я приехал помогать.

Ответ весьма уклончивый. Эбби вмешалась, не давая Меррик продолжить допрос:

– А ты что поддельвала, Меррик? Мы тебя не видели все лето.

– Ты же знаешь, я не люблю бывать здесь в жару. Это просто варварство – жить в наши дни без кондиционера. – Она плюхнула коробку на стол. – А, Норма.

Нора едва обернулась от кастрюли, продолжая что-то в ней помешивать.

– Нора, – невозмутимо поправила она.

– Значит ли это, что и Стем здесь? – Меррик посмотрела на Эбби: – Стем и Денни, оба сразу?

– Да. Правда, замечательно? – произнесла Эбби с интонацией чирлидерши.

– Бывают же чудеса.

– Он сейчас наверху принимает душ, думаю, скоро спустится.

– А почему он принимает душ здесь?

Эбби не пришлось отвечать, потому что Ред вдруг сказал:

– Извиняюсь, не расслышал.

– Я говорю: почему здесь?

– Почему что здесь?

– Честное слово, Ред, заведи уже слуховой аппарат.

– У меня есть слуховой аппарат, даже два.

– Значит, хороший заведи, который работает.

На заднем крыльце появились трое мальчишек и прилипли к дверной сетке так, что она начала прогибаться, потом распахнули дверь и ввалились внутрь, запыхавшиеся и разгоряченные.

– Еще не ужин? – спросил Пити.

– Мальчики, помните вашу двоюродную бабушку Меррик? – Голос Эбби звучал ровно.

– Привет, – неуверенно пробормотал Пити.

– Здравствуй, – Меррик протянула ему руку.

Пити замер, но потом поднял руку и хотел дать пять, но у него толком ничего не вышло, он лишь мазнул Меррик по пальцам. Впрочем, его братья и этого сделать не попытались.

– Мы голодные, – сообщил один. – Когда ужин?

– Все готово, – успокоила их Нора. – Идите умойтесь, и можем садиться.

– Что, вот так сразу? – возмутилась Меррик. – Даже выпить не дадут?

Все посмотрели на Эбби. Та слегка растерялась:

– А ты хочешь?

– Водка у вас вряд ли есть? – радостно осведомилась Меррик.

Казалось, Эбби вот-вот скажет «нет», но тут у нее, похоже, включился инстинкт гостеприимства, и она ответила:

– Разумеется, есть.

Водку держали специально для Меррик.

Ред и Денни так и поникли.

– Займешься напитками, Денни, милый? – попросила Эбби. – А мы все давайте пройдем в гостиную.

Покидая кухню, она, Ред и Меррик слышали, как Пити говорит: «Но мы умираем с голоду!» Нора что-то пробормотала в ответ.

– Я сегодня за весь день не присела, – пожаловалась Меррик в холле. – Готовиться к поездке – это просто с ума сойти можно.

– А вы куда?

– В круиз по Дунаю.

– Какая прелесть.

– Но, представляешь, Трей жутко занудствует. Ему бы, видите ли, лучше где-нибудь поиграть в гольф. Ой, Бренда! Вот ты где. Господи, бедняжка, на вид как будто уже покойница. А что с папиными часами?

Эбби перевела взгляд с Бренды – та растянулась на остывающей плитке перед очагом – на каминную полку, где стояли часы. По циферблату змеилась трещина.

– Неудачно поиграли в бейсбол, – объяснила она. – Не хочешь присесть?

– Мальчишки в доме – настоящая казнь египетская. – Меррик, изящно сложившись, опустилась в кресло. На нее падала тень от Хайди, которая выжидающе уселась у ее коленей. – Почему их так много? Я насчитала троих.

– Да-да, их действительно трое, все верно, – подтвердила Эбби.

– А третьего планировали? – спросила Меррик. – А! Стем. Привет! Вы третьего ребенка планировали?

– Да не так чтобы, – весело ответил Стем и прошел к своему месту, распространяя запах мыла «Дайл». – Как поживаете, тетя Меррик?

– Да вот рассказываю: устала как собака. Такое впечатление, что с каждым годом готовиться к поездкам все труднее.

– Что же тогда дома не остаться?

– Что? – воскликнула Меррик в ужасе. И выпрямила спину: Денни принес напитки. В одной руке высокий стакан, звенящий льдом и наполненный до краев водкой, в другой – бокал белого вина. Под мышкой левой руки кое-как держались три банки пива.

– Прошу. – Он поставил стакан под лампой на столике рядом с Меррик. Затем вручил Эбби ее вино, выдал пиво Реду и Стему, сел на диван и сам открыл банку. – Ваше здоровье!

Меррик сделала большой глоток, с наслаждением выдохнула: «Аххх» – и обратилась к Денни:

– А Сара тоже здесь?

– Какая Сара?

– Твоя дочь.

– Сьюзен, вы хотите сказать.

– Сьюзен, Сара... Сьюзен тоже здесь?

– Она поедет с нами на море.

– Господь всемогущий, только не эта ваша вечная поездка на море! – вскричала Меррик. – Вы с вашим морем совсем как лемминги. Или нерестящиеся лососи, или прямо вот не знаю кто. Никогда не думали посетить какое-нибудь другое место?

– Нам нравится море, – ответила Эбби.

– Неужели. – Меррик медленно провела острыми фиолетовыми ногтями по голове Хайди. – Иногда я удивляюсь, как это наши предки сподобились добраться до Америки.

– Извини, что?

– До Америки! – крикнула она.

Ред смотрел недоуменно.

– Мама и папа, если помнишь, вообще никогда не путешествовали, – пояснила она.

– Зато ты все компенсировала, – отозвался Ред. – Тебе даже одного дома мало.

– Что тут скажешь? Ненавижу зиму.

– А по-моему, уезжать на зиму во Флориду значит... не исполнять свой долг, сбегать в трудную минуту.

– То есть лето в Балтиморе – это *легкая* минута? – И Меррик, словно в доказательство своих слов, перестала гладить Хайди и принялась, отдуваясь, обмахиваться рукой. – Нельзя ли запустить вентилятор посильнее?

Стем встал и потянул шнур.

– Я вот понимаю, почему вам нужны два дома, – сказал Денни. – А то и больше. Очень хорошо понимаю. Готов поспорить, что вы иногда просыпаетесь утром и сначала не можете понять, где находитесь, так? Бываете совершенно дезориентированы.

– Ну... да, – согласилась Меррик.

– Прежде чем открыть глаза, вы думаете: «А почему это свет падает слева? Окно вроде было справа. И вообще, что это за дом?» Или встаете ночью пописать и врзаетесь в стенку. Постойте-ка, говорите, а куда делся туалет?

Меррик протянула: «Нууу», а у Эбби сделалось беспокойное лицо. Что это Денни ударился в психологические откровения?

– Я *обожаю* такое состояние, – с чувством произнес он. – Ты не знаешь, где твое место в мире, ни к чему не привязан, никуда не прибит гвоздиком.

Меррик кивнула:

– Вроде того.

– Как по-вашему, тетя Меррик, может, люди за этим и путешествуют? Я думаю, да. *Вы* поэтому путешествуете?

– Я-то, скорее, сбегая куда подальше от мамыши Трея. – Меррик поболтала в стакане лед. – Старая ведьма на днях отметила девяносто девятый день рождения, – сказала она Реду, – можешь поверить? Королева Юлла Бессмертная. Клянусь, она столько прожила, исключительно чтобы досадить мне. А главное, ведь не только сама штучка с ручкой, но еще и Трея таким же сделала. Говорю вам, вконец испортила человека. Он всегда получал все, что хотел. Принц Роланд-парка.

Ред приложил руку ко лбу:

– Так *странно*... Это что, дежа-вю? Мне кажется или я все это уже слышал?

– И чем он старше, тем хуже. – Меррик проигнорировала слова брата. – И в молодости-то был законченный ипохондрик, но сейчас! Поверьте мне, это стало черным днем для вселенной, когда люди научились искать симптомы своих болезней в интернете.

Она могла бы продолжать в том же духе бесконечно – как обычно и бывало, – но тут в комнату зашел Пити.

– Бабушка, а можно нам доесть карамельное мороженое?

– Что, до ужина? – удивилась Эбби.

– Мы уже его едим.

– Да? Тогда конечно. И уведи, пожалуйста, Хайди, а то она опять чихает.

Хайди действительно расчихалась, не сильно, но брызгая слюной.

– Гезундхайт^[25], – пожелала ей Меррик. – Что такое, лапочка, заболела?

– Весь день так, – посетовала Эбби. – Трудно представить, что это может раздражать, но вот поди ж ты.

– Мама говорит, у нее аллергия на бабушкины ковры, – выдал Пити.

– Тогда не надо ее сюда приводить, бедняжку, – сказала Меррик.

– Но она здесь живет.

– Хайди здесь живет?

– Да, вместе с нами.

– *С вами?*

– Да, и у Сэмми тоже аллергия. По ночам он жуть как хрипит.

Меррик посмотрела на Эбби.

– Пити, уведи Хайди на кухню, – велела Эбби и повернулась к Меррик: – Да, они переехали, чтобы помогать нам, правда, молодцы?

– Помогать в чем?

– Ну... просто... сама знаешь, мы ведь стареем!

– Я тоже, но я не превращаю свой дом в коммуны.

– Каждому свое, полагаю! – весело и певуче отозвалась Эбби.

– Минутку. – Меррик немного встревожилась. – Может, вы чего-то недоговариваете? Что, кому-то из вас поставили смертельный диагноз?

– Нет, но после сердечного приступа Реда...

– У Реда был сердечный приступ?

– Да, и ты это знаешь. Ты присылала ему в больницу корзину с фруктами.

– А! Вроде бы. Конечно.

– Да и я не так уж бодра в последнее время.
– Но это просто нелепо, – возмутилась Меррик. – Два человека слегка расклеились, а вся семья берет и переезжает к ним? Неслыханно.

Денни кашлянул.

– Вообще-то, – заметил он, – Стем здесь не навсегда.

– И слава тебе господи!

– А вот я – да.

Меррик взирала на племянника, надеясь на объяснение. Остальные рассматривали свои колени.

– Это я буду тут жить, – продолжал Денни.

– Ну, не... – пробурчал Стем.

– Да зачем вообще кому-то здесь жить?! – взорвалась Меррик. – Если бы ваши родители и вправду разваливались, – а я должна сказать, что мне трудно в это поверить, им лишь чуточку за семьдесят, – то тогда им следовало бы переехать в дом престарелых. Как поступают нормальные люди.

– Мы для дома престарелых слишком независимые, – заметил Ред.

– Независимые? Чушь какая. Эгоисты, ты хочешь сказать? Гордецы вроде вас обычно и становятся всем обузой.

Стем встал:

– Что же, думаю, Нора уже беспокоится, что ужин остывает. – И выжидающе замер посреди комнаты.

Все посмотрели на него удивленно. После паузы Меррик произнесла:

– Все ясно. Уберите отсюда эту надоедливую тетку, она говорит слишком много неприятной правды. – Но с этими словами она встала, осушила бокал и направилась к выходу. – Понятно, понятно, – бормотала она, – все понятно.

Остальные тоже встали и потянулись за ней.

– Держи. – Уже в дверях Меррик сунула пустой бокал в руки Эбби. – И кстати, – обратилась она к Денни, – тебе давно пора жить собственной жизнью, а ты все только откладываешь, все несешься домой по малейшему поводу.

Она удалилась, энергично простучав каблучками по крыльцу, с видом человека, удовлетворенного тем, что он наконец-то вправил всем мозги.

– О чем это она? – спросил через некоторое время Денни.

Эбби ответила:

– Ой, ну ты же ее знаешь.

– Не выношу эту женщину.

Раньше Эбби недовольно цокнула бы языком, но сейчас лишь

вздохнула и пошла на кухню.

В столовой мужчины расселись за столом, но никто не разговаривал, хотя Ред, упав на стул, и вздохнул: «О боже». Они ждали еды в каком-то обессиленном молчании. Из кухни доносился гомон детей и звон столовых приборов. Затем двери распахнулись и появилась Нора с запеканкой. Эбби следом за ней внесла салат.

– Видели бы вы, что притащила Меррик, – сказала она. – Остатки магазинного соуса для макарон на дне банки, кусок сыра бри, выеденный изнутри, и... что еще, Нора?

– Холодную жареную баранью котлетку. – Нора поставила запеканку на стол.

– Да, точно, котлетку, а еще картонную коробку риса из китайского ресторана и один несчастный огурец в банке с маринадом, который уже запенился.

– Надо связать ее с Хью, – сказал Денни.

– С Хью? – удивилась Эбби.

– Мужем Аманды. «Не проходите старт». Как раз для таких, как Меррик.

– Ой, верно, – обрадовалась Эбби, – они просто созданы друг для друга!

– Он сообщит, что знает бесплатную столовую, где отчаянно нуждаются в ее обедах, а потом все заберет и выкинет в помойку.

Все засмеялись – даже Нора, чуть-чуть.

Ред упрекнул:

– Ну, ребята! Как не стыдно. – Но и он смеялся.

– Чего тут? – спросил Томми, сунув голову в дверь. – Чего вы смеетесь?

Никто не захотел объяснить, все только посмеивались и мотали головами. Ребенку они, наверное, казались каким-то особым, уютным, счастливым клубом, куда есть доступ одним лишь взрослым.

Чтобы перебраться на море, им понадобилось пять машин. Справились бы и меньшим количеством, но Ред, по обыкновению, настоял, что без его пикапа не обойтись. Куда же еще, неизменно вопрошал он, поместится все необходимое: надувные матрацы и бодиборды^[26], ведерки и совки для песка, воздушные змеи, ракетки, мячики и гигантский брезентовый шатер со складным металлическим каркасом? (В докомпьютерную эпоху он брал и энциклопедию «Британика».) Итак, он и Эбби три часа ехали в пикапе, Денни – в машине Эбби, со Сьюзен на переднем сиденье и корзинами еды

на заднем, Стем и Нора с сыновьями – в машине Норы, а Джинни со своим Хью и двумя детьми – отдельно, из своего дома. Мать Хью на пляжную неделю всегда отправлялась в Калифорнию навещать сестру Аманду, ее Хью и Элиза выбрали для переезда утро субботы, а не вечер пятницы – Аманде в рабочий день трудно было вырваться из ее адвокатской конторы, – и они поселились в другом коттедже: Хью, выражаясь его же словами, претила «куча-мала».

Собак не взяли, оставили в гостинице для животных.

Дом, который Уитшенки снимали каждое лето, стоял прямо на пляже, на довольно безлюдном участке побережья штата Делавер, но выглядел отнюдь не шикарно. Шпунтовые стены, унылые, цвета горохового супа; дощатый пол – до того занозистый, что босиком не походишь; кухня еще из сороковых годов. Но просторный, всем места хватало, и гораздо уютнее великолепных новых особняков с огромными венецианскими окнами, что успели понастроить вдоль моря. Да и Реду не вредило чем-то заняться, что-то починить, подправить. Его угнетала праздность, и не успели Эбби с Норой распаковать еду, как он уже радостно перечислил с десятков мелких поломок, требовавших срочного внимания.

– Вы только гляньте на эту розетку! Буквально на ниточке болтается, – заявил он и пошел к пикапу за инструментами; Хью, муж Джинни, последовал за ним.

– Соседи приехали! – крикнула Джинни, открывая сетчатую дверь.

Дом по соседству, единственный, был так же скромн, как их собственный, и люди, о которых говорила Джинни, снимали его примерно столько же, сколько Уитшенки свой. Но, как ни странно, семьи не общались. Улыбались друг другу, если случалось оказаться на пляже в одно время, но даже словом не перекидывались. И хотя Эбби пару раз думала пригласить их в гости, Ред ее отговаривал. Пусть идет как идет, говорил он, меньше шансов, что сядут на шею. Даже Аманда и Джинни в детстве, когда искали, с кем поиграть, робели и не решались приблизиться: две дочки соседей всегда привозили с собой друзей, а кроме того, были старше.

Все эти годы – ни много ни мало, тридцать шесть – Уитшенки издалека наблюдали, как стройные молодые соседи плотнеют в талии, волосы их седеют, а дочери из девочек превращаются в молодых женщин. Летом в конце девяностых (дочери еще не пересекли двадцатилетний рубеж) они заметили, что отец семейства больше не подходит к воде. Он всю неделю пролежал под одеялом в шезлонге на веранде, а на следующее лето уже не приехал. В тот год соседи жались друг к другу тихой печальной стайкой, а ведь раньше всегда шумели и веселились. Но приехали, и

продолжали приезжать, и мать теперь рано утром гуляла по пляжу одна, а дочери – в компании кавалеров, которые со временем стали мужьями, и вскоре с ними появился маленький мальчик, а позже и маленькая девочка.

– Внук в этом году привез приятеля, – отрапортовала Джинни. – Ой, ужас, я сейчас заплачу

– Заплачешь? Почему? – удивился Хью.

– Потому что... это такой... круговорот. Когда мы их впервые увидели, дочки привозили друзей, а теперь – внук. Все повторяется.

– Слишком много ты о них думаешь, – сказал Хью.

– Да ведь они – это мы в своем роде, – ответила Джинни.

Хью, похоже, не очень-то ее понял.

В пятницу, когда они только прибыли, на пляж отправились мужчины и дети. Женщины распаковывали вещи, заправляли постели, готовили ужин. Но в субботу появилась Аманда с семьей, и все перешли на обычное отпускное расписание: утро на пляже, ланч дома в купальных костюмах, полных песка, и опять пляж до самого вечера. Брезентовый тент прикрывал от солнца белокожих взрослых Уитшенков, но их супруги бесстрашно подставлялись жгучим лучам. Сыновья Стема будто бы ждали, пока их перевернет волной, но в последний миг с визгом и хохотом убегали, а их отец, сложив на груди руки, стоял у кромки воды и следил за детьми. Элиза, дочь Аманды, похожая на аиста, бледная, в купальнике с юбочкой, одиноко сидела на одеяле под тентом, зато Сьюзен и Деб не вылезали из моря и бесконечно ныряли. Сьюзен недавно исполнилось четырнадцать – ровесница Элизы, – но казалось, что у нее больше общего с тринадцатилетней Деб. Они обе, в сущности, были еще детьми, правда, Деб худышка, а Сьюзен покрепче, без талии и почти без груди, но с большими карими глазами и пухлыми, странно чувственными губами. В этом году они жили в комнате вдвоем. Элиза бросила их, предпочла жить в коттедже родителей. (Стала воображалой, по мнению Деб и Сьюзен.) Александр тоже почти всегда бродил один – слишком маленький для девочек и слишком неповоротливый для мальчиков Стема. Сидел на берегу и подставлял волнам свои мягкие белые ноги, лишь изредка отцу удавалось уговорить его поиграть в мяч или поплавать на матраце.

А по всему пляжу подростки возводили огромные песчаные замки, матери окунали младенцев ножками в прибрежную пену, отцы играли с детьми во фрисби, над головами кричали чайки, и небольшой самолет летал с плакатом, рекламируя заведение, где можно «поесть крабов от пуза».

Аманда и ее муж Хью, кажется, были в ссоре. Точнее, она была с ним в

ссоре, а Хью наслаждался отдыхом и, по видимости, ни о чем не подозревал. Но на все, что бы он ни сказал, Аманда отвечала очень коротко, а на предложение прогуляться вдоль моря фыркнула:

– Нет уж, спасибо! – И потом смотрела ему в спину, недовольно поджав губы.

Эбби – она сидела рядом с Амандой, но не под тентом, а на солнце – расстроилась:

– Бедный Хью, может, тебе стоило пойти с ним?

Она неустанно следила, все ли в порядке в семейной жизни ее дочерей. Но Аманда не ответила, и Эбби, махнув рукой, вернулась к чтению. Под телевизором нашлась целая стопка дурацких журналов – их, видимо, оставили прежние жильцы. Читали сначала внучки, потом дочери, а потом и сама Эбби. Сейчас она листала одно такое издание и цокала языком: какая глупость.

– Столько суеты вокруг того, беременна такая-то растакая-то или нет, – возмутилась она, поворачиваясь к дочерям. – А я даже знать не знаю, кто это, слыхом о ней не слыхивала!

В розовом купальнике с юбочкой, с пухлыми плечами, блестящими от лосьона для загара, и ногами, чуть припорошенными песком, она походила на капкейк. Они с Редом еще ни разу не заходили в воду. Ред вообще был в рабочих ботинках и темных носках. Видно, в этом году они решили официально признать себя стариками.

– Помню, когда я с ним только познакомилась, подумала, что он полный придурок, – сказала Аманда Денни – должно быть, о Хью. – Я тогда жила в квартире на Чейз-стрит, и там в конце коридора у мусоропровода вечно валялись мешки с мусором – кто-то их не выкидывал, как положено, а бросал так. Причем из мешков торчали пивные бутылки и банки из-под чили, то есть то, что надо класть в контейнер для переработки. Как же меня это возмущало! И вот однажды я клейкой лентой прилепила к мешку записку: «Кто так делает – свинья».

– Аманда, ну право слово, – укорила Эбби, но Аманда словно не услышала.

– Понятия не имею, как он узнал, что это я, – продолжила она свой рассказ, не отводя глаз от Денни, – но как-то узнал. Постучал ко мне в дверь с моей запиской в руках. «Это вы написали?» – спрашивает. Я говорю: «Да, конечно, это я». Ну, он включил шарм на полную катушку: мне, мол, ужасно стыдно, больше не повторится, я не знал, что класть в переработку, а что нет, а мешок в мусоропровод не пролезал... Всякое такое – как будто это оправдание. Но, признаюсь, он меня очаровал. Вот только

знаешь что? Мне следовало сразу задуматься. Потому что мне с самого начала ясно показали: этот человек считает, что он пуп земли. Казалось бы, куда уж яснее?

– Но *сейнас-то* он кладет мусор в переработку? – спросил Денни.

– Ты ничего не понял, – рассердилась Аманда. – Я о том, что у него натура такая. Он всегда делает только то, что ему удобно. Вот только что договорился продать ресторан за ничтожную сумму, за какой-то пшик, и только потому, что ему надоело и хочется чего-то нового, представляешь?

– Я думал, ты это новое одобряешь. Ты же говорила, что это гениально.

– Я считала, что обязана его поддерживать. Но меня возмущает не новое, а то, как легко он выбрасывает старое. Даже со мной не посоветовался! Просто принял первое же предложение, ибо если он чего-то захотел, то вынь да положь.

Эбби коснулась руки Аманды и со значением показала глазами на Элизу, но Аманда лишь раздраженно бросила: «*Что?*» — и снова отвернулась. Элиза в ту же секунду изящно поднялась и пошла к воде, как будто разговор взрослых не имел к ней ни малейшего отношения.

– Я и не знала, что вы так познакомились, – сказала Эбби. – Прямо как в кино. С Роком Хадсоном и Дорис Дэй, где они вначале друг друга ненавидят^[27]. Я думала, вы встретились в лифте или что-то подобное.

– Это невозможный человек, – продолжала Аманда, игнорируя Эбби.

– Но вообще-то понятно, почему он ухватился за первый же шанс, – изрек Денни. – Вряд ли так уж легко сбыть заведение, где подают одну индейку.

– Они вовсе не привязаны к этой индейке. Можно подавать и другое. И там горы оборудования, плиты и прочее, все это стоит кучу денег.

– Господи, – вздохнула Эбби, – бедный Хью! Мужчинам трудно справляться с неудачами.

– Мама, пожалуйста, хватит уже этого «бедного Хью».

– Не хочешь прогуляться, Эб? – вдруг предложил Ред.

Было непонятно, слышал ли он разговор. Возможно, ему и правда именно сейчас вздумалось прогуляться. Так или иначе, он тяжело поднялся, шагнул к Эбби и протянул руку, чтобы помочь ей встать. Они побрели по пляжу. Эбби все еще недовольно качала головой.

– Теперь будут долго мусолить, какая я плохая жена, – буркнула Аманда, глядя им вслед.

– Папа стал очень медленно ходить, – заметила Джинни. – Весь какой-то окостенелый.

– А как он на работе справляется? – спросил Денни.

– Там я этого почти не замечаю, он ведь больше физическим трудом не занимается.

Они видели, как их родители встретились с Норой, возвращавшейся с прогулки. Она обменялась с ними парой слов и пошла дальше вместе со Стемом и детьми, невесомо проплыв сквозь группку подростков, которые играли у воды в мяч. Черный саронг распахнулся на ветру, открыв ее скромный цельный купальник, темные волосы взметнулись над плечами. Подростки замерли, провожая ее взглядами; один из них держал футбольный мяч под мышкой.

– Фам фаталь милостью божьей, – пробормотал Денни, а Аманда даже присвистнула от изумления.

– А Элиза довольна поездкой? – поинтересовалась Джинни у Аманды. – Что-то она в этом году немножко дичится.

– Понятия не имею. – Аманда хмыкнула. – Я всего лишь ее мать.

– Видимо, из-за балета остальное ей стало неинтересно.

Аманда не ответила. Все трое замолчали, глядя на ребенка в подгузнике для плавания, тот преследовал компанию чаек. Птицы со степенной важностью шагали прочь, понемногу набирая скорость, хоть и притворялись, что малыша в их мире не существует.

– А что Сьюзен? – спросила Джинни у Денни. – Ей тут нравится?

– Да, очень. Она обожает сюда приезжать. Ведь у нее нет других двоюродных братьев и сестер.

– Что, Карла одна в семье?

– У нее есть брат, но он не женат.

Джинни и Аманда посмотрели друг друга, подняв брови.

– А как вообще Карла? – Аманда помедлила, прежде чем задать вопрос.

– Хорошо, насколько я знаю.

– А ты часто с ней встречаешься?

– Нет.

– А с кем-нибудь встречаешься?

– С кем-нибудь?

– Ты же понимаешь, о чем я. С женщинами.

– Да не особенно, – ответил Денни. И когда уже казалось, что тема закрыта, добавил: – Признайте уже, что я не слишком завидный жених.

– Это еще почему? – не поняла Джинни.

– Ну я же вроде как тунеядец. Не могу похвастать долгой и блистательной карьерой.

– Это просто смешно! Многие были бы от тебя в восторге.

– Нет, – отрезал Денни. – Подумай как следует и поймешь: времена не очень-то изменились, родители по-прежнему стремятся выдать дочерей за парней с особняками и титулами. И женщины, когда с ними познакомишься, по-прежнему интересуются, чем ты занимаешься. Это их первый вопрос.

– И что? Ты преподаватель, пусть внештатный.

– Именно, – бросил Денни.

Мимо них к воде пробежала маленькая девочка – внучка соседей. Машинально Денни и сестры, чуть обернувшись, стали следить, как соседи медленно шествуют от своего дома на пляж с полотенцами, складными стульями и кулером из стирофома. Они остановились футах в двадцати от Уитшенков. Взрослые поставили стулья ровным рядом и уселись лицом к океану, а внук и его приятель пошли туда, где в волнах прыгала маленькая девочка.

– А откуда мы знаем, что они приезжают сюда на неделю? – спросила Аманда. – Может, они все лето живут.

– Нет, – возразила Джинни. – Мы же тогда видели, как они явились, помнишь? С чемоданами и прочим барахлом.

– Но, может, после нашего отъезда они останутся.

– Что же, не исключено. Отнюдь. Но мне нравится думать, что они уезжают тогда же, когда и мы, и что они точно так же вечно спрашивают себя: «А не пробыть ли на следующий год две недели?» Но к концу отпуска тоже решают, что одной недели вполне достаточно. И приезжают на эту самую неделю год за годом, и через пятьдесят лет мы с тобой будем верещать (тут Джинни заговорила голосом дряхлой старушки): «Ой, смотрите, соседи приехали! И у их внука теперь есть внук!»

– Они сегодня принесли с собой ланч, – заметил Денни. – Можно узнать их меню.

Джинни сказала:

– А что, если сейчас подойти и познакомиться?

– Будет разочарование, – ответила Аманда.

– Почему это?

– У них окажется какая-нибудь скучная фамилия, Смит, например, или Браун. И работают они, ну, допустим, в рекламе или консалтинге или продают компьютеры, неважно. В любом случае делают что-то невероятно нудное. И они скажут: «О-о, приятно познакомиться! Нам всегда было интересно про вас узнать», и мы тогда назовем свои скучные фамилии и скучные профессии.

– Ты правда думаешь, что им про нас интересно?

- Разумеется.
- А как считаешь, мы им нравимся?
- Как мы можем *не* нравиться?

Аманда говорила шутливо, но без улыбки. Она открыто изучала соседей – серьезно, испытующе. Так, будто вообще-то ни в чем не уверена. Нравятся им Уитшенки? Интересуют их? Восхищаются ли, что Уитшенков так много и они так близки? Или заметили трещинки в их отношениях – короткую перебранку, напряженное молчание, тайную неприязнь? В самом деле, *что* соседи о них думают? На какие откровения они бы сейчас нарвались, если бы подошли и спросили?

* * *

По традиции на каникулах посуду после ужина мыли мужчины. Прогоняли женщин – «Кыш, кыш отсюда! Да-да, знаем: спрятать остатки в холодильник», – и Денни наполнял раковину горячей водой, а Стем брал полотенце. Тем временем Хью, муж Джинни, человек обстоятельный и совестливый, расставлял все на кухне по местам и тщательно протирал поверхности. Ред порою приносил из столовой пару тарелок, но вскоре, по настоянию остальных, усаживался за стол с бутылкой пива и наблюдал за происходящим.

Хью, муж Аманды, при этом не присутствовал – их маленькая семья обычно ужинала в городе.

В последний вечер, в четверг, уборка требовалась более основательная. Остатки еды следовало выкинуть, полки холодильника освободить и протереть. Хью, муж Джинни, здесь был в своей стихии.

– Это выкинуть, и это тоже, – распорядился он, когда ему показали почти полный контейнер капустного салата. – Незачем тащить это обратно в Балтимор.

Они втроем воровато поглядели на Реда, который точно так же, как и его сестра, не любил зря переводить продукты, но Ред листал дрянной журнал и ничего не заметил.

– Каков план на завтра? – спросил Денни. – Выезжаем на заре?

Хью ответил:

– Я-то уж точно. На телефоне с полдюжины сообщений. – Он имел в виду сообщения из колледжа. – Очень много разных поломок в общежитии.

– Видишь, – сказал Денни Стому. – Скоро осень.

– Да, совсем скоро. – Стем поставил не очень чистую тарелку обратно

в раковину.

– Смотри не тяни с возвращением домой, – посоветовал ему Денни, – а то детям придется школу менять.

Стем, взяв другую тарелку, на секунду замер и продолжил вытирать.

– Уже, – сообщил он. – Нора еще на прошлой неделе перевела двух старших.

– Но ведь разумнее вам вернуться домой, раз я остаюсь.

Стем поставил тарелку в стопку.

– Ты не остаешься, – заявил он.

– Что?

– Ты скоро уедешь.

– С чего бы это?

Денни развернулся к Стему, но тот, не переставая вытирать тарелки, проговорил:

– Ты с кем-нибудь из нас поссоришься или на что-нибудь обидишься. Или тебе позвонит таинственный знакомый с таинственным срочным делом, и ты снова исчезнешь.

– Фигня какая, – фыркнул Денни.

Хью, муж Джинни, вмешался:

– Да ладно вам, ребята, что вы, в самом...

Ред оторвался от журнала, придерживая пальцем место, где остановился.

– Ты так говоришь, потому что *хочешь*, чтобы я уехал, – сказал Денни Стему. – Я прекрасно знаю, что мешаю тебе, для меня это не сюрприз.

– Ничего ты мне не мешаешь. – Они уже стояли лицом друг к другу, как перед дракой. Стем гневно сжимал в одной руке тарелку, а в другой полотенце и говорил чуть громче, чем нужно. – Господи, ну что мне сделать, чтобы доказать, что я тебе не соперник? Мне ничего твоего не нужно! И никогда не было нужно! Я просто хочу помочь маме и папе.

– Эй, спокойно, – попробовал остановить их Ред.

– Вот-вот, очень в твоем духе, – не унимался Денни. – Самоотречение из ушей капает. Святее Папы Римского.

Стем хотел сказать что-то еще, даже набрал воздуха, но вдруг как-то отчаянно рыкнул, кинулся к Денни и с силой толкнул его.

Он, в общем, не собирался драться. Скорее, ударил в слепом раздражении. Однако застал Денни врасплох, и тот пошатнулся и уронил тарелку. Осколки разлетелись по полу, Денни попытался устоять, но все равно упал – сел на пол, задев головой край стола.

– Ой. Мамочки, – пролепетал Стем.

Ред, открыв рот, встал; рука с журналом висела как плеть. Хью топтался перед холодильником и твердил: «Народ, ну вы чего, народ?» – машинально сжимая губку, которой мыл посуду.

Денни начал вставать. По его левому виску текла кровь. Стем нагнулся, чтобы помочь ему подняться, но Денни не принял его руку. Вместо этого он, все еще полусидя, бросился вперед и больно ударил Стема под дых. Тот, согнувшись, повалился назад и впился в шкаф, а потом сел, но выглядел оглоушенным. Он поднял руку и осторожно потрогал затылок.

Как-то внезапно кухня заполнилась мечущимися женщинами и перепуганными детьми. Казалось, их невероятно много – куда больше, чем на самом деле. Эбби повторяла:

– Что такое? Что случилось?

Нора склонилась над Стемом и пыталась его поднять.

– Не трогай, пускай сидит, – сказала ей Джинни. – Стем, голова кружится?

Стем с недоуменным видом держался за голову. Все вокруг усеивали осколки.

Денни стоял, прислонившись спиной к раковине, явно ошарашенный случившимся.

– Не знаю, что на него нашло! – ворчал он. – Совсем крыша поехала! – Кровь стекала по щеке и капала на оливково-зеленую футболку.

– Только посмотрите на себя! Сейчас обоих повезем в больницу, – объявила Джинни.

– Не надо меня никуда везти, – буркнул Денни.

– Со мной все в порядке, дайте встать, – пробормотал Стем.

– Нет, в больницу, – настаивала Эбби. – Денни надо наложить швы, а у Стема может быть сотрясение.

– Я в порядке, – хором отозвались оба.

– Тогда, по крайней мере, давай уложим тебя на диван, – сказала Нора Стому, сохраняя абсолютную невозмутимость. Она помогла мужу подняться – Джинни на сей раз не возражала – и вывела его из кухни.

Дети потянулись следом, все, кроме Сьюзен. Та стояла очень близко к Денни и гладила его запястье. По ее щекам текли слезы.

– Ну что же ты плачешь? – спросил Денни. – Это ерунда, даже не больно.

Она кивнула и судорожно сглотнула, но слезы продолжали течь. Эбби обняла ее:

– С папой все хорошо, милая! Раны на голове всегда сильно кровоточат.

– Выйдите все из кухни, – приказала Джинни. – Я посмотрю, что с ним. Хью, принеси аптечку, она внизу в туалете. Сьюзен, мне понадобятся бумажные полотенца.

Ред тяжело опустился в кресло, но Эбби, коснувшись его плеча, позвала:

– Пойдем в гостиную.

– Я не понимаю, что произошло, – пожаловался он.

– Я тоже, но давай не будем мешать Джинни.

Эбби помогла Реду встать, и они направились к двери. Осталась одна Сьюзен. Она протянула Джинни бумажные полотенца.

– Спасибо. – Джинни оторвала несколько штук и смочила под краном. – Сначала промоем рану и посмотрим, нужны ли швы, – объяснила она Денни. – Садись.

– Не нужны мне никакие швы! – Он опустился на стул.

Джинни склонилась над ним и прижала мокрые полотенца к его виску. Сьюзен тем временем села на стул рядом с Денни и взяла его за руку.

– Хм... – Джинни всмотрелась в порез Денни. Заново сложила полотенца, снова промокнула висок.

Он ойкнул.

– Хью, где аптечка?

– Несу. – Ее муж вошел в комнату и протянул ей металлический ящик, в каких обычно держат рыболовные снасти.

Джинни велела:

– Иди скажи, чтобы не давали Стему спать, слышишь? Оставь это. (Хью наклонился подобрать осколки.) Главное, чтобы он не впал в кому. – В критических ситуациях Джинни брала инициативу в свои руки. Ее длинный черный хвост почти щелкнул, когда она откинула его за спину.

Едва Хью вышел, Денни объявил:

– Я не виноват. Клянусь.

– Неужели? – Джинни хмыкнула.

– Честно, ты должна мне поверить.

– Сьюзен, найди неоспорин.

Девочка посмотрела Джинни в лицо, но продолжала сидеть.

– Мазь, она в аптечке, – объяснила Джинни, заново складывая полотенца, почти полностью красные.

Сьюзен отпустила руку Денни и потянулась к аптечке. Плечо ее блузки было слегка испачкано кровью.

– Мы просто мыли посуду, – стал оправдываться Денни. – Тихо-мирно. Как овечки. А потом Стем вдруг слетел с катушек – когда я сказал, что он

может переехать обратно домой.

– Да уж, представляю.

– Что ты имеешь в виду?

Джинни бросила бумажные полотенца в мусорное ведро и взяла у Сьюзен неоспорин.

– Сиди смирно, – предупредила она Денни и начала накладывать мазь. Он сидел не двигаясь и смотрел вверх, на сестру Джинни спросила: – Когда ты уже наконец прекратишь, Денни? Повзрослеешь? Угостишься?

– Что значит – угостишься? Он первый начал.

– Тебе не кажется, что у всех есть... своя боль? Да хоть бы у самого Стема, например! И у меня, если вдуматься, тоже есть повод ревновать. Папа ценит Стема намного больше, чем меня, хотя я тоже прекрасный работник. Он всегда говорит про то, как бизнес когда-нибудь перейдет к Стому, словно бы меня и не существует вовсе. Словно я не способна делать все то же, что и любой мужчина, если мне покажут как. Но только знаешь что, Денни? Штука в том, что Стому не нужно ничего показывать, он уже родился с этим знанием. Ему ничего не надо объяснять, он и сам скумекает. Он заслуживает право руководить фирмой.

Денни раздраженно фыркнул, но Джинни не обратила на это внимания.

– Пластыри. Знаешь, такие, фигурные, – попросила она Сьюзен. – Нам бы парочку, и дело сделано.

Сьюзен принялась рыться в аптечке, не слишком аккуратно уложенной, расшвыривала внутри ножницы, щипчики, бинты, достала бутылку уксуса от ожогов медуз, но все же нашла коробочку с пластырями.

– Отлично, – сказала Джинни. Вытрясла несколько штук на стол, взяла один и вскрыла упаковку. – Сейчас наклеим, и все будет хорошо, – заверила она Денни. – Только головой не дергай.

– Я не возражаю против того, что он главный, – не успокаивался Денни. – Я-то уж точно не хочу ни за что отвечать. Но вот ощущение такое, будто нами папа недоволен. Собственными тремя детьми! Ты сама говоришь, что бизнес должен бы перейти к тебе, ты ведь Уитшенк. Но нет, папе потребовался кто-то с улицы.

– С какой еще улицы? – Она отстранилась посмотреть, как наклеен пластырь, и потянулась за вторым. – Не по его воле Стем попал в семью. Просто так вышло.

– Всю жизнь при папе я чувствовал, что недостаточно хорош. Как будто я... хромой, как будто мне чего-то не хватает. Вот послушай, Джинни: однажды летом я работал в Миннесоте, так мой начальник считал,

что у меня «есть глаз». Мы устанавливали шкафчики, и я придумал, как их правильно расположить, а он заявил, что это просто фантастика, и спросил, не думал ли я когда-нибудь заняться изготовлением мебели. Он считал, что у меня настоящий дар. Почему папа этого не замечал?

– А потом что? – спросила Джинни.

– В каком смысле?

– Что было дальше с изготовлением мебели?

– А-а, ну... не помню. По-моему, дальше началось что-то скучное.

Плнтусы или что-то в этом роде. Короче, я уволился.

Джинни вздохнула и собрала со стола обертки пластыря.

– Все, Сьюзен. Проводи папу в гостиную.

Но едва Денни начал вставать, явился Стем, а следом за ним Нора. Судя по виду, Стем оправился от удара по голове. И вновь сделался самим собой, только очень бледным и встрепанным.

– Денни, – с пафосом произнес он, – я хочу извиниться.

– Ему очень-очень жаль, – вставила Нора.

– Мне не следовало выходить из себя, и я хочу заплатить за твою футболку.

Денни пыхнул губами от удивления, а Эбби, которая тоже пришла, – без нее, конечно, не обошлось, она наизнанку вывернулась, чтобы восстановить мир в семье, – поспешно заверила:

– Стем, да это ерунда, все прекрасно отчистится пятновыводителем.

Денни громко расхохотался и посмотрел на Стема:

– Ладно. Забудем.

– Это очень благородно с твоей стороны.

– На самом деле я даже рад. Узнал, что и ты тоже человек, – продолжал Денни. – Не подозревал, что ты у нас... ревнивый.

– Ревнивый?

– Давай пожмем друг другу руки, – предложил Денни.

– Почему ты говоришь, что я ревнивый?

Денни опустил руку.

– Приятель, ты напал на меня только потому, что я сказал, что именно я должен помогать маме с папой. Это ли не ревность?

– Черт тебя подери, – процедил Стем.

Нора так и ахнула:

– Дуглас!

Стем влепил Денни по зубам.

Удар не был мастерским – нет, неуклюжий, наискось, – но его хватило, чтобы Денни с грохотом уселся обратно на стул. Из нижней губы

моментально хлынула кровь. Он неловко затряс головой, Эбби пронзительно закричала: «Прекратите! Пожалуйста, прекратите!» Джинни вымолвила: «О господи», а Сьюзен опять расплакалась и стала кусать пальцы. Остальные внезапно возникли – казалось, только и ждали сигнала. Стем стоял и удивленно смотрел на свой кулак, на содранную на костяшках кожу. Затем перевел взгляд на Денни.

– Выйдите, – приказала всем Джинни. И устало произнесла: – Сначала промоем рану и посмотрим, нужны ли швы.

6

Эбби волновалась из-за грядущей встречи с доктором Уиссом, но после подумала: «Это вполне можно пережить, ведь я прекрасно помню мамины фестонные ножницы “Уисс”». И сейчас же явственно ощутила солидную тяжесть этих ножниц, и толстое их кольцо, больно давившее на основание большого пальца, и сопротивление массивных зубцов, когда они вгрызались в ткань.

Так, стоп. Вообще-то один Уисс не имеет с другим ничего общего.

К врачу ее записала Нора. Позвонила своему пастору, узнала имя хорошего геронтолога и обратилась к доктору Уиссу, даже не посоветовавшись с Эбби. И кто ее просил совать нос в чужие дела? Хотя Нора, похоже, действовала с согласия Реда: Эбби пожаловалась ему на золотку, а он не удивился, лишь сказал, что визит к врачу никогда еще никому не вредил.

Нора начинала действовать ей на нервы. Почему, например, она так упорно называет ее «мама Уитшенк»? Как будто Эбби – старуха-крестьянка в жалком платочке и деревянных башмаках. Супругам своих детей Эбби изначально предлагала на выбор «Эбби» или «мама». Но «мама Уитшенк» – до такого она бы не додумалась.

А еще Нора, убирая со стола, уносила тарелки стопкой, а не по одной в каждой руке, Эбби же учили, что именно так полагается по правилам этикета. И на кухню тарелки попадали уже с грязным дном. И эта женщина считает Эбби плохой хозяйкой! Как же иначе, если она винит в аллергии Сэмми пыльные ковры? А сама готовит все жирное, жареное, вредное для Реда из-за сердца, и детей распустила, и гигантскую кровать вытребовала, и та совершенно заполнила комнатку Стема, только и места, что сбоку протиснуться.

Впрочем, когда живешь вместе, вечно чем-то недоволен, успокаивала

себя Эбби. «Слишком тесно мы общаемся, вот я и раздражаюсь».

Она повторяла это по нескольку раз на дню.

И напоминала себе, что отдельные люди в нашей жизни – люди абсолютно новые, не имеющие отношения к нашим прошлым воплощениям, – дают нам новый опыт, расширяющий кругозор. Что, если Нора послана Эбби для развития и обогащения души? Может такое быть?

И ведь не то чтобы Эбби плохая свекровь и теща. Нет – достаточно посмотреть, как замечательно она ладит с Хью, мужем Аманды! Задача-то не из легких, сама Аманда это признает, но Эбби считает зятя забавным. А Хью, муж Джинни, тот, конечно, и вовсе лапочка. У некоторых подруг Эбби ужасные отношения с новыми родственниками. Невестки хуже зятьев – в этом все сходятся. Кто-то даже не разговаривает друг с другом. У Эбби ситуация намного лучше.

Если б только не казалось постоянно, что ее вытесняют из жизни. Что она всем чужая и никому не нужна.

Она всегда думала, что к старости наконец-то обретет уверенность в себе, а поглядите на нее: не лучше, чем была девочкой. Сейчас во многом еще растеряннее. Часто, слушая себя, Эбби ужасалась: что это за пустое, бессмысленное щебетание? Словно она исполняет роль матери в тупом ситкоме.

Что, черт побери, с нею произошло?

К доктору Унесу Эбби записали на ноябрь, что понятно: к нему длинная очередь полоумных старикашек. К ноябрю все изменится. Вдруг ее странные припадки – когда мозг, подобно игле на пластинке, «перепрыгивал дорожку», как это рисовалось в воображении, – пройдут сами по себе? Или она уже умрет? Нет, последнюю мысль лучше запрятать подальше.

Середина сентября. Еще лето, в сущности. Листья только-только начали менять цвет, воздух с утра бодрит, но не холодно. После завтрака можно сидеть на крыльце в одном свитере, легонько подталкивая ногой качели и наблюдая, как родители ведут в школу детей. Аккуратненьких, чистеньких – сразу ясно, что учебный год только начинается. К октябрю все они махнут рукой на свой вид и ребят постарше перестанут провожать родители. Пити и Томми, правда, пока еще слишком малы. Они вышли с Норой пару минут назад – Сэмми высовывался из коляски и смотрел вперед, будто капитан корабля в ожидании суши, а Хайди вприпрыжку, на нелепом многометровом поводке, возглавляла шествие. Три маленькие головы уже исчезали из виду, мелькая за деревьями; светловолосые, так не

похожие на уитшенковские. Хотя Стем блондин, так чего же и ждать?

Мальчики легко прижились в новом районе, гоняли по подъездной дорожке на самокатах и приводили приятелей чем-нибудь перекусить. От внуков Эбби знала, что другие дети называют их дом «домом с крыльцом». Эбби это нравилось. Она помнила, как сама впервые увидела знаменитое крыльцо – давно, веснушчатой школьницей из Хэмпдена, чьей «старшей сестрой» назначили задаваку Меррик Уитшенк. Огромное великолепное крыльцо было видно еще с улицы, и Меррик с двумя подружками-подростками восседали на этих вот самых качелях, такие вальяжные, стильные, в закатанных голубых джинсах и веселых платочках, кокетливо повязанных на шее. «Боооже, гномы притопали», – скучающе протянула Меррик, завидев Эбби и двух ее одноклассниц, «младших сестричек» приятельниц Меррик. В тот субботний вечер им полагалось дружно и весело разучивать школьную песню и печь печенье, но ничего этого Эбби не помнила – лишь свое благоговение при виде крыльца и ведущей к нему солидной дорожки, мощенной плиткой. Ах да, и еще мать Меррик, чудесную Линии (или миссис Уитшенк, как тогда называла ее Эбби). Вероятно, именно Линии и руководила выпечкой – Меррик за таким занятием Эбби не представляла.

Линии Мэй Уитшенк была бледной и тихой и носила платья в неприметный цветочек, словно бы из деревенского магазина, но веселые морщинки в уголках ее глаз намекали, что она не так проста, как кажется. Затея со «старшими сестрами» давно забылась, но Эбби по-прежнему с теплотой вспоминала Линии. А после, годы спустя, когда Эбби начала встречаться с другом Реда Дэном, Линии, добрая и неизменно приветливая, выходила вечерами на крыльцо и поила всех окрестных подростков домашним лимонадом. Иной раз появлялся и Джуниор: «А-а, привет! Мальчики, девочки». Он стоял с ними и говорил, и говорил, и уверял девочек, что они сегодня чертовски привлекательны, и обсуждал с мальчиками игры «Балтимор Колтс» до тех пор, пока Линии не трогала его за рукав со словами: «Пойдем в дом, Джуниор, пусть ребята без нас пообщаются».

Оба давно умерли, ах ты господи. Стерты с лица земли несущимся на полной скорости товарным поездом, и даже тел не осталось, чтобы оплакать, лишь два закрытых гроба и полицейские, которые принесли страшную весть. Ужасная нелепость. Незавершенность. Это печалило Эбби гораздо больше, чем Реда. Тот считал мгновенную смерть благословением, но Эбби хотелось бы попрощаться. Сказать: «Линии, вы были очень-очень хорошая, и я всегда жалела, что вы ведете такую уединенную жизнь».

В последнее время Эбби часто посещали мысли о людях, при чьей смерти она присутствовала. Бабушка и дедушка, мама и любимый старший брат, умерший молодым. Но не отец. К нему Эбби опоздала буквально на три минуты. Склоняясь над ним и прижимаясь щекой к его лицу, она надеялась, что он еще не совсем ушел и почувствовал ее присутствие. Даже сейчас, сидя на крыльце и глядя на Боутон-роуд, при воспоминании о любимой, колючей, уже остывающей папиной щеке она с трудом сдержала слезы. Кто-то обязательно должен *проводить* нас в мир иной! Для себя Эбби точно этого хотела: пусть, когда она будет лежать и умирать, большая рука Ре да сжимает ее руку. Но потом она подумала, что тогда *ему* придется умирать в одиночестве, и вся содрогнулась. Что станет с Редом без нее?

Он всегда брал ее руку целиком, не стремился переплести пальцы. Лет в двенадцать-тринадцать она слушала рассказы своих более опытных подружек о том, как мальчики в кинотеатре брали их за руку, и представляла все это именно так: ладонь мальчика обхватывает ее руку. И когда самый первый мальчик осторожно продел свои пальцы между ее пальцами, она с огорчением поняла, что ничего особенно приятного тут нет. И так и думала вплоть до Реда.

Может, они с Ре дом умрут одновременно? В самолете, к примеру. У них будет несколько минут, объявление пилота даст шанс обменяться последними словами. Правда, они никогда никуда не летают. Так как же *такому* случиться?

– В смерти плохо то, – сказала она как-то Джинни, – что не узнаешь, как все потом обернется. Не узнаешь конца истории.

– Но, мам, никакого конца *нет*.

– Да, понимаю.

Теоретически.

Возможно, в глубине души Эбби была уверена, что без нее жизнь продолжаться не может. До чего же человеческие существа склонны к самообману! Ведь если начистоту, никто в ней больше не нуждается. Дети выросли, и клиенты испарились, стоило ей выйти на пенсию. Да и под конец карьеры ей уже казалось, что беды клиентов нескончаемы. Ткань общественной жизни расползалась с такой скоростью, что она не успевала латать дыры. Нет, она ушла как раз вовремя. Даже все «сиротки», как называли их ее родные, ушли. Би Джей Отри сгубили наркотики, старый мистер Дейл умер от удара, а бесчисленные иностранные студенты либо вернулись на родину, либо так успешно прижились, что готовят индейку на День благодарения.

Раньше она всегда находилась в центре событий. Ей поверяли все

тайны. Линии – взяв с Эбби слово молчать – рассказала, что они с Джуниором были паршивыми овцами в своих семьях; Денни – между прочим, в ответ на ее восхищение карими глазами Сьюзен – признался, что Сьюзен не его дочь. Чужие секреты Эбби не доверяла никому, даже Реду. Люди очень удивились бы, узнав, сколько тайн она хранила и не выдала.

«Своей работой ты обязана мне, – могла бы она сказать Джинни, – твой отец был категорически против женщин на стройке. Но я его уговорила». – Открыться, какое искушение! Но она не станет.

И вот теперь она настолько никому не нужна, что дети хотели отправить ее в дом престарелых, – и ее, и Реда, хотя они вовсе и не старые еще. Слава богу, из этого ничего не вышло. Лучше уж Нора, чем дом престарелых. Даже с миссис Гирт можно было бы смириться. Ну, почти.

Эбби теперь переживала из-за миссис Гирт, они выгнали ее не задумавшись! А у нее, вероятно, своя трагедия в жизни. Не выслушать чью-то печальную историю? Совершенно на Эбби не похоже.

– Аманда, – спросила она недавно, – а мы выдали миссис Гирт выходное пособие?

– Выходное пособие! Да она проработала девять дней.

– И все-таки. Она хотела нам добра. Вы все хотели нам добра и наняли ее. Надеюсь, вы не считаете меня неблагодарной.

– Ну, раз ты и папа неизвестно почему взбунтовались против дома престарелых...

– Но ты же можешь посмотреть на это с нашей точки зрения, да? Ведь там наверняка есть специальный персонал для работы с проживающими. Чтобы мы стали объектами соцопекуна! Можешь такое вообразить?

На что Аманда ответила:

– «Проживающими»? «Объектами»? Мам, да ты что. Вот, значит, как ты всегда относилась к своей профессии.

Аманда порой бывает такая резкая.

Из двух девочек с Джинни куда проще. Эбби знала, что пора уже перестать называть их девочками, но «женщины» и «мужчины» звучит совсем уже глупо. Джинни сговорчивая, нетребовательная и не язвит, как Аманда, однако ничем личным с Эбби не делится. Это было как удар под дых, когда Джинни попросила Денни о помощи после рождения Александра, в свой трудный период. Она могла бы обратиться к матери. Эбби же под боком, в том же городе. Или вот Денни: почему он никогда не говорил, что окончил колледж? Он, должно быть, учился много лет, втискивал занятия между многочисленными работами, но не обмолвился ни словом, а почему? Хотел, чтобы она продолжала о нем беспокоиться, вот

почему. Не хотел снять с крючка. И он так запросто, как ни в чем не бывало, объявил после ланча: «Да, у меня есть диплом», а ее ожгло, как пощечиной. Она понимала, что должна за него радоваться, но все равно обижалась.

Родители трудных детей никогда не говорят вслух об одном: какое это для них облегчение, что дети выросли нормальными людьми. Но куда этим родителям деть свой гнев, копившийся долгие годы?

Хотя, вероятно, у Денни и сейчас не все в порядке. Полного спокойствия за него у Эбби нет. Ему надо искать работу, хоть бы и внештатным преподавателем. А лучше штатным! Ведь не считает же он, что помощь по дому – нормальное занятие для мужчины? Или что те небольшие деньги, которые она ему иногда дает, – пару двадцаток, отправляя с поручениями и не требуя сдачи, – можно назвать средствами существования?

Вчера она спросила:

– Денни, а где твои остальные вещи? Ты же не все привез? Что, сдал на хранение?

– Мам, не волнуйся, – сказал он, – они на моей старой квартире

– Так ты что, все еще за нее платишь?

– Не-а. Это просто комната над гаражом. Моей хозяйке все равно.

Очень загадочно. Какая хозяйка не станет брать деньги за комнату, особенно если жилец отсутствует? Ох, сколько всего в жизни Денни кажется... *неправильным*.

А может, наоборот, все абсолютно правильно. Но Эбби слишком хорошо знает Денни – его уклончивость, привычку к полуправде и каким-то сомнительным оправданиям. На прошлой неделе она постучала к нему в комнату спросить, не отвезет ли он ее купить поздравительные открытки, и ей показалось, что он разрешил войти, но она ошиблась, он разговаривал по мобильному. «Ты же знаешь, что да. Что мне сделать? Как заставить тебя поверить?» Тут он увидел Эбби, и выражение его лица изменилось.

– Что ты хотела?

– Я подожду, пока ты закончишь, – ответила она, но Денни шепнул в трубку: «Все, мне пора» – и как-то слишком быстро захлопнул свой телефон.

Если он говорил с девушкой – с женщиной, – Эбби искренне рада. Каждому в жизни кто-то нужен. И все-таки в глубине души таилась обида: почему он ни разу даже не упомянул об этой своей знакомой? Почему из всего делает такую тайну? Нет, он определенно получает удовольствие, когда поступает против правил. Точнее, движется против течения. Это у

него прямо хобби.

Иногда ей казалось, что, постоянно тревожась о Денни, она смотрела сквозь пальцы на других своих детей. Не пренебрегала ими, нет, но никогда не следила тем же орлиным взором, как за Денни. И все-таки именно он считает, что о нем мало заботились!

На днях она разбирала почту и не сразу поняла, что Денни с ней разговаривает.

– Хм?.. – переспросила она рассеянно и, разрезая конверт, с отвращением бросила: – *Управление финансами*. Правда, гадкое выражение?

А Денни сказал:

– Черт возьми, да ты меня не слушаешь.

– Я слушаю.

– В детстве, – продолжал он, – я мечтал тебя похитить, чтобы ты наконец обратила на меня внимание.

– Денни, я только и делала, что обращала на тебя внимание! Слишком много внимания, по мнению папы.

Он лишь склонил голову набок и язвительно на нее посмотрел.

Она не только обращает на него внимание, но втайне любит его больше, чем остальными. Он так полон жизни и такой отчаянный! Порой чем-то даже напоминает Дэна Куинна – ее бывшего парня, изменника, разбившегося много лет назад на машине. А иногда Денни восхищает ее своим неожиданным взглядом на жизнь. В прошлом месяце, скатывая якобы запылившийся ковер в комнате мальчиков, он вдруг замер и спросил:

– А ты никогда не думала, до чего высокомерны были восточные ткачи? Раз у них считалось необходимым специально ошибиться в узоре, чтобы не конкурировать с Богом? Как будто если бы не требовалось напортачить, они бы уж точно создали идеальное творение!

Эбби громко расхохоталась.

Пока Денни рос, она все думала: вот станет взрослым и тогда объяснит, почему постоянно злился. Но вот он вырос, и она спросила, а он ответил: «Если честно, не знаю».

Эбби вздохнула и проследила за школьником, шагавшем мимо, согнувшись под тяжестью набитого рюкзака.

Это крыльцо не только длинное, но и широкое – наподобие небольшой гостиной. В первые свои годы здесь Эбби, полная энтузиазма молодая хозяйка, заказала целый набор плетеной мебели, медово-золотой, как и качели, – низкий столик, диванчик, два кресла – и расставила с одной стороны крыльца, кружком, для уютных бесед. Но никто не хотел сидеть

спиной к улице, и постепенно кресла будто сами собой оказались справа и слева от дивана, и домашние устраивались рядком и смотрели не друг на друга, а вперед, словно пассажиры на палубе корабля. Эбби подумала, что это наглядно отражает ее роль в семье. У нее есть свои идеи и представления о том, как все должно быть, но родные поступают как им нравится, нисколько не учитывая ее желаний.

Она посмотрела вниз. Меж деревьев блеснуло что-то светлое: Хайди бежала домой, колыхая шерстью, а следом Нора плавно и неторопливо катила коляску. Эбби, сама не зная почему, встала с качелей и с легкостью юной женщины тихо скользнула в дом.

В холле еще пахло кофе и тостами. Обычно это казалось ей символом домашнего уюта, но сегодня вызвало странное удушье. Она прошла прямо к лестнице и быстро поднялась на второй этаж. Когда коляска Сэмми застучала по ступеням, Эбби уже нельзя было увидеть снизу.

Дверь ее кабинета – теперь комнаты Денни – плотно закрыта, и за ней царит тягостное молчание. Его режим не изменился, как вначале надеялась Эбби, он по-прежнему последний ложился и последний вставал. Спускался в десять-одиннадцать в своем выдавшем виды облачении – унылой оливковой футболке и не слишком чистых штанах цвета хаки; лицо, измятое подушкой, грязные волосы, свисающие сосульками. О господи.

– Кто сказал: «Ты никогда не сможешь быть счастливее, чем твой наименее счастливый ребенок»? – спросила она у Ри на последнем гончарном занятии.

– Сократ, – незамедлительно ответила та.

– Правда? Я думала, Мишель Обама или вроде того.

– Вообще-то я не знаю, кто это сказал, – призналась Ри, – но можешь мне поверить – кто-то задолго-зadolго до Мишель.

Ты просыпаешься утром и чувствуешь себя прекрасно, но вдруг думаешь: «Что-то не в порядке, что-то где-то не так, что же?» И вспоминаешь, что это твой ребенок – тот, которому сейчас плохо. Эбби обошла холл, чтобы закрыть дверь в комнату мальчиков, скрыть от глаз разбросанную одежду, полотенца, игрушки. Если войти босиком, в ступни непременно вопьются кусочки «Лего». Она вернулась к своей комнате, вошла и бесшумно притворила за собой дверь.

Постель еще не застелена: Эбби торопилась спуститься и позавтракать в покое, прежде чем сойдут вниз Нора и мальчики. Ох уж эта малышня, до чего утомителен энтузиазм, с которым все они бросаются навстречу каждому новому дню! Она поправила покрывало, повесила на место свой

халат, сложила пижаму Реда и спрятала ее под подушку. По рабочим дням Ред одевался в темноте и всегда оставлял страшный беспорядок.

В этой комнате когда-то жили мистер и миссис Брилл, потом Джуниор с Линии, а потом Ред с Эбби. Изысканный шкаф в углу раньше принадлежал Бриллам, но он оказался слишком массивен для квартиры в центре, куда они переехали. Другая мебель осталась от Джуниора и Линии, но украшала комнату уже Эбби. На стене в рамке висела цветная картинка из ее детства – ангел-хранитель, парящий за спиной маленькой девочки. Подушечка для булавок в виде хрустального башмачка, набитого бархатом, раньше принадлежала ее матери; фигурку Хуммель ^[28], мальчика-скрипача, подарил Ред, когда за ней ухаживал.

Внизу послышался тихий голос Норы, она произнесла что-то неразборчивое, и тут же радостный возглас Сэмми. Через секунду в дверь зацарапали. Эбби открыла, внутрь шмыгнул Клэрэнс.

– Да, мой хороший, – посочувствовала собаке Эбби, – внизу очень шумно.

Пес, покрутившись на коврике, улегся. Старина Клэрэнс. Бренда. Ах, да какая разница! Эбби, если задуматься, знала, что это Бренда.

«Это как будто вы засыпаете и в голове... что-то соскальзывает, – скажет она доктору Уиссу. – С вами такое бывало? В мозгу какая-то очень четкая мысль, и вдруг раз! – и вы думаете уже совершенно о другом, что логически никак не связано с первой мыслью, и вы не понимаете, как пришли от первой ко второй. Наверное, сказывается усталость. Знаете, однажды, лет пять или десять назад, – задолго до того, как я состарилась! – мне пришлось одной уехать с моря поздно ночью, чтобы успеть на встречу утром, и я внезапно очутилась в очень нехорошем районе Вашингтона. Причем, готова поклясться, я попала туда, не пересекая мост через залив! Не знаю, как это получилось. До сих пор не знаю. Я просто очень устала, вот и все. Ничего больше».

Или вот в декабре. Маккарти пригласили ее, Реда и еще кучу друзей на рождественский концерт, и она доверительно разговорилась с мужчиной, который сидел рядом, но позже поняла, что это абсолютно посторонний человек и с Маккарти никак не связан. Он, конечно, посчитал ее сумасшедшей. А это всего-навсего игла перескочила на пластинке, чуть-чуть. Случается, сами знаете.

«А время! – скажет она доктору Уиссу. – Ну *вам-то* известны его фокусы. Когда ты маленький, оно течет медленно, но разгоняется все быстрее, когда вырастешь. А сейчас вообще все несется мимо одним размытым пятном, и я больше не могу ни за чем уследить! Но время, оно в

некотором роде... сбалансировано. Мы молоды совсем короткий отрезок жизни, и тем не менее кажется, что молодость длится вечно. А старость тянется долгие-долгие годы, но время зато летит стремительно. Так что в итоге все уравновешено, понимаете».

Стало слышно, как Нора поднимается по лестнице, говорит: «Нет, проказник. Печенье на десерт». Она величавой поступью проследовала к комнате мальчиков. За дверью протопал Сэмми в своих крошечных кроссовках.

Что с ней не так? Почему она не старается проводить каждую свободную минуту с внуками? Она же по-настоящему их любит. Так сильно, что чувствует в руках какую-то пустоту, когда на них смотрит, до того хочется сгрести их в охапку и крепко прижать к себе. Эти три мальчугана неразлучны, их всегда воспринимают единым целым, но уж Эбби-то знает, насколько они разные. Пити – ребенок беспокойный и командует другими не от дурного характера, а потому что, наподобие пастушьей собаки, защищает свое стадо; жизнерадостный Томми – прирожденный миротворец, как и его папа. Ну а Сэмми и вовсе зеница ее ока. От него еще пахнет апельсиновым соком и мокрыми подгузниками, ему еще нравится свернуться калачиком и слушать, как она ему читает. А старшие! Сьюзен, такая серьезная, милая, послушная – все ли у нее хорошо? Деб – копия Эбби в этом возрасте, стройная, крепкая и любознательная. Неуклюжий, но старательный Александр, бедняга, разрывает ей сердце. И Элиза – до того непохожая на Эбби, до того *иная*, что возможность наблюдать, как внучка растет, кажется Эбби великой привилегией.

Однако проще думать о них издалека, чем отвоевывать себе место в их сердцах.

Снаружи опять все стихло. Эбби медленно повернула ручку двери, приоткрыла ее совсем чуть-чуть и выскользнула в холл. Собака носом распахнула дверь шире и пошлепала за хозяйкой, сопя так шумно, что Эбби морщилась и оглядывалась на комнату мальчиков.

Вниз по лестнице, к входной двери, на крыльцо. Вдруг Эбби остановилась как вкопанная: ее осенило. Она вернулась в дом за поводком, который висел на крючке у входа. Клэрэнс довольно заскулил и вышел за ней на крыльцо. Хайди в глубине дома взвизгнула от зависти. Вот так, подавись, несчастная. Эбби не любила взбалмошных собак.

Выйдя на мощеную дорожку, Эбби пристегнула к ошейнику Клэрэнса поводок – короткий, старого типа, а не длинный выдвижной, как теперь принято. Хотя, по правде говоря, поводок Клэрэнсу не нужен, пес стал

такой медлительный, неповоротливый и слушается беспрекословно. Правда, и на него находит упрямство, когда ему встречаются малюсенькие собачки. Казалось, их вид возвращает его в щенячье детство и он просто не в силах удержаться и не броситься на тойтерьера.

– Далеко не пойдём, – предупредила собаку Эбби, – не очень-то радуйся.

Пес двигался как деревянный, и Эбби подумала, что ему в любом случае не осилить больше пары кварталов.

Они достигли дороги и свернули налево – прочь от дома Ри. Нет, Эбби не избегала свою подругу, но после известного происшествия Ри встревожилась бы, увидев, что Эбби разгуливает без сопровождения. А ей нравится одиночество. Как приятно вырваться на свободу вольной птичкой, когда над головой не висит безмолвное «Ах, что же нам делать с мамой?». Хорошо бы сейчас не встретить знакомых.

Иногда на прогулках ее поражала мысль, что из всей ее семьи осталась она одна. Можно ли было представить, что она когда-нибудь пойдет по жизни без них? Ей опять вспомнилась картинка в спальне: одинокий ребенок идет по дороге под аркой огромных деревьев, а за ним следует ангел-хранитель. Вот только в ангелов-хранителей Эбби с семи лет не верит. Нет, она и в самом деле одна, сама по себе.

Раньше, куда ни пойдешь, с ней был как минимум один ребенок. И приятно, и утомительно. «Руку, руку!» – говорила она, прежде чем перейти улицу. Ей очень отчетливо вспомнилось: она напряженно тянет руку вниз, ладонью назад, и твердо знает, что сейчас за нее возьмется маленькая доверчивая ручонка.

Клэрэнс смерил взглядом белку, но не заинтересовался ею, пошел дальше.

– Согласна, – сказала Эбби. – Эти белки нас не достойны.

Она, проверяя, коснулась груди, места, где обычно висел ключ, – не забыла ли? Забыла, но ничего: замок не должен захлопнуться. И потом, есть Нора, она, если что, откроет.

У Эбби появился еще один секрет, собственный, не чужой. Совсем недавно ей пришло в голову, что песня, которой отец баюкал Стема, – это, вероятней всего, «Козлик Джим». Ее пел Бёрл Айвз^[29]; у Эбби в детстве была пластинка. Сказать ли Стому? С одной стороны, ему, вероятно, важно услышать эту песенку после стольких лет. Но с другой – вдруг это покажется ему бестактным напоминанием о том, что он не Уитшенк? А может, она молчит из эгоизма. Хочет, чтобы он забыл, что она не единственная его мать.

Стем и Денни после своей драки общаются неестественно вежливо. Словно едва знакомы. «Денни, будешь последний кусок курицы?» – спрашивает Стем, а Денни отвечает: «Что ты, сам угощайся!» Но им, конечно, ее не обмануть. Они как два незнакомца в зале ожидания, и она уже теряет надежду, что такое положение вещей когда-нибудь изменится.

В последнее время ее преследовало ощущение, что в доме на побережье случился какой-то кризис. Немудрено, что она всегда терпеть не могла отпусков! Хотя никогда и не признавалась в этом.

– Что с нами произошло? – спросила она Реда по дороге домой, когда они возвращались из последней поездки. – Мы ведь были очень счастливая семья! Правда?

– Насколько я помню, да, – ответил Ред.

– А помнишь, как мы расхохотались в кино?

– Кажется...

– На вестерне. Конь героя смотрел прямо на нас. Морда во весь экран. Он жевал овес и глотал, и по бокам морды играли мускулы – такие два шарика. Выглядело ужасно нелепо! И мы захохотали, все дружно, и на нас оборачивались, не понимали, чего мы смеемся.

Ред свел брови:

– Я там тоже был?

– Да, и тоже смеялся.

Наверное, он забыл потому, что принимал их счастье как должное. Не *переживал* за него. Зато Эбби... она-то переживала, да еще как! Ее убивала мысль, что у нее будет обыкновенная, бестолковая, не довольная своим существованием семья.

– Если бы у тебя было всего одно желание, – спросила она Реда как-то ночью в постели, когда они оба не могли заснуть, – что бы ты загадал?

– Ой, не знаю.

– Я бы пожелала, чтобы все наши дети прожили замечательную жизнь, – сказала Эбби.

– Да, это хорошо.

– А ты?

– Я... – Он задумался. – Ну, может, чтобы «Харфорд Контракторз» обанкротились и перестали сбивать мне цены.

– Ред! Честное слово.

– Что?

– Как ты можешь? Почему у тебя дети не на первом месте? – возмутилась Эбби.

– На первом. Но ты же о них позаботилась в своем желании.

– Ясно. – И Эбби перевернулась на левый бок, к нему спиной.

Да, он тоже стареет. Не она одна! Читает в очках, и они соскальзывают у него с носа, и он становится похож на своего отца. А это его «Э?», когда он что-то недослышал, оно откуда взялось? Создается впечатление, что он играет роль – в уверенности, что именно так ведут себя люди его возраста. А иногда он говорит немного неправильно, например «гимииопатия» вместо «гомеопатия». Возможно, это из-за плохого слуха, но все равно пугает. Она же видит, как с ним теперь разговаривают продавцы – снисходительно, чересчур громко, короткими, понятными словами. Явно принимают за чокнутого старикашку и этим разрывают Эбби сердце.

Неужто в голову не приходит вспомнить, что сегодняшние так называемые старикашки еще недавно, черт их побери, курили марихуану, повязывали голову банданами и устраивали пикеты у Белого дома? Аманда однажды укорила Эбби за то, что та использует слово «клевый»: «Ужасно, когда пожилые пытаются подражать юнцам». Она что, не понимает, что слово «клевый» появилось даже не во времена молодости Эбби, а гораздо раньше?

Эбби не очень смущает, что она *выглядит* старой. Подумаешь! Ну лицо немного отечное, а тело округлилось и пообвисло. Но на фотографиях в семейных альбомах она в молодости кажется себе неприятно хилой, почти изможденной. Ред тоже был совсем тощий, с очень острым кадыком на чересчур длинной шее. Сейчас он весит не больше, но впечатление производит куда солиднее.

У Эбби имелся один трюк на те случаи, когда Ред начинал вести себя как старый болван. Она вспоминала день, когда влюбилась в него. «Стоял прекрасный, ветреный, желтовато-зеленый полдень...» – начинала она, и все возвращалось к ней – и эта новизна, и огромный новый мир, волшебно раскрывшийся в ту минуту, когда она впервые осознала, что человек, которого она долгие годы едва замечала, в действительности истинное сокровище. Он был *совершенен*, именно так она себе говорила. И тогда вдруг сквозь обвисшую кожу, мятые веки, впалые щеки и глубокие впадины у рта, сквозь вздорность, тупое упрямство и возмутительную веру в то, что простой холодной логикой решаются все жизненные проблемы, снова проступал спокойный ясноглазый юноша. И Эбби вновь понимала, какое это непередаваемое счастье, что ей в мужья достался этот прекрасный, прекрасный принц.

«Я купила козлика, – пела она, шагая по дороге, – имя ему Джим». Она умолкла, заметив чье-то приближение, но человек свернул за угол, и Эбби

продолжила: «Купила за...» Клэрэнс молча трусил рядом, то и дело случайно, а может, и намеренно наталкиваясь на ее колено.

Интересно, что тексты песен остаются в памяти намного дольше, чем проза. Причем не только песни тех времен, когда она была подростком, – «Том Доули» и «Майкл, води лодку к берегу», – но и песенки из детства – «Колокольчики из белого коралла», «Доброе утро, веселое солнышко» и «Мы рады погулять». А еще мама пела: «Я спущусь и впущу тебя в дом». Или вот считалки, когда скачешь через веревочку: «Джонни над морем, над океаном». Неважно что, лишь бы в рифму. Рифмы отпечатываются в мозгу. Время приема у зубного врача нужно запоминать в стихотворной форме, и всякие важные годовщины. Да и вообще все события в жизни! А если что-то забудется, надо просто начать петь – уверенно, с первой строки, – и забытое само всплывет в памяти.

Эбби тревожило, что она начинает забывать разные вещи: ее дедушка по материнской линии страдал деменцией. Впрочем, как выяснилось, для нее это не самое страшное. По мнению всех подруг, память у Эбби лучше, чем у них. Как же, вот только на прошлой неделе звонила Кэрол Данн! Эбби сняла трубку, а там молчат. «Алло?» – повторила она, и тогда Кэрол ответила: «Я забыла, кому звоню». «Это Эбби». Тут Кэрол вскрикнула: «Ой, привет, Эбби, как поживаешь? Господи, я, наверное, и голову забыла бы, если б она не была... но, так или иначе, я звонила не тебе» – и нажала отбой.

Или Ри – та забывает названия. «На следующее лето я, пожалуй, посажу эти... розовые ромашки». Эбби спросила: «Эхинацею?» «Да, точно!» – обрадовалась Ри. И всегда именно Эбби восполняет пробелы. Не забыть бы сказать доктору Уиссу.

«В некотором смысле, – надо будет сказать, – память у меня сейчас лучше, чем в молодости. Я вдруг вспоминаю самые удивительные вещи. Мельчайшие, незначительные подробности. Недавно вот в точности вспомнила, как поворачивала запястье, чтобы вставить ручку в сковородку “Корнинггуэр”. Нам на свадьбу подарили целый набор, где на все одна ручка, и ее надо было повернуть, чтобы вставить. Почти пятьдесят лет назад! И пользовалась я ими совсем недолго, в них все подгорало. Кто бы еще такое запомнил?»

Она неожиданно вновь чувствовала горький, резкий, пробирающий до костей запах лука и зеленых перцев, основу их ужина, которые мать почти каждый вечер жарила на сковороде. Давным-давно. Эбби, совсем еще крошкой, вечно хныкала от голода, усталости или просто от тоски, накатывающей к вечеру, к пяти часам. Ей слышались звуки из прошлых

времен, гудение проводов трамвая № 29, что без остановки неся по Роланд-авеню. А то внезапно перед глазами вставала собака из детства, Бинки, – та холодными ночами во сне закрывала нос передними лапами. В точности как путешествие на машине времени: Эбби летела, глядя в окно, и видела то одну сцену, то другую, без какой-либо связи и порядка. *Историю за историей*. Ах, сколько этого в ее жизни! Уитшенки всегда держались только за две, но Эбби совершенно не понимала почему. Как можно определять себя всего лишь двумя историями? У Эбби их было множество.

Долгие годы она оплакивала то, что позволила своей жизни просыпаться, словно песок сквозь пальцы. «Если бы мне дали второй шанс, – говорила она себе, – я бы постаралась прочувствовать все как следует». Но в последнее время ей стало казаться, что она на самом деле прекрасно все прочувствовала, но забыла об этом. А теперь воспоминания возвращались.

Что за улица? Она как-то не обратила внимания.

Эбби остановилась у края дороги и огляделась, Клэрэнс сел рядом. Слева был дом Хатчинсонов с огромной красивой магнолией, похожей на свежий рисунок на эмали. Надо же, как далеко они зашли; странно, что Клэрэнс не заупрявился. Она щелкнула языком, и он с тяжким вздохом встал, будто нес на себе весь земной шар, повесил голову почти до земли.

– Давай-ка отведем тебя домой, – сказала ему Эбби. – И ты хорошенько выпишься.

И тут – откуда? – ничтожный, как комар, чихуахуа помчался мимо них через дорогу. Ни хозяина, ни поводка, ни даже ошейника. Клэрэнс, словно лишь притворялся усталым, взметнулся и с неожиданно громким рыком бросился вперед, выдернув поводок из рук Эбби. И почему-то перед ее глазами пронеслась вся его жизнь: толстый мягкий щенячий живот и большие лапы, и как он обожал носить теннисные мячики и слюнявил их, и как безмерно, безумно радовался, когда дети возвращались домой из школы.

– Клэрэнс! – крикнула она, но пес и ухом не повел, и она кинулась за ним, но что-то непонятное – внезапное, огромное, гладкое, металлическое – ринулось на нее с огромной скоростью.

«Ой, – подумала она, – это же, кажется...»

Всё.

Уитшенки не умирают – таково было семейное верование. Конечно, вслух они этого не говорили, это выглядело бы нахальством. И к тому же любой не-Уитшенк не преминул бы напомнить, что Джуниор и Линии вообще-то оба умерли, как ни крути. Но – давно, немыслимо, невообразимо давно! Лишь Ред был тому свидетелем (Меррик никто в расчет не брал), а он сейчас ходил сам не свой. Не человек, а пустая оболочка. Он бродил по дому в шлепанцах, небритый, с мертвыми глазами. Один день всем казалось, что он и дар речи потерял, но потом обнаружилось, что он просто опять забыл надеть слуховой аппарат.

Эбби умерла во вторник; в среду, согласно ее распоряжению, ее кремировали, однако похороны не получалось устроить до понедельника. Им требовалось прийти в себя и понять, что, собственно, эти похороны должны из себя представлять. Никто раньше с подобными делами не сталкивался, только Нора, но она из абсолютно другой среды, какой от нее прок?

Вероятно, им не следовало откладывать похороны так надолго. На все это время они будто зависли в лимбе^[30]. Они слонялись по комнатам, пили кофе, отвечали на телефонные звонки, вздыхали, переругивались, принимали от соседей кастрюльки, накрытые крышками, рассказывали смешные истории про Эбби, но в итоге не смеялись, а плакали. Оба Хью были здесь: их жены нуждались в поддержке. Стем периодически беседовал с кем-то по сотовому, решая рабочие вопросы, но Ред даже не спрашивал, в чем дело. Внуки как обычно ходили в школу, но после, испуганные, потрясенные, сидели дома, а маленький Сэмми ни на секунду не отлипал от взрослых и, казалось, немножко помешался. Перестал пользоваться горшком – что и в хорошие времена испытание – и начал устраивать грандиозные истерики. Когда Нора преувеличенно спокойно поинтересовалась, что с ним, он крикнул:

– Пусть придет Клэрэнс!

Все неуютно поежились.

– Бренда, ты имеешь в виду, – сказала Нора. – Бренда теперь на небесах с Иисусом.

– Я хочу, чтобы он вернулся от Иисуса.

– Она, – поправила Нора. – Ты хочешь, чтобы она вернулась, но ей лучше там, где она есть.

– Она была уже очень старенькая, дружок, – утешил Стем.

Повисло неловкое молчание. Впрочем, к счастью, Сэмми не сделал очевидного умозаключения и даже не заговаривал об Эбби, которая еще недавно часами читала ему любимые, непередаваемо нудные книги о

динозаврах.

Она пела, как сообщила Луиза Хатчинсон.

Именно Луиза выбежала на улицу, услышав удар, а затем позвонила «911» и семье. И слава богу, что позвонила: Эбби не взяла с собой на прогулку документы.

– Она шла к нашему дому и пела, – рассказала Луиза. – Я выглянула в окно и говорю Биллу, вот, говорю, у *кого-то* хорошее настроение. Я, по-моему, ни разу до этого не слышала, чтобы Эбби пела.

– Пела? – хором воскликнули Джинни и Стем. А Джинни спросила:

– Какую песню?

– Что-то про козлика, я не знаю.

Джинни посмотрела на Стема. Тот пожал плечами.

Луиза продолжала:

– Собака лежала от Эбби очень далеко, думаю, ее отшвырнуло. Женщина, которая была за рулем, она его и нашла, бедняжка. Она прямо как с ума сошла! Машина врезалась в фонарный столб, так вот рядом с ним пес и лежал. Какое счастье, что Эбби его не видела.

– Ее, – сказала Джинни.

– Что, прости?

– Собака была «она».

– Ой, мне очень жаль.

– Она была старая, – с каким-то упрямством произнесла Джинни. – В смысле, собака. Она прожила хорошую длинную жизнь.

– Ну и все-таки...

Луиза протянула им запеканку и заверила, что там нет глютена, как будто именно это всех сейчас и волновало.

Но как же, объясните ради бога, получилось, что Эбби без ведома семьи распевала серенады под окнами у соседей? Аманда единственная решилась спросить прямо, стоило только уйти Луизе. Но, очевидно, всех мучил тот же вопрос. Они тихо сидели в гостиной при неправильном освещении – солнце светило в задние окна, как обычно по утрам в будни, когда большинству из них полагалось находиться на работе.

– На *меня* не смотри, я тогда еще даже не вставал, – сказал Денни, не дав Норе, которая с обеспокоенным видом открыла рот, вымолвить ни слова.

– Я себя спрашиваю и спрашиваю, – заговорила она наконец, – вы даже не представляете, сколько раз. Когда я повела мальчиков в школу, она сидела на крыльце, а когда я вернулась, она уже исчезла. Но Бренда еще оставалась в доме. Где же была мама Уитшенк? У себя в комнате? Во

дворе? Как она сумела выйти? Почему я не заметила?

– Ты же не могла следить за ней каждую секунду, – успокоила Джинни.

– Но должна была! Получается, что должна. И мне очень, очень, очень жаль. У нас с ней, знаете, образовалась какая-то особенная связь. Никогда себе не прощу!

– Эй! – подбодрил ее Стем. – Малыш.

Ни на что большее в качестве утешения он был не способен. Нора, впрочем, с благодарностью обратила к мужу заплаканные глаза и улыбнулась.

– Мы не ясновидящие, – бросил Денни. – Почему она не сказала, что хочет прогуляться? С какой стати взяла вдруг да ушла?

Да, все вели себя как обычно: Денни злился, Нора терзалась угрызениями совести, Аманда искала виноватых.

– Как она могла тебе сказать, – упрекнула она Денни, – если ты всюсю храпел в своей комнате?

– Эй, эй, не гони! – И он откинулся на стуле, выставив вперед ладони.

– Можно подумать, ты здесь как раб трудился, – укорила Аманда.

– Ну так *и вы* не особо надрывались.

– Тихо, вы оба, – прикрикнула Джинни. – Мы отклоняемся от темы.

– Какой еще темы? – спросил Хью, муж Аманды.

– У меня есть ужасное, просто ужасное подозрение, что мама хотела, чтобы на ее похоронах играли «Приятные вибрации».

– Чего? – опешил Хью.

– Она, по-моему, просила. Правда, Мэнди?

Аманда, не в силах говорить, расплакалась, и вместо нее ответил Денни:

– Не думаю, что она это буквально.

– Надо найти завещание, я помню, она писала.

– Пап? – позвал Стем. – Ты не знаешь, где может быть ее завещание?

Ред смотрел в пространство, уперев руки в колени. И спросил:

– Э?

– Мамины распоряжения насчет похорон. Она говорила, куда их положила?

Ред покачал головой.

– Надо посмотреть у нее в кабинете, – сказал Стем.

– В кабинете нет, – отозвалась Нора. – Мама Уитшенк оттуда все унесла, когда Денни к нам переехал. Она собиралась слегка потеснить папу Уитшенка в письменном столе.

– А-а! – Ред вспомнил. – И то правда. Она спрашивала, можно ли положить свои вещи ко мне в ящик.

Аманда села прямее и промокнула нос бумажным платком.

– Там и поищем, – бодро произнесла она. – Да, и, Джинни, я уверена, что она на самом деле не хотела «Приятные вибрации». Если по большому счету, то нет.

– Похоже, ты плохо знаешь маму, – ответила Джинни.

– Я вот боюсь, что она хотела «О благодать».

– Мне нравится «О благодать», – мягко проговорил Стем.

– Мне раньше тоже нравилось, но теперь это стало ужасное клише.

– Для меня – нет.

Аманда возвела глаза к потолку.

Настало время ланча, но готовить они не стали, просто заглянули в холодильник.

– Ничего нет, одни сплошные запеканки, – пожаловался Денни.

Аманда сказала:

– Действительно, интересно. Почему, когда кто-то умирает, люди не приносят выпивку? Никогда, вы заметили? Почему бы не притащить ящик пива?

Или хотя бы бутылку классного вина? Нет, всегда эти бесконечные запеканки. Кто их вообще ест?

– Я ем, – подала голос Нора. – Я готовлю их несколько раз в неделю.

Аманда виновато глянула на Денни и смолкла.

– А я вот проснулась утром и подумала о наших соседях, – задумчиво проговорила Джинни. – Ну, этих, с пляжа. Следующим летом они станут друг другу говорить: «Ой, смотрите-ка, с ними больше нету мамы».

– Мы что, все равно поедem на море? – спросил Стем.

– Конечно, поедem, – ответила Аманда. – Мама бы этого хотела. Ее бы убило, если б мы не поехали.

Повисла тишина. Джинни громко всхлипнула и закрыла лицо руками.

Нора встала и, держа Сэмми на бедре, обошла стол и погладила Джинни по плечу. Сэмми с интересом наблюдал за происходящим.

– Ничего, ничего, – бормотала Нора, – потом станет легче, вот увидишь. Бог никогда не посылает нам испытаний больше, чем мы в состоянии перенести.

Джинни только сильнее заплакала.

– Вообще-то неправда, – уверенно заявил Денни, который стоял, прислонясь к холодильнику и скрестив руки на груди.

Нора, не переставая гладить Джинни по плечу, глянула на него.

– Он ежедневно шлет людям больше, чем они в состоянии перенести, – сообщил ей Денни. – Половина народу на земле ползают такие... уничтоженные.

Все повернулись к Норе, опасаясь ее реакции, но она не обиделась. Сказала только:

– Дуглас, будь добр, найди чашку Сэмми для сока.

Стем встал и вышел из комнаты. Остальные не двигались. Что-то в них разъединилось, поломалось, разладилось.

Стем искал в столе завещание, а Ред следил за ним с дивана, уронив руки на колени. Оказалось, что Эбби весь нижний ящик заняла своими бумагами – стихами и дневниками, письмами от вечно нуждающихся «сироток» и от старых друзей, фотографиями одноклассников, родителей, каких-то незнакомцев.

Стем небрежно пролистывал каждую пачку и передавал Реду. Тот внимательно все рассматривал. На одни только фотографии ушло бог знает сколько времени.

– Ой, смотри-ка! Сью Эллен Мур! Я про нее сто лет не вспоминал.

Ред пристально вглядывался в молодую Эбби, хохочущую, повисшую на руке мальчика с сигаретой.

– Я влюбился в нее с первого взгляда, – сказал он Стему. – Да, знаю, она вечно твердила про тот день, когда *она* в меня влюбилась. «Стоял прекрасный, ветреный, желтовато-зеленый полдень...» – так она говорила, но это потом, когда она выросла, стала почти взрослая, а вот я... Я всегда по ней сох. А это с ней мой друг Дэн. Он ей первый понравился.

При виде засушенной в восковой бумаге фиалки Ред сначала недоуменно нахмурился, а затем улыбнулся, но не объяснил, в чем дело. Затем он довольно долго изучал напечатанный на машинке список, кажется, новогодних обещаний.

– «Я буду считать до десяти, прежде чем говорить с детьми, когда сержусь, – прочитал он вслух. – Я буду каждый день напоминать себе, что мама стареет и что она не вечная».

Папку со стихами, впрочем, Ред отложил не глядя, как будто боялся, что ему будет слишком больно, и не раскрыл ни одного из дневников в красочных обложках.

Какие-то вещи вызывали полное недоумение. Скомканная и расправленная обертка от шоколадки «Херши»; кусочек древесной коры в крошечном бумажном пакетике; пожелтевший двухстраничный буклет из

дома престарелых в Кэтонс-вилле.

– «Пять задач умирающего», – прочел Стем.

– Убегающего?

– Умирающего.

– А, и что там?

– Про похороны ничего, – сказал Стем, передавая бумагу Реду. – «Повторяйте людям, что любите их, прощайтесь с ними».

– Только – о боже, умоляю! – не говори, что она хотела «празднований» ее смерти, – произнес Ред. – Потому что у меня, уж извините, нет желания ничего праздновать.

Он выпустил листовку из рук, и она упала на диван рядом с ним. Но Стем, кажется, его не слышал. Он рассматривал лист восковой бумаги с расплывчатым печатным текстом – копия под копирку, видимо, – лежавший отдельно в ненадписанном маниловом конверте.

– Нашел? – спросил Ред.

– Нет, тут...

Стем продолжал читать. Потом поднял голову. Его губы побелели, он весь как будто съежился, высох.

– Вот. – Он отдал листок Реду.

– «Я, Эбигейл Уитшенк, – начал тот, – настоящим подтверждаю... – Он умолк. Посмотрел вниз страницы. Откашлялся, продолжил: – Настоящим подтверждаю свое согласие на то, чтобы Дуглас Алан О’Брайан воспитывался в моей семье как мой собственный сын, со всеми причитающимися ему в таком случае правами и привилегиями. Я гарантирую, что его мать будет иметь свободный доступ к ребенку, когда только пожелает, и обещаю, что она сможет восстановить свои права на него, как только ей позволят жизненные обстоятельства. Настоящее соглашение остается действительным лишь в том случае, если мать ребенка никогда и ни за что не раскроет ему свой истинный статус до тех пор и только в том случае, если будет готова взять над ним полное опекунство; я также обещаю не раскрывать данных обстоятельств. – Ред опять откашлялся и закончил: – Подпись: Эбигейл Далтон Уитшенк. Подпись: Барбара Джейн Отри».

– Я не понимаю, – пробормотал Стем.

Ред не ответил. Он не отрывал глаз от контракта.

– Это что, Би Джей Отри? Та самая? – спросил Стем.

Ред молчал.

– Она, – заговорил Стем, – кто ж еще. Сначала она была Барбара Джейн Имс, а потом вышла за какого-то Отри. Она постоянно отиралась

рядом.

– Наверное, нашла тебя по телефонной книге. – Ред наконец поднял взгляд.

– Почему ты мне не сказал? – вскричал Стем. – Ты обязан был! Мне все равно, что и кому ты обещал!

– Я не обещал, – ответил Ред. – Я ничего не знал.

– Должен был знать.

– Клянусь, твоя мама и словом не обмолвилась.

– То есть все эти годы она знала правду, но ничего не говорила собственному мужу? Так, что ли?

– По всей видимости. – Ред потер лоб.

– Это немыслимо, – пролепетал Стем. – Зачем ей так поступать?

– Ну, она... может, она боялась, что я заставлю ее тебя отдать, – предположил Ред. – Что велю вернуть тебя Би Джей Отри. И это правда, я бы так и сделал.

Стем раскрыл рот.

– Ты бы меня отдал?..

– Стем, ну сам подумай: это совершенно безумное соглашение.

– Но все же...

– Все же что? По закону ты сын Би Джей.

– Тогда хорошо, что она больше здесь не появляется, – горько произнес Стем. – Она ведь умерла, да?

– Да, если мне не изменяет память.

– Если не изменяет память! – обвинительным тоном бросил Стем.

– Стем, богом клянусь, я понятия не имел. Я едва знал эту женщину! Не понимаю даже, где твоя мама раздобыла нотариуса, который согласился такое заверить.

– Да какой нотариус! Посмотри, что тут за язык. Она старалась, чтобы текст звучал юридически. «Причитающиеся ему в таком случае права и привилегии», «до тех пор и только в том случае», но какой нотариус напишет «когда только пожелает»? Что за официальный документ в один абзац? Она сочинила все это сама, она и Би Джей. Нотариус ничего не заверял!

– Должен признаться, – Ред опять посмотрел в контракт, – я слегка... обескуражен.

Стем безрадостно хмыкнул.

– Иногда твоя мама бывала... В смысле, Эбби бывала... – Ред затих.

– Слушай, обещаю тебе, – попросил Стем, – обещаю, что никому не расскажешь.

- Что, вообще никому? Даже Денни и девочкам?
- Никому. Обещай, что будешь хранить молчание.
- Почему? – спросил Ред.
- Я так хочу.
- Но ты уже взрослый. Это ничего не изменит.
- Я серьезно. Забудь, что видел этот документ.
- Ну... – Ред, потянувшись вперед, передал бумагу Стему. Тот сложил ее и спрятал в карман рубашки.

Оказалось, что ящика Реда для всех бумаг Эбби не хватило. Распоряжения о похоронах в итоге нашлись в ее шкафчике под подоконником – среди программки с похорон родителей и брата, а также с «церемонии памяти» некой Шаванды Симмз, о которой никто в семье и слыхом не слыхивал. И нет, Эбби не хотела, чтобы на ее похоронах звучали «Приятные вибрации» или «О благодать». Она заказала «Овцы могут пастись спокойно» Иоганна Себастьяна Баха и «Арию брата Джеймса»^[31]. К счастью, петь и то и другое будет хор, лишь на гимне «Встретимся ли мы с тобою?» следует присоединиться конгрегации. Друзья и/или семья при желании могут выступить с речью (такая формулировка поразила дочерей Эбби своей жалкой робостью), а преподобный Сток должен произнести речь короткую и, если возможно, «не слишком религиозную».

Упоминание о преподобном Стоке всех разволновало. Сначала они не понимали, кто это. Затем Джинни сообразила: наверное, пастор Хэмпденского братства, маленькой церкви, куда Эбби время от времени ходила, поскольку принадлежала к ней в детстве. Но официально Уитшенки – по крайней мере, в сочельник и на Пасху – посещали церковь Святого Давида, и именно там Аманда заказала отпевание на утро понедельника в одиннадцать. «Но так ли уж это важно?» – размышляла она вслух. Ред сказал, что да. И, вероятно считая Нору экспертом по религиозным делам, поручил ей позвонить в церковь Святого Давида и преподобному Стоку. Нора ушла на веранду, а когда вернулась, сообщила, что преподобный Сток уже несколько лет как отошел от дел, но преподобный Эдвин Элбин скорбит об их утрате и после обеда зайдет детально все обсудить. Ред при слове «зайдет» побледнел, однако поблагодарил Нору за помощь.

Потихоньку все в семье выходили из строя. Сыновья Стема просыпались по ночам и через холл бежали в кровать к родителям. Стем забыл отменить встречу с дамой из Гилфорда, намеревавшейся заказать большую пристройку к своему дому. Джинни и Аманда поссорились –

Аманда заявила, что если Александр и занимал особое место в сердце Эбби, то лишь потому, что «он такой... ну... сама понимаешь».

– Какой такой? Какой? – взвилась Джинни.

Аманда сказала:

– Неважно, – и демонстративно замолчала.

Не прошло и десяти минут, как Деб ударила Элизу в глаз – та утверждала, будто бабушка однажды призналась ей, что любит ее больше всех.

– Итак, чем их сегодня развлечь? – процитировал Ред строчку из стихотворения Кристофера Робина, которую Эбби всегда вспоминала, если у детей вспыхивал очередной скандал, и лицо его тотчас исказилось от горя. Ред, видно, отчетливо услышал в голове веселый голос жены.

Денни, по обыкновению, подолгу пропадал у себя в комнате, и никто не знал, чем он занят, хотя иногда оттуда доносились его разговоры по мобильному. Но с кем? Загадка. Между тем даже Хайди принялась выкамаривать. То и дело залезала в помойное ведро под кухонной раковиной и оставляла под обеденным столом отвратительные кусочки жеваной фольги.

– Вы, девчонки, скажите, если я начну выглядеть как сумасшедший старикашка, – попросил Ред дочерей. – Мамы теперь нет, следить за мной некому.

К концу недели он заляпал рубашки едой и буквально не снимал шлепанцев, но от любых замечаний и предложений отмахивался.

– Знаешь, папа, – заметила как-то Джинни, – по-моему, этим твоим брюкам место на помойке.

А он ответил:

– Ты что? Я только-только их как следует разносил.

Когда перед похоронами Аманда предложила отнести в химчистку его костюм, Ред сказал, что не нужно – он наденет дашки.

– *Что?* – не поняла Аманда.

Он вышел с веранды. Дочери в ужасе уставились друг на друга. Через несколько минут их отец вернулся с чем-то вроде короткой туники, бирюзовой и до того яркой, что она просто била по глазам.

– Мама сшила на нашу свадьбу, – объяснил он. – Вот я и подумал, что логично это надеть на ее похороны.

– Но, папа, – возразила Аманда, – ваша свадьба была в шестидесятых.

– И что?

– Ну, может, в шестидесятые такое и носили, хотя я не вполне... Но уже полвека прошло! И швы размахрились, смотри. И под мышкой

порвано.

– Значит, надо зашить, – невозмутимо ответил Ред. – И будет как новенькая.

Аманда и Джинни обменялись многозначительными взглядами. Ред эти взгляды перехватил – и резко повернулся к Денни, который валялся на диване и переключал каналы телевизора.

– Это легко починить? – осведомился Ред, показывая сыну дашки на проволочной вешалке. – Да?

– Что? – Денни взглянул на рубашку. – А, да, конечно. Я зашью, если найду нитку такого цвета.

Девочки застонали, но Денни встал, забрал у Реда дашки и вышел.

– Спасибо! – крикнул Ред ему вслед. Потом обратился к дочерям: – У меня есть к этому вельветовые штаны. Серое ведь подходит к голубому, да?

– Да, папа, – сказала Аманда.

– На нашу свадьбу я надел брюки клеш. Бабушку Далтон от ужаса чуть удар не хватил.

У них не осталось фотографий со свадьбы: Эбби утверждала, что фотограф нарушит праздничную атмосферу. Поэтому Джинни спросила:

– А в чем была мама?

– В чем-то таком длинном, летучем, не помню, как называется... каплан?

– Кафтан?

– Да, точно. – Его глаза наполнились слезами. – Она была очень красивая.

– Да, представляю.

– Я знаю, что не имею права спрашивать: почему она? – заговорил Ред. Слезы бежали по его щекам, но он, казалось, не замечал их. – Мы прожили вместе сорок восемь прекрасных лет – многим столько не достается. И я знаю, что должен радоваться, что она ушла первой, ведь она без меня не справилась бы. Текущий кран не могла бы починить!

– Да, папа, – всхлипнула Джинни; они с Амандой тоже плакали.

– Но иногда мне все равно хочется спросить, понимаете?

– Да, папа, понимаем.

Карла была не в восторге, что из-за похорон Сьюзен пропустит школу. Все слышали, как Денни спорил с ней по телефону. «Она любимая внучка моей матери, – говорил он. – И, по-твоему, ради этого нельзя пропустить какой-то кретинский тест по математике?» Сошлись на том, что Сьюзен приедет, но ночевать не останется и во вторник утром опять пойдет в школу.

Сразу после завтрака в день похорон Денни отправился на вокзал встречать дочь. И вернулся с девочкой куда более серьезной и чопорной, чем та, что ездила с ними на море. На ней было угольно-черное платье со строгим белым воротничком, черные колготки и черные замшевые туфли; под платьем проступал скомканный, пока не очень нужный лифчик. Мальчики Стема смотрели на Сьюзен робко и не заговаривали с ней, но она увела их на веранду, и через несколько минут до кухни, где еще завтракали взрослые, долетала детская болтовня.

Ред сидел в просторных вельветовых штанах и дашики, поражавшей воображение много больше, чем когда она висела на вешалке. Рукава пузырились над манжетами с резинкой и придавали Реду пиратский вид, а из глубокого разреза на груди торчала метелка седых волос. Однако Нора сказала: «Ой, как замечательно Денни ее залатал!» – и Ред обрадовался, видимо не заметив, что об общем впечатлении невестка умолчала.

Позвонили в дверь, залаяла Хайди. Все засуетились. Это пришла Ри Бэском, которая согласилась посидеть с мальчиками. Выдав ей необходимые распоряжения, Стем, Нора, Ред, Денни и Сьюзен вышли через заднюю дверь и сели в машину Эбби. Денни – за руль, Ред рядом с ним. Все десять минут до церкви Ред молчал и смотрел в окно. На заднем сиденье Нора беседовала со Сьюзен. Что в школе в этом году? Как мама? Сьюзен отвечала вежливо, но коротко, как будто считая святотатством хоть на секунду забыть о похоронах. Денни, останавливаясь на светофорах, барабанил пальцами по рулю.

В Хэмпдене весь остальной мир радовался самому обыкновенному понедельнику. Две грузные женщины стояли и разговаривали, одна придерживала тележку на колесиках с бельем из прачечной. Мужчина вез в прогулочной коляске укутанного малыша. С утра стоял холод, но очень быстро теплело, поэтому многие были в свитерах, но из винного магазина появилась девушка в шортах и вьетнамках.

Церковь – маленький неприметный белый куб с чем-то вроде купола вместо шпиля – пряталась между семейной продуктовой лавкой и домом, в пух и прах разукрашенным для Хэллоуина. Уитшенки, пожалуй, прошли бы мимо, если б не вывеска – надпись «Хэмпденское братство», а ниже наборными буквами строчка: «Добро пожаловать домой, рядовой Спринкл!» Рядом – никакой парковки. По крайней мере, Денни не нашел. Пришлось ставить машину на улице. Когда они высаживались, подъехали Джинни и Хью со своими двумя детьми и матерью Хью. Затем подошли Аманда, ее Хью и Элиза в лакированных туфлях на каблуках и блестящем оборчатом платье, таком коротком, что девочка выглядела как официантка

из ночного бара. Густой слой косметики почти скрывал ее синяк. Джинни и Аманда, лишь глянув друг на друга, разразились слезами и, обнявшись, встали на тротуаре. Миссис Энджелл, притиснув к груди сумочку, сочувственно щелкала языком. На ней была очаровательная шляпка с цветами, в самый раз для церкви.

Да и все принарядились – кроме Реда, у которого дашики скрывала заурядная куртка «Ориолс».

Наконец, одолев две ступени крыльца, они вошли в белую комнату с низким потолком и рядами темных скамей. Внутри царил холод, обычный для помещения, которое не отапливалось осенней ночью, правда, сейчас где-то внизу гудела печь. Впереди стоял деревянный аналой, за ним на стене висел простой темный крест, а сбоку рыжая крашеная женщина играла на пианино «Овцы могут пастись спокойно». (Преподобный Элбин объяснил, что хор – люди работающие и не смогут петь в будний день.) Пианистка брэнчала и не смотрела по сторонам, пока они шли по проходу и рассаживались во втором ряду. Могли, вероятно, занять и первый, однако негласно решили не устраивать из своего горя показуху.

Перед аналоем красовалась высокая ваза с белыми гортензиями. Это еще откуда? Уитшенки цветов не заказывали и специально подчеркнули в «Балтимор сан», что присылать их не нужно – лучше, если есть желание, сделать пожертвование в «Дом участия»^[32]. У Эбби были странные отношения с цветами: срезанных она не любила. Джинни прошептала:

– Может, это из чьего-нибудь сада?

Все лучше, чем от флориста. Но Аманда, сидевшая рядом с сестрой, шепнула в ответ:

– Не слишком ли поздно для цветов, осень же?

Говорить нормально не запрещалось, но они почему-то робели. Никто толком не знал, каков похоронный этикет – кого приветствовать, куда смотреть, кому после службы тайком сунуть конверт с деньгами. Уже дважды этим утром Аманда звонила Ри Бэском за советом.

Дети сидели в дальнем конце, Сьюзен – посередине, как приезжая и потому самая интересная. Ред по настоянию Аманды занял место у прохода. Вдруг кто-то из друзей захочет подойти и выразить соболезнования, объяснила она. Но Ред именно этого и боялся, а потому сидел нахохлившись, будто птица под дождем, и упорно сверлил взглядом свои колени.

Преподобный Элбин вошел через боковую дверь рядом с пианино. Эдди, так он попросил себя называть. В черном костюме, очень светловолосый, на удивление молодой и до того белокожий, что, казалось,

видно, как в его жилах течет кровь. Он первым делом наклонился к Реду и пожал его правую руку обеими ладонями, а после спросил Аманду, есть ли у нее список тех, кто собирается выступить с речью. Когда он приходил к ним домой, они еще ничего не решили, но теперь Аманда протянула ему лист бумаги. Эдди просмотрел, кивнул:

– Замечательно. А как это произносится? Элайза?

– Элиза, – строго ответила Аманда.

Джинни рядом с ней напряглась. Он еще не запомнил? Плохой знак.

Священник положил бумагу в карман пиджака и сел у аналоя на стул с прямой спинкой. Скамьи сзади постепенно заполнялись приглашенными. Уитшенки слышали шаги, разговоры, однако не оборачивались.

Преподобный Элбин, он же Эдди, будучи у них дома, посетовал, что не знал Эбби лично.

– Я служу в Хэмпдене всего три года, – объяснил он. – Жаль, что не успел познакомиться с ней. Уверен, она была очень милая пожилая леди.

От слов «пожилая леди» лица Уитшенков сделались каменными. Этот человек *представления не имеет* об Эбби! Воображает себе какую-то старую перечницу в ортопедических башмаках.

– Ей едва исполнилось семьдесят два, – сочла нужным заявить Джинни и вздернула подбородок.

Но этому юнцу семьдесят два года, должно быть, казались возрастом более чем преклонным.

– Да, – сказал он, – всегда есть ощущение, что еще не пора, еще слишком рано. Однако Господь в великой мудрости Своей... Скажите, мистер Уитшенк, у вас есть особые пожелания касательно церемонии?

– У меня? Да нет, – ответил Ред. – Нет, я не... я... мы в нашей семье с похоронами особо не сталкивались.

– Понимаю. Тогда позволю себе предложить...

– Моих родителей, конечно, в живых-то уже нет, но они, как бы это сказать, ушли внезапно. Машина заглохла на железнодорожных путях. Я тогда, видно, в шоке был и, правду говоря, не очень-то помню, как их хоронили.

– Это, наверное, оттого...

– Если подумать, я, похоже, так толком и не осознал, что это действительно произошло. Скатилось с меня, как вода. И впечатление, что ужасно, ужасно давно, а на самом деле всего лишь в шестидесятых. В *наше* время! Мы тогда уже человека в космос запустили. Да что там, мои старики застали и противомоскитные оконные сетки в алюминиевых рамах, и фальшивые накладные средники, и щитовые двери и ванны из

стеклопластика.

– Вообразите... – вымолвил преподобный Элбин.

Короче говоря, общение с пастором мало что прояснило, и никто не знал, чего ждать, когда священник подошел наконец к аналою. Пианино смолкло.

– Помолимся, – призвал он и поднял вверх руки. Все встали; заскрипели скамьи. Священник закрыл глаза, но из всех Уитшенков лишь Нора последовала его примеру. – Отец небесный, – глухим голосом заговорил отец Элбин, – мы просим Тебя утешить нас, собравшихся в храме Твоем этим утром, в нашей неизбывной скорби. Мы просим...

– Эта женщина, Атта, здесь, – шепнула Джинни мужу.

– Кто?

– «Сиротка», которая приходила на ланч в прошлом месяце, помнишь?

Очевидно, Джинни, вставая для молитвы, успела оглянуться и посмотреть, кто пришел. Потом обернулась еще раз:

– О! Тут и женщина, что была за рулем. С кем-то. С мужем, наверное.

– Вот бедолага, – отозвался Хью.

Женщина, сбившая Эбби, приходила к Уитшенкам через день после несчастного случая. Очень расстроенная, она без конца извинялась, хотя полиция точно установила, что ее вины в аварии нет. Но она твердила, что бедная собачка так и будет стоять у нее перед глазами до конца дней.

– Собралась куна народу, – шепотом сообщила Джинни, но Аманда взглядом заставила ее умолкнуть.

Эбби не указала конкретного отрывка из Библии, и преподобный Элбин выбрал его сам – длинный пассаж из притч Соломоновых о добродетельной жене. Что же, хорошо. Уитшенки не усмотрели в этом ничего оскорбительного. Затем пели гимн «Вот я, Господи», но никто в семье не знал слов. Очевидно, преподобный Элбин счел возможным откорректировать распоряжения Эбби и несколько расширил музыкальную программу церемонии, что, впрочем, оказалось к лучшему. Джинни потом сказала, что, слушая гимн, представила маму входящей в рай бодро и деловито, как истинный соцработник: «Вот я, Господи! Говори, что надо делать?»

Кое-что Эбби все-таки указала – стихотворение Эмили Дикинсон «Кто боль чужую облегчил». Аманда прочла его вслух у аналоя, предварительно поприветствовав и поблагодарив всех за то, что пришли. Она единственная из детей Реда и Эбби выразила желание произнести речь. Денни заявил, что в таких вещах не силен, Джинни боялась расплакаться, а Стем отказался без объяснений.

Но выступить вызвалась и Меррик. Подумайте! Вот неожиданность. Она прилетела из Флориды, как только узнала о случившемся, явилась в дом, готовая засучить рукава и начать распоряжаться. Аманда кое-как от нее отделалась, но отказать ей в праве сказать на похоронах несколько слов не мог никто.

– Я знакома с Эбби дольше всех остальных, – начала Меррик. – Даже дольше Реда!

Она встала не за аналой, а рядом, как будто для того, чтобы собравшиеся как следует разглядели ее черное платье с асимметричным подолом.

– Я знала Эбби Далтон с ее двенадцати лет, – продолжала она. – Маленькую бестолковую девчонку из Хэмпдена. Ее отец держал магазинчик хозтоваров, из тех, знаете, куда случайно попадаешь и говоришь: «Ой, простите! Извините! Тут подвал частного дома, а я вломилась!» Лопаты, грабли, тачки, все вместе, грудой, мотки веревки... с потолка цепи свисают и лезут в глаза, и кошка спит на мешке семян. Но знаете что? Эбби в нашей школе оказалась главной... движущей силой! Ей нисколько не помешало ее происхождение. Она была как *фейерверк*, и я горжусь тем, что она моя ближайшая, любимейшая подруга. – Тут губы ее задрожали, Меррик прикрыла рот кончиками пальцев и, замотав головой, поспешно вернулась на место рядом со своей свекровью. Остальные Уитшенки воззрились друг на друга, широко распахнув глаза, – все, включая Реда.

Следом вышла крошечная Ри Бэском, храни Господь ее душу, ангелок с прыгучими белыми кудряшками. Она заговорила еще на подходе к аналою:

– Мне, по совпадению, тоже довелось быть с Эбби в хозяйственном магазине. Нет, не у ее отца, конечно. В те времена мы были не знакомы. А познакомились, когда сидели дома с маленькими детьми и сходили от заточения с ума, поэтому иногда срывались с места, садились в мою или в ее машину, зашвыривали детей на заднее сиденье и мчали куда-нибудь просто ради того, чтобы мчать. И однажды заскочили в «Дом и сад» – Эбби хотела купить огнетушитель на кухню. И вот, когда продавец пробивал чек, она вдруг говорит: «Нельзя ли быстрее? У нас вообще-то пожар». Дурачилась, понимаете, пошутила. А он не понял. Говорит: «Я обязан оформить покупку согласно правилам, мэм». Так мы с ней прямо пополам согнулись от хохота. Навзрыд рыдали! Едва ли мне еще доведется так смеяться, как с Эбби. Мне будет так ее не хватать!

К своему месту Ри возвращалась с сухими глазами, она даже

улыбнулась Уитшенкам, но именно от ее речи Джинни и Аманда снова расплакались.

– Спасибо, – сказал преподобный Элбин. – А теперь послушаем Элизу Бейлор, внучку миссис Уитшенк.

Элиза сжимала в руке шпаргалку. Она подошла к аналою, неуверенно пошатываясь в босоножках на высоких каблуках, ремешки которых оплетали щиколотки. Пристально оглядела собравшихся, ослепительно улыбнулась, откашлялась.

– Когда мы с моими двоюродными сестрами и братом были маленькие, – начала она, – бабушка звонила нам и говорила: «Сегодня суббота! Давайте устроим “День у бабушки”!» И мы ехали к ней, и она занималась с нами разными поделками. Мы засушивали цветы, шили кухонные рукавицы, мастерили рамки из палочек от фруктового мороженого, или она читала нам сказки о детях из других стран. Некоторые, правда, скучные, но местами как бы... очень интересные. Я буду помнить мою бабушку всю свою жизнь.

Деб и Сьюзен глянули на нее сердито – по-видимому, их задело выражение «моя бабушка», – а Александр, еле сдерживавший слезы, насупился.

Элиза еще раз победно на всех посмотрела и, стуча каблуками, вернулась на место.

– Благодарю вас всех. – Преподобный Элбин кивнул пианистке. Та поспешно развернулась к пианино и заиграла «Арию брата Джеймса», звучащую странно легкомысленно для такого случая. Хью, муж Аманды, рассеянно отбивал ногой такт, пока Аманда, сидевшая на противоположном конце скамьи, не нагнулась вперед и не остановила его строгим взглядом.

Музыка стихла. Преподобный Элбин поднялся и вновь направился к аналою. Встал, сложил руки домиком.

– Я не был знаком с миссис Уитшенк, – заговорил он, – поэтому у меня, в отличие от вас, нет о ней воспоминаний. Но я подумал, что, возможно, в данном случае *наши* воспоминания – не самое главное. Гораздо важнее воспоминания *ушедших*, то, что они уносят с собой. Вдруг небеса – это некий единый вселенский разум, в который вливается сознание покойных? И задача умерших – рассказать обо всем, что случилось с ними при жизни на земле? О хозяйственном магазине отца, где на мешке с газонными семенами спала кошка. О подруге, с которой хохотали до слез. О субботах, когда сидели с внуками и склеивали палочки от мороженого. О том, как весенним утром ты просыпалась под неумолчный щебет тысяч птиц, и как летним полднем пляжные полотенца

сушились на перилах веранды, и в октябре воздух пах дымом и яблочным сидром, а снежными вечерами тебе светили теплом желтые окна твоего дома. «Вот что я запомнил», – говорят умершие, и их рассказ добавляется к другим рассказам. Еще одна уникальная история о том, каково это – жить на земле. Что это за ощущение – жизнь. – Он поднял руки и сказал: – Страница 239 в сборниках гимнов, «Встретимся ли мы с тобою».

Все встали.

– Я не понимаю, – обратился Ред к Аманде, пользуясь тем, что снова зазвучала музыка, – куда, он говорит, она ушла?

– Влилась во вселенский разум, – ответила Аманда.

– Да, как раз похоже на то, куда захотела бы отправиться ваша мама, – пробормотал Ред. – Но не знаю, я бы предпочел что-нибудь поконкретнее.

Аманда погладила отца по руке и указала строчку в сборнике гимнов.

Ри Бэском заранее предупреждала, что после службы люди захотят зайти к ним домой. Независимо от того, приглашали их или нет, они явятся, причем с расчетом на угощение. Поэтому семья, по крайней мере, была готова, когда в дверь позвонил первый гость. Не успев передохнуть, они вновь бормотали «спасибо», давали себя обнять, протягивали для пожатия руку. Служанка Ри Бэском предлагала на подносах маленькие сэндвичи – их утром доставила служба кейтеринга. Какие-то трое мужчин ближневосточной наружности, одетые куда строже, чем сыновья Эбби, в шокированном молчании наблюдали, как дети Стема гоняются друг за другом, путаясь под ногами у взрослых. Крошечная, никому не знакомая пожилая женщина несколько раз поинтересовалась, есть ли бисквиты, которые всегда пекла Эбби.

Денни перед тем, как отвезти Сьюзен на вокзал, попрощался, явно предполагая, что к его возвращению гости разойдутся. Но нет, он приехал обратно, а они все сидели. Сакс Браун и Мардж Эллис спорили об Афганистане. Элиза взяла бокал белого вина и элегантно держала его за ножку большим и указательным пальцами, отставив остальные. Ее косметика почти стерлась, синяк сиял вовсю. Служанка Ри, сняв туфли, разносила овощи крудите^[33], а сама Ри, выпившая несколько больше, чем нужно, обнимала за талию чьего-то сына-подростка. Ред выглядел измотанным – лицо серое и какое-то обвисшее. Нора пыталась его усадить, но он упорно отказывался.

Затем гости разошлись все разом, словно по неслышному сигналу ультразвукового собачьего свистка. В гостиной остались только члены семьи, и свет в комнате вдруг показался им слишком ярким – как бывает,

когда днем выйдешь из кино на улицу. На диване лежала разоренная сырная доска, коврик запорошило крошками от печенья, на спинке стула висела кем-то забытая шаль. Служанка Ри Веском на кухне мыла посуду и звенела бокалами. В туалете спустили воду, и вскоре в гостиную возвратился Томми, на ходу подтягивая штаны.

– Ну, так... – Ред обвел всех взглядом.

– Так, – эхом отозвалась Аманда.

Они стояли, уронив руки, и как будто ждали новых поручений. Но никаких поручений, конечно же, больше не было. Все кончилось. Они проводили Эбби в последний путь.

Казалось, нужно сделать что-то еще – подвести итоги, отчитаться о мероприятии. Посплетничать: «Ты не поверишь, что говорила Меррик» или: «Ты бы лопнула со смеху, если б видела королеву Юллу. Трей не явился, представляешь, у него, видишь ли, важная встреча, а вот королева Юлла пришла. Можешь вообразить? Помнишь, как она всегда называла тебя коммунисткой?»

Но стоп, стоп, подождите. Эбби умерла и никогда уже ничего этого не узнает.

8

По идее, раз Эбби не стало, Реда можно было оставить одного. Он со всем справлялся самостоятельно и наутро после похорон уже пошел на работу К обеду, однако, он вернулся, незаметно проскользнул на второй этаж в свою комнату и лег в кровать. И если бы Нора не зашла туда со стопкой выглаженного белья, неизвестно, сколько он пролежал бы, хватаясь за грудь и сморщив лоб не то от боли, не то от страха. Он уверял, что все ерунда, обычное переутомление, но не стал возражать, когда Нора попросила Денни отвезти его в больницу.

Это *и впрямь* оказалась ерунда – несварение, постановили врачи шесть часов спустя и отправили пациента восвояси в сопровождении всех его четырех детей: остальные трое примчались в больницу сразу после звонка Норы. Но, ерунда не ерунда, дочери Реда призадумались.

До сих пор они сходились во мнении, что у них еще будет время обустроить жизнь папы. Пусть сначала обстановка нормализуется, говорили друг другу Аманда и Джинни. Однако всю ту неделю бывали на Боутон-роуд едва ли не чаще, чем у себя дома, причем, как правило, без мужей и детей, словно демонстрируя, что заехали по делу Джинни – за

мамиными кулинарными рецептами, Аманда – с картонными коробками под одежду Эбби. Но, оказавшись в доме, они уходить не спешили и все пытались завести откровенный разговор.

– Ты же знаешь, на Денни нельзя толком рассчитывать, – говорила Аманда Норе. – Сперва наобещает с три короба, а потом возьмет да и смоемся. Удивляюсь, что он столько-то продержался.

Тут на кухне появился Денни, и Аманда осеклась. Он слышал? Денни поставил чашку в раковину и вышел, а Нора все молчала. Наклонив противень, она стрясала печенье с пергаментного листа, вид у нее был любезный и безучастный – словно Аманда лишь сотрясала воздух ради того, чтобы насладиться звучанием собственного голоса.

А Стем! Он стал такой тихий – видимо, от горя.

– Я думаю, в глубине души, – заговорила с ним как-то Джинни, – папа всегда был уверен, что вы с Норой останетесь здесь. Ну, в смысле, унаследуете дом.

Она виновато глянула на Денни, который сидел на диване рядом со Стемом и переключал каналы телевизора, но тот лишь покривил ртом. Даже он понимал, что Ред все свои надежды возлагает на Стема. Что же до самого Реда, то он будто не слышал Джинни. Застыл, прилипнув глазами к экрану, хотя ничего интересного не показывали – только реклама, реклама и еще реклама.

После воскресного ланча Ред отправился наверх подремать, а Аманда сказала остальным:

– В принципе, папе не требуется уход, это ясно. Но все же по утрам надо бы проверять, что с ним все в порядке.

– Для этого достаточно позвонить, – ответил Стем.

Аманда и Джинни обменялись недоуменными взглядами. Такого замечания они ожидали бы от Денни, но никак не от Стема.

Стем на них не смотрел, он наблюдал, как дети на ковре играют в настольную игру.

– Да ладно, папа рано или поздно с кем-нибудь познакомится, – лениво обронил Денни.

– Денни, ты что?! – воскликнула Джинни.

– Что?

– Да, он, конечно, может, – примирительно проговорила Аманда, – и какой-то частью сознания я хочу, чтобы так и было. Пусть найдет себе милую заботливую женщину. Но другая часть кричит: «А что, если эта женщина нам не понравится? Что, если она поднимает воротнички на своих блузках или еще что-нибудь в этом духе?»

– Папе никогда не понравится женщина, разгуливающая с поднятым воротничком! – возмутилась Джинни.

Тут с лестницы послышались шаги Реда и все замолчали.

Позже к вечеру, когда девочки собирали свои семейства и прощались у двери, Ред спросил Аманду, нужно ли сообщить адвокату о смерти Эбби.

– Господи, разумеется! Что же ты этого еще не сделал? – удивилась Аманда. – И кто ваш адвокат?

Ред ответил:

– Понятия не имею. Мы составляли завещание сто лет назад. И вообще такими вещами занималась ваша мама.

Стем издал неожиданный резкий смешок. Все обернулись к нему.

– Это как в том старом анекдоте, – сказал он. – Муж говорит: «Моя жена принимает решения по всякой ерунде – например, на какую работу мне пойти и какой дом нам купить, а я занимаюсь серьезными делами – например, принимать ли Китай в ООН».

– Чего? – не понял Хью, муж Джинни.

– Женщины правят миром, – объяснил ему Стем – В этом уж будь уверен.

– А разве Китай уже не в ООН?

Но тут вмешалась Нора:

– Не беспокойтесь, папа Уитшенк, я узнаю, кто ваш адвокат.

Сгладила неловкий момент.

В понедельник, когда Ред уехал в офис, Аманда привезла еще коробки. Можно было подумать, что она сама не работает. Впрочем, судя по деловому костюму, заехала она по дороге в контору.

– Нора, признайся, – Аманда поставила коробки в углу столовой, – ты можешь себе представить, что вы со Стемом останетесь здесь навсегда?

– Ты же знаешь, мы никогда не оставим папу Уитшенка, если ему действительно будет нужна помощь.

– Так ты считаешь, ему нужна помощь?

– Об этом надо спросить Дугласа.

У Аманды опустились плечи, она молча развернулась и вышла.

В холле она встретила Денни, который спускался по лестнице в носках.

– Иногда, – она посмотрела ему в глаза, – мне хочется, чтобы Стем и Нора не были такими... добродетельными. Это, знаешь ли, утомляет.

– Да неужели, – хмыкнул Денни.

Ред сказал сыновьям, что слышал, будто мужчина после смерти жены

должен спать на ее стороне кровати. Тогда меньше вероятность, что он ночью потянется к ней по ошибке.

– Я провел эксперимент, – признался он.

– И что, помогает? – поинтересовался Денни.

– Пока что-то не очень. Я как будто даже во сне помню, что ее больше нет.

Денни передал Стому отвертку. Они снимали с окон сетки, чтобы поставить зимние ставни, а Ред следил за их работой. Без особой необходимости, ведь мальчики проделывали это далеко не в первый раз. Ред сидел на заднем крыльце в огромном шерстяном кардигане – творении Эбби в дни ее увлечения вязанием.

– Вчера она мне приснилась, – проговорил Ред. – На плечах такая шаль с кистями и волосы длинные, как в молодости. Она мне: «Ред, я хочу изучить тебя шаг за шагом и танцевать до утра».

Он замолчал. Достал из кармана носовой платок, высморкался. Денни и Стем стояли, держа сетку, и беспомощно смотрели друг на друга.

– Потом я проснулся, – продолжил Ред минуту спустя, сунув платок в карман, – и подумал: «Наверное, это значит, что мне не хватает ее внимания, к которому я очень привык». И опять проснулся, уже по-настоящему. С вами такое бывало? Снилось, что вы просыпаетесь, а потом оказывается, что вы еще спите? Я проснулся по-настоящему и подумал: «Вот черт, видно, я еще не скоро с этим справлюсь». Похоже, я не смирился, понимаете?

– Ой, господи, – вздохнул Стем. – Да, тяжело тебе.

– Может, снотворное? – предложил Денни.

– Это еще зачем? – спросил Ред.

– Ну... вдруг.

– По-твоему, все проблемы в жизни решаются приемом таблетки.

– Давай прислоним это к дереву, – сказал Стем Денни.

Денни, крепко сжав губы, кивнул и вместе с сеткой развернулся к тополю.

В тот вечер Ри Бэском принесла рассыпчатый яблочный пирог и осталась, чтобы тоже съесть кусочек.

– Тут ром, поэтому я подождала, пока мальчики лягут спать, – объяснила она.

На самом деле мальчики еще не легли, хотя было уже почти девять. «Они ложатся когда хотят», – часто удивленно говорила своим дочерям Эбби, а сейчас они организовали в гостиной импровизированный гоночный

трек, поэтому взрослые – Ри, Стем, Нора, Ред и Денни – переместились в столовую. Ри разложила пирог по тарелкам, которыми Эбби пользовалась ежедневно, и раздала всем. По ее собственным словам, Ри знала дом Эбби не хуже своего. «Тебе и пальцем шевелить не придется», – заверила она Нору, хотя та уже поставила вариться кофе без кофеина и достала сливки, сахар, кружки, столовые приборы и салфетки.

Ри села за стол:

– Ну-с, приступим. Говорят, сладкое помогает в трудные времена. И это чистая правда.

– Да, спасибо тебе за все, Ри, – сказал Ред.

– Мне сегодня и самой сладкое не помешает. Не знаю, слышали вы или нет, но ко всему прочему умер Джиттер.

– Ой, как жалко! – посетовала Нора.

Джиттеру, полосатому коту Ри, скоро исполнилось бы двадцать лет. Все соседи его знали.

– О господи! – воскликнул Ред и выронил вилку. – Как такое могло случиться?

– Ну, как? Вышла я сегодня утром на заднее крыльцо, а он на коврике лежит, бедняжка. Надеюсь, он не прождал там всю ночь.

– Боже мой, это просто ужасно! Но я уверен, что обстоятельства смерти расследуют! – Ред смотрел потрясенно. – Такие вещи без причин не происходят.

– Происходят, если ты старый, Ред.

– Старый! Да он же еще в детский сад не ходил.

– Что? – удивилась Ри.

Все уставились на Ре да.

– Я ведь помню, как он родился! Года два-три назад!

– О чем ты? – опешила Ри.

– Ну, я... Разве ты не сказала, что умер Питер, твой внук?

– Я сказала «Джиттер», – Ри повысила голос, – Джиттер, мой кот, господи боже милосердный.

Ред смутился:

– Извиняюсь, недослышал.

– А я-то удивляюсь, откуда у тебя вдруг такая любовь к кошкам.

– Ха! А я – как ты можешь быть такой равнодушной к смерти внука. – Ред сконфуженно хихикнул и опять взял вилку, а затем посмотрел через стол на Нору.

Та зажимала рот салфеткой и как-то сдавленно попискивала, плечи ее тряслись. Казалось, она подавилась, по лицу текли слезы, но было ясно, что

плачет она от смеха.

Стем недоуменно проговорил:

– Милая?

Остальные воззрились на Нору в изумлении. Никто еще ни разу не видел, чтобы на нее нападал такой хохот.

– Простите, – пролепетала она с трудом и тотчас снова прижала ко рту салфетку. – Простите...

– Рад, что сумел развеселить, – процедил Ред.

– Простите меня, папа Уитшенк. – Она положила салфетку и села прямее. Лицо ее покраснелось, щеки были мокрые. – Думаю, это из-за стресса, – объяснила она.

– Конечно, из-за стресса, – подтвердила Ри. – Сколько тебе в последнее время пришлось пережить! Мне следовало думать, прежде чем вываливать на вас свои глупые новости.

– Нет, право, я...

– Странно, никогда раньше не замечала, что эти имена рифмуются, – задумчиво произнесла Ри. – Питер – Джиттер.

Ред сказал ей:

– Хорошо, что ты пришла, Ри, и пирог просто великолепный, честно. – Он, кажется, не осознавал, что еще не съел ни кусочка.

– Он из яблок «Гренни Смит», – ответила Ри. – Все другие сорта в кашу превращаются.

– А эти совершенно не превратились.

– Да, они отличные, – похвалил Денни, а Стем поддержал его каким-то невнятным бормотанием. Он все еще смотрел на жену, хотя она, похоже, взяла себя в руки.

– Так! – бодро воскликнула Ри. – Повеселились – и будет. Теперь давайте поговорим о вас. Каковы ваши планы? Стем? Денни? Останетесь ли вы с папой и дальше?

Возникла неловкость – все за столом явно напряглись, но Ред ответил:

– Нет, они уедут, а я переберусь в квартиру.

– В квартиру! – изумилась Ри.

Остальные замерли.

– Ну, у детей, в конце концов, своя жизнь, – пояснил Ред. – А мне тут одному болтаться нет смысла. Я думаю снять однокомнатную квартирку, простенькую, чтобы никакого ухода. С лифтом, наверное, я же скоро совсем одряхлею.

Он хмыкнул, словно чтобы показать, до чего это маловероятно.

– Ох, Ред, ты авантюрист! Но я даже знаю подходящее место.

Помнишь Сисси Бейли? Она переехала в многоквартирное здание в Чарльз-виллидж, и ей там очень нравится. Ты же помнишь, у нее был большой дом на улице Сент-Джонс, а теперь она прямо не нарадуется, что не нужно думать о стрижке газона, уборке снега и установке зимних ставень.

– Мальчики, кстати, сегодня днем их поставили, – сказал Ред. – Знаешь, сколько раз за жизнь я это проделывал? Ставишь осенью, снимаешь весной. Ставишь, снимаешь. Ставишь, снимаешь. Так и хочется спросить: «Это что, никогда не кончится?»

– Очень, очень разумно наконец-то с этим развязаться, – согласилась Ри и радостно посмотрела на присутствующих. – Правда же?

Секунду поколебавшись, Денни, Стем и Нора кивнули; лица их решительно ничего не выражали.

Аманда заявила, что все это напоминает перетягивание каната, когда одна из команд бросает его без предупреждения.

– Ощущение, что тебя облапошили!

Джинни ответила ей:

– Конечно, хочется уже вычеркнуть этот пункт из списка наших забот, но только хорошо ли он все обдумал? Переехать в крошечную квартирку без лепнины на потолках?

– Он какой-то чересчур податливый. Слишком уж все просто. Понять бы, что за этим кроется.

– Да, действительно, странно, что он так торопится.

Они разговаривали по мобильному телефону: Джинни сквозь грохот электрических дрелей и пистолетов для забивания гвоздей, а Аманда в тиши своего офиса. Возмутительно, но о решении Реда им сообщили не сразу. Они узнали лишь на следующее утро – Стем обмолвился на работе, решая с Джинни какое-то дело.

– Но ты сказал ему, что надо еще все обсудить. – В голосе Джинни не было вопроса.

– Зачем мне такое говорить?

– И все-таки?

– Он взрослый человек, – ответил Стем, – и намерен сделать именно то, на что ты и надеялась. Но, что бы он ни решил, мы с Норой в любом случае уедем.

– Правда?

– Мы только ждем, пока ее церковь найдет новый дом для наших жильцов.

– Но ты ничего не говорил! Даже с нами не посоветовался!

– С чего мне с вами советоваться? Я тоже человек взрослый. – Он свернул чертежи и вышел.

– Стема прямо как подменили, – посетовала Джинни теперь, разговаривая с сестрой по телефону. – Он стал настоящий *брюзга*. Раньше никогда себя так не вел.

– Это, наверное, из-за Денни, – предположила Аманда.

– Денни?

– Небось опять ляпнул что-нибудь обидное. Ты же знаешь, Денни так и не смирился, что Стем переехал обратно домой.

– Что такого он мог ляпнуть?

– Вопрос в том, что он мог ляпнуть *новое*, чего Стем еще не слышал. Видать, что-то убойное.

– Не верю, – отрезала Джинни. – Денни в последнее время вел себя идеально.

Но, едва отключившись, она набрала номер брата. Даже сейчас, когда Денни снова жил на Боутон-роуд, она все равно звонила ему на сотовый.

Уже минуло десять, а он еще толком не проснулся. Буркнул невнятно:

– Что?

– Стем говорит, что папа собирается переехать в квартиру, – с места в карьер начала Джинни.

– Да, похоже на то.

– Но с чего вдруг?

– Ты меня спрашиваешь?

– А Стем и Нора ждут только, когда их жильцам найдут новое место, чтобы тоже переехать.

Денни громко зевнул и ответил:

– Ну, логично.

– Ты ему что-то сказал?

– Кому, Стому?

– Ты его обидел и он захотел уехать?

– Джинни, папа переезжает, зачем Стому оставаться?

– Но он говорит, что уедет в любом случае, и вообще в последнее время ведет себя странно. Стал ворчливый и раздражительный.

– Да? – равнодушно произнес Денни.

– Говорю тебе, его что-то гложет. И он, кажется, даже не пытался отговорить папу от идеи с квартирой.

– Нет. Но и никто из нас не пытался.

– То есть, по-твоему, все это нормально? Что папа бросает дом, который построил его отец?

– Да.

– А до тебя не доходит, что ты сам останешься без дома? Его ведь придется продать. Я как-то не представляю, что у тебя хватит денег платить налоги за восьмикомнатный дом на Боутон-роуд, у тебя даже работы нет.

– Угу, – легко, без обиды, отозвался Денни.

– И ты что, вернешься в Нью-Джерси?

– Скорее всего.

Джинни помолчала.

– Я тебя не понимаю, – вымолвила она наконец.

– Ну что поделаешь...

– Ты живешь то здесь, то там, скачешь по свету, как будто тебе вообще неважно, где приткнуться.

У тебя, похоже, нет друзей, нет нормальной профессии... Скажи, хоть кто-нибудь тебе дорог? Я не имею в виду Сьюзен, дети – это... наше продолжение. Но тебя что, не волнует, сколько нервов ты испортил маме с папой? Мы тебя не волнуем? Я? Ты сказал Стему что-нибудь обидное, из-за чего он теперь на всех злится?

– Ни словом я вашего Стема не обидел.

И Денни дал отбой.

– Чувствую себя ужасно, – пожаловалась Джинни сестре.

Она опять позвонила Аманде, правда, на сей раз та ответила раздраженно и явно в спешке.

– Что *еще*? – бросила она, сама не понимая, что говорит тоном Денни.

– Я все ему высказала. Что он обидел Стема, что постоянно огорчал маму с папой, что не работает и что у него нет друзей.

– Ну? Это разве неправда?

– А еще я спросила, волнуем мы его вообще или нет. Точнее, не мы, а я.

– Вполне разумный вопрос, – заметила Аманда.

– Нет, не надо было.

– Брось, Джинни. Забудь. Он заслужил.

– А как же тот раз, когда он бросил работу и опоздал с выплатой за квартиру только ради того, чтобы приехать мне помогать, потому что я боялась не выдержать и раскроить голову своему ребенку?

Повисло молчание.

– Я не знала, – произнесла в конце концов Аманда.

– Ты не помнишь, что Денни приезжал и жил у меня?

– Я не знала, что ты боялась раскроить Александру голову.

- А-а. Да это неважно, забудь.
- Могла бы попросить меня. Или маму. Она как-никак соцработник.
- Аманда, забудь, пожалуйста.

Еще пауза. Потом Аманда сказала:

– Так или иначе, все остальное, что ты наговорила Денни, справедливо. Это он заслужил. Он и правда плохо обходится со Стемом. И действительно сильно огорчал маму с папой, он превратил их жизнь в ад. И да, он безработный, а если у него есть друзья, то мы с ними не знакомы. И я отнюдь не уверена, что он хоть капельку кого-то из нас любит. Ты сама говорила, что, когда он позвонил в тот вечер, перед тем как приехать домой, у него был несчастный голос. Может, он просто искал предлог, чтобы вернуться.

- Я все равно чувствую себя ужасно.
- Слушай, мне очень неловко, но я опаздываю на встречу.
- Ну иди тогда. – Джинни резко ткнула пальцем в кнопку отбоя.

Денни и Нора занимались уборкой на кухне после ужина. Точнее, убирала Нора, поскольку Денни готовил. Но он не уходил, болтался бесцельно, хватал то одну вещь, то другую, переворачивал, смотрел на доньшко, ставил на место.

Нора рассказывала о том, как днем возила Реда смотреть квартиру Сисси Бейли. Он заявил, что стены там – пальцем можно проткнуть. Поэтому в субботу одна знакомая, она риелтор...

Денни спросил:

- Стем на меня из-за чего-то злится?
- Прости, что?
- Джинни говорит, что он все время в плохом настроении.
- А почему ты не спросишь его самого? – Нора втиснула в посудомоечную машину последнюю сковородку.
- Я подумал, может, ты знаешь.
- Неужели так трудно поговорить с ним? Неужели он тебе настолько противен?

– С чего ты взяла, что он мне противен? Блин, вот еще новости!

Нора закрыла посудомоечную машину, обернулась и посмотрела на него. Денни сказал:

– Что, не веришь? У нас с ним прекрасные отношения! И всегда были. То есть он, конечно, весь из себя паинька, весь такой: «Посмотрите, до чего же я лучше всех остальных». И разговаривает всегда ну до того терпеливо, что вот почему-то даже кажется, будто *свысока*, и, как гласит легенда, он

стойко принимает удары судьбы, хотя давай посмотрим правде в глаза: когда это жизнь наносила Стому удары? Но у меня к нему никаких претензий нет.

Нора загадочно улыбнулась.

– Ладно, – смирился Денни. – Спрошу у него.

– Спасибо, что приготовил ужин, – ровно произнесла Нора. – Получилось очень вкусно.

Он, выходя из кухни, поднял руку и тут же уронил ее.

В гостиной Ред в одиночестве смотрел вечерние новости.

– Где Стем? – поинтересовался Денни.

– Наверху с детьми. По-моему, они что-то разбили.

Денни вышел в коридор и поднялся по лестнице. В детской наперебой галдели мальчишки. Извиваясь, они ползали по своей «ночной трассе», а Стем сидел на нижней койке и рассматривал ящик комода, разломанный надвое.

– Что это тут у нас? – спросил Денни.

– Да вот ребята перепутали комод с горой.

– Это был Эверест, – объяснил Пити.

– Ясно, – сказал Денни.

– Можешь передать клей, вон там, на комод? – попросил Стем.

– Ты и правда собираешься это склеить?

Стем ответил скептическим взглядом.

Денни передал ему бутылочку столярного клея, затем прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди.

– Стало быть, уезжаешь?

– Ага, – отозвался Стем.

Он нанес клей на боковину ящика.

– Я так понимаю, ты уже все решил.

Стем поднял голову и гневно посмотрел на Денни:

– Только не вздумай говорить мне, что я ему что-то должен.

– А?

Мальчишки насторожились, но вскоре снова заползали по полу.

– Я свой долг выполнил, – сказал Стем. – Оставайся ты, если, по-твоему, кто-то должен.

– Разве я это говорил? Зачем кому-то оставаться? Папа переезжает.

– Ты прекрасно знаешь: он просто надеется, что мы его остановим.

– Ничего такого я не знаю, – возразил Денни. – Что с тобой вообще в последнее время?

Ведешь себя как болван. И не ври, что это из-за мамы.

– Твоей мамы, – подчеркнул Стем, поставив бутылочку с клеем на пол. – Не моей.

– Хорошо, хорошо, как скажешь.

– Моей матерью, к твоему сведению, была Би Джей Отри.

Денни лишь обронил:

– А.

Мальчики играли, ничего не замечая и громя все на своем пути.

– А Эбби знала, – продолжал Стем, – и молчала, мне не говорила. И даже папе ничего не сказала.

– Я все равно не понимаю, чего ты ходишь с козьей мордой.

– Я хожу, как ты выражаешься, «с козьей мордой», потому что... – Стем осекся: – Ты тоже знал!

– Хм.

– Ты ни капельки не удивился. Мне следовало догадаться! Ты же вечно всюду совал свой нос. Конечно! Ты давным-давно знаешь!

Денни пожал плечами:

– Мне безразлично, кто твоя мать.

– Обещай одно, – сказал Стем, – обещай, что не скажешь остальным.

– Зачем мне им говорить?

– Если скажешь, я тебя убью.

– Ой как страшно, – отозвался Денни.

Мальчики почуяли неладное. Они перестали играть и, открыв рот, воззрились на Стема. Томми позвал:

– Пап.

– Идите вниз, – велел Стем. – Все трое.

– Но, папа...

– Сию минуту!

Они встали и направились к двери, по дороге оглядываясь на отца, Сэмми – с пластмассовым тягачом в руках. Когда он проходил мимо Денни, тот ему подмигнул.

– Клянись! – приказал Стем.

– Хороню! Хорошо! – Денни всплеснул руками. – Слушай, Стем, ты в курсе, что клей быстро сохнет? Делай уже что-нибудь с этим ящиком.

– Клянись своей жизнью, что никогда не расскажешь ни единой живой душе.

– Клянусь своей жизнью, что никогда не расскажу ни единой живой душе, – серьезно повторил Денни. – Но я все-таки не понимаю, какая тебе разница?

– Есть разница, понял? Я не обязан тебе объяснять, – ответил Стем. –

Я где-то читал, что даже только что родившиеся младенцы узнают голоса своих матерей, представляешь? Они слышат их, еще когда сидят в животе. И с момента рождения голоса матерей нравятся им больше любых других. И тогда я подумал: «Надо же, интересно, а чей голос мне нравился в младенчестве?» Ты пойми, до чего грустно: я всю жизнь мечтал услышать один-единственный голос, но не слышал его, не считая, конечно, совсем коротенького отрезка времени, и вот пожалуйста: оказывается, это был голос Би Джей Отри! Ее хриплый прокуренный голос и пошлые разговоры. А как разговаривает Эбби? Вернее, разговаривала? Нет, моей матерью должна была стать Эбби.

– Ну и?.. Она ею стала. Счастливый конец, все дела.

– Но ты помнишь, как мы смеялись над Би Джей за ее спиной? Как морщились, когда слышали ее смех, гримасничали, когда она начинала вещать. «Ой, ну вы меня знаете, я человек прямой. Что думаю, то и скажу, миндальничать не стану». Как будто этим стоило хвастаться! А все за столом потихоньку обменивались взглядами. И вот теперь я думаю: «Господи, я бы умер со стыда, если бы все узнали, что она моя мать!» Но мне стыдно и за то, что я ее стыжусь. Я начинаю думать, что наша семья не имела право задирать перед ней нос. Я вообще уже не знаю, что я думаю! Иногда я как будто бы оплакиваю упущенное: моя настоящая мать сидела прямо передо мной за нашим обеденным столом, а я и не подозревал, и тогда я страшно злюсь на Эбби, что она мне ничего не сказала, злюсь за этот их идиотский договор. Она, видите ли, запретила моей собственной матери говорить мне, что я ее сын! При том что если бы Би Джей захотела меня вернуть, то Эбби радостно согласилась бы. «Вот, получите-распишитесь, бог дал, бог взял». А папа, ты можешь поверить, заявляет, что отдал бы меня с самого начала.

– Ты говорил об этом с папой?

– Вот и вообрази, – Стем как будто не слышал Денни, – Би Джей, оказывается, никогда не хотела меня вернуть. Смотрела на меня через стол – и не хотела! Да и вообще, сколько раз в жизни она меня видела? Она могла бы со мной встречаться в любое время, столько, сколько бы захотела, а заходила раза два-три в год.

– И что? Она тебе даже не нравилась. Сам только что говорил, что терпеть не мог ее голос.

– И тем не менее она моя мать. Единственная женщина, для которой ты – лучший в мире. Разве этого не заслуживает каждый ребенок?

– У тебя это было, у тебя была Эбби.

– Что же, извини, но этого не достаточно. Эбби – твоя мама, а я

нуждался в своей.

– По-твоему, для Эбби ты не был лучшим в мире?

Стем молчал, глядя на ящик у себя в руках.

– Слушай, брось ты эти глупости, – сказал Денни. – Ей даже твоя шея казалась необыкновенной. А если бы нет, ты жил бы совершенно другой жизнью, поверь мне. Тебя бы таскали неизвестно где, у тебя не было бы ни дома, ни родных, и жил бы ты у каких-нибудь опекунов. И небось стал неудачником, знаешь, из тех, кто не может удержаться ни на одной работе и ни с одной женой, даже друзей сохранить. Везде чувствовал бы себя не в своей тарелке, везде не на месте.

Он замолчал. Что-то в его голосе заставило Стема посмотреть на него, но тут Денни выпалил:

– Ха! Ты же понимаешь, что это доказывает.

– Что?

– Ты просто следуешь семейной традиции, вот и все. Традиции «У меня все должно быть как у всех» – до тех пор, пока это не получил. Как Джуниор с домом своей мечты, как Меррик с мужем своей мечты. Точно! Это рискует стать третьей семейной легендой. «В тридевятом царстве, в тридевятом государстве, – речитативом завел Денни, – один человек целых тридцать лет мечтал услышать голос своей настоящей матери, но когда наконец услышал его, то понял, что этот голос и вполтину не так хорош, как голос матери фальшивой».

Стем еле заметно, грустно улыбнулся.

– Черт тебя побери, ты гораздо больше Уитшенк, чем я, – заключил Денни. А потом добавил: – Все, твой клей окончательно засох, разве я не предупреждал? Теперь придется все соскребать и начинать заново.

И он, чуть оттолкнувшись от дверного косяка, выпрямился и начал спускаться по лестнице.

Свой риелтор завелся у семьи довольно давно, в дни, когда еще бодрую Бренду выводили побегать в парк Роберта Эдварда Ли. Хелен Уайли выгуливала там своего ирландского сеттера, и они с Эбби разговорились. Поэтому, когда в субботу утром Хелен пришла – энергичная, деловитая, в вельветовых штанах и теплой, мужского покроя куртке, – ей не понадобилось много объяснять.

– Все понятно, – с ходу объявила она Реду. – Вам нужно что-нибудь основательное. Довоенной постройки, естественно. Не знаю, как вам только в голову пришло думать о квартире в новом здании! Вам требуется жилье, которое не стыдно показать друзьям-по дрядчикам.

– Да, точно, – согласился Ред, хотя никаких друзей-подрядчиков, во всяком случае тех, что могли бы прийти в гости, у него не было.

– Ну, тогда отправляемся? – сказала Хелен Аманде, ведь именно Аманда обратилась к ней и собиралась ехать с ними; сам Ред признал, что помощь ему не повредит.

Первая квартира располагалась неподалеку от Университи-парквэй – старая, но ухоженная, со сверкающим паркетом из твердой древесины. Кухню, по словам хозяина, переоборудовали в 2010 году.

– А кто делал? – спросил Ред. И скривился, услышав фамилию.

Вторая квартира находилась на четвертом этаже без лифта. Ред лишь чуточку запыхался, взобравшись наверх, но не стал спорить, когда Аманда заметила, что как постоянный вариант это не годится.

Третье место, не старое и с лифтом, было очень захламлено – не поймешь, что это такое на самом деле.

– Скажу честно, последний жилец умер, – признался управляющий. – Но его дети за две недели барахло вывезут, и я велю тут все отмыть и заново покрасить.

Аманда разочарованно глянула на Хелен, та скривила рот. На спинке кресла-качалки мешком висел кроотово-черный кардиган, на кофейном столике, заваленном всякой всячиной, стояла кружка, а из нее свисал хвостик чайного пакетика с этикеткой, но Реда это, похоже, несколько не взволновало. Он прошел через гостиную в кухню и сказал:

– Смотрите-ка, он все так устроил, чтобы не вставать из-за стола, если уже сел завтракать.

И действительно, по краю хлипкого на вид карточного стола, опираясь на стену, в ряд выстроились тостер, электрический чайник и радиочасы, а в центре, где обычно красуется вазочка с цветами, лежала специальная коробочка для таблеток. Ред из спальни сообщил:

– Телевизор можно смотреть прямо в постели.

Телевизор, громоздкий, старого образца, в глубину больше, чем в ширину, стоял на низком комодке против изножья кровати.

– Посмотрел последние известия – и баиньки, – одобрительно произнес Ред, хотя в его собственной спальне на Боутон-роуд телевизоров сроду не водилось. Впрочем, возможно, по решению Эбби. – Знаете, прямо на редкость удобное место для мужика, который остался один.

Аманда попыталась возразить:

– Да, но...

Они с Хелен опять обменялись взглядами.

– Вы попробуйте представить эту квартиру без мебели, – предложила

Хелен. – Не забывайте, телевизор и прочее заберут.

– Ну так я свой поставлю, – ответил Ред.

– Разумеется, да, но давайте сосредоточимся непосредственно на квартире. Вам нравится планировка? Достаточно ли здесь просторно? Мне лично комнаты показались маловаты. А кухня?

– Хорошая кухня. Потянулся через стол, достал тост из тостера, проглотил таблетку от сердца, включил прогноз погоды.

– Однако на полу линолеум, вы заметили?

– Хм. Нормальный пол. По-моему, у моих родителей был такой на кухне в нашем первом доме.

Это и решило дело. Как потом сказала остальным Аманда, главную роль сыграло воображение. Воображение Реда – оно у него отсутствовало. Казалось, он невероятно обрадовался, что кто-то устроил все за него и ему не придется самому думать.

Что же, его детям это точно облегчало задачу. А въедет, так и посмотрим, думали они, всегда можно подправить, если что не так.

Продажей дома также предстояло заниматься Хелен. После осмотра квартир она вместе с Редом и Амандой вернулась на Боутон-роуд, чтобы участвовать в семейном совете и подробно все обсудить.

– Такой комфортабельный старый дом, – со вкусом проговорила она, окидывая взглядом гостиную. – И крыльцо, конечно же, колоссальнейший плюс. Показывать это клиентам будет одно сплошное удовольствие.

Ее слова воодушевили всех, кроме Реда. Он тоскливо взирал на газету, лежавшую неподалеку, очевидно вместо всех обсуждений мечтая ее почитать.

– Но рынок недвижимости пока еще очень нестойкий, – продолжала Хелен. – А покупатели, я знаю по опыту, невероятно требовательны. Дом нужно будет чуточку подновить.

– Подновить? – переспросил Ред. – Чего ж им тут еще? Во всех комнатах на первом этаже, кроме кухни, двойные раздвижные двери.

– Ах да, мне очень нравится...

– А холл в два этажа, как у нас, вообще редко встретишь. И резные вентиляционные решетки ручной работы тоже.

– Но нет кондиционеров, – возразила Хелен.

– О господи. – Ред обмяк в кресле.

– В наше время... – начала Хелен.

– Да-да.

– Но это не так уж и сложно, – сказал отцу Денни. – Теперь есть

системы с мини-проводкой, стены ломать не нужно.

Ред рассердился:

– С кем ты, по-твоему, разговариваешь? Все я знаю про эти ваши системы.

Денни пожал плечами.

– Кроме того... – Хелен умолкла, откашлялась. – Это, естественно, вам решать, но... желательно бы подумать о раздельных ваннах в главной спальне – для него и для нее.

Ред поднял голову:

– Подумать о чем!

– Я бы не стала об этом и заговаривать, но у вас своя строительная фирма, так что расход выйдет не очень большой. Сейчас у вас в главной спальне ванная просто гигантская. Ее спокойно можно разделить на две, с душевой кабиной посередине, куда есть доступ с обеих сторон. Я только недавно видела восхитительную кабину с полом из речной гальки и несколькими дождевыми распылителями.

Ред ответил:

– Когда мой отец построил этот дом, здесь была только одна ванная в холле на втором этаже.

– Ну это же давным-давно...

– Потом он пристроил уборную внизу, уже после того как мы въехали, и нам казалось, что это нечто невероятное.

– Да, действительно, обязательно необходимо...

– А в главной спальне ванная появилась, когда мы с сестрой школу оканчивали. И что бы он сказал о ваннах отдельно *для него и для нее*, я даже и представить боюсь.

– В наше время в хороших домах это уже в порядке вещей, о чем, я уверена, вы прекрасно осведомлены по роду своих занятий.

– А сам он рос с сортиром во дворе, – продолжал Ред, поворачиваясь к детям. – Держу пари, такого про дедушку вы не знали.

Нет, не знали. Если вдуматься, про дедушку они не знали практически ничего.

– Сортир во дворе! – Хелен громко хохотнула. – Вот уж что точно не продашь!

– В общем, про «для него и для нее» мы, пожалуй, забудем, – подытожил Ред. – Так как по-вашему, сколько будете искать покупателя?

– Как только вы установите кондиционеры и, может быть, смените на кухне столешницы...

– Столешницы!

Но он тут же захлопнул рот, будто вспомнив, что нельзя вести себя как вздорный старикашка.

– Вообще-то, рынок, похоже, мало-помалу оживляется. Еще недавно объекты висели по году и больше, но в последнее время на продажу уходит где-то от четырех до шести месяцев. Это что касается привлекательной недвижимости.

– Через четыре, а тем более через шесть месяцев дом развалится, – заявил Ред. – Вы же знаете, дом не может стоять пустой, он делается весь заброшенный, появится плесень. Я не вынесу.

Аманда успокоила:

– Что ты, папочка, мы этого не допустим. Мы будем приходить и... ну даже не знаю... устраивать здесь семейные пикники или еще что-нибудь подобное.

Но Ред лишь посмотрел на нее несчастными глазами, до того потухшими, что он казался слепым.

– Скажи честно, ты чувствуешь облегчение, оттого что мама умерла внезапно? Чуть-чуть? – спросила Джинни Аманду.

– В смысле, из-за ее припадков?

– Они в любом случае прогрессировали бы, независимо от причины. И папа пытался бы сам за ней ухаживать, и Нора тоже, а Денни обязательно нашел бы предлог слинять.

– А вдруг это оказалась бы ерунда, проблемы с кровообращением, например что-нибудь в таком духе, и ее бы вылечили?

– Маловероятно, – отрезала Джинни.

Дождливым воскресеньем они в спальне Реда складывали вещи в коробки, а все остальные внизу смотрели бейсбольный матч. Сестры были в старой одежде, подбородок Аманды выпачкан газетной краской.

Они занимались этим всю неделю, каждую свободную минуту. В доме, по мере того как кто-то заявлял о своих пожеланиях, возникали островки вещей. Принадлежности Эбби для рукоделия и ее швейная машина стояли в холле наверху – для Норы; хороший фарфор в цилиндрической коробке – в столовой для Аманды. Реду оставалась повседневная посуда, и ее до переезда держали в шкафу. Всю мебель облепили стикеры, цвет обозначал, что куда отправляется. Кое-что – в квартиру Реда, еще что-то – к Стому, Аманде или Джинни, но в основном – в Армию спасения.

Джинни и Аманда вдвоем вытащили полную коробку в коридор, чтобы потом Денни или Стем отнесли ее на первый этаж. Джинни развернула новую коробку, заклеила скотчем низ. Сказала:

– Насколько я знаю маму, на операцию она бы все равно не согласилась.

– Это правда. У нее и обычный заусенец – это значит все, в морг. – Аманда собирала с комода Эбби фотографии в рамках. – Запакую для папы, – объяснила она Джинни.

– А у него найдется для них место?

– Может, и нет.

Она рассматривала самое старое фото: братья и сестры вчетвером на пляже, смеются. Аманде не больше тринадцати, остальные совсем еще дети.

– Прямо кажется, что нам очень весело, – проговорила она.

– Нам и правда было весело.

– Это да. Когда не бывало хреново.

– На похоронах, – сказала Джинни, – Мэрили Ходжес мне вдруг говорит: «Я всегда завидовала, какая у вас семья. Как вы на крыльце играете в мичиганский покер на зубочистки, и братья у вас такие высокие и красивые, и пикап этот красный, шикарный, куда папа вас закидывал и вез куда-нибудь».

– Мэрили Ходжес просто дура, – отрезала Аманда.

– Господи, с чего это?

– С того, что трястись в кузове – удовольствие ниже среднего, и к тому же я сомневаюсь, что это законно. И еще, по-моему, у каждого ребенка должна быть своя комната. И мама иногда проявляла полное бесчувствие, ни черта в нас не понимала, просто до тупости. В тот раз, например, когда она отправила Денни на психологическое тестирование, а потом сообщила нам всем результат.

– Я что-то не помню.

– Чернильное пятно, видишь ли, показало, что Денни в раннем детстве испугала какая-то женщина. «Что это за женщина? – все спрашивала нас мама. – Он не знал никаких женщин!»

– Вот вообще ничего не помню.

– Да уж. Ясно, что она любила его больше всех, хоть он и доводил ее до бешенства.

– Ты так говоришь, потому что у тебя всего один ребенок, – не согласилась Джинни. – Матери не любят какого-то одного ребенка больше всех, они любят всех детей...

– ...по-разному, – закончила за нее Аманда. – Да-да, знаю. – Она показала Джинни фотографию Стема в возрасте четырех-пяти лет: – Как думаешь, Нора это захочет?

Джинни всмотрелась, прищурившись.

– Положи в ее коробку, – предложила она.

– А вот Денни. С ним что делать?

– А у него есть коробка?

– Он говорит, ему ничего не нужно.

– Заведи ему коробку в любом случае. Наверняка там, где он живет, у него одни голые стены.

– Я спросила его вчера, – сказала Аманда, – сообщил ли он квартирной хозяйке, что возвращается, а он ответил: «Мы это обсуждаем».

– Обсуждаем! Это еще что значит?

– Скрытый до безобразия, – сердито бросила Аманда. – Сам во все лезет, в наши дела нос сует, но как только речь о нем, сразу шифруется. Параноик!

– А по-моему, он становится мягче, – отозвалась Джинни. – Может быть, из-за смерти мамы. Я снимала со стены в его комнате фотографии, спрашиваю: «Выбросить?» Там сплошь бесконечные снимки Далтонов, еще сороковых годов, разные тетушки-кубышки с накладными плечами и в толстых чулках. Но Денни сказал: «Не знаю, это как-то чересчур радикально, нет?» Я тогда говорю: «Денни». Прямо вот постучала ему по голове костяшками: «Тук-тук, там внутри *ты* или кто?»

– Хорошо, – тут же решила Аманда, – тогда пусть берет. – И принялась заворачивать фотографию в газетный лист.

– Денни становится приятнее, а Стем противнее, – подвела итог Джинни. – А папа? С ним вообще невозможно.

– Папа. – Аманда закатила глаза. – Что ни скажи, он всем недоволен. – Она уложила завернутую фотографию в новую коробку, которую склеила Джинни. – Без конца беспокоится из-за дома, – продолжала она, – и сколько времени его будут продавать, и вдруг люди его не оценят по достоинству. Я даже предложила найти Бриллов.

– Бриллов? – удивленно повторила Джинни.

– Первых владельцев, Бриллов. Тех, для кого построили дом.

– Я знаю, кто они такие, Аманда, но они разве не умерли?

– Сыновья вряд ли, я не думаю. Они не намного старше папы. В общем, я папе говорю: «Вдруг сыновья все эти годы жалели о доме и мечтали по-прежнему в нем жить?» Ты же помнишь, как один отреагировал, когда мать сообщила им о переезде. «Ты чего, ма?» – так он сказал. Короче, можно было подумать, что я предложила дом сжечь. «Что за мысли? – раскричался папа. – Что за идиотская идея? Эти их испорченные мальчишки в жизни ничего по дому не сделали, пальцем не шевельнули.

Выбрось это из головы». Я сразу на попятный: «Прости, прости, глупость сморозила».

– Это от горя, – сказала Джинни. – Не забывай, он только что потерял любовь всей своей жизни.

– О какой потере ты говоришь? О маме или о доме?

– О том и другом, видимо.

– Ха! – воскликнула Аманда. – Никогда раньше не слышала, чтобы у людей от горя портился характер.

– У кого-то портится, у кого-то нет, – ответила Джинни.

В своих сборах они достигли той стадии, когда казалось, что они не расчищают пространство, а захламляют его. В комнате стояло несколько наполовину заполненных картонных коробок – фотографии для Денни, одеяла для Реда, множество свитеров Эбби для Армии спасения. Каждый свитер обсуждали – «Ты это не хочешь? Тебе пойдет» – и некоторое время разглядывали, но потом вздыхали и бросали в кучу к остальным. Ковер весь покрылся ворсинками, на полу валялись вешалки и чехлы из химчистки; гнетущий серый свет, проникавший сквозь голые окна, придавал комнате унылый, заброшенный вид.

– Слышала бы ты, что папа устроил, когда я предложила оставить здесь его кровать и купить односпальную, – пожаловалась Аманда.

– Что же, могу понять. Он хочет кровать, к которой привык.

– Ты не видела его квартирку – она крошечная.

– Будет странно навещать его там, – заметила Джинни.

– Да, и вчера вечером тоже было странно. Я с ним прощалась, и он спросил: «Возьмешь остатки еды?» Совсем как мама! Тогда один ужин на неделю тебе обеспечен, говорит. О господи, ну не поразительно ли, как жизнь всегда... как бы это сказать... поглощает смерть.

– Даже мальчишки уже привыкли, – ответила Джинни. – Если подумать, поразительнее другое – до чего рано дети узнают, что люди умирают.

– А мы все копим и копим вещи, копим, хотя с раннего детства знаем, что все закончится. Зачем?

С этими словами Аманда обвела взором «накопления» вокруг – коробки, горы подушек, пачки старых журналов, перевязанные бечевкой, лампы со снятыми абажурами. И это были еще пустяки по сравнению с остальным хламом в доме: башнями выцветших книг, чудом не падавшими с письменного стола на веранде, свернутыми коврами в столовой, многочисленными бокалами на буфете, звякавшими всякий раз, когда мимо проносились сыновья Стема. На крыльце ждали отправки на помойку

бесчисленные вещи, никому на свете уже не нужные: трехногая складная колыбель, сломанная коляска, высокий стульчик без столика, хозяйственная сумка с веревочными ручками, набитая сломанными пластиковыми игрушками. А поверх – корявый глиняный домик, раскрашенный в детские цвета: красный, желтый, зеленый.

Часть вторая

Ох, что за мир, что за мир

Стояло прекрасное, ветреное, желтовато-зеленое утро июля 1959 года. Эбби Далтон, застыв у окна, дожидалась, когда за ней приедут. Она хотела выбежать раньше, чем он просигналит. У ее матери было правило: мальчики должны позвонить, зайти в дом и вежливо с ней побеседовать, прежде чем уйти с Эбби. Но попробуйте сказать это Дэнну Куинну! Он не из тех, кто любит поболтать о пустяках.

А если мать потом будет недовольна, Эбби деланно удивится: «Ой, разве ты не слышала звонок?» Мама, конечно, не очень-то и поверит, но, надо надеяться, закроет глаза на эту ее маленькую ложь.

Эбби оделась по новой моде, весной привезенной из колледжа, – цветастая полупрозрачная юбка, черное трико и, несмотря на теплую погоду, черные нейлоновые чулки. Эбби надеялась, что чулки придают ей битниковский вид. Это была ее единственная пара, и она знала, что в конце дня, сняв чулки, испугается черных пятен на ногах, там, где закрасила дырки фломастером. Ее длинные светлые волосы уже успели выгореть на солнце, глаза она сильно подвела черным карандашом для бровей фирмы «Мейбелин», но губы не накрасила; мать заявила, что от этого кажется, будто на лице чего-то не хватает. Дэн не имеет привычки говорить комплименты – но ничего, Эбби это не беспокоит, – однако иногда, когда она садится к нему в машину, задерживает на ней взгляд на мгновение дольше обычного. Возможно, и сегодня тоже так будет. Она особенно тщательно подготовилась к выходу, постаралась распрямить волосы влажной расческой и нанесла на внутреннюю часть запястий капельку экстракта ванили. Порой ей нравились миндальный экстракт, розовая вода или лимонное масло, но сегодня, решила она, определенно ванильный день.

Она услышала, как мать идет по коридору наверх, и обернулась, но шаги замерли, и мать сказала что-то отцу. Он брился в ванной у раковины, оставив дверь открытой; было воскресенье, и отец, по его меркам, проспал допоздна. «Ты не забыл?..» – спросила мать, и дальше что-то неразборчиво. Эбби, успокоившись, снова повернулась к окну. Винсенты из соседнего дома усаживались в свой «шевроле». Вот и хорошо, что они уезжают, миссис Винсент такая тетка, что с удовольствием и якобы невинно

спросила бы у матери Эбби: «А кто этот парень, который приезжал за Эбби? Она так и выскочила к нему из дома! Молодежь нынче пошла такая... свободная, правда?»

Эбби сообщила матери только, что они с Дэном едут к Меррик Уитшенк помогать готовиться к свадьбе. Она представила это повинностью, а не свиданием, но втайне считала именно свиданием. Их с Дэном отношения находились на той ранней стадии, когда она, отправляясь с ним даже по самому будничному делу и болтаясь, как щенок, рядом, казалась себе избранной. С матерью Эбби Дэн пока сталкивался всего дважды, и без особого успеха. Мать ее могла невзлюбить человека без видимых причин. Прямо она этого никогда не говорила, но Эбби всегда чувствовала.

Винсенты уехали, и какой-то фургон тотчас занял их место. Мест для парковки в их квартале не сыскать, и почти ни у кого нет гаража. Далтоны могли бы устроить гараж в подвальном пространстве на уровне тротуара, но там располагался хозяйственный магазин отца. Дэну, чтобы зайти за ней, пришлось бы ставить машину неизвестно где и тащиться оттуда к ее дому. Посигналить, в сущности, куда разумнее.

Мать, в своей обычной мягкой манере, на что-то сетовала. «Я миллион раз просила...» – говорила она, а отец сдержанно отвечал: «Прости, дорогая», а может: «Да сделаю я, сказал же». Кот Эбби деловито спустился по лестнице, вспрыгнул на кресло, свернулся клубком и возмущенно фыркнул, словно бы от обиды.

Что-то в комнате – ее небольшой размер, переизбыток мебели или освещение, тусклое по сравнению с солнечной улицей, – сейчас угнетало Эбби, и ей вдруг страстно захотелось уехать. Хотя она вообще-то любила свой дом. И семью тоже. Прямо не могла дожидаться окончания первого курса, чтобы вернуться туда, где ее холят, лелеют, считают умницей, восхищаются ею. Но с самого начала лета она маялась. Отец плоско шутил и сам громче всех смеялся: «Хо! Хо!» – широко раскрывая рот; мать постоянно напевала под нос отрывки какого-нибудь гимна, тихо-тихо, и всего пару нот, после чего гимн, видимо, бесшумно играл у нее в голове, а через несколько мгновений вырывалась новая мини-порция. Неужели всегда так было? Эбби стало бы веселее, окажись здесь ее брат, но он сейчас работал спасателем в бойскаутском лагере в Пенсильвании.

А вот и Дэн! Его двухцветный «бьюик», белосиний, снизил скорость у знака «Стоп» на углу, уже слышалось звучание его радио. Она схватила сумочку и, рванув сетчатую дверь, пулей вылетела на улицу, чтобы к тому времени, как он встанет во втором ряду у прачечных автоматов напротив,

уже сбегать по боковой лестнице дома, тогда ему не придется сигналить. Его рука свешивалась из окна машины – загорелая, приятно мускулистая и, знала Эбби, вся в золотистых волосках. Он смотрел на нее, но выражения на лице было не разглядеть: их разделяли ползущие мимо автомобили. Внезапно тут образовалась чуть ли не пробка, словно присутствие Дэна оживило район. Она подождала, пока одна из машин обогнет «бьюик», – водитель артистично продемонстрировал свое недовольство – и бросилась через дорогу. Другой водитель, резко затормозив, библикнул. Эбби обошла «бьюик» спереди, открыла пассажирскую дверь и быстро села, взметнув юбкой. По радио грохотал «Джонни Би Гуд». Чак Берри. Она положила сумочку на сиденье между ними и посмотрела Дэну в глаза.

Он бросил окурок в окно и сказал:

– Ну привет.

– Ну привет.

Вчера вечером они не могли оторваться друг от друга, но сегодня разыгрывали невозмутимость.

Он переключил передачу и поехал, левая рука по-прежнему свисала из окна, а правое запястье небрежно лежало на руле.

– Ты как будто еще не проснулся, – заметила Эбби.

Впрочем, он выглядел так всегда. Глаза прищурены, непонятно даже, какого они цвета; светлые, слишком длинные волосы падают на лицо.

– Лучше бы спал, – бросил он. – Меньше всего хотелось вставать в воскресенье по будильнику.

– Ты все равно молодец, что согласился.

– Не то чтобы молодец – деньги нужны.

– Так они тебе платят?

– А по-твоему, я по доброте душевной вскочил ни свет ни заря?

На самом деле ему просто нравилось изображать из себя крутого. Они с Редом давно дружили, и Эбби не сомневалась, что Дэн рад помочь. Хотя денег ему, возможно, и правда не хватает, несколько недель назад его уволили с работы. Семья у Дэна богатая – во всяком случае, богаче, чем у нее, – но в последнее время он водит ее по недорогим местам.

Они ели гамбургеры там, где не надо выходить из машины, сидели с друзьями в гостиной чьих-нибудь родителей, смотрели кино. Дэна устраивало все, но особенно он любил вестерны и глупые ужастики, которые его смешили. Эбби, правда, такое времяпрепровождение нравилось не слишком: в кинотеатрах не поговоришь. Может, предложить самой за себя платить? Но то небольшое, что она получает на летней работе, всего лишь прибавка к ее стипендии. А потом, вдруг он обидится? Она уже

поняла, что Дэн вспыльчив.

Они выехали из Хэмпдена. Застройка пошла уже не такая плотная, газоны шире, зеленее. Дэн пробормотал:

– Да, забыл, ты же не в курсе. Отец дал мне пинка под зад.

– Пинка?

– Вышвырнул из дома.

– О боже!

– Я живу у двоюродного брата. У него квартира на Сент-Пол.

Дэн не часто говорил о своей жизни. Эбби замерла. По радио зазвучало «Ах, что ли, ах, мисс Молли», и грубоватый, тягучий голос Дэна немного потерялся на фоне рулад Литл Ричарда.

– Мне в любом случае надо было съехать, – сказал Дэн. – Мы с папашей без конца ругались.

– По какому поводу?

Дэн снял темные очки с зеркальца на лобовом стекле и нацепил их на нос. Теперь Эбби вообще не видела его глаз.

– Ну, – изрекла она чуть погодя, – это случается между детьми и родителями.

В следующий раз она решилась заговорить, только когда они встали на светофоре на Роланд-авеню.

– А с чем ты сегодня будешь помогать? – спросила она.

– Нужно распилить дерево.

– Дерево?

– Вчера рабочие мистера Уитшенка его повалили, а мы должны распилить на части. Он хочет расчистить двор к свадьбе.

– Но свадьба же в церкви, а прием где-то в центре.

– Может, и так, но фотограф придет к ним домой.

– А-а, – протянула Эбби, все еще ничего не понимая.

– У мистера Уитшенка уже вся картинка в голове. Он нам все в подробностях расписал. Кто-кто, а он говорить умеет! Всю голову прожужжал. Так вот, он хочет две фотографии. На первой Меррик спускается по лестнице в свадебном платье, а подружки стоят полукругом в холле наверху. На второй она с букетом стоит на мощеной дорожке перед домом, а подружки позади нее клином. Фотограф должен снимать с улицы широкоугольным объективом, чтобы вошел дом целиком, но тюльпанное дерево чуточку загораживало подружек невесты, поэтому его спилили.

– Спилили здоровое дерево ради фотографий?

– Мистер Уитшенк говорит, что оно уже умирало.

– Хм.

– Меррик с подружками придется одеться еще на рассвете в день свадьбы, потому что на эти две фотографии уйдет уйма времени, – сказал Дэн. – Миссис Уитшенк боится, что из-за всего этого Меррик опоздает на собственную свадьбу.

– А юбки в пол! Они же соберут все листья и веточки.

– Мистер Уитшенк утверждает, что нет. Он собирается положить белый ковер по всей дорожке и еще ковры по бокам около дома для подружек невесты.

Эбби смотрела на Дэна, раскрыв рот. За темными очками нельзя было понять, что он обо всем этом думает.

– Удивляюсь, как это Меррик согласилась, – произнесла она.

– Ну ты же знаешь мистера Уитшенка, – ответил Дэн.

Эбби совершенно не знала мистера Уитшенка. Миссис Уитшенк, вот кто ей нравился. Впрочем, у нее создалось впечатление, что он человек, с которым не поспоришь.

Они миновали церковь, где через шесть дней должна была состояться свадьба. К ней группками направлялись люди – то ли в воскресную школу, то ли на раннюю службу. Женщины и девочки были в платьях пастельных тонов, в шляпках с цветами и белых перчатках, мальчики и мужчины – в костюмах. Эбби искала взглядом Меррик, но не увидела. К этой же церкви принадлежал и Дэн, но никогда не посещал ее.

Эбби посматривала на Дэна, по крайней мере, лет с двенадцати, но они не общались до этого мая. А в первую неделю после возвращения из колледжа она как-то вечером в очереди за билетами у кинотеатра «Сенатор» наткнулась на Реда Уитшенка с двумя друзьями, и одним из них был Дэн Куинн. Эбби тоже пришла с двумя подругами, так что все сложилось идеально. Ред, вероятно, надеялся сесть в кино рядом с ней – ни для кого не являлось тайной, что он в нее немного влюблен, – но она лишь глянула на Дэна, на его мрачный прищур и сердито нахоленные плечи и сразу втиснулась между ним и своей подругой Рут. (Как распоследняя вертихвостка, пошутила потом Рут.) На Эбби прямо что-то нашло, так ее к нему *потянуло*. Ей нравились его нервозность, настороженность, очевидное недовольство всем миром. Не говоря уже, конечно, о весьма привлекательной внешности. Все знали его историю. Выпускник Гилмана, он поступил в Принстон, как его отец и оба деда, но в прошлом сентябре – Дэн только начал учиться – его мать вдруг бросила отца и уехала жить в Хантуэлли с конюхом своей верховой лошади. Дэн, едва услышав об этом, бросил учебу и вернулся домой. Сначала болтался без дела, затем по настоянию отца нашел работу в ссудо-сберегательной конторе Стивенсона,

хозяин которой, Берти Стивенсон, в колледже жил в одной комнате с отцом Дэна. О матери Дэн никогда не говорил, леденел при малейшем упоминании о ней, но это лишь показывало Эбби всю глубину его страданий. Она особенно симпатизировала людям, прячущим какую-то боль. Дэн стал ее новым благородным делом. Она набросилась на него и принялась вытаскивать из пучины горя, мигом находила его на любой вечеринке и не желала слышать слова «нет». Но именно «нет» поначалу и было его ответом. Он держался поодаль от остальных, слишком много пил, слишком много курил и почти не реагировал на ее сочувствие. А потом, однажды вечером, – на крыльце у Реда Уитшенка, так уж получилось – повернулся к ней с таким грозным видом, что она прижалась к стене, и спросил:

– Интересно узнать, что ты за мной таскаешься?

Она могла бы назвать миллион нормальных причин. Сказать, например, что он совершенно точно несчастен, а она убеждена, что способна изменить его жизнь. Но лишь промолвила:

– У тебя очень милая ложбинка над верхней губой.

Он изумился:

– Что?

– И волосы встрепаны, как будто ты немножечко псих.

Он моргнул и слегка отступил:

– Не понимаю, о чем ты.

– А тебе и не надо понимать, – ответила она и, что было ей совершенно несвойственно, шагнула к нему, посмотрела в лицо и увидела, что он начинает ей верить.

Их уже признавали парой, но Эбби видела, что ее подруги шокированы. Она не объясняла им своих чувств. Она, до известной степени, превратилась в Дэна: стала настороженной, уклончивой. Она теперь замечала, как скучны ее подруги, и – хотя еще недавно главной целью своей жизни считала мужа, четверых детей и удобный дом с садом – роняла слова «быт» и «загородный» презрительно, подняв брови и опустив уголки губ.

– Хотите поужинать в «Клубе»? – спрашивал кто-нибудь, а Дэн отвечал:

– Надо же, «Клуб», вот радость-то!

Все косились на Эбби, но она лишь терпеливо улыбалась и отпивала еще глоточек колы. Мол, я одна его понимаю, я владею тайным знанием, что он совсем не такой плохой, каким притворяется.

Иногда, на долю секунды, ей казалось, что именно его порочность ее и

привлекает. Не то чтобы настоящая порочность, но что-то рисковое в нем чувствовалось, какое-то бунтарство, вызов. Например, в день увольнения он унес с работы двадцать четыре ящика скрепок. Пятьдесят семь тысяч шестьсот скрепок, он потом подсчитал. И восторг, с каким он это рассказывал, вызвал у нее улыбку. А ведь у него даже нет степлера! Или вот еще: однажды он среди ночи поехал туда, где жила его мать с конюхом, и заклеил клейкой лентой все двери. Вот так эскапада! Слушая, Эбби громко хохотала.

– Но зачем, объясни ради бога?.. – спросила она.

Он либо не хотел, либо не мог; один-единственный раз позволил себе упомянуть о матери и, возможно, уже сожалел об этом.

Он пил, но и эта, пусть отвратительная, привычка придавала ему неуклюжее, отчаянное, юное, хулиганское очарование, и сердце Эбби сжималось от нежности, даже когда она укоризненно качала головой. Она за полквартила узнавала его по рукам, засунутым в карманы, по походке вразвалочку и волосам, падающим на лицо, по спине, согнутой буквой «С». Нет, не одни только инвалиды нуждались в ее сострадании! Жизнь Дэна в некотором роде ничем не отличалась от жизни несчастных негритянских детишек, которых Эбби обучала этим летом. От вида Дэна ее иглой пронзала печаль.

Она взглянула на его профиль, на худую щеку за темными очками и незаметно, тепло ему улыбнулась, даже зная, что он этого не видит.

– Короче. В общем. Неважно. Я что говорю, – он поднял руку, обозначая поворот, – про моего двоюродного брата.

– Двоюродного брата, – повторила она.

– Джордж, у которого я живу.

– А я его знаю?

– Нет, он старше. У него работа, все дела. Он в следующие выходные едет в Бостон навестить свою девушку.

Они резко свернули на Боутон-роуд, «бьюик» чуть накренился, сумочка поползла с сиденья, но Эбби успела ее подхватить.

– Я останусь один. – Дэн остановился перед домом Уитшенков и вынул из зажигания ключи. Музыка оборвалась, но он сидел неподвижно, глядя вперед сквозь лобовое стекло. – Вот я и подумал, может, придешь в пятницу вечером? Скажешь маме, что ночуешь у подруги.

Она ждала подобного предложения. К этому все шло с самого начала. К этому она *хотела* прийти.

Поэтому так и не поняла, почему ответила:

– Ой, я не знаю.

Он повернулся и посмотрел на нее; лицо за темными очками по-прежнему казалось бесстрастным.

– Не знаешь чего?

– Про какую подругу сказать. И вообще, вдруг я буду занята. Вдруг мне куда-то надо с родителями, я точно не знаю. – Выходило не слишком ловко. Она злилась на себя, что так переполошилась. – Мне нужно подумать. – Она распахнула дверь и чуть не вывалилась из машины, торопясь покончить с неловкой сценой.

Но, шагая к дому, она словно бы его взглядом видела, какая у нее тонкая талия и как из стороны в сторону колышутся ее юбка и длинные волосы. Ясно, что он подумал обо всем заранее. Понял, что хочет ее, и представлял, как все будет. Сознывая это, она чувствовала себя загадочной, желанной и взрослой.

Ред Уитшенк и еще один его приятель, Уорд Рейни, стояли на краю газона и что-то обсуждали с двумя рабочими. Один держал в руках бензопилу, а другой, так же как и Ред, топор. Их окружал целый лес огромных отрубленных ветвей и кусков ствола. Да, тюльпанное дерево было поистине гигантское – и совершенно не собиралось умирать, если судить по сочно-зеленой листве. Остаток ствола, футов десять в высоту, возвышался рядом с крыльцом – идеально цилиндрический, с ровно срезанной верхушкой, похожий на колонну.

– Вот Митч доберется сюда, и узнаем, сколько нужно оставить, – сказал Ред, а мужчина с бензопилой ответил:

– Да не захочет он ничего оставлять, он же не будет корни выкорчевывать, верно? Яма слишком большая останется.

– Что, думаешь, он привезет машину для измельчения пней?

– Лучше бы так.

Эбби крикнула:

– Всем привет!

Они обернулись, и Ред произнес:

– Привет, Эбби, привет, Дэн.

– Ред, – без интонации обронил Дэн.

Эбби всегда считала, что имя Реда^[34] не подходит к его внешности. Ему бы быть рыжим с розовой кожей, веснушчатым, полноватым, а он весь черно-белый, долговязый, худой, с мальчишески выступающим кадыком и косточками на запястьях, похожими на круглые дверные ручки. Сегодня на нем была футболка – больше дыр, чем ткани – и штаны защитного цвета с грязными коленками. Он ничем не отличался от рабочих своего отца.

– Знакомьтесь, Эрл и Лэндис, – представил он. – Ребята, которые повалили эту громадину.

Эрл и Лэндис, не улыбаясь, кивнули, а Уорд поднял ладонь.

– Вдвоем повалили? – спросила Эбби рабочих.

– Не-а, Ред много помогал, – сказал Эрл.

– Да я только на подхвате, – уточнил Ред. – Кроме Эрла и Лэндиса, никто не знает, как вместе с деревом не свалить все остальное.

– Уложили прямо как младенца в кроватку, – похвастался Лэндис.

Эбби посмотрела вверх, на шатер из листвы. Столько еще осталось! Незаметно, чтобы света стало больше, но все-таки дерево очень жалко, и бревна, разбросанные вокруг, на вид вполне здоровы. В воздухе пахло древесным соком – сильно и резко, как свежей кровью.

Мужчины продолжали обсуждать, как удалять пень. Эрл считал, что надо просто взять и срезать остаток ствола под корень, а Лэндис предлагал подождать Митча, «а пока можно все как следует обрубить». Он придавил ногой ближнюю ветвь и на пробу стукнул топором по сочленению. Эбби нравилось слушать, когда обсуждают ход работ. От этого она будто бы снова становилась маленькой девочкой, которая сидит у отца на прилавке, болтает ногами и вдыхает запахи металла и машинного масла.

Эрл дернул шнур бензопилы, раздался оглушительный рев. Он поднес лезвие к самой толстой части ветки, а Уорд наклонился, схватил другую ветвь и оттащил подальше.

– Ты топор не принес? – крикнул Ред Дэну.

Дэн, закулив сигарету, бросил спичку и осведомился:

– Интересно, откуда бы мне его взять?

– Я принесу из подвала. – Ред прислонил свой топор к кусту кизила. – Пошли, Эб, я провожу тебя в дом.

– А здесь я ничем не могу помочь?

Ей ужасно не хотелось уходить от Дэна.

Но Ред сказал:

– Если хочешь, можешь помочь моей маме готовить ланч.

– Ну хорошо.

Дэн молчаливо попрощался с ней, подняв бровь, и она вслед за Редом направилась вверх по мощеной дорожке. Из-за шума пилы ей казалось, что она оглохла.

– Ты и правда считаешь, что все это затянется до ланча? – спросила она Реда.

– Что ты, гораздо дольше. Повезет, если до темноты успеем.

Вот и отлично, подумала она. Больше времени, чтобы исправить

впечатление, которое она произвела на Дэна. К вечеру она станет абсолютно другим человеком – зрелым, превосходно владеющим собой.

Они подошли к крыльцу, но Ред сразу обратно возвращаться не стал, остановился.

– Слушай, – заговорил он, – я тут подумал: хочешь, я заеду за тобой по дороге на свадьбу?

– Я как-то не уверена, что пойду, – ответила Эбби.

Вообще-то она почти окончательно решила, что не пойдет. Приглашение – на такой толстой бумаге, что понадобились две почтовые марки – оказалось для нее сюрпризом: они с Меррик особо не дружили. Да и Дэна не пригласили, Меррик его едва знала. Эбби уже несколько недель мысленно сочиняла вежливый отказ.

Но Ред явно расстроился:

– Не пойдешь? Мама на тебя рассчитывает.

Эбби наморщила лоб.

– Да и я тоже, – продолжал Ред. – Я же там больше ни с кем не знаком.

Она спросила:

– А ты разве не шафер?

– Об этом и речь не заходила.

– Что же, спасибо тебе, Ред, за предложение. Я дам знать, если соберусь, договорились?

Он мгновение колебался, словно собираясь сказать что-то еще, потом улыбнулся и направился на зады дома.

Джуниор Уитшенк, высокий и морщинистый, как Авраам Линкольн, и одетый на тот же манер, одолел крыльцо в три длинных шага, на четверть дюйма склонил голову, приветствуя Эбби, и стремительно сбежал вниз по ступенькам.

– Доброе утро, юная леди, – бросил он на ходу.

– Доброе утро, мистер Уитшенк.

– Меррик, насколько я знаю, еще не вставала.

– Я ищу миссис Уитшенк.

– Миссис Уитшенк на кухне.

– Спасибо.

Мистер Уитшенк свернул с мощеной дорожки и зашагал к срубленному дереву. Эбби, глядя ему вслед, размышляла, где он берет такие рубашки, непременно белые и с высоким, не по моде, воротником, широкой полосой обнимавшим его тонкую шею. Эбби часто казалось, что мистер Уитшенк пытается подражать некоему идеалу, какой-то выдающейся личности из прошлого, которой восхищается. Впрочем, узкие

черные брюки сзади казались пустыми, а подтяжки, сцепленные буквой «У», лишь подчеркивали его озабоченность и натруженную усталость.

Она услышала его крик «Митч пришел?» и ответные возгласы, пчелиным жужжаньем взвившиеся над грохотом бензопилы.

Эбби поднялась по ступеням, пересекла крыльцо, открыла сетчатую дверь и бодро позвала: «Ау!» Так сделала бы и сама Линии Уитшенк. Эбби автоматически переключилась на ее язык и заговорила ее голосом, тонким и мелодичным.

– Туточки, – отозвалась миссис Уитшенк из кухни.

Эбби нравился дом Уитшенков. Даже в июльскую жару здесь царили прохлада и полумрак, высоко на потолке в центре холла крутился вентилятор, и еще один тихо гудел в столовой. На одном конце стола лежала сложенная скатерть, а поверх нее, в ожидании обеденного часа, – серебряные столовые приборы. Эбби прошла на кухню. У раковины, замачивая стручки бамии, стояла миссис Уитшенк, невысокая хрупкая женщина с неуместно глубоким вырезом ситцевого клетчатого платья. Ее светлые негустые волосы почти достигали плеч. Прическа больше подходила молодой девушке, но и лицо, которое Эбби увидела, когда Линии обернулась, тоже было молодо – без морщин, некрасивое, простодушное.

– Привет-привет! – воскликнула она, а Эбби ответила:

– Здравствуйте.

– Какая ты сегодня хорошенькая!

– Я пришла узнать, не могу ли чем-то помочь.

– Ой, солнышко, что ты! Испачкаешься. Лучше просто посиди, составь мне компанию.

Эбби выдвинула из-за стола стул и села. Она уже знала, что у себя на кухне миссис Уитшенк – бог, и что настаивать нельзя, только помешаешь.

– Как продвигается с деревом? – поинтересовалась миссис Уитшенк.

– Они уже распиливают ветки.

– Ты про такое слыхала? Чтобы дерево сваливали из-за фотографии!

«Фотиграфия», так она произносила. Линии, в отличие от мужа, никогда не стремилась изменить свой деревенский выговор.

– Дэн говорит, мистер Уитшенк решил, что дерево и так умирает, – сказала Эбби.

– Да, Джуниору порой видится ровно то, что ему нужно. – Миссис Уитшенк закрыла кран и вытерла руки о фартук. – Он для тех фотиграфий уже и рамки купил, представляешь? Две большие такие, деревянные. Я спрашиваю его, говорю: «Над камином повесишь?» А он: «Линии Мэй (ее голос сделался низким, хриплым), в гостиных семейные портреты не

вешают». Ну, чего, я не знала, говорю. А ты знала?

– У моей мамы *полно* снимков в гостиной, – ответила Эбби.

– Ну вот видишь!

Миссис Уитшенк достала из холодильника бутылку молока и налила немного в миску.

– Я бамию готовлю, помидоры нарезала, – объяснила она Эбби, – и жареную курицу с моими фирменными бисквитами. Кстати, потом можешь мне помочь с бисквитами, ты ж теперь знаешь, как их делают. Да, и на десерт – персиковый коблер^[35].

– Класс.

– Тебе Ред говорил, что он тебя подвезет на свадьбу?

– Говорил. Только я еще не знаю, пойду или нет.

Эбби стало очень стыдно, что она так долго не может принять решение. Ее мать пришла бы в ужас от подобной невоспитанности. Но миссис Уитшенк сказала только:

– Ой, хорошо бы ты пришла! Мне нужен человек для поддержки.

Эбби засмеялась.

– Меррик заставила меня купить в «Хатцлерс»^[36] желтое платье, а у меня в нем такой вид, как будто я желтухой болею, – пожаловалась миссис Уитшенк. – Но Меррик уперлась, и конец. Совсем как отец, вечно у них всякие *идеи*. – Она принялась накладывать кукурузную кашу во вторую миску.

Эбби попыталась оправдаться:

– Я просто боюсь, что никого там не знаю. Друзья Меррик все старше меня.

– Ну так и я их тоже не знаю. Придут же по большей части ее подружки из колледжа, а отсюда – мало кто.

– А из вашей семьи кто приедет? – спросила Эбби.

– В смысле?

– Бабушки, дедушки? Дяди, тети?

– Так у нас никого нет, – спокойно промолвила миссис Уитшенк.

Не похоже было, что она об этом сожалеет. Эбби ждала объяснения, но миссис Уитшенк отмеряла соль.

– В общем, я поблагодарила Реда за предложение, – сказала наконец Эбби. – Приятно знать, что если понадобится, то меня подвезут.

В сущности, нужно уже согласиться и забыть об этом. Непонятно, что ее удерживает. В конце концов, это только половина субботы – крохотный кусочек ее жизни.

Субботы после ночи с Дэном. Если она проведет ночь с Дэном.

Она представила, как он говорит: «Эй, не бросишь же ты меня одного наутро, после того как мы...»

После того как мы...

Эбби посмотрела на свою юбку и разгладила ее на коленях.

– А как твоя работа? – поинтересовалась миссис Уитшенк. – По-прежнему в восторге от цветных ребятишек?

– я их обожаю!

– Не нравится мне, правда, что ты ходишь в тот район, – сказала миссис Уитшенк.

– Там нет ничего плохого.

– Но это бедный район, так? Люди там бедные как церковные крысы. Ограбят – глазом не моргнут. Честное слово, Эбби, иногда тебе здравого смысла не хватает, не понимаешь, кого надо бояться.

– Как я могу бояться этих людей?

Миссис Уитшенк покачала головой и поставила дуршлаг с бамией на доску.

– Ох, что за мир, что за мир, – произнесла Эбби.

– О чем ты, милая?

– А это злая ведьма говорит в «Волшебнике из страны Оз». Не знаете? В городе новая постановка, мы ходили вчера с Дэном. Ведьма кричит: «Я таю, я таю! Ох, что за мир, что за мир!»

– Да, помню это «я таю», – миссис Уитшенк кивнула, – я водила Реда и Меррик на это кино. Они были еще совсем крохотульки.

– Ну да, а после идут слова: «Ох, что за мир». Я потом Дэну говорю: «Никогда этого раньше не слышала, понятия не имела, что она такое кричит!»

– Я тоже, – сказала миссис Уитшенк. – Как-то это жалобно выходит.

– Вот именно, – подхватила Эбби. – Я сразу ее пожалела. я вот правда считаю, что люди, которые кажутся страшными, на самом деле просто очень несчастные.

– Эбби, Эбби, храни тебя Господь. – Миссис Уитшенк тихо засмеялась.

* * *

Раздался громкий резкий стук каблучков. Кто-то спустился с лестницы и вышел в холл. Потом, цокая, пересек столовую – и на пороге кухни появилась Меррик в красном атласном кимоно и красных шлепанцах с

помпонами из красных перьев. Гигантские металлические бигуди странным космическим шлемом облепляли ее голову.

– Боже, как поздно, – простонала она. Выдвинула стул, села рядом с Эбби, достала из рукава «Кент».

– Доброе утро, Меррик, – поздоровалась Эбби.

– Доброе. Это бамия? Брр.

– Это на ланч, – объяснила миссис Уитшенк. – У нас рабочие, их надо накормить.

– Одна только мама считает, что невежливо заставлять рабочих приносить с собой сэндвичи. – Меррик повернулась к Эбби: – Эбби Далтон, ты что, в чулках? Ты не растаешь от жары?

– Я таю! – заверещала Эбби голосом злой ведьмы, и миссис Уитшенк расхохоталась, а Меррик раздраженно поджала губы, затаилась сигаретой, выпустила длинную струю дыма.

– Мне приснился жуткий кошмар, – заговорила она. – Как будто я слишком быстро еду по горному серпантину и в одном месте забываю повернуть. И думаю: «Ой-ой-ой, какой ужас!» Ну вот как бывает, когда понимаешь, что деваться некуда, сейчас случится авария. Не избежать. И вот перелетаю я через край утеса, зажмуриваюсь и готовлюсь к удару, но, самое смешное, продолжаю лететь. Я так и не приземлилась.

Эбби воскликнула:

– Ой, мамочки!

Миссис Уитшенк спокойно резала бамию.

– Я подумала: «А-а, теперь понятно, – рассказывала дальше Меррик, – просто я уже мертвая». И тогда только проснулась.

– А машина с откидным верхом? – спросила миссис Уитшенк.

– Что? – Меррик замерла, не успев донести сигарету до рта.

– Машину ты видела с откидным верхом?

– Как ни странно, да.

– Если снится, что ты в машине с откидным верхом, это значит, что скоро ты совершишь серьезную ошибку, – сказала миссис Уитшенк.

Меррик с комическим изумлением посмотрела на Эбби.

– Интересно, что же это за ошибка, – процедила она.

– Но если машина обычная, значит, тебя повысят по службе.

– И вот, поди ж ты, мне как раз приснилась с откидным! – Меррик хмыкнула. – Но только весь мир знает, что ты категорически против моей свадьбы, так что зря стараешься, Линии Мэй.

Меррик часто так обращалась к матери – «Линии Мэй». И тон выдавал всю ее неприязнь к недостаткам матери – к ее слегка гнусавому голосу,

мешковатым платьям, деревенским «аданако», «колидор», «сендерей». Эбби переживала за миссис Уитшенк, но та нисколько не обижалась.

– Я просто так, – мягко отозвалась она и положила горсть брусочков бамии в миску с молоком.

Меррик глубоко затаилась и пустила дым в потолок.

– Ну все равно! – бодро произнесла Эбби, обращаясь к Меррик, – от такого сна приятно проснуться, а?

Меррик невнятно промычала что-то в ответ, глядя вверх, на вращающиеся лопасти вентилятора.

Вдруг раздался девичий голос:

– Мерр, ты где?

Меррик села прямо и крикнула:

– На кухне!

Хлопнула сетчатая дверь, и через секунду в дверях появились Пикси Кинсайд и Мэдди Лейн, обе в бермудах, Мэдди – с бледно-голубой косметичкой «Самсонайт».

– Меррик Уитшенк, ты еще в халате!

– Я вернулась с вечеринки в три утра.

– Мы тоже, но сейчас почти десять! Ты что, забыла, сегодня у нас пробный макияж!

– Я помню. – Меррик затушила сигарету. – Пошли займемся.

– Здравствуйте, миссис Уитшенк, – запоздало сказала Пикси. – Привет, м-м, Эбби. Позже увидимся.

Мэдди лишь чуть махнула рукой, словно протирая стекло. Девушки втроем вышли, Меррик стучала каблучками. Внезапно воцарилась тишина.

– Видно, Меррик сейчас страшно нервничает, – помолчав, выдала Эбби.

– Нет-нет, она всегда такая, – весело откликнулась миссис Уитшенк, закончив резать бамию и шумовкой размешивая в молоке кусочки. – Маленькая вечно огрызалась, а теперь большая огрызается. И ничего тут не сделаешь. – Она начала перекладывать бамию в кукурузную смесь. – Иногда мне кажется, что есть всего три-четыре типа людей, и они то и дело встречаются нам в жизни, понимаешь, о чем я? Люди легкие и люди тяжелые, и мы все натыкаемся на них да натыкаемся. Меррик, например, вылитая моя бабушка Инман – всегда недовольна, язык как бритва. И меня она не любила. А вот ты, ты у нас всем сострадаешь, совсем как моя тетя Луиза.

– Да, – ответила Эбби. – Я понимаю, о чем вы. Это что-то вроде реинкарнации.

Миссис Уитшенк протянула:

– Нууу.

– Только внутри одной жизни, а не за несколько жизней.

– Вот как... – пробормотала миссис Уитшенк, а потом спросила: – Деточка, а не поможешь ли?

– Конечно!

– Возьми из холодильника кувшин с водой и эти вот бумажные стаканчики и отнеси рабочим, будь добра. Наверняка они страсть как хотят пить. И скажи, что ланч будет рано. Заждались небось.

Эбби встала и прошла к холодильнику. Чулки неприятно липли к ногам. Вот глупость, зачем она надела их в такую жару?

Проходя через холл, она услышала, что мистер Уитшенк разговаривает по телефону на веранде.

– Ближе к вечеру? Какого хрена? – бушевал он. – Мать твою, Митч, у меня тут пять человек тебя дожидаются, чтобы ты им втолковал, как пень убрать!

Эбби на цыпочках дошла до двери, решив, что он смутится, если поймет, что она слышала, какими словами он ругается.

На улице воздух обхватил ее щеки теплым полотенцем. Доски крыльца отдавали горячим лаком, но ласковый свежий ветерок – необычный для этого времени года – сдувал со лба влажные волосы, а кувшин с водой, который она прижимала к себе, холодил руки.

Лэндис где-то раздобыл вторую бензопилу, и они с Эрлом распиливали самые толстые ветки на поленья для камина. Дэн и Уорд рубили ветки потоньше и относили их в огромную кучу у дороги, Ред поставил колоду и разрубал поленья на четвертушки. Подошла Эбби. Все прекратили работать, Эрл и Лэндис выключили пилы. Повисла звенящая тишина, в которой ее голос прозвучал на удивление отчетливо:

– Кто-нибудь хочет воды?

– Не откажусь, – сказал Эрл.

Все отложили инструменты и обступили ее. Уорд без рубашки выглядел непрофессионалом, и они с Дэном оба сильно покраснелись. Ред очень много работал целое лето, но даже у него по лицу ручейками стекал пот, а Эрл и Лэндис взмокли так, что их голубые хлопковые рубашки казались темносиними.

Эбби раздала бумажные стаканчики, наполнила их водой. Мужчины, одним глотком осушив, снова протянули стаканчики, когда она еще разливала первый круг, и до середины третьего, помимо «спасибо», никто ничего не говорил. Потом Ред спросил:

– Ты случайно не знаешь, папе удалось поймать Митча?
– По-моему, он сейчас с ним по телефону разговаривает.
– А я говорю, надо взять да и повалить эту штуку.
– А я не хочу, чтобы Митч пришел и стал нить, что мы ему только напортили.

Дэн и Эбби смотрели друг на друга. Волосы Дэна были влажными, и от него замечательно пахло чистым потом и табаком. Эбби внезапно посетила крайне тревожная мысль: у нее же нет красивого белья! Одни простые белые хлопчатобумажные трусы и лифчики с крошечной розочкой посередке. Она отвела глаза.

– Приветствую! – К ним, протиснувшись меж кустов азалии на границе с соседним участком, направлялся грузный мужчина в костюме из сирсакера^[37]. Под его белыми ботинками трещали ветки.

– Здравствуйте, мистер Беркелоу, – отозвался Ред.
– Интересно, вы вообще в курсе, во сколько ваши ребята начали сегодня работать?

Ответил Лэндис:

– В восемь.

– В восемь, – повторил мистер Беркелоу, сверля Реда взглядом.

Лэндис пояснил:

– Тогда мы с Редом и Эрлом начали, а остальные уж после подтянулись.

– В восемь часов утра, – раздумчиво проговорил мистер Беркелоу. – В воскресенье. Выходной день. По-вашему, это допустимо?

– По-моему, вполне, сэр. – Ред сохранял невозмутимое спокойствие.

– Неужели? В восемь утра в воскресенье, по-вашему, самое время включать бензопилу.

Его рыжие брови агрессивно ощетинились, но Ред не испугался. И сказал:

– Я подумал, что все уже...

– Эй, доброе утро! – выкрикнул мистер Уитшенк, быстро шагая к ним по травянистому склону в черном костюме, явно надетом наспех: левый лацкан вывернут наизнанку, будто собачье ухо. – Отличный денек! – обратился он к мистеру Беркелоу. – Вижу, вы уже вышли прогуляться.

– Я вот только что спрашивал вашего сына, мистер Уитшенк, какое время он считает приемлемым для начала работы с бензопилой.

– А что такое? В чем дело?

– Дело в том, что сегодня воскресенье, не знаю, осведомлены ли вы, – бросил мистер Беркелоу.

Теперь он из-под своих кустистых бровей гневно взирал на мистера Уитшенка, а тот с видом полного согласия сочувственно кивал:

– Да, конечно, нам, разумеется, не хотелось бы...

– Это просто *извращение* какое-то, до чего вы обожаете устраивать грохот, когда остальные пробуют спать! Колотите по водосточным желобам, сверлите дорожную плитку... да вот только вчера целое дерево спилили! Абсолютно здоровое, осмелюсь заметить. Причем впечатление, что это всегда, всегда происходит именно в выходные!

Мистер Уитшенк неожиданно стал выше ростом.

– Это не *впечатление*, это действительно всегда происходит в выходные, – отвечал он. – Потому что у нас, честных рабочих людей, это единственное время, когда мы свободны от труда на вас.

– Скажите спасибо, что я не заявил на вас в полицию. Наверняка против таких, как вы, есть предписание.

– Предписание! Не смешите. Только из-за того, что вам нравится возлежать в кровати до полудня, и вам, и этому вашему испорченному сынку с его большой жирной за...

– Вообще-то, – вмешался Ред, – абсолютно неважно, есть предписание или нет.

Оба мужчины обернулись к нему.

– Важно то, что мы мешаем спать нашим соседям. Я приношу вам свои извинения, мистер Берке-лоу. В наши намерения совершенно не входило причинять вам какой-либо дискомфорт.

– *Причинять дискомфорт?* – изумленно произнес мистер Уитшенк.

Ред продолжал:

– Я предлагаю договориться о взаимоприемлемом часе.

– *Взаимоприемлемом?* – эхом повторил его отец.

– А... – Мистер Беркеллоу несколько опешил. – Хорошо.

– Как вам, к примеру, десять? Подходит?

– Десять часов! – вскричал мистер Уитшенк.

– Десять? – Мистер Беркеллоу подумал. – Что же... конечно, и это... но что же, раз необходимо, думаю, мы... потерпим.

Мистер Уитшенк возвел глаза к небу, будто умоляя Господа смиростивиться. Но Ред сказал:

– Десять часов. Уговор. В дальнейшем мы обещаем всегда соблюдать это условие, мистер Беркеллоу.

– Ну... – Мистер Беркеллоу неуверенно помялся, глянул на мистера Уитшенка и объявил: – Ладно, договорились. Полагаю, вопрос улажен. – Повернулся и зашагал к живой изгороди.

– Ну и что ты наделал? – укорил мистер Уитшенк сына. – Десять часов! Господи боже ты мой! Это уже практически ланч.

Ред без слов отдал бумажный стаканчик Эбби.

Вмешался Лэндис:

– Так чего, босс?

– Что чего?

– С Митчем говорили?

– Он придет днем. Возьмет у шурина измельчитель для пней и привезет сюда. Он велел спилить ствол.

– Что, до самой земли?

– Да, сколько сможете. – Мистер Уитшенк уже успел подняться на середину склона, будто решив, что с него хватит, он умывает руки.

Эбби обратила внимание, что пиджак сидит на нем неровно – провисает по бокам и вздернут посередине, словно на каком-то нищем старике. Она обошла всех, молча собрала стаканчики и тоже направилась вверх по склону.

– Джуниору все мерещится, что соседи перед ним нос задирают. – Миссис Уитшенк, услышав о сцене во дворе, усмехнулась: – Он у нас на этот счет чувствительный.

Эбби не стала ничего говорить, но она хорошо его понимала. Поступив в элитарную школу на стипендию, она и сама, бывало, сталкивалась с людьми наподобие мистера Беркелоу – царственно важными и глубоко убежденными в том, что лишь их образ жизни правилен. Их сыновья играют в лакросс, а дочери готовятся к балу дебютанток. Но Эбби откинула неприятную мысль и вновь занялась раскатанным тестом: сложила втрое, потом вчетверо. «Сложить, сложить и еще сложить, – говорила миссис Уитшенк, когда учила Эбби готовить свои бисквиты. – Складывай, пока не услышишь, что тесто пыхнуло».

– В любом случае, – вслух сказала Эбби, – Ред заставил их найти компромисс, и все кончилось благополучно.

– Ред не такой обидчивый, – ответила миссис Уитшенк, доставая из холодильника большую миску и снимая с нес полотенце. – Потому, видно, что вырос здесь и привык ко всяким этим Беркслоу.

В миске лежали куски курицы, залитые жидким взбитым тестом. Миссис Уитшенк по одному вынула их щипцами и разложила на блюде сушиться.

– Ему везде повадно, – продолжала она. – И с соседями, и с работягами. Я, правда, знаю, что, будь его воля, он бы вмиг бросил колледж

и начал работать с отцом. Он только ради Джуниора доучивается.

– Ну, диплом никому не повредит, – заметила Эбби.

– Джуниор ему так и говорит. Тебе, мол, нужен выбор пошире. Чтоб не кончилось, как у меня. Ред ему: «А что плохого в том, как у тебя?» И еще Реду кажется, что в колледже все оторвано от жизни. *Люди* там оторваны от жизни. И ему иногда кажется, что они полные дураки.

При Эбби Ред ни разу не высказывал своего мнения о колледже. Он учился на два курса старше, и в кампусе они почти не встречались.

– А какие у него оценки? – спросила она у миссис Уитшенк.

– Нормальные. Так, серединка на половинку. Понимаешь, у него мозги иначе устроены. Он такой – ему покажешь прибор, которого он в глаза не видал, а он сразу: «Ага, ясно, да-да, вот это входит сюда, а потом сюда и соединяется вот с этим...» Совсем как его папа. А папе хочется, чтоб Ред был другой. Вот вечно так у детей и родителей.

– Значит, Ред в детстве, так сказать, разбирал на винтики кухонные часы?

– Да, но только он, не в пример другим, мог еще и свинтить все обратно. Эй, смотри, что делаешь, Эбби! Ты же крутишь стаканом.

Она имела в виду стакан, которым Эбби нарезала тесто.

– Надо ставить прямо! Хлоп на тесто! Помнишь?

– Извините.

– Дай-ка я принесу тебе сковородку.

Эбби вытерла лоб тыльной стороной ладони. В кухне становилось жарко, а она была целиком завернута в большой фартук миссис Уитшенк.

Если правда, подумала Эбби, что люди вроде меня – которые «сострадают» – часто встречаются в жизни миссис Уитшенк, то правда и обратное. Эбби тоже раньше попадались такие – старшие наставницы. Бабушка учила ее вязать, учительница английского оставалась после уроков, чтобы помочь ей со стихами. Терпеливее и мягче ее резкой боевой матери, они умело направляли и подбадривали Эбби, как сейчас миссис Уитшенк: «А, вот хорошо! Я и сама лучше бы не смогла».

– А может, после колледжа Реду пойти работать к папе на фирму? – предложила Эбби. – Тогда будет «Уитшенк и Сын Констракшн». Мистеру Уитшенку должно понравиться.

– Не думаю, – ответила миссис Уитшенк. – У него надежды, что Ред займется правом. Правом или бизнесом, чем-нибудь этим. У Реда для бизнеса голова хорошая.

– Но если он не будет счастлив...

– Джуниор говорит, что счастье – это выдумки, – сказала миссис

Уитшенк. – Говорит, надо решить, что ты счастлив, и все.

Она искала что-то в ящике со столовыми приборами, но подняла голову и поторопилась объяснить:

– Нет, он не злой, не подумай.

– Конечно нет.

– Он просто хочет для своей семьи самого лучшего, понимаешь? Кроме нас, у него никого нет.

– Да, конечно.

– Ни он, ни я, мы не общаемся с нашими семьями.

– Почему? – спросила Эбби.

– Да так. Знаешь, обстоятельства. Пути-дорожки разошлись. Они невесть где, далеко, в Северной Каролине. Ну и потом, моя родня всегда против нас была.

– Против вас с мистером Уитшенком?

– Прямо как у Ромео и Джульетты. – Миссис Уитшенк засмеялась, потом посерьезнела. – Вот, кстати, чего ты, может, не слыхала. Угадай, во сколько лет Джульетта влюбилась в Ромео?

– В тринадцать, – тотчас ответила Эбби.

– Ишь ты.

– Мы проходили в школе.

– Меррик тоже проходила в десятом классе. Пришла домой, рассказала мне и говорит: «Это *нелепо*». Заявила, что после такого Шекспира нельзя принимать всерьез.

– Ну, я не знаю, почему же, – запротестовала Эбби, – в тринадцать лет вполне можно влюбиться.

– Да! Можно! Как я.

– Вы?

– Мне было тринадцать, когда я влюбилась в Джуниора, – поведала миссис Уитшенк. – Вот я о чем толкую.

– Ой, мамочки! И вы вышли за него замуж! – возликовала Эбби. – Это потрясающе! А мистеру Уитшенку сколько было?

– Двадцать шесть.

До Эбби дошло не сразу.

– Ему двадцать шесть, а вам тринадцать?

– Двадцать шесть лет, – повторила миссис Уитшенк.

Эбби издала какой-то невнятный звук.

– Правда, с ума сойти?

– Да, действительно, – пробормотала Эбби.

– Красивый он был парень, отчаянный... Работал на лесоскладе, но не

постоянно, иногда. Остальное время охотился, ловил рыбу, ставил капканы да в неприятности попадал. В общем, представляешь – магнит для женщин. Как перед таким устоишь? Особенно если тебе тринадцать. Но я была очень развитая в тринадцать, я рано созрела. Познакомились мы на церковном пикнике, он туда пришел с другой девушкой. А у нас любовь с первого взгляда, у обоих. Прямо вот с той минуты и началась. И мы с ним сбегали вдвоем куда-нибудь, как только получалось. Оторваться друг от друга не могли! Но однажды ночью мой отец нас застал.

– Где застал?

– Да в амбаре. Мы там... ну, сама понимаешь. – Миссис Уитшенк взмахнула ладонью. – Ох, ужас! – продолжала она весело. – Кино, да и только. Папа приставил ему к затылку ружье, а потом вместе с моими братьями вытурил его из округа Янси. Можешь вообразить? Господи, вот сейчас вспоминаю, и как будто не со мной было. «Неужто это я?» – думаю. А после того случая мы почти целых пять лет не виделись.

Эбби забыла, что надо нарезать бисквиты, и стояла, уставившись на миссис Уитшенк. Та забрала у нее стакан и быстро доделала работу: стук-стук-стук.

– Но вы общались? – спросила Эбби.

– Нет, что ты! Я понятия не имела, где он. – Миссис Уитшенк укладывала бисквиты на смазанную маслом сковородку, тесно друг к другу, концентрическими кругами. – Но я оставалась ему верна. Ни на минутку не забывала. Видишь, у нас своя собственная история великой любви! А когда мы потом снова встретились, то уж больше и не расставались. Знаешь, как порою бывает. И все пошло-посхало снова, с того места, где начали.

Эбби выдавила:

– Но...

Неужели миссис Уитшенк не понимает, что все это... преступление?

Та сказала:

– Не знаю, зачем я тебе голову морочу. Вообще-то это секрет. Даже моим детям ничего не известно! То есть *особенно* детям знать не нужно. Меррик меня задразнила бы. Обещай, что им не расскажешь, Эбби. Жизнью поклянись.

– Ни единой живой душе не расскажу, – пообещала Эбби.

Она и слов подходящих не нашла бы. Сумасшедшая история, просто жуть какая-то.

Мистер и миссис Уитшенк, Ред, Эрл и Лэндис, Уорд, Дэн и Эбби: ланч на восемь человек. Меррик с ними есть не будет, сообщила миссис

Уитшенк. Эбби ходила вокруг стола, раскладывая ножи и вилки. Серебро высшей пробы с гравировкой, староанглийское W^[38]. Интересно, откуда оно у них, подумала Эбби. Вряд ли к свадьбе купили.

Ее родители свою разномастную посуду приобретали в десятицентовом магазине.

Эбби неожиданно заскучала по хлопотливой разумной маме и добряку-отцу с его извечными шариковыми ручками и механическими карандашами в карманах рубашки.

Окна столовой были открыты, занавески слегка колыхались на ветру. Эбби видела крыльцо, где на качелях, сидя спиной к ней, тихо, лениво болтали Пикси и Мэдди. С пробным макияжем Меррик, очевидно, уже покончили: наверху шумел душ.

Эбби пошла на кухню за тарелками, а когда вернулась, снаружи вдруг ожила бензопила. До этого Эбби не замечала тишины, но сейчас загрохотало очень близко, и она выглянула посмотреть, что происходит. Мужчины истребляли остатки пня. Лэндис стоял слева и наблюдал за Эрлом – тот, низко склонившись, пилил. Дерево почти полностью скрывало его от Эбби, но, похоже, он делал зарубку в стволе, чтобы повалить в сторону от дома. Как бы людей не придавило, подумала она – всегда боялась таких вещей, – но эти двое, судя по всему, знали свое дело.

Эбби расставила тарелки, взяла из буфета и отсчитала салфетки, положила их рядом с вилками. Затем вернулась на кухню и спросила у миссис Уитшенк, жарившей курицу:

– Разлить холодный чай?

– Нет, давай чуточку подождем, – решила та. – Иди посиди на крыльчке, отдохни. Я позову, когда будет готово.

Эбби не стала спорить, обрадовалась: наконец-то можно уйти из кухни. Сняла фартук, повесила его на спинку стула, вышла на крыльцо и села в кресло-качалку поодаль от Пикси и Мэдди. Поискала взглядом Дэна. Он тащил к куче у дороги огромную, густо облиственную ветку. Его волосы в полосе солнечного света блеснули металлом.

Что она скажет матери? Например: «Я переночую у Рут». Но вдруг мать позвонит туда? Такое уже случалось. И даже если Эбби осмелится попросить Рут прикрыть ее, то родители Рут – все равно проблема.

Ред перекидывал поленья в тачку. Уорд утирал лоб скомканной рубашкой. Эрл выключил бензопилу, и практически одновременно на крыльце появилась Меррик. Сетчатая дверь хлопнула за ее спиной.

– Ух! Такое чувство, как будто смыла с лица резиновую маску, – сказала Меррик подругам.

Держа в руках мисочку с хлопьями, она прошла к стулу с плетеным сиденьем, подцепила его ногой, подтянула ближе к качелям и села. На голове у нее по-прежнему красовались бигуди, но она переделалась в бермуды и белую блузку без рукавов.

– Мы вот гадаем, кто этот прекрасный Джеймс Дин^[39], – сообщила Пикси.

– Кто-кто? А, это Дэн.

– Он аблл-денный.

– Если в следующую субботу будет так же жарко, у меня с морды стечет вся косметика, – заявила Меррик. – И тушь. Глазки будут как у енота.

– Под стать свекрови, – хихикнула Мэдди.

– Слушайте, если у меня появятся такие же жуткие круги под глазами, застрелите меня, ладно? – умоляюще произнесла Меррик. – Знаете, какие у меня подозрения? Что она их подрисовывает. Она из тех людей, что любят прикидываться больными. Чуть что, она несется к врачу. Он ей, понятно, говорит, что все в порядке, а она возвращается и стонет: ему *кажется*, что все в порядке...

– Он будет на свадьбе? – спросила Пикси.

– Кто?

– Этот Дэн.

– Не знаю. Дэн будет на свадьбе? – крикнула Меррик, повернувшись к Эбби.

Та ответила:

– Его не приглашали.

– Нет? Ну тогда, если хочешь, приводи.

– Так вы что, вместе? – заинтересовалась Пикси.

Эбби чуть пожала плечами, надеясь, что тем самым дает понять: да, мы вместе, но я в любой момент могу его бросить. Пикси театрально вздохнула.

– Так, а теперь вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов, – сказала Меррик. – Мои бигуди.

– А что с ними? – не поняла Мэдди.

– Видите, какие здоровенные? Я в них сплю с четырнадцати лет. Без них мои волосы прямые как палки. Что мне делать в брачную ночь, вот вопрос.

– Спроси что-нибудь посложнее, дурочка. – Мэдди хихикнула. – Ляжешь без них. А утром встанешь рано-рано, до Трея, проберешься в ванную, накрутишь бигуди и примешь горячий душ. Волосы не мочи, но

пусть пропарятся. И высушись феном – спрячь его в ванной с вечера...

– Как я возьму фен в свадебное путешествие? Для него потребуется отдельный чемодан.

– Купи другой, который держат в руке.

– Да, и убиться током, как та тетка в газете? И потом, вы не представляете, до чего мои волосы упрямые. Две минуты пара ничего не дадут.

Пикси сказала:

– Тогда уложи волосы, как у нее.

– У кого?

– У нее. – Пикси, слегка ухмыляясь, указала подбородком на Эбби.

Меррик даже не потрудились на это отреагировать.

– Сбежать бы от Трея на парочку маленьких часиков, – мечтала она. – А в отеле пусть будет салон, который открывается в пять утра...

Бензопила опять взревела, заглушив ее последние слова. Лэндис подошел к кизилловому дереву и нагнулся за веревкой, свернутой кольцом. Дэн начал подниматься на холм, где оставил топор.

Перед ланчем мужчины ополоснули головы под краном сбоку дома и входили, обтирая лица руками. Эрл, выдвигая стул, встряхнулся на собачий манер.

Мистер Уитшенк сидел во главе стола, миссис Уитшенк – в конце, Эбби – между Дэном и Лэндисом. Ее с Дэном разделяло добрых восемнадцать дюймов, но он дотянулся ногой до ее ноги, однако делал вид, что не замечает ее, и упорно смотрел в тарелку.

Мистер Уитшенк рассуждал о Билли Холидей. Та умерла пару дней назад, но мистер Уитшенк не мог взять в толк, с чего люди так всполошились.

– По-моему, у нее и слуха толком не было, – заявил он. – Йолосок мяукающий, и мотив не держала.

Он обвел взглядом собравшихся, подключая всех к разговору. Эбби почувствовала себя учеником, который внимает речам великого учителя, чего, надо полагать, и добивался мистер Уитшенк. Она расфокусировала взгляд – это ей хорошо удавалось – и представила, будто они здесь перебирают зерно или кукурузные початки, как в старые времена после сбора урожая, и развеселилась. Когда у нее появится свой дом, пусть он будет такой же – гостеприимный, на широкую ногу, как у Уитшенков, и пусть в нем находят стол и кров бесприютные, и молодежь пусть собирается на крыльце. Дом ее родителей всегда закрыт, а дом Уитшенков –

открыт. За что спасибо отнюдь не мистеру Уитшенку. Впрочем, разве не всегда так бывает? Тон задает женщина.

– Мне вот из музыки, – вещал мистер Уитшенк, – нравится, к примеру, Джон Филип Суза^[40]. Думаю, вы все его знаете. Редклифф, о ком я говорю?

– О короле маршей, – ответил Ред с набитым ртом, вгрызаясь в жареную куриную ножку.

– О короле маршей, да, – кивнул мистер Уит-шенк. – Кто-нибудь из вас помнит «Ситис Сервис Бенд оф Америка»?

Никто, видимо, не помнил. Все ниже склонились над тарелками.

– Программа на радио, – пояснил мистер Уит-шенк. – Одни только марши передавали. «Звезды и полосы навсегда» и «Вашингтон пост», мои любимые. Меня чуть удар не хватил, когда их сняли с эфира.

Эбби вгляделась, выискивая в хозяине дома хоть что-нибудь от лихого парня из округа Янси. Ясно, конечно, почему его считают привлекательным: скульптурное лицо и полное отсутствие живота, хотя ему далеко за пятьдесят, если не за шестьдесят. Но он настолько строго, почти карикатурно строго одевается – даже лацкан уже поправил, – и наружные уголки глаз опущены будто от большого разочарования. На руках лиловые узловатые вены, подбородок весь в черных точках щетины. Боже, взмолилась Эбби, сделай так, чтобы я никогда не состарилась! Она прижалась левой лодыжкой к ноге Дэна и передала Лэндису бисквит.

– А мой папа считает, что Билли Холидей нет равных, – внес вклад в разговор Дэн. Он глотнул чая со льдом и невозмутимо откинулся на спинку стула. – Говорит, что главная гордость Балтимора – то, что Билли Холидей в свое время мыла тут крылечки за двадцать пять центов каждое.

– Тут нам с твоим отцом придется согласиться, что у нас нет согласия, – изрек мистер Уитшенк и вдруг нахмурился: – А кто твой отец?

– Дик Куинн, – ответил Дэн.

– Тот, который «Куинн Маркетинг»?

– Он самый.

– А ты тоже займешься семейным бизнесом?

– Не-а, – бросил Дэн.

Мистер Уитшенк ждал. Дэн любезно смотрел на него.

– По-моему, это хороший шанс в жизни, – помолчав, обронил мистер Уитшенк.

– Мы с папулей не ладим, – объяснил Дэн. – И потом, он жуть как взбесился, когда меня уволили с работы.

Он проговорил это спокойно, без неловкости. Мистер Уитшенк снова нахмурился.

– За что тебя уволили?

Дэн пожал плечами:

– Просто как-то не сложилось.

– Редклиффу я всегда говорю: «Чем бы ты ни занимался, старайся изо всех сил. Даже если возишь мусор, вози его как никто до тебя». Да, вот так. Гордись своим делом. Уволили? Это как черная метка. Вечно будет преследовать.

– Но это были ссуды и сбережения, – сказал Дэн. – Я никогда больше не стану этим заниматься, уж поверьте.

– Суть в другом, в репутации. Что за мнение о тебе сложилось в твоей среде. Сейчас кажется, что ссуды и сбережения для тебя не главное в жизни, но...

Как этот человек сумел стать героем романа миссис Уитшенк? Безумный или пошлый, думайте что угодно, но это был роман – с интригами, скандалами, трагической разлукой. Но Джуниор Уитшенк такой сухарь! Он неустанно что-то нудил, пока остальные ели и смиренно молчали. Только жена смотрела на него заинтересованно, когда он рассуждал о великой моральной ценности тяжелого труда, о постыдном отсутствии инициативы у молодого поколения, о преимуществах, дарованных тем, кто жил во времена Великой депрессии. Вот если бы нынешние юнцы пожили, как ему тогда пришлось... Но тут он осекся и крикнул:

– Эй! Уходишь с подружками?

Он обращался к Меррик. Та через холл направлялась к двери, однако остановилась, обернулась к отцу и ответила небрежно:

– Ага. К ужину не ждите.

Ее прямые волосы волшебным образом превратились в копну черных, бойко скачущих кудрей.

– Вот жених Меррик, кстати, занялся семейным бизнесом, – поведал мистер Уитшенк. – И отлично работает, насколько можно судить. Мастером на все руки его, правда, не назовешь, даже масло сменить сам не в состоянии, представляете?

– Ладно, всем покушечки. – Меррик, помахав на прощанье пальчиками, удалилась.

Ее отец моргнул, но тотчас вновь подцепил нить своей лекции – об «испорченности» богатых и полной их неспособности позаботиться о себе, – но Эбби больше не слушала. Ее охватила какая-то безнадежность. Самодовольный, тягучий, полный самолюбования голос, и неграмотное «уделять заботу», и натужно-правильное северное произношение, и

пристальное внимание к атрибутике высшего общества ужасно угнетали Эбби. А миссис Уитшенк все улыбалась мужу, Ред взял себе еще помидор, Эрл сложил на краю тарелки столбик из трех бисквитов, как будто собирался унести их домой. К нижней губе Уорда прилип кусочек курицы.

– И все это вместе, – гудел мистер Уитшенк, – объясняет, почему нельзя никогда... Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Уступать этим людям. Я к тебе обращаюсь, Редклифф.

Ред перестал солить помидор и поднял глаза:

– Ко мне?

– Почему нельзя с ними подобострастничать. Любезничать. Лебезить перед ними. «Да, мистер Беркелоу», «Нет, мистер Беркелоу», «Как прикажете, мистер Беркелоу», «Не хотелось бы *причинять* вам дискомфорт, мистер Беркелоу».

Ред резал помидор, не глядя на отца и как будто не слыша, но скулы его побагровели, словно их исцарапали ногтями.

– О, мистер Беркелоу, – скулил мистер Уитшенк, – будет ли это *взаимоприемлемо*?

– А мы повалили ствол, босс, – вдруг перебил Лэндис. – Уложили красавчика прямоком на землю.

Эбби захотелось его обнять.

Мистер Уитшенк, осекшись на полуслове, посмотрел на Лэндиса.

– Ага, – сказал он. – Что ж, отлично. Теперь осталось дожидаться, когда Митч вернется с обеда у своей злополучной тещи.

– Я бы скоро не ждал, босс. Видали его тещу? Она по части готовки ну чисто дьявол. Семеро детей, все женаты-замужем, все со своими детишками, а каждое воскресенье после церкви – будьте любезны к ней, и она подает им три вида мяса, жареную и вареную картошку, салат, соленья, овощи...

Эбби откинулась на спинку стула. Аппетит пропал, и когда миссис Уитшенк предложила ей «еще курочки», она молча потрясла головой.

– И вот еще что, – тихо произнес Ред.

Мужчины покидали столовую, а он задержался возле Эбби. Та, захватив горсть столовых приборов, обернулась к нему.

– Если ты считаешь, что не должна приходить на свадьбу, потому что тебя слишком поздно пригласили, – сказал ей Ред, – то это ерунда, честно. Многие, кого Меррик пригласила, отказались, друзья Поуки Вандерлин, их родители – многие. В результате еды будет избыток, вот увидишь.

– Приму к сведению. – Эбби похлопала его по руке, будто в знак

благодарности, но на самом деле давая понять, что уже забыла недобрые слова его отца и надеется, что и он забыл.

Дэн, который ждал в дверях Реда, подмигнул ей. Он любил подшучивать над влюбленностью Реда, называл его «твой воздыхатель». Обычно это вызывало у нее улыбку, но сегодня она невозмутимо продолжила убирать со стола, и через минуту Ред с Дэном вышли из комнаты.

Эбби положила приборы рядом с раковиной, где миссис Уитшенк мыла бокалы, и вернулась в гостиную. Там мистер Уитшенк тянул с блюда липкий кусок персикового коблера. При виде Эбби он замер, но тут же вызывающе дернул подбородком, закинул пирог в рот и демонстративно вытер пальцы о салфетку.

Эбби произнесла:

– Вам, должно быть, приходится непросто, мистер Уитшенк.

Его пальцы на салфетке замерли.

– О чем это ты?

– Вы рады, что дочь выходит за богатого парня, но вас раздражает, что богатые парни жутко избалованные. Вы хотите, чтобы сын попал в высший свет, но злитесь, когда он вежлив с этими господами. И так плохо, и этак нехорошо, да?

– Ну вот что, маленькая мисси, нечего со мной так разговаривать, – процедил он.

Она чуть не задыхалась от своей дерзости, однако стояла на своем:

– Так что? Я права?

– Я горжусь своими детьми. – В голосе мистера Уитшенка звучал металл. – Чего твой отец, полагаю, никогда не скажет о тебе, с твоим-то язычком.

– Мой отец очень мной гордится, – заявила Эбби.

– Что же, возможно, тут нечему удивляться, учитывая, откуда ты родом.

Эбби открыла рот, но тотчас его закрыла. Схватила блюдо и прошествовала на кухню, с очень прямой спиной и высоко подняв голову.

Миссис Уитшенк уже не мыла посуду, а вытирала ту, что скопилась на сушке. Эбби забрала у нее полотенце, и миссис Уитшенк сказала:

– Вот спасибо, милая.

Казалось, она не замечает, что у Эбби трясутся руки, Эбби же горько торжествовала и одновременно была уязвлена до глубины души. Кто-кто, а он, с его постыдным сомнительным прошлым, не смеет даже заикаться о ее происхождении! У нее на редкость достойная семья, есть чем похвастаться.

Прапрадедущка, например, в свое время спас короля. И пусть спасение заключалось лишь в том, что он помог вытащить колесо кареты из глубокой колеи, но король, гласила легенда, кивнул ему *лично*. А двоюродная бабушка с Запада училась в колледже вместе с Уиллой Кэсер^[41], хоть и не знала тогда, кем та впоследствии станет. В Далтонах нет ни капли простонародного, второсортного, и пусть их дом размерами не отличается, зато они ладят с соседями.

Миссис Уитшенк между тем говорила о посудомоечных машинах. Она не понимала, зачем они нужны.

– Бог мой, да где еще и поболтать приятно, если не за мытьем посуды! А Джуниор хочет машину. Спит и видит, как мы пойдем и купим ее.

– Но что он в этом понимает? – возмутилась Эбби.

Миссис Уитшенк затихла. А потом сказала:

– Просто думает облегчить мне жизнь.

Эбби яростно терла тарелку.

– Джуниора не всегда понимают, – произнесла миссис Уитшенк. – Но человек он куда лучше, чем тебе кажется, милая.

– Угу, – буркнула Эбби.

Миссис Уитшенк улыбнулась.

– Иди, пожалуйста, посмотри на крыльце, – попросила она, – не осталось там еще тарелок?

Эбби рада была уйти. А то наговорит чего не следует и будет потом жалеть.

На крыльце никто не сидел. Она наклонилась, взяла мисочку из-под хлопьев и ложку Меррик, выпрямилась, осмотрела лужайку. Обе бензопилы молчали. Воздух казался странно ярким – видно, спиленное дерево загораживало свет больше, чем она думала. Сейчас оно лежало верхушкой к дороге, и Лэндис разматывал веревку, которой обвязали крону. Дэн устроил перекур, Эрл и Уорд грузили тачку, а Ред стоял у спиленного пня, опустив голову.

По его позе казалось, что он думает о случившемся за ланчем, и Эбби быстро отвернулась: хорошо бы он не заметил, что она его видела. Но, уже отворачиваясь, поняла, что он всего лишь считает древесные кольца.

После всей сегодняшней кутерьмы – тяжкого труда в грохоте и изнуряющей жары, перебранки с соседом и неприятной сцены с отцом – Ред спокойно изучал пень, считал, сколько лет дереву.

Чем он ее так умилил? Своей сосредоточенностью? Тем, что спокойно, без обид снес оскорбления? «А, это, – будто бы говорил он. – Какие пустяки. Все семьи ссорятся и мирятся; давайте лучше посмотрим, сколько

тут колец».

В душе Эбби посветлело, как посветлела без дерева лужайка. Эбби вернулась в дом, ступая легко, почти беззвучно.

– Ну что там? – спросила миссис Уитшенк. Она протирала рабочие поверхности; все кастрюли и сковородки были уже вычищены и убраны.

Эбби отрапортовала:

– Дерево повалили, Митч пока не появился. Дэн курит, Уорд, Эрл и Лэндис расчищают двор, а Ред считает древесные кольца.

– Древесные кольца? – переспросила миссис Уитшенк. А затем, решив, что Эбби, вероятно, ничего не понимает в ботанике, добавила: – Это чтобы узнать возраст.

– После всей суматохи он стоит и выясняет это. – Эбби, очень неожиданно для себя, совершенно не понимая причины, почувствовала, что сейчас заплачет. – Он очень хороший, миссис Уитшенк.

Миссис Уитшенк удивленно подняла глаза и улыбнулась – безмятежно, довольно, радостно, и глаза ее сделались похожи на два завитка.

– Ну конечно, он хороший, милая.

Эбби опять вышла на крыльцо и села на качели. День был чудесный, желтовато-зеленый, с легким ветерком и фантастическим небом – нереально синим, как банка крема «Нокзема», и она собиралась сказать Реду, что с удовольствием поедет с ним на свадьбу. Но пока сидела и держала это при себе – крепко-крепко прижимая к сердцу.

Она оттолкнулась ногой и медленно закачалась, рассеянно поглаживая снизу знакомые шершавые подлокотники. Она смотрела на Дэна, следила за ним с какой-то смутной печалью. Он бросил сигарету, затоптал ее, взял топор и неторопливо направился к ветке, валявшейся поодаль. Ох, что за мир, что за мир. Как там дальше? «Кто бы мог подумать, – всхлипнула ведьма, – что такая милая малышка разрушит мое прекрасное колдовство?»

Да. Эбби встала с качелей и, с каждым шагом все больше преисполняясь счастливой уверенностью, пошла к Реду.

Часть третья

Ведро синей краски

1

Во всех комнатах, кроме кухни, раздвижные двери, и над каждой – резная решетка для вентиляции летом. Окна вделаны так прочно, что не дребезжат и при самом сильном ветре. Холл второго этажа огражден округлыми перилами, лестница изящным поворотом выводит вниз, к входу. Полы деревянные, из старого каштана. Фурнитура медная, вся: и солидные ручки-шишаки на дверях и шкафах, и даже рогадины для шнуров от темно-синих льняных штор, что каждую весну извлекаются с чердака. В каждой комнате и наверху и внизу – потолочный вентилятор с деревянными лопастями, а на крыльце целых три. Вентилятор в холле – шесть с половиной футов в диаметре.

Миссис Брилл желала повесить в холле большую люстру – хрустальную, сверкающую, этакий перевернутый свадебный торт. Глупая баба. Джуниор разубедил ее, сославшись на непрактичность: из-за малейшей, мол, паутины придется вызывать рабочего с шестнадцатифутовой лестницей, но при этом «забыл» упомянуть, что для другого клиента придумал весьма хитроумный механизм, опускающий при необходимости светильник. Не устраивало Джуниора, конечно, другое обстоятельство – люстра не годилась по стилю. Ведь дом был прост, как ящик, вручную обитый тканью, прост – но безупречен, о чем лучше всех знал Джуниор, который его построил. Он предусмотрел каждую мелочь и лично занимался всем, за исключением того, что лучше поручить специалистам. Мелкую черно-белую плитку в ванной, например, клали двое братьев из Маленькой Италии – района, где не говорили по-английски. Лестница, впрочем, и балясины, входящие в ступени сквозь вручную прорезанные отверстия, и раздвижные двери, почти беззвучно выскальзывавшие из стен, – это делал Джуниор. В обычной жизни он отличался нагловатостью и торопливостью, проезжал знаки «Стоп», не коснувшись педали тормоза и кончиком пальца, жадно заглатывал еду и питье, приказывал заикавшемуся ребенку «наконец разродиться», но при строительстве домов был терпелив как никто.

Миссис Брилл хотела еще бархатные обои в гостиной, ковровые покрытия в спальнях и полукруглый красно-синий витраж над входной дверью. Ничего этого она не получила. Ха! Джуниору практически всегда удавалось ее переспорить. Главным образом, как в случае с люстрой, он ссылался на непрактичность, но, если надо, не стеснялся намекнуть и на дурновкусие.

– Вот что, миссис Брилл, – говорил он, – я уж не знаю почему, но этак не делается. У Ремингтонов не так, и у Уорингов тоже.

Эти два гилфордских семейства пользовались особенным уважением миссис Брилл. И та отступала: «Что ж, полагаю, вам лучше знать», и Джуниор действовал по своей задумке. Ведь это, в конце концов, был дом всей его жизни (как у других мужчин бывает любовь всей жизни), и вопреки всякой логике он верил, что в один прекрасный день тут поселится. Семья Брилл въехала и захлामीла просторные комнаты пошлыми финтифлюшками, но Джуниор сохранял безмятежный оптимизм. А когда миссис Брилл начала жаловаться на изоляцию, на удаленность от центра города, когда устроила истерику, обнаружив на террасе воровские инструменты, Джуниор буквально услышал щелчок, с которым его мир повернулся и встал на положенное место. Наконец-то дом перейдет к нему.

К изначальному, истинному своему хозяину.

В те недели, что Джуниор приводил дом в порядок, прежде чем поселить здесь семью, он приезжал рано по утрам просто ради того, чтобы насладиться волшебно пустыми комнатами и нескрипучими половицами, полюбоваться крепенькими кранами в ванной. Миссис Брилл просила краны, которые видела в парижской гостинице, граненые хрустальные шишаки размером с шарик для пинг-понга. Однако, по мнению Джуниора, единственно разумным было выбрать пухлые белые фарфоровые крестики – их проще всего повернуть мыльной рукой, – и мистер Брилл для разнообразия осмелился высказаться в его поддержку.

Джуниору нравилось смотреть на лестницу и представлять, как по ней плавно спускается его дочь, элегантная молодая женщина в свадебном белом атласном платье. Перед его мысленным взором вставал обеденный стол: по обе стороны – внуки, внуки, в основном мальчики, сыновья его сына, продолжатели рода. Все они взирали на Джуниора, повернувшись к нему, как подсолнухи к солнцу, и слушали его ученые речи. (Возможно, имеет смысл назначать тему разговора на каждый вечер – музыка, искусство, политика.) Ветчина или жареный гусь стояли перед ним и ждали, пока он их разрежет, воду подали в винных бокалах, а салатные вилки заблаговременно охладили – он однажды подглядел, как это делала

горничная Ремингтонов.

До сей поры все у него шло кое-как, тят-ляп – взросление, тайный роман, хромоногий брак, жалкий съемный домишко в убогом районе, – но теперь все изменится. Жизнь начнется по-настоящему.

Но тут, естественно, Линии Мэй взяла да испортила качели на крыльце.

При Бриллах там стояло железное белое чудище с острыми зазубринами, царапавшими спину. Ржавые крюки восьмеркой жалобно скрипели, а тяжелые цепи при неосторожности больно прищемляли пальцы. Но миссис Брилл качалась на этих качелях еще маленькой девочкой, и по тому, с какой тоской она поведала об этом Джуниору, ясно было, что она ту девочку обожает, лелеет воспоминания о прелестном своем детском «я». С железным монстром пришлось смириться.

Бриллы переселялись из дома в квартиру, а потому мебель на крыльце оставили. Миссис Брилл грустно попросила Джуниора заботиться о ее качелях, и тот сказал:

– Конечно, мэм, непременно. – Но, едва Бриллы уехали, влез на лестницу и самолично чудище снял.

Он знал, что требуется взамен – качели с простым деревянным, медового оттенка, сиденьем, с реечными спинкой и подлокотниками. Он повесит их на специальной веревке, белее и мягче, приятнее для рук, чем обыкновенная, и при движении они не будут издавать ни звука – лишь еле слышный благородный шорох, как, представлялось ему, от яхтенных парусов. Джуниор видел такие качели в родном городе, у мистера Малдуна. Тот управлял слюдяными шахтами и жил в доме с длинным крыльцом из лакированных досок, и лакированными входными ступенями, и лакированными качелями.

В магазине и близко похожего не нашлось. Пришлось заказывать, и обошлось это в целое состояние. Он даже не сказал Линии сколько. Она спрашивала, поскольку с деньгами было не очень, первоначальный взнос за дом почти разорил их. Но он ответил:

– Да какая разница? Пусть лучше мир перевернется, чем на моем крыльце останется эта белая кружевная железяка.

Качели привезли не обработанными, как он и просил, чтобы на месте проморить их до нужного оттенка. Он поручил это Юджину, лучшему своему маляру. Другой работник, парень с Восточного берега^[42], прикрепил веревки к тяжелым медным кольцам, он был дока в таких вещах, и присвистнул, увидев медь, но у Джуниора имелся личный запас, а что

война идет, так не он ее развязал. Наконец качели повесили. Сквозь лак просвечивал древесный рисунок, бесшумные веревки шелковисто блестели белым – и Джуниор просиял от удовольствия. В кои-то веки его мечта стала явью *во всех подробностях*.

Линии Мэй почти не бывала в доме. Переезд увлекал ее явно не так сильно, как Джуниора. Он этого не понимал. Любая другая женщина прыгала бы от восторга! А Линии все не так: слишком дорого, слишком «футы-нуты», слишком далеко от подруг. Ну ничего, после дотумкает. Он не намерен тратить слова на объяснения. Но вот качели повесили, и ему сразу захотелось похвастать ими перед женой. В следующее же воскресенье утром, едва она с детьми вернулась из церкви, он повез их смотреть дом. О качелях молчал, хотел удивить. Лишь бросил вскользь, что коль скоро до переезда всего пара недель, то, наверное, стоит прихватить с собой несколько уже упакованных ящиков. Линии ответила: «Да, хорошо», но после церкви все медлила. Настаивала, что сначала надо пообедать.

– Пообедаем, когда вернемся, – сказал он.

– Тогда я хотя бы сниму хорошую одежду, – пробормотала она.

– Зачем еще? – недовольно буркнул он. – Езжай в чем есть.

Он пока не заговаривал с ней об этом, но считал, что после переезда Линии следовало бы следить за тем, как она одевается. А то ходит как дома было принято. И почти все сама шьет и себе, и детям, они вечно в чем-то мешковатом, кургузом.

Но Линии возразила:

– Не таскать же пыльные ящики в хорошем платье.

И ему пришлось ждать, пока она переоденется и переоденет детей. Он остался в воскресном костюме. До сих пор будущие соседи, случись им выглянуть из окон – а им случалось, он нисколько не сомневался, – видели его исключительно в комбинезоне, но теперь пора показать себя с лучшей стороны.

В грузовике Меррик сидела между Джуниором и Линии; Редклифф – у матери на коленях. Джуниор выбирал самые живописные улочки, будто надеясь поразить жену их красотой. Стоял апрель, и все вокруг цвело: азалии, рододендроны, багряники. Они подъехали к дому Бриллов – дому Уитшенков! – и он показал на белый кизил и предложил:

– Может, когда переедем, посадишь розы?

Но Линии отмахнулась:

– Какие тут розы! Сплошная тень.

Джуниор замолчал. И встал у парадного входа, хотя со всем, что предстояло выгрузить, разумней было подогнать грузовик к задней двери.

Вышел и, дожидаясь, пока Линии высадит детей, смотрел на дом, пытаясь увидеть его ее глазами. Она обязана полюбить этот дом. Ведь весь его вид говорит: «Добро пожаловать», говорит: «Семья», говорит: «Здесь живут достойные люди». Но Линии направилась к кузову за коробками.

– Оставь, – сказал Джуниор. – Займемся ими попозже. Пойдем-ка лучше, познакомишься со своим новым домом.

Он, направляя, чуть подтолкнул ее ладонью в поясницу. Меррик взяла его за другую руку и пошла рядом, а Редклифф ковылял позади. Он тащил за собой самодельный деревянный трактор на веревочке. Линии негромко воскликнула:

– Ой, смотри, они оставили на крыльце мебель.

– Я тебе говорил, – ответил он.

– Они что, продали ее тебе?

– Нет. Отдали даром.

– Хм. Очень мило с их стороны.

Он не собирался показывать ей качели. Хотел дождаться, пока она сама увидит. И уже сомневался, что это произойдет, Линии порой бывала очень невнимательна, но тут вдруг она остановилась, и он тоже, и жадно следил за ее реакцией.

– Ах, до чего же красивые качели, Джуниор!

– Тебе нравится?

– Я теперь понимаю, почему ты не хотел железные.

Его рука скользнула выше, обняла ее талию, и он притянул Линии поближе.

– Они не в пример удобнее, скажу я тебе.

– А в какой цвет ты их покрасишь?

– Что?

– Можно они будут синие?

– Синие! – вскричал он.

– Да, такие, знаешь, средне-синие... Не знаю точно, как называется цвет, но темнее голубого и светлее, чем форма у морских офицеров. Средний синий, понимаешь? Наверное, можно назвать шведский синий. Или... интересно, бывает голландский синий? Нет, наверное, нет. У моей тети Луизы на крыльце были качели вот точно такого вот цвета, о котором я говорю. У жены дяди Гая. Они жили в Спрюс-Пайн в хорошеньком крошечном домике. Чудесные люди. Я все жалела, что родители у меня не такие. Мои были... ну ты и сам знаешь, а тетя Луиза и дядя Гай – добрые, общительные, веселые, и без детей, и я всегда думала: «Вот бы мне стать их ребенком». И летом по вечерам, когда тепло, они всегда сидели

рядышком на качелях – таких вот очень красивого синего цвета! Может, это средиземноморский синий? Бывает средиземноморский синий?

– Линии Мэй, – наконец перебил он. – Качели уже покрашены.

– Да?

– Да. Они лакированы. Такими и будут.

– Ой, Джуни, а нельзя все-таки покрасить в синий? Пожалуйста? Я вот думаю, что это, наверное, небесно-синий, в смысле, как бывает настоящее небо, такое глубокое синее. Не нежно-голубой цвет, не морской волны и не бледно-голубой, а больше, как бы это сказать...

– Шведский, – сквозь зубы процедил Джуниор.

– Что?

– Шведский синий, ты правильно в первый раз сказала. Я знаю это, потому что на каждом проклятом крыльце каждого проклятого дома в Спрюз-Пайн стояла мебель оттенка «шведский синий». Как будто по закону полагалось. Такой простецкий оттенок. Пошлый. Простонародный.

Линии смотрела на него, открыв рот, а Меррик настойчиво тянула отца за руку к дому. Он вырвал пальцы и пошел вперед, оставив семью догонять. Если бы Линии произнесла еще хоть слово, он запрокинул бы голову и завыл, как раненый зверь. Но она молчала.

До переезда ему оставалось одно – пристроить заднее крыльцо. Сейчас там был лишь небольшой цементный пандус – результат одной из немногих битв, которые Джуниор проиграл, хотя неоднократно указывал Бриллам, что их архитектор не предусмотрел места для сумятицы обычной повседневной жизни: для зимней обуви, бейсбольных масок, хоккейных клюшек, мокрых зонтиков.

Джуниор всегда злобно шипел, когда слышал об архитекторах.

Из-за войны ему не хватало рабочих. Двое его людей сразу после Перл-Харбор ушли добровольцами, один переметнулся в «Спэрроуз-Пойнт Шипъ-ярд»^[43], и еще пару человек призвали. Поэтому Джуниор снял Додда и Кэри со строительства дома Адамсов и велел отциклевать крыльцо, а остальное доделывал уже сам. Приходил, как правило, вечером и до захода солнца занимался наружными работами, а после перебирался внутрь и трудился в пронзительном свете лампы, которую повесил его электрик.

Он любил трудиться один. Большинство подчиненных, как он подозревал, – молодежь, во всяком случае, – считали его человеком суровым и грозным. Он не возражал. Они обсуждали баб, хвастались, кто больше выпил в выходные, но, увидев его, сейчас же умолкали, и он внутренне усмехался: что вы обо мне знаете, дураки! Но пусть не знают и

дальше. Он по-прежнему не гнушался взять в руки молоток, пилу и рубанок, нет, он не гордый, но обычно уединялся в другом месте – резал цоколь, например, пока остальные ставили пристройку. Все трепались, хохмили, подкалывали друг друга, но Джуниор, обычно такой разговорчивый, погружался в молчание. В голове у него наигрывал какой-нибудь мотивчик – для одних работ «Ты мое солнышко», для других «Черничный холм», – и он действовал в такт песне. Одну нескончаемую неделю, пока он устанавливал очень сложную лестницу, его преследовали «Белые утесы Довера», и он уже боялся, что все это никогда не кончится, до того медленно и похоронно тянулось дело. Правда, лестница в итоге вышла – загляденье. Нет радости выше, чем отлично выполненная работа, – великое счастье видеть, как шип точнехонько входит в паз или клин идеального размера, идеально обструганный и вогнанный куда нужно практически без усилий поворачивает шарнир.

Через пару дней после того, как он возил Линии смотреть дом, Джуниор приехал туда почти уже к вечеру, около четырех, и поставил машину у заднего входа. И, вылезая из грузовичка, увидел такое, отчего буквально окаменел.

Рядом с подъездной дорожкой на чехле для мебели стояли качели.

Синие.

О небо, синие! Того самого отвратительного, унылого, бессмысленного цвета; ни рыба ни мясо – шведский синий. Джуниор испытал настоящий шок. Чуть не замахал руками: нет-нет, это галлюцинация, жуткий отголосок юношеских воспоминаний. Потом как-то странно застонал, захлопнул дверцу машины, подошел к качелям. Синие, никуда не денешься. Он нагнулся, тронул подлокотник – палец слегка прилип. Неудивительно, краска явно свежая, пахнет ядрено.

Он быстро огляделся – показалось, что за ним следят. Кто-то затаился в тени, наблюдает за ним, хохочет. Но нет, никого.

Он уже достал из кармана ключ, когда понял, что задняя дверь открыта. Позвал:

– Линии?

Шагнул в дом и увидел у кухонной раковины Додда Макдауэлла – тот вытирал грязной тряпкой кисть.

– Какого черта тебе тут понадобилось? – рявкнул Джуниор.

Додд испуганно обернулся.

– Это ты покрасил качели?

– Ну да.

– На кой? Кто разрешил?

Додд, человек очень бледный, лысый, с белесыми бровями и ресницами, побагровел – веки покраснели, словно вот-вот заплачет – и пробормотал:

– Линии.

– Линии!

– Вы что, не знали?

– А где ты встречался с Линии? – грозно спросил Джуниор.

– Она вчера вечером позвонила. Попросила купить ведро шведской синей, глянцевой, и покрасить качели. Я думал, вы в курсе.

– По-твоему, я сто лет охотился за твердой вишневой древесиной, платил невесть сколько и заставил тебя проморить ее ровно до того оттенка, что и пол на крыльце, только затем, чтобы потом замазать синей краской?

– Мне почем знать? Ну, думаю, *бабы*. Понимаете? – Додд развел руками с кистью и тряпкой.

Джуниор заставил себя глубоко вдохнуть.

– Точно, – сказал он. – Бабы. – Хихикнул, потрянул головой. – Что ты с ними будешь делать? Только вот знаешь, Додд, – он вдруг словно протрезвел, – отныне ты подчиняешься исключительно моих приказам. Ясно?

– Понял, Джуниор. Я извиняюсь.

Додд по-прежнему чуть не плакал. Джуниор успокоил:

– Ладно, ничего. Поправимо. Бабы! – повторил он, хохотнул, развернулся, вышел и закрыл за собой дверь. Ему требовалось время, чтобы совладать с собой.

Она была его бич, его камень на шее. Той ночью в 1931-м, когда он приехал за ней на вокзал и увидел ее у входа – в сером пальто, неровно подшитом и слишком коротком для балтиморской зимы, и в шляпе с широкими волнистыми ПОЛЯМИ, даже и на его взгляд, жутко старомодной, – то ни к селу ни к городу подумал, что она похожа на древесную плесень. Кажется, всю соскреб, а нет, снова вылезла.

Он почти уже *не* поехал за ней. Она позвонила ему в пансион, и он, услышав робкое «Джуни?» (больше никто его так не звал), сказанное тонким тягучим голосом, сразу понял, кто это, и сердце его оборвалось и упало куда-то вниз тяжелым камнем. Так и подмывало шваркнуть трубку. Но что толку – все равно попался. Она раздобыла телефон его хозяйки. Одному богу известно как.

Он буркнул:

– Что?

– Это я! Линии Мэй!

– Чего тебе?

– Я в Балтиморе, представляешь? На вокзале! Не мог бы ты меня забрать?

– Зачем?

Секундная пауза. А потом:

– Зачем? – переспросила она, сразу растеряв всю бойкость, и заныла: – Пожалуйста, Джуни, мне страшно. Тут кругом цветные.

– Цветные тебе ничего не сделают, – отрезал он. (В их краях цветных и не видывали.) – Притворись, что не замечаешь, и все.

– Что же мне делать, Джуниор? Как я тебя найду? Ты должен приехать за мной.

Ничего он ей не должен. Она не имеет права ничего от него требовать. Между ними ничего не было. Точнее, было, но – худшее, что случилось с ним в жизни.

Однако он уже понимал, что не сможет просто так бросить ее одну на вокзале. Она же беспомощная, как цыпленок.

Кроме того, в нем крохотным росточком уже пробивалось любопытство. Человек из родных мест! Здесь, в Балтиморе, где ему и поговорить-то не с кем.

Поэтому в конце концов он все же сказал:

– Ну... жди тогда.

– Ой, Джуни, скорее!

– Стой у входа. Выйди через главную дверь и жди, когда я подъеду.

– У тебя машина?

– Естественно. – Джуниор постарался, чтобы это прозвучало небрежно.

Он поднялся к себе за пиджаком. А когда спускался обратно, хозяйка высунула голову из двери своей гостиной. Ее странно золотые волосы вились совершенно непонятными кудряшками – круглыми и плоскими, будто пенни, прилепленные к вискам.

– Все в порядке, мистер Уитшенк? – спросила она.

– Да, мэм. – Джуниор в два шага пересек холл и вышел.

В то время его пожитки целиком укладывались в небольшой чемодан, однако он владел каким-никаким автомобилем. «Эссекс 1921». Купил у коллеги-плотника за тридцать семь долларов еще в самом начале трудных времен, когда всех их поувольняли с работы. Он оправдывал расход тем, что машина поможет в поисках заработка, и так оно и вышло, несмотря на

бесчисленные поломки и выкрутасы «эссекса». Сейчас, возрождая к жизни холодный мотор, Джуниор жалел, что не посоветовал Линии ехать на трамвае. Хотя она не справилась бы. Трамвай ей в диковинку. Обязательно заплутала бы где-нибудь. Он и не представлял, как она сумела самостоятельно добраться сюда на поезде – с пересадкой в Вашингтоне, и до этого еще сколько!

Он жил в районе мельниц, к северу от вокзала, – довольно далеко к северу, говоря правду. И теперь срезал к улице Сент-Пол и словно бы вразвалку потрусил между двумя рядами тускло освещенных домов, время от времени наклоняясь вперед и протирая ветровое стекло, запотевавшее от его дыхания. Наконец миновал Пенн-стейшн и повернул направо, на улочку, идущую вдоль внушительных колонн здания вокзала. Линии он заметил сразу – она стояла там одна, испуганная, бледная, и нервно вертела головой. Но Джуниор не остановился. Почти не сознавая, что делает, он прибавил скорость, еще раз свернул направо, на Чарльз-стрит, и направился обратно домой. Однако в середине первого же квартала представил, как при встрече разгладился бы ее лоб, как она сразу успокоилась бы и каким бывалым и опытным он представился ей, подъехав в своем красном «эссексе». Развернулся, опять проехал вдоль колонн и на этот раз подкатил к стоянке. Медленно затормозил, сидел и смотрел на Линии. Та подхватила картонный чемодан и торопливо открыла дверцу машины.

– Ты уже проезжал мимо меня? – едва сев, спросила она возмущенно.

Вот так. Раз! – и он мигом лишился всех преимуществ.

– Я уже собирался спать, – произнес он почему-то жалобно. – Я ужасно сонный.

– Ой, бедный Джуни, прости. – Она перегнулась через чемодан и поцеловала его. Губы были теплые, но пахло от нее морозом. И еще, смутно, чем-то, для него прочно связанным с домом, вроде как жареным беконом. Настроение вдруг упало.

Но потом он запустил двигатель, стал переключать передачи и вновь обрел контроль над собой.

– Не понимаю, зачем ты приехала, – сказал он.

– Не понимаешь, зачем я приехала? – эхом повторила она.

– И не знаю, куда тебя девать. У меня нет денег тебе на гостиницу. Или, может, у тебя есть?

Если и были, она не призналась в этом.

– Отвези меня к себе домой. – Линии как будто требовала.

– Нет уж. Моя хозяйка сдает комнаты только мужчинам.

– Проведи тайком.

– Что? Провести тайком в свою комнату?

Она кивнула.

– Да ни за что, – бросил он.

Но продолжал ехать к пансиону, поскольку не представлял, что еще делать.

Они достигли перекрестка. Он нажал на тормоз и повернулся к ней. Почти пять лет минуло, а она нисколько не изменилась, вполне можно принять за тринадцатилетнюю. Кожа на лице натянута все так же сильно, как будто ее маловато, не хватает, губы бесцветные, тонкие. Точно ее заморозили в тот день, когда он уехал. И почему он считал ее симпатичной? Линии, очевидно, не сумела прочитать его мысли, потому что улыбнулась, глянула исподлобья и сообщила:

– На мне туфли, которые тебе так нравятся.

Это еще какие? Он не помнил никаких туфель. Посмотрел на ее ноги: темные лодочки на высоких каблуках и с ремешком, большие и неуклюжие, лодыжки в них кажутся тоненькими, как стебельки клевера.

– Как ты узнала, где я живу?

Она перестала улыбаться. Села прямее, поставила свою большую сумку на самый краешек колен.

– В общем. – Она резко кивнула по своей старой привычке, о которой он позабыл. Жест говорил: «К делу». Или: «Слушай сюда». – Четыре дня назад, – сказала она, – мне исполнилось восемнадцать.

– Поздравляю, – скучно отозвался он.

– Восемнадцать, Джуни! Совершеннолетие!

– Совершеннолетие – двадцать один, – поправил он.

– Ну, чтобы голосовать, да... Но я давным-давно собрала чемодан и накопила денег. Заработала: каждую осень с твоего отъезда собирала галакс^[44]. Правда, помалкивала обо всем до восемнадцати, а то вдруг бы помешали. А завтра после дня рождения попросила Марту Моффет отвезти меня на лесосклад в Перривилле и там у ребят спросила, куда ты уехал.

– Прямо у всей толпы?

Она снова кивнула.

Он живо представил, что они подумали.

– И один парень сказал, что ты, видать, уехал на север. Он вспомнил, как ты однажды спрашивал, не знает ли кто, куда делся плотник, которого вы все звали Беда, потому что его фамилия Бедль. И тебе сказали, что Беда уехал в Балтимор. Получается, и ты туда отправился работу искать. Тогда я и попросила Марту отвезти меня в Маунтин-Сити, а там купила билет в

Балтимор.

Джуниору вспомнились мультфильмы, где Боско или еще кто-нибудь делает шаг с обрыва и сначала даже не понимает, что висит в воздухе. Неужто Линии не создавала, как это рискованно? Он давно мог переехать. Перебраться, например, в Чикаго или вообще во Францию, в Париж.

И тут, совершенно без оснований, он показался себе полным неудачником: столько лет прошло, а он все еще здесь. А Линии к тому же заранее знала, что с ним иначе и не будет.

– Марта Моффет теперь Шафорд, – говорила Линии. – Ты слышал, она замуж вышла? За Томми Шафорда. А Мэри Моффет до сих пор одинокая, и ее это прямо убивает, сразу видать. Вечно срывается на Марту по всякой ерунде. Но они, правда, никогда не ладили, а навроде должны бы.

– Вроде бы, – поправил он.

– Чего?

Он сдался.

Они ехали через центр, где дома лепились один к другому и светили уличные фонари, но Линии почти не смотрела в окно. Он думал, что вид города произведет на нее больше впечатление.

– Потом я сошла с поезда в Балтиморе, – рассказывала она, – и первым делом – к телефону. Стала искать тебя в справочнике, но не нашла. И решила: обзвоню всех по фамилии Бедль. То есть обзвонила бы, да только Бедля зовут Дин, а по алфавиту это почти в начале. В общем, он сказал, что ты действительно к нему приходил и спрашивал насчет работы. Но нашел или нет, он не знал, и где ты живешь – тоже. Разве только, говорит, он так и остался у миссис Бэсс Дейвис, у ней, мол, работяги обычно поселяются, когда на север приезжают.

– Тебе бы к Пинкертону наняться, – проворчал Джуниор. Ему не понравилось, что его так легко разыскать.

– Я боялась, ты уже переехал, нашел квартиру или еще что.

Он нахмурился и напомнил:

– Вообще-то сейчас Депрессия. Не слышала?

– Меня пансион не смущает. – Она похлопала его по запястью, он отдернул руку, и Линии на какое-то время замолчала.

Джуниор поставил машину на некотором расстоянии от пансиона миссис Дейвис, в темном конце квартала. Не хотел, чтобы их видели.

– Ты рад, что я здесь? – спросила Линии.

Он заглушил мотор. И начал:

– Линии...

– Но, бог ты мой, нам не обязательно снова начинать все сразу! –

воскликнула Линии. – Ой, Джуниор, как же я соскучилась! Я с твоего отъезда ни на когошеньки и не поглядела ни разу.

– Тебе было тринадцать, – сказал Джуниор.

Подразумевая: «И с тринадцати лет у тебя не было парня?»

Но Линии не поняла и просияла:

– Да.

Она взяла его руку, все еще лежавшую на рычаге, и зажала в ладонях, очень теплых, несмотря на погоду И видимо, его руки показались ей ледяными.

– Холодные руки, горячее сердце, – проговорила она. И затем: – И вот я здесь! Представляешь: наша первая ночь в жизни вся целиком!

Казалось, она нисколько не сомневается, что он поведет ее к себе.

– Первая и *единственная*, – подчеркнул он. – Завтра тебе придется поискать что-то другое. И так это ужас до чего рискованно. Если миссис Дейвис узнает, обоих на улицу вышвырнет.

– Ну и пусть, – ответила Линии. – Мне все равно, лишь бы с тобой. Такая романтика!

Джуниор отнял руку и тяжело вылез из машины.

Он велел ей подождать у крыльца, тихо открыл входную дверь, проверил, нет ли поблизости миссис Дейвис, и только потом показал Линии: заходи. При каждом скрипе ступеньки на лестнице он на мгновение замирал от ужаса, но, к счастью, их не застукали. Поднявшись на четвертый этаж – для слуг, как он всегда думал из-за крохотных комнаток с низкими скошенными потолками, – он показал подбородком на полуоткрытую дверь и шепнул: «Туалет», потому что не хотел, чтобы она бегала туда-сюда ночью. Она помахала ему пальчиками и исчезла там, а он пошел дальше. Свою дверь приоткрыл на пару дюймов, осветив ей путь; Линии вошла и закрыла ее за собой. Шляпу она держала в руке, и волосы на висках, он видел, были влажными. И короче, чем раньше. Тогда они спадали по спине, а теперь доходили лишь до подбородка. Запыхавшаяся Линии коротко рассмеялась.

– У меня ни мыла, ни полотенца, ничего, – прошептала она. Но ее резкий шепот далеко разносился, и он, нахмурившись, прошипел: «Ш-ш-ш».

Пока она отсутствовала, он разделся до кальсон. В углу стояло небольшое квадратное кресло, а перед ним не сочетавшаяся по стилю оттоманка – вся его мебель, не считая узкой кровати и маленького комода с двумя ящиками, – и он кое-как устроился в этом кресле и накрылся зимней курткой, как одеялом. Линии, застыв посреди комнаты с открытым ртом,

смотрела на него.

– Джуни? – позвала она.

– Я устал, – сказал он. – Мне завтра на работу.

Отвернулся и закрыл глаза.

Какое-то время он не слышал ни звука. Потом зашелестела ее одежда, щелкнули застежки чемодана, еще что-то зашуршало – наверное, простыни. Она выключила лампу, и он расслабил крепко сжатые челюсти, открыл глаза, уставился в темноту.

– Джуниор?

Он понял, что она лежит на спине. Ее голос плыл куда-то вверх.

– Джуниор, ты злишься на меня? Что я сделала?

Он прикрыл веки.

– Что я сделала, Джуниор?

Но он глубоко и размеренно задышал, и она не повторила вопроса.

2

ЧТО ЖЕ СДЕЛАЛА ЛИНИИ?

Для начала, не сказала, сколько ей лет. Когда он увидел ее впервые, она сидела на одеяле для пикника с близняшками Моффет – Мэри и Мартой, старшеклассницами, вот он и посчитал, что она их ровесница. Болван. Мог бы догадаться по ее простенькому, без румян, лицу, распущенным длинным волосам и по тому, как откровенно она гордилась своей недавно обретенной взрослостью – и в особенности грудью, которой Линии иногда осторожно касалась кончиками пальцев, словно проверяя: на месте ли? Но это была весьма *основательная* грудь, крепко натягивавшая ткань платья в горошек, а еще, конечно, его ввели в заблуждение большие белые босоножки на высоких каблуках. Удивительно ли, что она показалась ему старше? Джуниор не знал ни одной тринадцатилетней, носившей каблуки.

Он пришел с Тилли ЮДЖ, но только потому, что та попросила, и не считал, что у него есть перед ней какие-то особенные обязательства. Он взял со стола, уставленного едой, дырчатое печенье из черной патоки и подошел к Линии Мэй. Согнулся в пояс – выглядело, вероятно, как поклон – и предложил ей угощение:

– Тебе.

Она подняла глаза, оказавшиеся почти бесцветноголубыми, наподобие банок «Мэйсон»^[45].

– О! – воскликнула тихо, покраснела и взяла печенье.

Сестры Моффет наострили ушки, выпрямили спинки и ждали, что будет дальше, но Линии лишь опустила тонкие бледные ресницы, изящно откусила кусочек и облизала пальцы по одному. У Джуниора пальцы тоже были липкие – следовало, конечно, взять имбирное. Он достал из кармана платок и обтер руку, но смотрел при этом на Линии. Предложил платок ей. Она приняла, не глядя ему в глаза, затем протянула обратно и откусила еще.

– Ты тоже баптистка? – спросил он. (Пикник устроила церковь в честь Первого мая.)

Она кивнула, деликатно жуя, не поднимая глаз.

– Я раньше здесь не бывал, – сказал он. – Покажешь, что у вас есть?

Она опять кивнула, и на мгновение показалось, что на этом все и закончится, но она вдруг поднялась, суетливо, неловко – сидела на платье, и каблук слегка зацепился за подол, – и пошла рядом с ним, даже не взглянув на близняшек. Она все жевала. Остановилась там, где кончался церковный двор и начиналось кладбище, переложив печенье в другую руку и вновь облизала пальцы. И он еще раз предложил ей платок, и она приняла его. Джуниора слегка позабавила мысль, что так может продолжаться бесконечно, но она промокнула жирные пятна, аккуратно, будто посылку, завернула остатки печенья в платок и отдала ему. Он сунул сверточек в левый карман, и они пошли дальше.

Сейчас, вспоминая эту сцену, он четко осознавал: каждая деталь, каждое ее движение буквально кричали: «Тринадцать!» Но, честное слово, тогда ему подобное и в голову не пришло. Он не интересовался малолетками.

И все же, надо признать, он обратил на нее внимание ровно в тот момент, когда она коснулась своих грудей. Жест, казалось бы, соблазнительный, но на самом деле очень детский. Линии, вероятно, просто изумлялась их – такому недавнему! – наличию.

Она впереди него зашагала через кладбище – тонкие лодыжки вихляли в босоножках – и показала могилы родителей своего папы, Джонаса и Лоретты Кэрл Инман. Так, значит, она из Инманов, этих высокомерных задавак.

– А звать тебя как? – поинтересовался он.

– Линии Мэй. – Она опять покраснела.

– А я Джуниор Уитшенк.

– Знаю.

Интересно, откуда и что она о нем слышала?

– Скажи, Линии Мэй, а можно зайти внутрь вашей церкви?

– Если хочешь.

Они повернули, оставив кладбище позади, пересекли двор, где земля почти превратилась в камень, и поднялись на крыльцо молельни «Откуда придет мое спасение». Та представляла собой единственный плохо освещенный зал с прокопченными стенами, пузатой печью и деревянными стульями в несколько рядов перед столом, накрытым салфеткой. Линии и Джуниор остановились в дверях, смотреть там было нечего.

– Ты верующая? – спросил он.

Она пожала плечами:

– Не так чтобы.

Он немного замялся, поскольку такого ответа не ожидал. Видно, девочка не настолько проста, как он думал. Джуниор ухмыльнулся.

– Ты девушка прямо для меня, – проговорил он.

Она неожиданно прямо встретила его взгляд. Он вновь поразился бледности ее глаз.

– Что ж, думаю, надо найти мою подругу, с которой я пришел, а то я ее совсем забросил, – шутливо сказал он. – Но, может, завтра вечером сходим посмотрим какую-нибудь картину?

– Хорошо. – Она кивнула.

– А где ты живешь?

– Давай встретимся у аптеки, – предложила она.

– Ага.

Она стесняется его перед своими? Ну и черт с ними. Он спросил:

– В семь?

– Давай.

Они вышли обратно на солнце, и Линии, не поглядев на него, стрелой метнулась к близняшкам Моффет. Те, разумеется, внимательно наблюдали за происходящим, повернув к ним свои остренькие личики, точно два воробья.

Они встречались уже три недели, когда он узнал, сколько ей лет. Специально Линии не говорила, просто однажды вечером упомянула, что завтра ее старший брат заканчивает восьмой класс.

– Старший брат? – переспросил он.

Она сначала не поняла. Она рассказывала, что ее младший брат очень сообразительный, а старший, наоборот, нет. Он умоляет, чтобы ему разрешили уйти из школы прямо сейчас и не учиться дальше в Маунтин-Сити, как хотят родители.

– Он, знаешь, не любит за учебниками сидеть. Больше охоту и всякое такое.

– А сколько ему? – любопытствовал Джуниор.

– Что? Четырнадцать.

– Четырнадцать, – повторил он. – А тебе?

И тут до нее дошло. Она покраснела. Но все-таки попыталась выкрутиться. Сказала:

– В смысле, он старше, чем мой другой брат.

– Так тебе-то сколько? – не отставал он.

Она вздернула подбородок:

– Тринадцать.

Его как будто пнули ногой в живот.

– Тринадцать! – вскричал он. – Да ты же... ты же вполовину младше меня!

– Но я рано созрела, – возразила Линии.

– Господи боже милосердный, Линии Мэй!

Потому что они уже занимались *этим*. С третьего свидания. Они больше не ходили в кино, не ели мороженое и уж точно не встречались с друзьями. (Да откуда бы им и взяться, тем друзьям?) Они садились в грузовик его зятя и ехали напрямик к реке, кое-как расстилали под деревом одеяло и стремительно сплетались телами. Как-то ночью лил дождь, но их это не остановило ни на секунду; после всего они валялись навзничь и ловили раскрытыми ртами капли. Но не он был инициатором. Первый шаг сделала Линии – однажды ночью в припаркованном грузовике вдруг отстранилась от него и торопливо, трясушимися руками принялась расстегивать пуговицы спереди на платье.

А теперь его могут арестовать.

Ее отец выращивает табак Берли^[46] и владеет землей. Мать родом из Вирджинии, а всем известно, что тамошний народ ставит себя выше прочих. Они без малейших колебаний сдадут его шерифу. Какая же безмозглая дура эта Линии, дура, дура! Встречаться с ним вот так, у аптеки, посреди родного городка, в нарядном платье и на высоких каблуках! Да, он живет в шести-восьми милях от Перривилля, возможно, в Ярроу его и не знают, но наверняка ведь замечали, обращали внимание. Взрослый мужик с однодневной, а то и двухдневной щетиной, обычно в старье и выдавших виды рабочих башмаках. Его нетрудно будет вычислить. Он спросил:

– Линии, ты кому-нибудь про нас рассказывала?

– Нет, Джуниор, клянусь.

– Ни сестрам Моффет, никому?

– Никому.

– А то ведь, Линии, меня могут посадить.

– Ни одной живой душе.

Он решил прекратить с ней встречаться, но не сказал сразу – еще разнюнится, начнет умолять передумать. Что-то было в ней липучее, в этой дуре Линии. Она вечно твердила об их «необыкновенном романе», клялась в любви, хотя он ни о какой любви и не заикался, без конца спрашивала, симпатичнее ли такая-то и сякая-то ее самой. Видно, потому, что ей это все в новинку, догадался он.

Господи, связался черт с младенцем. Он не мог поверить, что оказался настолько слеп.

Они сложили одеяло, сели в грузовик, и Джуниор повез ее назад в город. Он молчал всю дорогу, а Линии Мэй без умолку болтала о предстоящем выпускном ее брата. Остановившись у аптеки, Джуниор предупредил, что не сможет встретиться с ней завтра вечером: обещал помочь отцу с кое-каким плотницким делом. Ей не показалось странным, что он собирается плотничать вечером.

– Тогда послезавтра? – спросила она.

– Если получится.

– Но как я узнаю?

– Я дам знать, когда буду свободен.

– Я буду безумно скучать, Джуниор!

Она порывисто обвила его шею руками, но он расцепил их:

– Тебе уже пора, иди.

Разумеется, он не дал ей знать. Даже интересно, как, в ее представлении, он бы это сделал, когда сам же запретил вовлекать в их историю других людей? Он безвылазно сидел на своей территории под Перривиллем – два акра красной глины, огороженные бревенчатыми ежами, где стояла трехкомнатная лачужка, которую делил с отцом и последним неженатым братом.

Так случилось, что они трое действительно всю следующую неделю были заняты: меняли крышу сарая у одной женщины с их улицы. Выезжали утром в фургоне, с жестяным ведерком пахты и ломтем кукурузной лепешки на обед, выпускали своего мула на пастбище миссис Ханикатт, залезали на крышу и там под палящим солнцем трудились весь день. К вечеру Джуниор до того уставал, что насилу мог проглотить ужин. После смерти матери готовку взял на себя его брат Джимми – он жарил дичь, которую удавалось добыть, на небольшом кусочке топленого сала, всегда хранившемся в котелке на дровяной печи. В восемь – полдевятого они, как истинные люди труда, уже лежали по кроватям. За три дня в таком

режиме Джуниор вспоминал о Линии Мэй от силы два раза. Когда Джимми позвал его вечером в город кадрить девчонок, Джуниор ответил: «Не-а» – вовсе не из-за Линии. Просто он совершенно измотался.

Потом с крышей закончили, работы больше не стало. Джуниор день проторчал дома, но чуть с ума не сошел от скуки, да и отец все что-то выкамаривал, и Джуниор решил завтра идти на лесосклад. Там привыкли к его внезапным появлениям и исчезновениям, и лишние руки обычно бывали кстати.

Он сидел на крылечке с собаками и курил. Сумерки еще не сгустились, и мотыльки только-только появлялись. Внезапно подъехал незнакомый старенький «шевроле», за рулем – парень в фуражке магазина семян. Из пассажирской двери выпорхнула девушка, подошла:

– Привет, Джуниор.

Одна из близняшек Моффет. Собаки подняли было головы, но вновь уткнулись мордами в лапы.

– И тебе привет, – ответил Джуниор, не называя имени, потому что не знал, которая это из сестер.

Она протянула ему записку на белой бумаге. Он развернул, но в темноте не мог ничего разглядеть.

– Что это? – спросил.

– От Линии Мэй.

Он поднес письмо под свет тусклого фонарика, что висел за сетчатой дверью и прочел: «Джуниор, мне надо с тобой поговорить. Моффеты отвезут тебя к моему дому».

В груди словно образовался огромный кусок льда. Когда девчонке «надо поговорить»... О господи. Частью сознания он уже прикидывал, куда бежать, как смыться прежде, чем она успеет сообщить новость и захомутать его навеки. Но близняшка Моффет поторопила:

– Так ты едешь?

– Что, *сейчас*?

– Да. Мы отвезем.

Он встал и затоптал сигарету:

– Ладно. Поехали.

Он направился вслед за ней к машине – закрытой, четырехдверной. Девушка устроилась на переднем сиденье, а ему предоставила сесть назад, рядом со своей сестрой, которая сказала:

– Привет, Джуниор.

– Привет.

– Ты знаком с нашим братом Фредди?

– Привет, Фредди. – Джуниор не помнил, чтобы они встречались.

Фредди что-то буркнул в ответ, переключил передачу, вырулил со двора на Севенмайл-роуд и дал газу.

Следовало бы о чем-то поговорить, но Джуниор мог думать только об одном: что скажет Линии и что ему с этим делать. Впрочем, есть ли выбор? Он не такой мерзавец, чтобы отрицать свою причастность. Хотя и такое приходило ему в голову.

– Родители Линии устраивают сегодня вечеринку в честь Клиффорда, – сообщила первая близняшка.

– А кто это?

– Ее брат. Он окончил восьмой класс.

– А.

Странно – столько суеты по ерундовому поводу. Когда Джуниор окончил восьмой класс, весь шум был вокруг того, продолжать ли учебу. Отец хотел привлечь его к работе, а вот он сам полагал, что не все еще изучил.

Неужели Линии рассчитывала, что он придет на вечеринку? Совсем, что ли, тупица?

Но близняшка сказала:

– Ей будет проще потихоньку уйти, раз в доме много народу. Никто даже и не заметит.

– Ясно, – отозвался он. От сердца слегка отлегло.

На этом темы для разговоров оказались исчерпаны.

Они не поехали через Ярроу, а срезали на Сойер-роуд – видно, ферма Инманов лежала к северу от города. В окно пахло свежим навозом. Гравий хрустел под колесами, и всякий раз, как «шевроле» подпрыгивал на кочке, фары мигали – казалось, вот-вот погаснут. Из-за этого он нервничал. Черт, он вообще из-за всего нервничал.

Не ловушка ли это? Может, у дома Инманов поджидает шериф? Тот его не жалует. Мальчишкой Джуниор чуть не устроил аварию, когда с друзьями ехал на грузовике, – они показали автомобилю сзади, что их безопасно обогнать. И потом еще за годы набралось несколько случаев.

Сойер-роуд упиралась в Пикрик-роуд, там Фредди взял влево. По мощеной дороге катилось куда спокойнее. Спустя некоторое время они повернули на грязную дорожку, ведущую к дому – огромному, показалось Джуниору, выкрашенному в белый, а может, светло-серый цвет. Все окна светились. На газоне перед главным входом под разными углами приткнулись легковые машины и грузовички. Фредди, впрочем, подъехал сзади: Джуниор различил темные силуэты нескольких сараев и амбаров.

– Вот мы и приехали, – сказала одна из близняшек.

От ближнего амбара отделилась тень – Линии в каких-то бледных одеждах – и двинулась к машине. Джуниор спросил:

– Вы как, подождете меня?

Никто не успел ответить: Линии приблизилась к его окну и шепнула:

– Джуниор?

– Привет, – пробормотал он.

Она наклонилась ближе – но не думала же, что он станет перед людьми с ней нежничать? Он отстранил ее, открыв дверь, и попросил Моффетов:

– Ждите меня. Мне ведь и обратно нужно.

Линии сказала:

– Спасибо, Фредди. Привет, Марта, привет, Мэри.

– Привет, Линии, – хором отозвались сестры.

Джуниор вышел из машины, захлопнул дверцу. Фредди тут же переключил передачу и начал сдавать назад.

– Куда это они? – спросил Джуниор.

– Ой, ну куда-нибудь, я не знаю.

– Как же я попаду домой?

– Они вернутся! Не трись.

Она схватила его за руку и повела к амбару, откуда появилась. Он упирался:

– Я на минутку. Зря они не остались.

– Давай же, Джуниор. Не то тебя увидят!

Он сдался и вошел в амбар. Линии закрыла дверь, и вокруг сделалось черным-черно.

– Пойдем на сеновал, – прошептала она.

Вот это точно неправильно. Там он мигом окажется в ловушке.

– Поговорим здесь, внизу. Я сюда ненадолго. Мне надо домой. Ты уверена, что Моффеты за мной приедут? Зачем ты им о нас рассказала? Ты клялась, что ни одна живая душа не знает.

– А я никому! Только близняшкам. Они думают, что все это очень романтично. И очень за нас рады.

– Боже милосердный, Линии.

– Пойдем на сеновал, говорю. Там удобнее, там сено.

Он, не слушая, двинулся в конец амбара по скрипучему, засыпанному соломой полу.

– Не понимаю, чего ты сегодня упрямишься, – произнесла Линии.

Она потянулась, нашарила что-то в темноте, дернула, и под потолком

вспыхнула лампочка. Глазам сделалось больно. Черт, у этих людей даже в сараях электричество. Джуниор увидел рядом ржавый плуг, а позади него в углу – лежанку из примятого сена. Лицо Линии на ярком свете казалось каким-то жеваным, и его, наверное, тоже. На ней было платье с вырезом – с его точки зрения, чересчур откровенным. Удивительно, как мать ей позволяет? Линии вечно твердит, что у нее очень строгая мама. Ее грудь двумя холмами распирала ткань, но на него это сейчас не действовало. Он достал из кармана рубашки пачку «Кэмел».

– О чем ты хотела поговорить?

– Здесь нельзя курить!

Он убрал сигареты:

– Говори же.

– Что говорить?

– Зачем ты меня сюда притащила?

Она распрямила спину:

– Джуниор, я знаю, почему ты перестал со мной встречаться. Ты думаешь, я для тебя маленькая.

– Что? Погоди.

– Но возраст – это дата в календаре, больше ничего. Так нечестно. Я тут не виновата, а ты от меня отказываешься. Ты же видишь, я женщина. Разве я не веду себя как женщина? Разве *на ощупь* я не женщина?

Она взяла его руку и приложила чуть выше круглого выреза платья, там, где начиналась грудь. Он проворчал:

– Именно это ты и хотела сказать?

– Я хотела сказать, что это предрассудки.

– Стоп, Линии. Так ты не... попала в беду?

– В беду? Нет!

Он не знал, чем она так шокирована, они не всегда бывали осторожны. Но с души свалилась огромная тяжесть, и он громко рассмеялся и прильнул к ее губам, а рука его скользнула глубоко в вырез платья, и на Линии не оказалось лифчика, хотя тот, безусловно, требовался. Линии тихо вскрикнула; он прижал ее спиной к стене амбара и уложил на сено, не отрываясь от ее губ. Скинул, непонятно как, башмаки. Одним движением снял и комбинезон, и «би-ви-ди»^[47]. Линии лихорадочно стаскивала трусы, и он хотел помочь, но тут... раздался крик, нет, даже не крик, а что-то вроде рева быка, и кто-то завопил:

– Господи боже милосердный!

Джуниор скатился с Линии и, буксуя ногами, вскочил. Тощенький человечек бросился на него и попытался схватить, но Джуниор шагнул в

сторону Человечек наткнулся на плуг и поспешно выпрямился.

– Клиффорд! – взвыл он. – Брендон!

Казалось, человечек пробует угадать, как зовут Джуниора, но тут от дома послышалось:

– Папа?

– Сюда, быстро! Тащи ружье!

– Папочка, подожди, ты не понимаешь, – залепетала Линии.

Но тот, ничего не слушая, пытался задушить Джуниора. «Вообще-то мог бы дать сначала одеться, иначе я в проигрышном положении», – подумал Джуниор. Он без особого труда отцепил от себя пальцы мистера Инмана и потянулся за трусами и комбинезоном, но человечек опять в него вцепился. Кто-то завопил: «Ни с места!» – и Джуниор, обернувшись, увидел в дверном проеме двух парней, нацеливших в него винчестеры.

Он замер.

– Дай-ка мне, – приказал мистер Инман.

Младший сын шагнул вперед и протянул ему винтовку. Мистер Инман чуть-чуть отступил, почти упер в Джуниора дуло, взвел курок и приказал:

– Кругом.

Джуниор развернулся к парням, чьи лица выражали скорее любопытство, нежели ярость. Он чувствовал их взгляды на своей промежности. Идеальный кружок холодного дула уперлся ему прямо в середину шеи.

– Пошел, – велел мистер Инман.

– Слушайте, можно я...

– Пошел!

– Сэр, можно я оденусь?

– Нет, нельзя. Оденется он! Чеши отсюда. Вон из моего амбара и с моей земли и вообще из штата, понял? Если завтра к утру ты не очутишься за два штата отсюда, я тебя сдам, ответишь по закону, богом клянусь. Я бы прямо сейчас вызвал полицию, да только позорить семью не хочу.

– Но, папочка, он же голышом почти, – сказала Линии.

– А ты заткнись! – рявкнул мистер Инман и сильнее ткнул Джуниора винтовкой в шею.

Того так и бросило вперед. Он в последний раз отчаянно глянул на свою скомканную одежду и носок ботинка, торчащий из-под сена.

Во дворе царил мрак, но лампочка над задней дверью, очевидно, прекрасно его освещала, потому что народ, толпившийся на крыльце, заахал и забормотал – женщины, пара мужчин и целая толпа каких-то детей. Они таращили глаза, мальчишки пихали друг друга локтями в бок.

Показалось спасением ступить из круга света в глубокую бархатную черноту. Толкнув напоследок Джуниора винтовкой, мистер Инман остановился, а Джуниор похромал дальше. Он не ходил босиком с малых лет и сейчас болезненно кривился от каждого сучка и камешка.

За двором Инманов начиналась низкая поросль с колючками и шипами. Они царапали голую кожу, но здесь было все-таки лучше, чем на дороге, где в любую минуту его могли высветить фары автомобиля. Джуниор набрел на невысокое деревце, спрятался за ним и сквозь кусты наблюдал за освещенными окнами Инманов. Надеялся, что Линии Мэй принесет ему вещи.

Зудели комары, квакали древесные лягушки. Он переминался с ноги на ногу и отмахивался от насекомых. Сердце успокоилось, забило почти нормально.

Линии не пришла. Заперли, значит.

Не дождавшись ее, он снял рубашку и повязал вокруг пояса фартуком. Вышел из своего укрытия и направился к дороге. Обочины были каменистые, так что он зашагал по асфальту, гладкому и еще теплomu после жаркого дня, постоянно прислушиваясь: не едет ли машина? Если это Моффеты, придется их остановить. Он почти воочию видел, как, разглядев его, осклабятся эти идиотки близняшки.

Послышался неясный шум, и на горизонте что-то засияло. Он на всякий случай нырнул в кусты и внимательно следил за дорогой, но никто не появился, и сияние исчезло. Свернули куда-то. Джуниор опять переместился на асфальт.

Если Моффеты таки появятся, узнает ли он их машину? Или перепутает и предстанет с голым задом перед чужими людьми?

Да уж, ситуация. Анекдот вроде тех, что любят травить мужики, с которыми ему приходится работать. Вот только он свою историю вряд ли осмелится рассказать. Для начала, девчонке тринадцать. И это уже совсем другой коленкор.

Сойер-роуд все не появлялась, и Джуниор забеспокоился. Давно бы уже пора. Он перешел на другую сторону шоссе, чтобы точно не пропустить, хотя там, в полях с чем-то низкорослым, заметить его было проще. Над головой что-то зашуршало, ухнула сова, и от этого почему-то стало спокойнее.

Много-много позже, чем он рассчитывал, из мрака проступила узкая бледная полоска Сойер-роуд. Он свернул на нее. Гравий больно колот ноги, но Джуниор даже не морщился. Брел тяжело, грузно, упрямо и с извращенным удовольствием представлял, в какой фарш превратились его

подошвы.

Он надеялся, что Линии уже вырвалась из заточения и теперь стоит во дворе, зовет: «Джуниор? Джуниор?» – и заламывает руки. Удачи ей и попутного ветра, потому что больше она его в жизни не увидит. Если б не при ней его застукали в чем мать родила, он, может, и смог бы ее простить, но после фразочки «Папочка, он же голышом почти!» то небольшое, что он к ней чувствовал, умерло, пропало навсегда.

Вот наконец и Севенмайл-роуд. Он зашагал прямо посередине, где асфальт казался мягче, но для разбитых ног и это было пыткой.

Когда он подходил к дому, небо уже светлело, а может, он успел обрести ночное видение. Джуниор отпихнул ногой спавшую собаку, открыл сетчатую дверь и шагнул в тесную, несвежую тьму, где рокотал храп. В спальне он содрал с себя рубашку, ощупью пробрался к шифоньеру, извлек трусы. Надел, испытал невиданное блаженство. Рухнул на мятые простыни рядом с Джимми. Закрыл глаза.

Но не заснул. О нет! Всю дорогу домой умирал от желания спать, но теперь был стопроцентно, наэлектризованно бодр. Перед глазами мелькали яркие, живые картинки. Гости, глазеющие на него с крыльца. Он сам без трусов, его тощие белые ноги. Глупая физиономия Линии с раскрытым ртом.

«Голышом почти!»

Он ее ненавидел.

Первые месяцы в Балтиморе, вспоминая об этом, он морщился и резко вздергивал головой, точно пытаясь вытрясти оттуда постыдные сцены. Но постепенно память о случившемся меркла. Джуниору и без того было о чем подумать. Как преуспеть в жизни, например. Разобраться, как оно все здесь устроено. Свыкнуться с тревожным горизонтом новых краев – всюду, куда ни глянь, скопища низких, тесно слепленных домов вместо плечистых фиолетовых гор, что служили ему раньше верной защитой.

К тому времени он уже понял, что мистер Инман вряд ли сдал бы его полиции. Сам же сказал: не желает позорить семью. Джуниору всего-то и требовалось, что держаться подальше от Инманов, ну и может, пару раз пустить в ход кулаки, случись очутиться где не надо. Но, даже осознав это, он не собрал вещи и не отправился домой. Во-первых, он на удивление легко забыл своих родных. По-настоящему любил одну только мать, но та умерла, когда ему едва исполнилось двенадцать. Отец после ее смерти озлобился, а с братьями и сестрами, старшими, причем намного, Джуниор никогда не был близок. Искал ли он, по существу, предлога сбежать от них от всех? Но что гораздо важнее, он успел узнать, что такое настоящая

работа – та, которой гордишься, ради которой охотно вскакиваешь по утрам с кровати.

Расспрашивая на лесоскладе про Беду, Джуниор втайне рассчитывал найти хоть какую-то работенку Беда всегда казался ему интересной личностью. Он очень серьезно относился к древесине и прозвище свое получил неслучайно. Лишь завидев его грузовик, рабочие принимались добродушно ворчать, знали: сейчас он начнет осматривать каждую доску так дотошно, будто выбирает ее себе в жены. Будет проверять, чтобы нигде ни сучка ни задоринки, дырки, грубо обломанного торца или убожистого рисунка. (Такое он использовал слово: «убожистый».) Беда изготавливал красивую мебель, потому и привередничал. Работал сначала на фабрике в Хайпойнт, но ему не понравилось, и он уволился, обосновался в Перривилле, где жила семья его жены. Однако не раз и не два говаривал мужикам на лесоскладе, что взаправду подумывает уехать из Перривилля и махнуть на север – там, дескать, лучше спрос на его товар.

Тем утром Джуниор пешком дошел до дома своего зятя – в шнурованных ботинках, которые обычно надевал в церковь и в которых разбитые ноги болели еще сильнее – и попросил по пути из города завернуть на лесосклад. Добился, правда, всего лишь упоминания о Балтиморе, чем и пришлось удовольствоваться. Он влез обратно в кабину, и они с зятем покатали к бензоколонке на 80-й автостраде.

– Скажи моим, что пришлю открытку, как только где-нибудь обоснуюсь, – сказал Джуниор, выходя из грузовика.

Реймонд поднял руку в знак прощания и вырулил на дорогу, а Джуниор пошел узнавать на автозаправке, не едет ли кто на север. С собой у него был бумажный пакет с двумя сменами одежды, бритвой и расческой и двадцать восемь долларов в кармане.

Следовало, впрочем, предвидеть, что Беда не захочет его нанять. Тот любил работать один, а может, и не имел денег платить помощнику. Джуниор два дня разыскивал его мастерскую, но Беда не предложил ему и стакана воды, хотя разговаривал довольно любезно.

– Работа? В смысле, столярная? – спросил он, ни на секунду не отрывая глаз от дверцы комода, с которой снимал фаску.

Джуниор ответил:

– Что-нибудь, где требуются особые навыки. Руки у меня откуда надо растут. И я хочу делать то, чем потом можно гордиться.

Беда на минутку прервался. Посмотрел на Джуниора, проговорил:

– Ладненько. Есть тут человечек один, дома строит, и по мне, так очень и очень знатные получают. Звать Клайд Уорд, я иногда шкафы для него

делаю. Сейчас растолкую, как найти. – Также он порекомендовал пансион миссис Дейвис, чем весьма Джуниору помог – тот успел поселиться у гавани в гостинице для моряков, и его каждый вечер пытались заставить петь гимны.

Беду он больше никогда не видел. Зато снял у миссис Дейвис комнату в четырехэтажном доме в Хэмпдене (дом явно раньше принадлежал владельцу мельницы или как минимум ее управляющему) и начал трудиться на Клайда Уорда, самого скрупулезного строителя, какого только встречал в жизни. Именно мистер Уорд научил его наслаждаться хорошо сделанной работой.

Несколько погодя он отправил своим открытку, но те не ответили, и он тоже больше писать не стал. Это казалось нормальным: он даже не вспоминал о них. Не вспоминал и о Линии Мэй. Ее размытый образ хранился где-то на задворках сознания рядом с образом еще одного человека – того, кем он был раньше, кто прожигал по выходным жизнь и выбрасывал деньги на сигареты, нехороших девочек, нелегальный виски. К новому Джуниору тот тип не имел ни малейшего отношения. У нового Джуниора имелся план. Он собирался однажды открыть собственное дело. Его жизнь стала прямой сияющей дорогой с точно заданным пунктом назначения, и за то, что он ступил на эту дорогу, пожалуй, следовало поблагодарить Линии.

3

Попав в Балтимор, Линии с места в карьер умудрилась сделать так, что их выкинули из пансиона.

Ночью Джуниор просыпался дважды. В первый раз сердце вдруг забило сильно-сильно: он почувствовал в комнате постороннее присутствие, но потом сообразил, что лежит в кресле, и подумал: «А-а, да это же просто Линии» – не самое страшное с учетом всех обстоятельств. Во второй раз он очнулся, как ему казалось, от беспробудного сна и резко сел, внезапно осознав, что имела в виду Линии, когда упомянула о своем совершеннолети. Она теперь может выйти замуж. «Вот ведь... обезьянка шарманщика, – подумал он. – Уцепилась за шею обеими лапками». Сон как рукой сняло.

Впрочем, невзирая ни на что, он встал рано: по природе был жаворонок, да и в ванную по утрам выстраивалась очередь. Оделся и пошел бриться, а вернувшись, постучал Линии по острому плечу:

– Вставай.

Она перевернулась на спину и посмотрела на него. Казалось, она давно бодрствует, широко распахнутые глаза смотрели ясно.

– Тебе нельзя здесь, пока я на работе, – объяснил он. – Придется уйти. Уборщица скоро явится.

– Понятно, – ответила Линии. – Хорошо.

Села, откинула одеяло, быстро спустила ноги на пол. Ее ночная рубашка годилась скорее для лета – хлопчатобумажная, тонкая, белая, с чем-то вроде юбочки, еле прикрывавшей колени. Он только сейчас увидел Линии без объемистой зимней одежды и понял, что она изменилась гораздо больше, чем показалось вначале. По-прежнему худющая, это да, но уже без жеребьячьей неуклюжести, руки округлились, и ноги тоже.

Линии встала. Он отвернулся, чтобы не смотреть, как она одевается, и отошел к столу. Там стояла консервная банка из-под овсянки; Джуниор открыл ее и достал ломоть хлеба, который прятал от мышей. Поднял оконную раму, вытащил молоко.

– Завтрак, – сказал он Линии.

– Это весь твой завтрак? Хозяйка тебе разве не готовит?

– Мне – нет. Кое-кому да, кто может себе позволить трехразовое питание, а мне нет.

Он закрыл окно, снял крышку с бутылки и сделал глоток. Было почему-то приятно показывать, что лишения ему нипочем. Потом протянул молоко Линии, по-прежнему избегая на нее смотреть, и ощутил, как руке стало легко – она забрала бутылку.

– А как же в жару? – спросила Линии. – Как мы будем хранить молоко, оно ведь прокиснет?

Мы?! Его опять охватила паника – обезьянка шарманщика! – но он ответил невозмутимо:

– В жаркую погоду я пью пахту С ней уж точно ничего не делается.

Бутылка уткнулась ему в локоть. Он взял ее и передал Линии хлеб, упрямо глядя в окно, за которым дымили трубы. Клубы повисали в воздухе, будто застывая от холода, и не рассеивались. Вечером надо переставить молоко внутрь, не то заледенеет.

Линии Мэй, судя по звуку, раскрывала застёжки чемодана.

Джуниор свернул свой кусок хлеба вчетверо, чтобы съесть быстрее, откусил побольше и стал жевать, как собака, прислушиваясь к шорохам за спиной. И резко обернулся на щелчок дверного замка: Линии поворачивала дверную ручку. Джуниор бросился и загородил собой дверь. Она явно испугалась. Попятилась, будто опасаясь, что он ее ударит. Он бы, конечно,

так не поступил, но все равно хорошо, что она поняла: он это серьезно.

– И куда это ты собралась? – осведомился он.

– В туалет.

– Нельзя. Увидят.

– Но, Джуниор, я писать хочу. *Очень-очень.*

– На улице есть кафе, а там туалет, – сказал он. – Надевай пальто, мы уходим. Я провожу тебя.

На ней было летнее платье с поясом и короткими рукавами. У них в городе что, зиму отменили? И опять эти туфли на высоких каблуках!

– Туфли надо бы потеплее, – заметил он.

– У меня других нет.

Чем, черт побери, набита ее дурацкая башка?

– Ладно, иди в этих, – разрешил он. – В туалет здесь слишком рискованно, сейчас туда рвутся разом шесть мужиков.

Линии взяла из шкафа пальто и долго и обстоятельно в него облачалась, как будто специально стараясь вывести его из себя, потом взяла с полки свою сумочку. Джуниор между тем выставил молоко за окно, натянул куртку и шагнул к кровати, где лежал бесстыдно распахнутый чемодан. Закрыл его и задвинул под кровать подальше к стенке. Оглядел напоследок комнату.

– Ну все, двинулись.

Но прежде осторожно выглянул за дверь, убедился, что в коридоре пусто. Жестом велел Линии выйти первой, запер дверь. Они прошли по коридору и вниз по лестнице, никого не встретив. Пересекли вестибюль, самую опасную зону, но дверь в гостиную оказалась закрыта. Оттуда доносилось звяканье фарфора, пахло кофе. Джуниор кофе не любил, но от запаха ему всегда казалось, что хочется чашечку, – а может, не чашечку, а просто завтракать вместе с народом, и чтобы луч утреннего солнца косо падал на скатерть.

На улице холод поначалу порадовал: на четвертом этаже всегда было не продохнуть. Джуниор остановился и показал на перекресток с Датч-стрит, на вывеску кафе.

– А если там еще закрыто? – Линии больше не понижала голос, хотя они стояли прямо под окном гостиной миссис Дейвис.

– Открыто, открыто. Здесь рабочий район.

– А потом что? Куда я пойду?

Он пожал плечами:

– Куда хочешь.

– А нельзя мне с тобой на работу? Я и помочь могу. Я немножко умею

пилить и забивать гвозди.

– Нет, это плохая мысль, – отрезал он.

– Ну тогда я подожду в твоей машине! Как я буду на морозе весь день?

Она стояла слишком близко, подняв к нему лицо. Облачко ее дыхания долетало до него, и он чувствовал его заспанное тепло. И видок у нее: волосы растрепались, нос красный.

– Что бы тебе раньше обо всем этом подумать, а потом уж сюда тащиться, – ворчливо сказал он. – Иди на вокзал, сиди там, или еще куда. Покатайся на трамвае. Встретимся около кафе чуть позже пяти.

– *Пяти?*

– Тогда и обсудим твои планы.

По тому, как разгладился ее лоб, он понял, что она подумала: *их* планы. Но не потрудился внести ясность.

На той неделе он работал у пожилой пары из Хоумленда, настилал пол на недостроенном чердаке и менял решетчатое окошко на большое окно. Этот заказ он нашел так же, как и другие в последнее время, – выезжал на машине в богатые районы и стучался в двери. В бардачке у него лежало рекомендательное письмо от мистера Уорда, которое тот выдал, когда компании «Уорд Билдерз» пришел конец, но люди обычно верили Джуниору на слово, что он дока в своем деле. Он следил за внешностью – брился каждый день и всегда одевался в чистое, – разговаривал вежливо и насколько мог грамотно. Получив работу, ехал за материалами: ему открыли кредитную линию в магазине стройтоваров в Локаст-пойнт. Загружал машину под завязку, так что она напоминала муравья под непосильной хлебной крошкой, и возвращался на объект. Какой же он молодец, что купил «эссекс»! Многие рабочие возили стройматериалы в трамвае, платили дополнительно за нестандартный багаж – длинные трубы или доски и просили кондуктора помочь привязать груз снаружи, – многие, но не Джуниор.

Этот конкретный заказ был не особенно интересен, зато куда нужнее вырезанных вручную каминных досок и встроенных стеллажей для безделушек, которыми приходилось заниматься у мистера Уорда. Взрослая дочь пожилых супругов переезжала обратно домой вместе с четырьмя детьми и мужем, потерявшим работу; детям предстояло спать на чердаке. Но главное, Джуниор знал, что рано или поздно ситуация улучшится. И народу в этих краях тоже захочется каминных полок и стеллажей с безделушками, и тогда непременно вспомнят именно о нем.

Люди в Хоумленде отличались замкнутостью, но его заказчики оказались вполне дружелюбными, и хозяйка иногда кричала снизу, от

подножия лестницы, что оставила Джуниору кое-что на обед, сегодня – сэндвич с яйцом, разрезанный по диагонали. Джуниор съел половину, а половину завернул в носовой платок для Линии. Да, он мечтал от нее избавиться, но мысль, что его кто-то ждет, скорее грела, нежели отвращала.

Джуниору, правду сказать, не особенно везло с девушками в Балтиморе. На севере с ними труднее. Разгадать труднее, и характеры жестче.

Словом, с работы он ушел пораньше, ближе к половине пятого, чем к пяти.

Место для парковки нашлось в середине квартала за пансионом миссис Дейвис – вот что значит возвращаться рано. Пока он ставил машину, случайно глянул на пансион – и что увидел? Старомодную шляпу со свисающими полями, а под ней – Линии Мэй в огромной джинсовой куртке, без зазрения совести восседавшую на крыльце миссис Дейвис. Непонятно, что хуже – что она нагло выставилась у всех на виду или что умудрилась раздобыть свою шляпу, хотя утром уходила без нее, и эту куртку, висевшую у него в шкафу, дожидаясь теплых деньков. Как ей это удалось? Как она проникла к нему в комнату? Вскрыла замок? Как?

Он громко хлопнул дверцей автомобиля. Линии повернула голову, и лицо ее озарилось.

– Это ты! – вскричала она.

– Какого дьявола, Линии?

Она встала, кутаясь в его куртку. Снизу торчало ее пальто.

– Джуни, только не злись, – умоляюще произнесла она, когда он подошел поближе.

– Ты должна была ждать на углу.

– Я и хотела, но там совершенно негде сесть.

Джуниор взял ее за локоть, отнюдь не ласково, и потащил прочь от крыльца. Они остановились перед соседним домом.

– Почему ты в моей куртке? – спросил он.

– Ну, – начала она, – дело было так. Сначала я зашла в кафе в туалет, но меня не пустили, потому что я ничего не заказала. Тогда я говорю, ладно, я сначала забегу, а потом закажу горячий шоколад, и потом сидела с ним и сидела, отпивала по маленькому-маленькому глоточку раз, наверное, в полчаса. Но они там ужасно злые, Джуниор. Нам, говорят, нужно ваше место. Я и ушла, ходила, ходила, ходила и нашла деревянную скамейку, посидела, разговорилась со старушкой. Она сказала, что за три улицы оттуда раздают бесплатное питание, и позвала идти с ней, очередь надо занимать рано, а то еда быстро заканчивается. Было всего десять или пол-

одиннадцатого, но она понукала, бежим, бежим, займем место. Я ей говорю: «Бесплатное питание? Благотворительность?» Но все равно пошла с ней, подумала, что ж, хотя бы посижу в тепле. В очереди мы стояли, по моему, целую вечность, и с нами толпа людей, причем там было полно совсем малышей, Джуниор, и у меня ноги совершенно застыли, прямо в ледышки превратились. Потом заведение открылось, и знаешь, что было? Нас не пустили внутрь. Просто вышли на крыльцо и раздали всем по сэндвичу в воощенной бумаге, два ломтя хлеба, а посередке сыр. Я спросила у старушки, которая меня туда привела: «А посидеть нам что, не дадут?» А она говорит: «Посидеть! Да повезло еще, что есть чем голод забить. Нищим выбирать не приходится» – так она сказала. А я подумала: «Ну да. Мы и есть нищие». И еще подумала: «Я стою в очереди за бесплатной едой» – и заплакала. Бросила эту старушку и побрела сама не знаю куда, жевала сэндвич, плакала и уже не понимала, где я и где кафе, у которого мы договорились встретиться, и, представляешь, сэндвич был сухой как опилки, и пить ужасно хотелось, и ноги болели, как будто их ножом режут. А потом вдруг смотрю – что это? Пансион миссис Дейвис. И мне после всех этих ужасов показалось, будто я дома. И я подумала: Джуни говорил, что уборщица приходит по утрам. Но сейчас уже не утро, поэтому...

Джуниор застонал.

– ...поэтому я вошла, а в вестибюле тепло, уютно! Я поднялась по лестнице, меня никто не видел, и я пошла к твоей комнате и хотела открыть, но было заперто.

– Ты же это знала, – сказал Джуниор. – Ты видела, как я запираю дверь.

– Да? Не помню даже, видать, зазевалась. Ты меня так быстро выпихал... Ну, думаю, хорошо, посижу в холле, подожду. Хотя бы в тепле. Так я подумала и села прямо на пол у твоей комнаты.

Он опять застонал.

– И тут вдруг: «Ой!» Я, кажись, задремала. «Ой!» – кто-то кричит, а я смотрю: надо мной нависла цветная девушка, смотрит, а глаза как блюдца. «Миз Дейвис! – вопит. – Скорей сюда! Тут воровка!» А ведь видела прекрасно, что я прилично одета. Миссис Дейвис услышала и примчалась снизу по лестнице, топает как слон, вся запыхалась, и говорит: «Объясните, что вы тут делаете?» Я решила, раз она женщина, то у нее доброе сердце. Понадеялась на ее милосердие. Миссис Дейвис, говорю, я вам честно все объясню: я приехала из дома повидать Джуниора, потому что мы с ним влюблены. А на улице холодно, не поверите, просто жуть как холодно, а я за весь день только чашечку горячего шоколада и выпила, да еще бесплатный сэндвич для нищих, и глоточек молока, которое Джуниор

держит за окном, и кусочек его магазинного хлеба...

– Боже милостивый, Линии! – Джуниор похолодел от ужаса.

– Ну а что еще говорить? Я думала, раз она женщина... А ты бы по-другому подумал? Я надеялась, она скажет: «Господи, бедненькая девочка, ты, видно, промерзла до костей». А она, Джуниор, повела себя хуже мегеры. Мне бы сразу догадаться – патлы эти ее крашенные. Она закричала: «Вон!» Закричала: «Оба с ним – вон! Я-то еще думала, что Джуниор Уитшенк приличный молодой человек, труженик. И ведь могла бы взять плату побольше, коль скоро человек питается в комнате, но не стала, я с ним по-христиански, и какую получаю благодарность? Вон, – вопит, – у меня здесь не публичный дом!» Схватила ключи со связки на поясе, отперла твою дверь и велела: «Собирай вещи, и свои и его, и выметайся!»

Джуниор схватился за голову.

– А потом висела надо мной, Джуниор, как будто я преступница какая, и следила, пока я собиралась. И цветная девушка так и стояла с вытаращенными глазами. Что я могла украсть? И зачем? Я не нашла чемодана для твоих вещей и спросила, ну прямо вот очень вежливо. «Миссис Дейвис, – спрашиваю, – не одолжите картонную коробку? Обещаю, я потом верну». А она мне: «Ха! Так я тебе и поверила!» Как будто картонная коробка драгоценность великая. В общем, пришлось мне увязать все в твой комбинезон, другого ничего не было.

– Ты собрала все мои вещи? – спросил Джуниор.

– Да. Увязала в мешок, как у бродяги. А потом мне пришлось...

– И жестяную банку «Принц Альберт»?

– Да, все до мелочи, говорю же.

– И жестяную банку «Принц Альберт», Линии?

– Да, и жестяную банку «Принц Альберт». Что в ней такого особенного? Я думала, ты куришь «Кэмел».

– Я совсем теперь не курю, – с горечью бросил он. – Это слишком дорого.

– Тогда зачем?..

– Подожди, я хочу кое-что прояснить, – перебил он. – Значит, мне теперь негде жить, это ты хочешь сказать?

– Негде, и мне тоже. Можешь представить? Ждал ты от нее такой жестокости? И потом еще мне пришлось волочь все по улице – и мой чемодан, и этот огромный узел, и банку с хлебом... Ой! Джуниор! Бутылка с молоком! Я забыла твоё молоко! Ой, прости, мне так жаль!

– Этого тебе жаль?

– Я куплю! Я проходила мимо магазина, видела, молоко стоит десять

центов. Десять центов у меня точно есть.

– Короче, сегодня я сплю на улице, – сказал Джуниор.

– Нет, подожди, я еще не дорассказала. Тащу я, значит, наши пожитки по улице, плачу и выглядываю вывеску «Сдается комната», но ни одной нету. Взяла и постучала в дверь к какой-то женщине и говорю: «Пожалуйста, помогите, мы с мужем лишились дома, и нам негде жить».

– Ну, подобные номера здесь не проходят, – заявил Джуниор, решив пока проигнорировать «мужа». – Полстраны в таком положении.

– Это верно, – весело согласилась Линии. – Ни с ней не прошло, ни с хозяйкой соседнего дома, и потом еще соседнего, хотя все они были очень добрые. «Прости, милая», – говорили, а одна леди даже угостила четвертинкой имбирного пряника, но я тогда еще не хотела из-за бесплатного сэндвича. Прошла я до самого конца Датч-стрит. У кафе свернула налево, там, конечно, спрашивать не стала – как они со мной обошлись! Но леди в следующем доме согласилась нас приютить.

– Что?

– И комната у нее гораздо лучше. Кровать шире, так что в кресле тебе спать не придется. Комода нет, зато есть тумбочка у кровати с ящиками и еще шкаф. Эта женщина меня пустила, потому что у нее мужа уволили, и она уже сама собиралась переселить их маленького сына в комнату к сестре, а его комнату сдавать. Пять долларов в неделю.

– Пять долларов! – закричал Джуниор. – Что так дорого?

– Это дорого?

– Миссис Дейвис я платил четыре.

– Да?

– С питанием? – уточнил Джуниор.

– М-м... нет.

Джуниор с тоской посмотрел на пансион миссис Дейвис. Хотелось взбежать на крыльцо, позвонить в звонок. Может, удастся упросить? Он вроде бы всегда ей нравился. Она даже настаивала, чтобы он называл ее Бэсс, но это было бы чересчур, ей ведь точно за сорок. А в Рождество она пригласила его к себе в гостиную выпить бокал кое-чего особенного (так она сказала), купленного ею в малярной лавке. Да только получилось неловко, потому что Джуниор, хоть ему и не хватало собеседников, с миссис Дейвис не мог связать и двух слов.

Сделать вид, что пришел отдать ключи? А там уж ввернуть между прочим, что он едва знает Линии Мэй (это, в сущности, правда) и она ему никто – так, девушка из родных мест, которую он пожалел, потому что ей негде остановиться.

Но как раз когда Джуниор глянул на дом, в окне сердито задернули занавески, и он понял, что не стоит и пробовать.

Он направился к «эссексу». Линии бодро, почти подпрыгивая, шагала рядом.

– Тебе понравится Кора Ли, – пообещала она. – Кора Ли из Западной Вирджинии.

– Ах, она уже Кора Ли, надо же.

– Она считает, что мы молодцы и храбрецы, что решились уехать одни так далеко от своих семей.

– Линии Мэй, – он резко остановился, – почему ты сказала, что я твой муж?

– Ну а что еще говорить? Кто бы нам комнату сдал, если б знал, что мы не женаты? И потом, я *чувствую себя* замужем. Мне не кажется, что я байки людям рассказываю.

– Здесь это называется «врать». Здесь не принято жеманничать и притворяться, будто «рассказываешь байки».

– А я вот так не могу. У нас дома слово «врать» считается грубое, и тебе это очень даже прекрасно известно. – Линии шутливо толкнула его в бок, и они двинулись дальше. – В любом случае, – продолжала она, – тут ни «сказки», ни «враки» не подходят. У меня и правда ощущение, что мы всегда были муж и жена, давно, еще до рождения.

Джуниор не смог придумать, как это можно оспорить.

Они подошли к его машине. Он сел на водительское сиденье и завел двигатель, предоставив Линии Мэй самой открывать дверь. Она единственная на свете знала, где находятся его вещи, иначе он с наслаждением бросил бы ее прямо на улице и уехал куда глаза глядят.

Новая комната, в приземистом рабочем домишке, обшитом досками, в пяти кварталах от пансиона миссис Дейвис, была нисколько не лучше старой. И даже меньше размером. Кровать – односпальная с продавленным матрасом, шире, безусловно, чем койка в пансионе, но ненамного; на потолке у окна водяные разводы. Кора Ли, пухлая шатенка едва за тридцать, впрочем, оказалась вполне любезна и почти сразу, показывая помещение, сказала:

– Знаете, если что не так, сразу говорите, потому что раньше мы жильцов не брали и не знаем, как это делается.

– Ну, – закинул пробный шар Джуниор, – на старой квартире я платил четыре доллара. *Мы* платили четыре доллара.

Но по тому, как исказилось и застыло лицо их новой хозяйки, понял,

что она твердо нацелилась на пять. Человек похитрее все равно бы поторговался, однако Джуниор этого не умел и сменил тему: стал спрашивать, как они будут пользоваться ванной. Кора Ли вновь повеселела. Теперь, когда муж не работает, ответила она, Джуниор по утрам может принимать ванну первым. Линии между тем бесцельно суетилась, поправляя покрывало на кровати. Разговоры о деньгах ее явно смущали.

Как только Кора Ли ушла, Линии встала перед Джуниором и обняла его за шею, словно они молодожены, но он высвободился и начал проверять шкаф.

– Где моя банка «Принц Альберт»?

– Рядом с бритвенными принадлежностями.

Он достал с полки мятый бумажный пакет. Действительно, банка на месте, а в ней и деньги, свернутые трубочкой. Он положил пакет обратно и сказал:

– Надо купить что-нибудь на ужин.

– Сегодня мы ужинаем в кафе. Я приглашаю.

– Куда это?

– Видел на углу «Столовую Сэма и Дэвида»? Кора Ли говорит, там чисто. Вечером у них спец-предложение – мясной рулет, двадцать центов порция.

– Значит, всего сорок центов, – подытожил он. – А в магазине банка лосося, такая, знаешь, высокая, всего двадцать три цента, и мне ее хватает на полнедели.

Хотя им обоим на полнедели банки не хватит, осознал он, и как-то испугался при мысли, что теперь придется кормить двоих, а не одного.

– Но я хочу отпраздновать, – настаивала Линии. – Это наш первый вечер вместе, вчерашний не в счет. И я хочу сама заплатить.

Он спросил:

– А сколько у тебя вообще денег?

– Семь долларов пятьдесят восемь центов! – ответила Линии таким тоном, словно речь шла о миллионе.

Он вздохнул:

– Ты уж лучше побереги.

– Но один разочек, Джуни? Только сегодня, в наш первый вечер?

– Не могла бы ты, пожалуйста, не называть меня Джуни? – попросил он.

Но сам уже надевал куртку.

На улице Линии всю дорогу чуть ли не танцевала, висела у него на руке и болтала обо всем подряд. И заодно поведала, что Кора Ли выделила

им половину полки в леднике.

– В холодильнике, – поправились она. – У них «Келвинатор». Мы можем держать там молоко и сыр, а когда поближе познакомимся, я попрошу разрешения воспользоваться разогретой плитой. Но так за собой отчищу, что Кора Ли разрешит мне и дальше готовить, а потом, не успеешь оглянуться, у нас будет почти своя кухня. Я знаю, как все устроить.

Джуниор легко в это верил.

– И я пойду работать, – продолжала Линии. – Завтра же найду место.

– Интересно, каким это образом? Здесь на улицах, знаешь ли, тысячи мужчин ищут работу, любую, какая только попадется.

– Ой, я что-нибудь придумаю. Вот увидишь.

Он отстранился и пошел отдельно. Она как ириска: отлепишь от одного пальца, пристанет к другому. Но нельзя злиться, ведь без комнаты, которую нашла Линии, ему не обойтись. Если, конечно, не удастся уломать миссис Дейвис принять его обратно.

«Столовая Сэма и Дэвида» была крошечная, всего четыре столика и стойка с шестью стульями; меню дня написано мелом на запотевшем стекле. К мясному рулету за двадцать центов прилагались хлеб и стручковая фасоль. Линии выбрала столик, хотя Джуниор свободнее чувствовал бы себя за стойкой. Там сидели мужчины в рабочей одежде, а за столами – одни парочки.

– Тебе не обязательно заказывать мясной рулет, – сказала Линии. – Можешь выбрать чего подороже.

– Рулет сгодится.

Женщина в фартуке подошла и наполнила их бокалы водой. Линии, поглядев на нее, просияла:

– Здравствуйте! Я Линии Мэй, а это вот – Джуниор. Мы только-только сюда переехали.

– Неужели, – обронила женщина. – Ну а я Берта. Жена Сэма. Вы, видите, жильцы Мерфи, да?

– Ой, а откуда вы знаете?

– Кора Ли заходила, сообщила. Прямо вся сияет от счастья, что нашла такую милую молодую пару. Я ей говорю: «Дорогая, это им надо от счастья сиять». У нас в округе лучше людей, чем Кора Ли и Джо Мерфи, не сыскать.

– А я сразу так и подумала, – сказала Линии. – Так вот сразу и поняла. Увидела ее чудесную улыбку и поняла. Она точь-в-точь как люди у нас на родине.

– Мы тут все как люди у вас на родине, – улыбнулась Берта. – Мы все

и есть у себя на родине. Вот такой вот наш Хэмпден.

– Ой, ну, значит, нам страшно повезло!

Джуниор, пока они разговаривали, изучал цены в меню на стене за стойкой.

Мясной рулет оказался очень вкусным, Джуниор давно такого не ел. За едой Линии объявила, что у нее есть идея, как снизить плату за комнату.

– Ты приглядывайся хорошенько, что там надо починить, любую мелочь, – говорила она. – Может, доска на полу где отстает или петли провисли, всякое такое. Спроси у Кору Ли: мол, не возражаете, если я почию? А про деньги молчок, чтоб она даже не задумывалась.

– Не задумывалась, – поправил он.

Линии испуганно закрыла рот.

– Хватит разговаривать как деревня, если желаешь тут освоиться.

– Ага. А через денек-другой еще чего почини. Только уж на тот раз не спрашивай, а бери да чини. Она услышит молоток, прибежит. А ты: «Надеюсь, вы не против? А то вот заметил и не выдержал, решил поправить». Она, конечно, скажет, что не против. Сам видишь по пятну на потолке, что ее муж ничего не делает. А потом ты скажешь: знаете, я вот подумал, похоже, вам нужен человек за домом приглядывать, чинить там, подкрашивать, все такое. Коли так, мы могли бы договориться.

– Линии, по-моему, им монеты нужны больше, – возразил он.

– Монеты?

– Лучше пусть дом развалится, лишь бы еда на столе была.

– Да как же это так? Крыша над головой тоже дело важное! Причем которая не протекает.

– Вот скажи: в округе Янси людям сейчас что, легко? – спросил Джуниор.

– Да ты что! Очень даже трудно. Половина магазинов позакрывалась, и работы ни у кого нет.

– Тогда почему ты не понимаешь про Мерфи? Может, им только раз деньги за дом не внести – и его отнимут.

– Ой, – пискнула Линии Мэй.

– Времена переменились, – назидательно заговорил он. – Никто больше не в состоянии ничего нам заказывать. И никто не предложит тебе работу. Ты потратишь свои семь долларов, и на этом все закончится. И я тебе помочь не смогу, даже если б хотел. Знаешь, что в моей банке «Принц Альберт»? Сорок три доллара. Сбережения за всю жизнь. А до кризиса было сто двадцать. Я много без чего обходился, даже и в лучшие времена, – курить бросил, пить, ел хуже, чем собаки у моего отца. А когда живот от

голода подводило, шел в магазин и покупал бочковой огурец за пенни, кислый огурец в маринаде с укропом, видишь ли, здорово отбивает аппетит. Я дольше всех продержался у миссис Дейвис не потому вовсе, что мне нравится сражаться с пятью мужиками за право посетить сортир, а из-за *амбиций*. Я хотел открыть свое дело. Хотел строить красивые дома тем, кто умеет это ценить, – с крышей из настоящего шифера, с настоящей плиткой на полу, никакого тебе толя с линолеумом. Я набрал бы хороших ребят, Додда Макдауэлла, скажем, и Гэри Шермана из «Уорд Билдерз», и у меня был бы собственный грузовик с названием моей компании на бортах. Но мне нужны заказчики, а заказчиков сейчас нет. И я теперь понимаю, что ничего этого у меня никогда не будет.

– Как, очень даже будет! – воскликнула Линии. – Джуниор Уитшенк! Ты думаешь, я не знаю, а я вот знаю: ты закончил среднюю школу в Маунтин-Сити, и ты всегда получал только лучшие оценки. И ты плотничал с отцом с малых лет, и на лесоскладе всем известно, что ты на любой вопрос ответишь, какой тебе ни задай. Конечно же, у тебя все получится!

– Нет, – он покачал головой, – такие штуки здесь больше не проходят. – И добавил: – Ты должна уехать домой, Линии.

Она захлопала глазами:

– Домой?..

– Ты разве среднюю школу окончила, а, Линии? Нет ведь, верно?

Она вздернула подбородок, что само по себе было ответом.

– И родные твои волнуются, где ты.

– Мне все равно, пусть волнуются. Но вообще-то им наплевать. Ты же знаешь, с мамой мы никогда не ладили.

– Тем не менее, – сказал он.

– И папа не разговаривает со мной уже четыре года и десять месяцев.

Джуниор положил вилку:

– Как? Ни слова?

– Ни словечка. Вот нужна ему соль, он говорит маме: «Скажи ей, чтоб передала соль».

– Да это просто жестоко, – возмутился Джуниор.

– Джуниор, а как ты думал? Что меня застукали на сеновале с парнем, а завтра уже все позабыли? Я тогда ждала, что ты за мной приедешь. Представляла, как это будет. Я иду по Пикрик-роуд, а ты подъезжаешь на грузовике твоего зятя и говоришь: «Садись. Я тебя отсюда забираю». Потом я ждала, что, может, ты письмо пришлешь с деньгами на билет. Я б собралась и умчалась в одну секунду! Ведь со мной не только папа не

разговаривал, вообще почти никто. Даже братья вели себя по-другому, а девочки, которые стали подлизываться ко мне в школе, оказалось, просто хотели вызнать подробности. Я думала, вот перейду в старшую школу, там никто ничего не будет знать, начну с чистого листа. Но там все знали от тех, кто перешел со мной. Это Линии Мэй, говорили они, та самая, она со своим парнем разгуливала голышом на празднике в честь выпускного ее брата. Потому что к тому времени нашу историю так рассказывали.

– Ты так говоришь, будто я во всем виноват. А ведь ты сама все затеяла.

– А я и не говорю, что я ни при чем. Я была *дрянная*. Но я была влюблена. Я и сейчас влюблена! И знаю, что и ты влюблен.

Он начал:

– Линии...

– Пожалуйста, Джуниор, – умоляюще произнесла она. Губы ее улыбались, но в глазах непонятно почему стояли слезы. – Дай мне шанс. Пожалуйста, разве это трудно? И давай сейчас не будем ни о чем говорить, давай просто поужинаем. Правда, еда очень вкусная? Рулет замечательный?

Он посмотрел в свою тарелку:

– Да. Замечательный.

Но так и не взял со стола вилку.

Они шли домой, и она расспрашивала, чем он живет – что делает по вечерам, по выходным, есть ли у него друзья. И хотя за ужином он пил только воду, но шагал как будто навеселе, в странно приподнятом настроении. Оттого, видно, что излил все, что накопилось за долгое время. У него не осталось друзей: «Уорд Билдерз» закрылись, и контакт с тамошними рабочими утерян. Да и потом, для дружбы нужны деньги – во всяком случае, мужчине. На выпивку, гамбургеры, бензин. Нельзя же просто сидеть и болтать, как бабы. Он признался Линии, что по вечерам не делает ничего, разве что стирает в ванне свою одежду, и, когда она засмеялась, заверил:

– Истинная правда! А по выходным я отсыпаюсь.

Ему было не до стеснения, он открылся как на духу, не пытаясь казаться преуспевающим, бывалым, всеми любимым. Они поднялись на крыльцо нового жилища, открыли дверь своим ключом, миновали закрытую гостиную, где играло радио – какой-то оркестр, что-то танцевальное – и беззлобно спорили двое детей. «Ты подсматривал, я видела!» – «Ничего я не подсматривал!» Чужая гостиная, и детей этих Джуниор в глаза не видел – и все-таки почувствовал себя дома.

Несколько ступенек по лестнице – и они оказались в своей комнате (без замка). Джуниор тотчас забеспокоился: что дальше? Будь он один, сразу завалился бы спать, ведь он всегда очень рано встает, но вдруг Линии не то подумает? Она, кажется, и так думает не то: ясно по тому, как застенчиво она сняла пальто и с какой тщательностью его повесила. Сняла и шляпу, положила на полку в шкафу. Волосы Линии растрепались, и она осторожно пригладила их кончиками пальцев, держась к нему спиной, будто бы *подготавливая* для него. Пряди случайно разделились сзади, обнажив бледную, нежную шею, и ему вдруг стало ужасно ее жалко. Он кашлянул и позвал:

– Линии Мэй.

Она обернулась:

– Что? – И затем: – Снимай куртку, что же ты? Ты дома.

– Слушай, давай по-честному, – сказал он. – Я хочу, чтоб между нами не было вопросов.

На ее лбу пролегла чуть заметная вертикальная складка.

– Плохо, конечно, что ты из-за меня столько пережила, – заговорил он. – Несладко тебе пришлось. Но если подумать, Линии, как мы будем вместе? Мы же едва знаем друг друга! Встречались меньше месяца! А я пытаюсь как-то устроить свою жизнь. Здесь и одному нелегко, а вдвоем так и вовсе невозможно. Там у тебя хотя бы семья. Не дадут голодать, как бы ни относились. Я считаю, ты должна уехать домой.

– Ты так говоришь только потому, что злишься на меня.

– Что? Нет, я не...

– Злишься, что я не сказала, сколько мне лет, но почему ты сам не спросил? Почему не спросил, учусь я в школе или работаю и чем занимаюсь, когда я не с тобой? Почему ты мной *не интересовался*?

– Что? Я интересовался!

– Ой, мы оба прекрасно знаем, чем ты интересовался!

– Постой-ка, – бросил он, – по-моему, так нечестно. Кто первый начал раздеваться, я или ты? Кто затащил меня в сарай? Кто чуть не силой прижал к себе мою руку? Разве *ты* интересовалась, как я провожу свое время?

– Да, интересовалась. И спрашивала у тебя. Только ты не отвечал, потому что слишком был занят, на спину меня укладывал. Я говорила: «Ну же, Джуниор, расскажи о своей жизни, давай. Я хочу знать о тебе все». Но разве ты рассказывал? Нет. Ты в ответ расстегивал мои пуговицы.

Джуниор почувствовал, что проигрывает в споре, который не затевал. Он хотел донести до Линии совсем другое.

– Ладно, Линии Мэй. – Сжав кулаки, он глубоко засунул руки в карманы куртки и наткнулся на что-то в левом кармане. Достал, посмотрел. Половинка сэндвича, завернутая в носовой платок.

– Что это? – спросила Линии.

– Это... сэндвич.

– Какой?

– С яйцом? Да, с яйцом.

– Где ты его взял?

– Женщина, у которой я сегодня работал, угостила, – сказал он. – Половину я съел, а половину принес домой тебе, но ты уперлась с этой своей столовой.

– Ой, Джуниор, – так и растаяла она, – какой ты милый!

– Нет, я просто...

– Но ты же ужасно добрый! – И она забрала у него сэндвич вместе с платком. Ее щеки порозовели, и она вдруг сделалась очень хорошенькой. – Мне очень, очень, очень приятно, что ты принес мне сэндвич. – Она благоговейно развернула платок и долго смотрела на мятый сэндвич, а потом подняла на Джуниора мокрые глаза.

– Он, правда, немножко раздавился... – заметил он.

– Это ерунда, правда! Я очень рада, что ты думал обо мне, пока работал. Ой, Джуниор, до чего же мне было одиноко все эти годы! Ты просто не представляешь, до чего одиноко. Я всегда, всегда была одна-одинешенька!

И Линии с сэндвичем в руках бросилась к нему на шею и расплакалась.

Через пару мгновений Джуниор поднял руки и тоже ее обнял.

Работу она, естественно, не нашла. Эта часть ее плана провалилась. Зато совместное пользование кухней удалось вполне. Они с Корой Ли подружились и готовили бок о бок, болтая обо всем, о чем обычно болтают женщины, и довольно скоро обе семьи сочли разумным садиться за стол вместе. Затем настало лето, и женам пришла идея закупать фрукты-овощи у фермеров, грузовиками привозивших свою продукцию в Хэмпден, и делать консервы. Они трудились целыми днями – кухня чуть ли не взрывалась от жара, – а потом именно Линии набиралась смелости и шла продавать консервы соседям. Много денег это не приносило, но все-таки кое-что.

А Джуниор действительно починил одно-другое-третье в доме – иначе никто бы не починил, – однако платы не требовал и не пытался договориться об уменьшении ренты.

Ситуация улучшилась, и Уитшенки переехали в дом на Коттон-стрит, но Линии и Кора Ли остались подругами. Впрочем, Линии дружила со всеми подряд, так, во всяком случае, казалось Джуниору. Порой он задумывался: не те ли годы, что она провела изгоем, породили в ней это почти неестественное стремление постоянно с кем-то общаться? Он приходил домой, и в кухне вечно толпились женщины, а многочисленные их отпрыски дружно играли во дворе.

«А поужинать не дадут?» – спрашивал он, и женщины разбегались, гоня перед собой детишек, как стадо. Но Линии не лентяйничала, нет-нет. Они с Корой Ли по-прежнему занимались своим маленьким консервным бизнесом, а когда у Джуниора стало больше заказчиков, Линии отвечала на телефонные звонки, занималась счетами и тому подобным. В сущности, договариваться с заказчиками у нее получалось лучше, она никогда не жалела времени на беседы о погоде, здоровье и прочих пустяках, умело сглаживала конфликты, сочувственно выслушивала жалобы.

К тому времени Джуниор уже купил грузовик – подержанный, но в хорошем состоянии, – имел в подчинении несколько рабочих и владел коллекцией превосходных инструментов, приобретенных у мастеров, от которых временно отвернулась фортуна. Это были достойные солидные инструменты старого образца, невероятно красивые. Пила, например, с засаленной деревянной рукоятью, а по ней изящно и очень точно вытравлена веточка розмарина. Конечно, рукоять потемнела от пота чьих-то чужих предков, но Джуниор все равно испытывал гордость сродни фамильной. Он всегда тщательно заботился о своих инструментах. И всегда ездил на те лесосклады, где мог лично, доска за доской, выбрать дерево. «Ну вот что, парни, я враз пойму, если мне попытаются всучить дрянь. Мне не нужны доски рассохшиеся, погнутые, заплесневелые...»

– Что, если б я был женат? – вздумалось ему спросить у Линии годы спустя. – Что, если б ты приехала на север, а у меня жена и шестеро ребятишек?

– Ой, Джуниор, – отмахнулась она, – да никогда бы!

– С чего ты так уверена?

– Ну, для начала, откуда за пять лет возьмутся шестеро детей?

– Ты же знаешь, что я не об этом.

Она лишь улыбалась в ответ.

В чем-то Линии вела себя, как женщина много старше его, но иногда – так, словно ей по-прежнему тринадцать: вздорно, дерзко, на редкость упрямо. Однако его неприятно поразила легкость, с которой она порвала все связи с семьей. Это свидетельствовало о злопамятности, которой он за

ней никак не подозревал. И она не проявляла ни малейшего желания исправить свою деревенскую речь. Так и говорила «орать» вместо «звать», «ухайдакаться» вместо «устать» и «прямоком» вместо «прямо». И упорно называла его «Джуни». И у нее была неприятная привычка тихо хихикать, прежде чем рассказать смешное, будто *подначивая* его смеяться. И она слишком тесно прижималась к нему, когда пыталась в чем-то убедить. И дергала за рукав, отвлекая от разговора с другими.

Ах, это тяжкое, гнетущее, изнурительное бремя – люди, считающие вас своей собственностью!

И если из них двоих именно Джуниор был вроде бы дик и необуздан, как же вышло, что в неприятности он влипал именно из-за Линии Мэй с самого первого дня их встречи?

Он был костляв, с узкой грудной клеткой, без лишнего грамма жира и в еде настоящий аскет. Но иногда он возвращался с работы и, увидев, что Линии во дворе болтает с соседкой, бросался к холодильнику и съедал остатки свиных котлет, венские сосиски с холодным картофельным пюре, зеленый горошек и вареную свеклу. Ничего этого он не любил, но пожирал как голодающий, как несчастный, которому никогда не дают того, чего ему действительно хочется, и Линии потом спрашивала:

– Ты не видел, у меня тут оставался горошек? Где он?

Он хранил каменное молчание. А она наверняка знала, ведь не думала же, что это малышке Меррик приспичило холодненького горошка? Но ни разу ни словом не обмолвилась. И он был благодарен ей за это – и одновременно страшно на нее злился. Снисходит к его слабостям, видите ли! Неужто и правда полагает, что раскусила его?

В такие минуты он в подробностях вспоминал свою давнишнюю поездку на вокзал, но только в этот раз все делал иначе. Проезжал по темным улицам, у вокзала сворачивал направо и опять направо на Чарльз-стрит и рулил назад к пансиону. Входил к себе в комнату, запирал дверь. Падал на койку. И засыпал – в одиночестве.

Джуниор велел Юджину отвезти качели к братьям Тилман, чье заведение располагалось у моря и куда «Уитшенк Констракшн» отсылали жалюзи клиентов, слишком густо покрашенные и оттого похожие на обсосанную ириску У братьев Тилман, говорили, имелся гигантский чан какой-то едкой жидкости, растворяющей краску и вообще все до самой

древесины.

– Скажи, что качели нужны ровно через неделю, – наказал Джуниор.

– Ровно через неделю? Считая сегодня?

– Именно так.

– Босс, эти ребята иногда по месяцу возятся. И ой как не любят, чтобы их подгоняли.

– Говори: экстренный случай. И что мы доплатим за срочность. Переезд через два воскресенья, и я хочу, чтобы качели уже висели.

– Ладно, босс, постараюсь, – пробормотал Юджин, явно думая: «Столько суеты из-за каких-то качелей», но у него хватало ума вслух ничего не говорить.

Юджина Джуниор взял в качестве эксперимента, в первый раз нанял цветного на место одного своего маляра, призванного в армию. И пока что Юджин проявлял себя идеально. Настолько, что на прошлой неделе Джуниор нанял еще одного цветного.

Линии Мэй все сильнее тревожилась, что Джуниора самого призовут. Он напомнил, что ему сорок два, но она отмахнулась:

– Ну и что? Со дня на день призывной возраст могут повысить. Да и с тебя станется пойти добровольцем.

– Добровольцем! – вскричал он. – Я что, по-твоему, ненормальный?

Иногда ему казалось, что его жизнь – железнодорожный вагон, долго стоявший на запасном пути, очень долго, всю шальную, зря потраченную юность и годы Депрессии. Он отстал от времени, он бежал, догоняя, и катил наконец по нужным рельсам, – так разрази его гром, если он позволит какой-то европейской войне помешать ему.

Качели вернули девственно-деревянными, чудо из чудес. Ни крупички синего ни в одной из тончайших трещинок. Джуниор обошел их кругом, дивясь.

– Господи, страшно представить, что за черт поберет у них в этом чане, – сказал он Юджину.

Тот хихикнул и спросил:

– Хотите, чтобы мне крыть их лаком?

– Нет, – ответил Джуниор. – Я сам.

Юджин глянул изумленно, но промолчал.

Они вдвоем внесли качели на крыльцо и поставили вверх ногами на тряпку, чтобы Джуниор сначала залакировал низ и дал ему высохнуть и только потом качели перевернул. Стоял теплый майский денек, дождя не обещали, и Джуниор решил, что может спокойно оставить все на ночь и доделать утром.

Как большинство столяров, он очень не любил красить и к тому же знал, что не слишком в этом хорош. Но почему-то важно было выполнить задачу самостоятельно, и он аккуратно и терпеливо водил кистью, невзирая на то, что низ качелей никто никогда не видит. Работалось в охотку. Солнце просвечивало сквозь деревья, ветерок охлаждал лицо, и в голове наигрывала «Чатануга-чу-чу».

Из Пенсильвании ты отбыл где-то в три сорок пять,
А в Балтиморе и журнал уже успел дочитать...

Закончив, он вымыл кисть, убрал лак и уайт-спирит и отправился домой ужинать, чрезвычайно довольный собой.

А наутро вернулся, чтобы закончить труд. Лак высох, но низ сиденья покрывала тонкая пленка пылицы. Следовало это предвидеть! Неудивительно, что он ненавидит красить! Чертыхаясь про себя, он потащил тряпку с качелями к задней веранде. Расстелил в закрытом отсеке другую тряпку, втащил туда качели, поставил как положено. Все будет тип-топ, бог свидетель. Когда он поднимал качели, подлокотники снизу шершавили пальцы, но Джуниор заставил себя об этом забыть.

Отсек изнутри Юджин покрасил совсем недавно, в начале недели, и от смешанного запаха лака и краски у Джуниора слегка закружилась голова. Он сонно водил кистью по дереву. Разве не забавно: структура древесины буквально рассказывает историю – ведешь по волокнам и удивляешься, как далеко тянется одно и неожиданно обрывается другое.

Он думал, что, возможно, однажды на этих качелях кто-то сделает Меррик предложение, а дети Редклиффа так раскачаются, что их мать в испуге схватится за веревки, замедляя движение.

Узнав, что способен чувствовать к своим детям мужчина, Джуниор затаил глубокую злость на своего отца. Подумать только, шестеро сыновей и дочь, а он забыл о них легче, чем собака забывает подросших щенят. Чем старше становился Джуниор, тем меньше это понимал.

Он быстро, резко тряхнул головой, словно отгоняя мошкар, и вновь окунул кисть в лак.

Тот цветом напоминал гречишный мед, выявлял характер дерева, добавлял глубины. Все, больше никакого шведского синего из родимых мест! Никаких грубо сплетенных ковриков и проржавевших металлических качалок! Долой нежно-голубые, в цвет неба, потолки на крыльце и серый, как боевой корабль, пол!

В день переезда Линии пойдет по дорожке к дому и у крыльца воскликнет: «Ой!» И уставится на качели. «Ой, а как же!..» А может, и нет. Может, скроет удивление, она и хитрить умеет. Но сам-то Джуниор поднимется по ступеням, не сбивая шага, ничем не покажет, что здесь что-то изменилось. «Идем в дом?» – предложит он и повернется к ней, гостеприимно указывая на входную дверь.

Приятная сцена, да, однако чего-то недостает. Линии ведь не поймет до конца, что за всем этим стоит, не поймет, что за ужас он испытал от ее поступка, не поймет ни ярости его, ни обиды, ни ощущения страшной несправедливости, ни даже того, сколько тяжелого труда ушло на переделку. Поездка Юджина к братьям Тилман; заоблачная сумма, которую те запросили за срочную работу (ровно вдвое больше обычного); две поездки Джуниора, чтобы покрыть качели лаком, и еще одна в пятницу утром – вкрутить на место болты, прикрепить веревки к петлям-восьмеркам и подвесить качели назад к потолку. Обо всем этом Линии не узнает. Что, если вдуматься, повторяет узор их совместной жизни – сколько тайн от нее он хранит, несмотря на острое искушение сознаться. Она никогда не узнает, как страстно все эти годы он мечтал освободиться и остается с ней лишь потому, что иначе она пропадет, как трудно ему жить вот так, день за днем, день за днем, вечно исправляя ошибку молодости. Нет, Линии свято верит: он с ней по любви. А если он и докажет обратное – сумеет убедить, что попросту жертвует собой, – то она будет уничтожена, и жертва его окажется ни к чему.

Джуниор обводил кистью каждую ось, давал лаку проникнуть в каждое сочленение и нежно, будто лаская, промазывал каждую впадинку каждой рейки.

Блюда в ресторане, пик твоих мечтаний —
Ветчина с яйцом, что в Каролине подавали...

В пятницу, отправляясь вешать качели, он захватил с собой из дома очередные коробки и игровой стол со стульчиками из детской, чтобы уж заодно переправить на новое место побольше. Он поставил грузовик у заднего крыльца и через кухню отнес все наверх. А попутно позволил себе насладиться обзором владений. Замер у перил в коридоре и восхищался сверкающим холлом внизу, потом зашел в супружескую спальню и буквально пожирал глазами этот простор. Его с Линии кровати, доставленные на прошлой неделе из «Шофере», уже на месте – две

одинаковые кровати, наподобие тех, что были у Бриллов. Линии не понимала, почему нельзя и дальше спать на старой двуспальной, но Джуниор сказал:

– Подумай и поймешь, что так разумнее. Ты же знаешь, я вечно кручусь-верчусь.

– Но меня это не тревожит, – возразила Линии.

– Ну давай хотя бы попробуем, почему нет? Мы же, в конце концов, старую кровать не выбрасываем. Если передумаем, всегда можем перенести обратно из гостевой комнаты.

Хотя в глубине души он знал, что переносить не станет. Ему нравилась сама идея кроватей-близнецов – это отдавало голливудским шиком. И потом, ему еще в детстве хватило, вечно приходилось спать с кем-то из братьев.

В дальнем конце спальни стоял шифоньер Бриллов, который тоже воплощал для Джуниора шик и гламур. Правда, он до сих пор краснел, вспоминая, что раньше думал, что правильно говорить «шкафанер».

– Миссис Брилл, говорят, вы не собираетесь забирать на новое место свой шкафанер, – выдал он тогда. – Может, мне продадите?

Миссис Брилл недоуменно нахмурилась.

– Мой?.. – переспросила она.

– Шкафанер в спальне. Ваш мальчик говорит, он слишком большой.

– Ах да! Разумеется. Джим! Джуниор спрашивает, не продадим ли мы ему наш шифоньер.

Только тогда он понял свою ошибку. И озлился на миссис Брилл, ставшую свидетельницей его позора, пусть и признавая, что она повела себя на редкость тактично.

Собственно, этот ее такт, наверное, его и взбесил.

Вечно, вечно так было: «мы – и они». Городские дети в средней школе или богачи из Роланд-парка – вечно кто-то указывал Джуниору, что он не вполне вписывается, не дотягивает до планки. Причем само собой разумелось, что виноват в этом он, ведь он живет в стране, где теоретически мог бы и дотянуть, ничто не мешало. Ан нет, что-то все же мешало, и он никогда не мог в точности угадать, что именно. Но из-за какой-нибудь ничтожной оплошности, в одежде ли, в речи ли, он всегда будто бы стоял снаружи и заглядывал в окна к ним.

Все. Хватит. Теперь у него есть гигантское, обшитое кедром хранилище только и исключительно для шерстяных вещей. Обои в спальне привезли из самой Франции. Окна такие высокие, что если подойти, то с улицы тебя увидят от макушки и почти до колен.

Но тут Джуниор заметил, что в углу подоконника облупилась краска. Бриллы, должно быть, оставили окно открытым в дождь. Или это из-за конденсата, тогда совсем нехорошо.

И на обоях под окном швы видны. Расходятся, в сущности. На стыке с подоконником бумага отгибается и даже чуточку отстаёт от стены.

По субботам он обычно ездил оценивать предстоящую работу, в этот день мужья были дома, так что дом навестить не удалось. Но с делами он закруглился пораньше: завтра переезд, кое-что нужно ещё упаковать. Вернулся около трех, вошел через кухню. Линии доставала из оранжевой корзинки под раковиной чистящие принадлежности. Стояла на коленях на полу, Джуниор видел ее подошвы, серые от грязи.

– Я пришел, – сообщил он.

– А, хорошо. Можешь достать с холодильника вон то блюдо? Начисто про него забыла! Ещё бы чуток, и оставила бы.

Он потянулся за блюдом, снял, поставил на шкафчик.

– Я чего думаю... Может, съездить, отвезти ещё вещи до темноты? – сказал он ей. – Утром будет полегче.

– Ой, да не нужно! Измотаешься. погоди до завтра – Додд с ребятами подсобят.

– Я не стану брать тяжелое. Так, пару коробок и прочую ерунду.

Она не ответила. Лучше бы вылезла из своей корзинки и хоть глянула на него! Но она, вся деловая-деловая, не переставала шуршать, поэтому через минуту он вышел.

В гостиной дети строили что-то из пустых картонных коробок. Точнее, строила Меррик. Редк-лифф, ещё очень маленький, сам ничего не умел, но, благоговей перед Меррик, снизошедшей до игры с ним, ходил вперевалку туда-сюда и перетаскивал коробки, куда она велела. Ковер уже скатали для переезда, и детям на голом полу было привольно.

– Смотри, какой у нас замок, папочка, – сказала Меррик.

– Потрясающе, – восхитился Джуниор и направился в спальню переодеваться. Стоимость работ он всегда ездил оценивать в хорошем костюме.

Потом он вернулся на кухню. Линии складывала разную бытовую химию в коробку из-под отбеливающего порошка «Даз».

– Муж миссис Эббот отказался от половины из того, что она хотела, – пожаловался Джуниор. – Прямо по списку: «А это почему так дорого? А это?» Мне бы раньше узнать, а то провозился с расчетами!

– Плохо, – отозвалась Линии Мэй. – Может, она его все-таки уговорит?

– Нет, она со всем согласилась. Только ойкала с похоронным видом каждый раз, когда он что-то вычеркивал.

Он ждал, что Линии ответит, но та молчала, усердно заворачивая бутылку с аммиаком в кухонное полотенце. Джуниору хотелось, чтобы она посмотрела на него. Ему уже становилось неуютно.

Линии Мэй была не из тех, кто в гневе кричит или обиженно дует, она не швырялась вещами – нет, она просто избегала на него смотреть. То есть взглядывала коротко, если нужно, но не *рассматривала* его. Разговаривала вежливо, улыбалась, вообще вела себя как обычно, и все-таки создавалось впечатление, что ее внимание поглощено чем-то другим. И он в такие моменты сам удивлялся, до чего ему необходим ее взгляд. Он вдруг осознавал, насколько привык, что она его изучает, льнет к нему глазами, словно наслаждаясь одним его видом.

Сейчас, впрочем, он совершенно не понимал, чем мог ее разозлить. Это он должен злиться – *что и делает*. Но все-таки он не выносил неопределенности. Он подошел и встал прямо перед ней; их разделяла лишь коробка из-под «Даз». Спросил:

– Хочешь, поужинаем сегодня в дайнере?

Они редко ужинали не дома. Для этого требовался особый повод. Но Линии и сейчас на него не посмотрела. Сказала только:

– Придется. Все, что было в холодильнике, я сегодня отвезла в новый дом.

– Правда? – удивился он. – Как это?

– Ну, за детьми присматривала Дорис, чтобы я успела собраться, и я подумала: почему бы мне не съездить в новый дом? Ты же знаешь, я его еще ни разу не видала. Наложил две сумки еды и поехала на трамвае.

– Еду можно было отвезти завтра на грузовике. – Мысли Джуниора лихорадочно скакали. Она видела качели? Судя по всему, да. – Не знаю, зачем ты таскала тяжести.

– Я подумала, раз уж все равно еду, могу заодно и прихватить чего, – ответила она. – И теперь можно будет позавтракать самим, без рабочих.

Она сосредоточенно пристраивала банку чистящего порошка «Бон Ами» в угол коробки.

– И что же, – спросил он, – как тебе там понравилось?

– Там хорошо. – Она приспособила щетку с длинной ручкой в другой угол. – Дверь, правда, заедает.

– Дверь?

– Входную.

Значит, точно вошла с парадного входа. Ну да, естественно, коль скоро

шла от трамвайной остановки.

– Ничего не заедает! – возразил он.

– Я нажала на защелку, а она не поддалась. Ну, думаю, неправильно отперла. А потом потянула дверь на себя и опять нажала, и тогда все открылось.

– Это герметик, – объяснил Джуниор. – Там отличный густой герметик, в этом дело. А дверь не заедает.

– Мне так показалось.

– Не заедает, нет.

Он ждал. И чуть было не спросил. Так вот прямо: «А качели ты заметила? Удивилась, что они опять лакированные? Согласна, так гораздо лучше?»

Но это значило бы совсем раскрыться, показать, что его волнует ее мнение. Точнее, позволить ей думать, что волнует.

И вдруг она ответила бы, что качели выглядят нелепо? Что сразу видно: человек из кожи вон лез, чтобы сделать как у богачей, рядился в чужую шкуру?

Поэтому он лишь заявил:

– Ты еще скажешь спасибо за герметик, когда придет зима, уж поверь мне.

Линии пристроила коробку мыльных хлопьев рядом с «Бон Ами». Джуниор мгновение спустя вышел из кухни.

Направляясь в сумерках к дайнеру, они проходили мимо домов соседей, и все – знакомые и незнакомые – говорили им с крылец «Добрый вечер» или «Чудная погода». Линии сказала:

– Надеюсь, на новом месте соседи с нами тоже будут здороваться.

– Конечно, будут, а как же, – ответил Джуниор.

Он нес на плечах Редклиффа. Меррик ехала впереди на старом деревянном детском автомобильчике, отталкиваясь от земли ногами. Автомобильчик был для нее мал, но трехколесный велосипед они купить не могли из-за дефицита резины.

– Вот миссис Брилл, – продолжала Линии. – Помнишь, она всегда говорила: «мой» зеленщик, «мой» аптекарь? Как будто она их купила! И в Рождество, когда заносила нам нашу корзинку. «Ах, я купила у моего флориста омелу!» А я думала: «Вот бы он удивился, если б узнал, что он твой!» Хорошо бы наши новые соседи так не важничали.

– Да она же про другое. – Джуниор прибавил шаг, обернулся и пошел спиной вперед, заглядывая жене в лицо. – Она имела в виду, что у нашего

флориста омелы нет, а у ее вот есть.

Линии засмеялась:

– У нашего флориста! Можешь себе представить?

Но глядела она на старого мистера Эрли, который с крыльца поливал сад из шланга. Помахала, крикнула:

– Как дела, мистер Эрли?

Джуниор сдался и снова пошел нормально.

Дольше всего она на него не смотрела, когда захотела родить ребенка, а он запрещал. Она твердила об этом уже несколько лет, а он отнекивался – мало денег, время неподходящее, – и она соглашалась. Но потом он признался: «Линии Мэй, если честно, я детей не хочу *вовсе*». Ее это потрясло. Она плакала, спорила, убеждала, что ему так кажется из-за матери, которая умерла родами, вместе с младенцем. Но при чем тут!.. Честное слово! Все давно пережито и оставлено в прошлом. И вот мало-помалу Линии разонравилось на него глядеть, а ему, надо признать, этого ужас как не хватало. Он всегда знал, хоть она и не говорила, что жена считает его красивым. Не то чтобы такие вещи его волновали! Но все равно, он это сознавал, и теперь у него словно украли что-то.

Тогда он сдался первый. Продержался с неделю. А потом сказал: «Слушай. Если у нас и вправду появится ребенок...» Она встрепенулась, внезапно мазнула взглядом по его лицу, и он почувствовал себя как почти уже высохшее растение, которое наконец полили.

За ужином он объяснял Меррик и Редклиффу, что у них теперь будет по отдельной комнате. Ред-клифф и ухом не повел – он лушил лимскую фасоль, но Меррик ответила:

– Скорей бы! Мне плохо с Редклиффом в одной комнате! Он писается, и от него по утрам пахнет.

– Ну-ка, води себя прилично, – прикрикнула на нее Линии Мэй. – И от тебя раньше пахло.

– Нет!

– Пахло, когда ты была малявка.

– Редклифф малявка! – пропела Меррик, дразня брата.

Тот вскрыл очередной стручок.

– Кто хочет мороженого? – осведомился Джуниор.

Меррик обрадовалась:

– Я!

И Редклифф тоже пискнул:

– Я!

– Линии Мэй? – спросил Джуниор.

– Неплохо бы, – отозвалась Линии Мэй.

Но занималась Редклиффом, счищала с его пальцев фасолевою шелуху.

У них была традиция слушать радио после того, как дети лягут спать, – Линии шила или латала что-нибудь, а Джуниор обдумывал план работ на следующий день. Но сейчас в гостиной царил хаос, радио уже упаковали в коробку, и Линии решила:

– Пожалуй, пойду спать.

Джуниор ответил:

– Я через минутку приду

Он собрал свои деловые бумаги, потушил свет и пошел наверх. Линии в ночной рубашке все еще возилась с вещами, раскладывала стопки с комода по ящикам. Спросила:

– Завести будильник?

– Нет, я точно сам проснусь.

Он разделся до белья, повесил рубашку и комбинезон в шкаф, на крючки с внутренней стороны дверцы, хотя обычно вешал на спинку стула – все одно завтра надевать.

– Наша последняя ночь в этом доме, Линии Мэй, – сказал он.

– М-м-м.

Она взяла дорожку с комода, свернула и убрала в верхний ящик.

– И в этой кровати тоже.

Она прошла к шкафу и захватила горсть пустых вешалок.

– Но я буду навещать тебя в новой кровати. – И он игриво шлепнул ее по задку, когда она проходила мимо.

Она чуть-чуть подобралась, отчего шлепок будто соскользнул с нее, и наклонилась убрать вешалки в ящик комода.

– Джуниор, – заговорила она, – скажи правду: откуда взялись те воровские инструменты?

– Воровские инструменты? Какие еще воровские инструменты?

– Ну, те, у миссис Брилл на веранде. Ты же знаешь, о чем я.

– Представления не имею.

Он лег в постель, накрылся одеялом, отвернулся к стене, закрыл глаза. Было слышно, как Линии опять прошла к шкафу и со скрежетом сняла оттуда еще сколько-то вешалок. За открытым окном проехал автомобиль – старой марки, судя по пыхтению, – залаяла чья-то собака.

Через пару минут она босыми ногами прошлепала к кровати, и он почувствовал, как она устраивается на своей половине. Легла, отвернулась; слегка натянулось одеяло. Щелкнул выключатель, лампа на ее тумбочке

погасла.

Интересно, как она отреагировала, увидев лакированные качели? Заморгала? Ахнула? Вскрикнула?

Он представил, как она тащится вверх по дорожке с двумя сумками еды, – Линии Мэй Инман в деревенской соломенной шляпке с деревянными вишенками на полях, в ситцевом платье с короткими рукавами фонариком, открывающими костлявые руки и шершавые локти. И ему почему-то стало... больно. Физически больно за нее. Совсем одна, бредет в горку меж гигантских деревьев к этому широченному крыльцу. Одна, самостоятельно выяснила, какой трамвай нужен, – раньше ведь ни разу никуда не ездила, кроме магазинов на Ховард-стрит, – сама сообразила, в какую сторону свернуть на углу возле остановки. А шагая мимо соседних домов, наверняка гордо вздергивала подбородок – вдруг на нее смотрят.

Он открыл глаза и лег на спину.

– Линии Мэй, – сказал в потолок. – Ты не спишь?

– Не сплю.

Он переместился на бок, и его тело ложкой обняло ее, и он обхватил ее руками сзади. Линии не отстранилась, однако напряженно застыла. Он глубоко вдохнул ее солоноватый, дымный запах.

– Прости меня, пожалуйста, – попросил он.

Она молчала.

– Я так стараюсь, Линии, очень! Наверное, *слишком* стараюсь. Чтобы *соответствовать*. Я просто хочу, чтобы все было как надо, больше ничего.

– Что ты, Джуниор! – Она повернулась к нему. – Джуни, милый, конечно. Я это знаю. Я знаю *тебя*, Джуниор Уитшенк.

В темноте он не понимал, смотрит она на него или нет, но почувствовал ее ладони на своих щеках, и ее губы приникли к его губам.

Додд Макдауэлл, Хенк Лотиан и новый рабочий, цветной, должны были появиться в восемь – Джуниор позволял своим людям начинать чуть позже, если они работали в выходные. В семь он повез Линии, детей и несколько ящиков с кухонными вещами в новый дом. По плану Линии оставалась там все распаковывать, а он возвращался обратно помогать грузить мебель.

Когда они выруливали на дорогу, из соседнего дома выскочила Дорис Найверс в домашнем халате и с цветочным горшком в руках. Линии опустила окно и крикнула:

– Доброе утро, Дорис!

– Я боюсь разрыдаться, иначе никогда не остановлюсь, – сказала ей Дорис. – Без вас тут будет все не то! Вот гляди: этот цветок сейчас, может, на вид не ахти, зато через несколько недель расцветет, подарит вам роскошные циннии.

«Зиннии», произнесла она на балтиморский манер и передала растение через окно. Линии взяла горшок обеими руками и сразу сунулась нюхать, как будто оно уже расцвело.

– Я не стану говорить спасибо, чтобы не завяло. Но теперь, Дорис, буду на него смотреть и всегда вспоминать тебя.

– Да уж, пожалуйста! До свидания, детки! До свидания, Джуниор! – Дорис отступила на шаг и помахала рукой.

– Пока, Дорис! – ответил Джуниор.

Дети еще толком не проснулись и в каком-то ступоре глазели на соседку, но Линии тоже замахала и высовывала голову из окна, пока их грузовик не свернул за угол.

– Я буду так по ней скучать! – воскликнула Линии, устраивая растение у себя в ногах и садясь нормально. – Я будто сестру теряю.

– Ничего ты не теряешь, ты переезжаешь за какие-то две мили. Сможешь приглашать ее в гости когда захочешь.

– Нет, я уж наперед все вижу. – Линии указательным пальцем промокнула под правым глазом, затем под левым. – Допустим, я позову ее на ланч. Ее, Кору Ли, всех. Если угощу чем-нибудь особенным, то они решат, что я много о себе возомнила. А подам что обычно, заявят, что считаю их хуже новых соседей, и меня в ответ не пригласят, скажут, что они мне теперь не ровня, и потихоньку перестанут принимать мои приглашения, и вся наша дружба закончится.

– Линии Мэй, переезжать в большой дом не преступление. За это не расстреливают.

Линии Мэй достала из кармана носовой платок.

Он остановился у нового дома, и она спросила:

– А не надо было сзади подъехать? Нам же столько всего носить.

– Я подумал, может, сначала перекусим, – ответил Джуниор.

Глупое объяснение – позавтракать с тем же успехом они могли и припарковавшись сзади. Но он хотел чем-то ознаменовать их прибытие. И Линии, очевидно, это поняла, потому что сказала:

– Вот и славно. Видишь, теперь ты рад, что я привезла еду.

Пока она возилась – искала на полу кабины сумочку и подбирала горшок с растением, – он успел открыть для нее дверцу. Она глянула удивленно, но передала ему Редклиффа и затем сама вышла из грузовика.

– Ну, дети, – объявил Джуниор, поставив Редклиффа на землю, – давайте торжественно войдем в новый дом.

И они вчетвером зашагали вверх по дорожке.

Утреннее солнце не проникало под шатер деревьев перед домом, но крыльцо от глубокой тени казалось только уютнее, и медово-золотистые качели, еще не видные сквозь балюстраду, уже радовали сердце Джуниора. Он с трудом удержался, чтобы не сказать Линии: «Смотри, смотри, какие они стали красивые!»

Когда впереди мелькнуло что-то синее, он решил, что это обман зрения – безумный отголосок недавнего кошмара.

Посмотрел еще раз и замер в ужасе.

По плитам дорожки тянулись следы краски – синие брызги от самых ступенек постепенно собирались в широкий ручеек и вновь сужались до редких капель у его ботинок. Краска лежала толстым слоем – казалось, ее можно отколупнуть ногтем. И блестела так, что он инстинктивно отдернул ногу, хотя, приглядевшись, понял, что краска высохла. Однако любой человек – или все-таки один только Джуниор? – сразу понял бы, что се разбрызгали со злости.

Линии между тем высвободила руку и пошла вперед, крича:

– Тише, Меррик, тише, Редклифф! Папе еще нужно отпереть дверь.

Его рабочим понадобится много дней, чтобы это отчистить. Нужны абразивы и химикаты – навскидку непонятно даже какие, – потом оттирать, скрести и долбить, и все равно следы синей краски останутся. Этот синий толком не исчезнет никогда, известковый раствор навеки впитает микроскопические остатки – возможно, не заметные посторонним, но для Джуниора очевидные. Перед глазами кинолентой развернулось его будущее: он пробует метод за методом, консультируется со специалистами, ночью лежит без сна, как сумасшедший ищет хитрые решения. Закончится, без сомнения, тем, что дорожку придется снять и положить заново. А если не выйдет, шведский синий заклеит ее навеки, до конца времен.

Линии Мэй шла себе вперед с очень прямой спиной и очень ровно сидящей шляпой – сама невинность и беззаботность. И ни разу не оглянувшись узнать, как он вообще, не остолбенел ли.

И почему он не бросил ее на вокзале? Она обошлась бы без него прекрасно. Замечательно устроилась бы где угодно.

Она задалась целью получить его – и преуспела без всяких усилий. Она в одиночку вынесла пять лет публичных унижений. Она проехала на тысяче поездов с тысячей пересадок и нашла его в два счета. Он видел, как она выгибает шею и выглядывает его у вокзала; как с чемоданом и

бродяжническим узлом звонит в двери незнакомых женщин; как смеется на кухне с Корой Ли. Она схватила его жизнь, выдернула, словно мокрый свитер из корыта, разложила и заново придала форму.

И за это, очевидно, он должен ее *благодарить*.

Редклифф споткнулся, но устоял. Меррик бежала вперед.

– Подождите! – закричал Джуниор, потому что они уже подходили к крыльцу.

Все трое остановились и обернулись. И он зашагал быстрее, торопясь нагнать их. В кронах тюльпанных деревьев пели птицы. Маленькие белые бабочки кружили над единственным солнечным пятном. Джуниор подошел к Линии, взял ее за руку, и они вчетвером поднялись по ступеням. Пересекли крыльцо. Он отпер дверь. Они вошли в дом.

Их жизнь началась.

Часть четвертая

Катушка синих ниток

Много лет назад, когда дети были маленькими, Эбби завела традицию каждый октябрь вывешивать на крыльце привидения. Шесть штук в ряд, с головами из белых резиновых шаров, обтянутых белой марлей, которая свисала почти до пола и колыхалась при легчайшем ветерке. От этого весь дом с фасада приобретал загадочный вид и будто парил в воздухе. В Хэллоуин детям, чтобы постучаться в дверь и потребовать угощения, приходилось отбиваться от летучих хвостов. Ребята постарше хохотали, но малыши пугались, особенно ветреными вечерами, когда марля вздымалась, извивалась, обертывалась вокруг них.

Сыновья Стема требовали, чтобы привидений повесили и в этом году, однако Нора сказала:

– Хэллоуин еще только в среду. Нас к тому времени здесь не будет.

Они покидали дом в воскресенье – раньше въехать в свою квартиру Ред не мог. Предполагалось, что к началу рабочей недели все уже устроятся на новых местах.

Но Ред услышал и воскликнул:

– Да повесьте, почему нет! Это же в последний раз. А в понедельник утром наши рабочие их снимут.

– Да! – завопили мальчики, а Нора засмеялась и, признавая поражение, развела руками.

Привидений достали с чердака, где они хранились в картонной коробке из-под бумажных полотенец, Стем поставил лестницу и развесил их по медным крючкам, ввинченным в потолок. Вблизи привидения выглядели устало. Им полагалось переодеваться время от времени, и сейчас явно настала пора, однако всем хватало других забот.

То, что забирали Аманда и Джинни, их мужья уже отнесли в пикап Реда. Вещи Стема сложили в углу столовой. Единственная коробка Денни стояла в его комнате, но он заявил, что на поезде ее отвезти не сможет.

– Пошлем экспресс-почтой, – предложила Джинни.

– Или, может, у кого-то из вас останется? – сказал он.

На том и порешили пока.

На чердаке и в подвале еще оставались вещи (в основном – на помойку), но в целом дом совершенно опустел, и по комнатам гуляло эхо.

Диван и кресло на голом полу в гостиной ожидали переезда на квартиру Реда. Обеденный стол сдали в комиссионный магазин, а кухонный стол, казавшийся до смешного маленьким и простеньким, тоже забирал с собой Ред. Мебель покрупнее выносили через парадную дверь (через кухонную было бы слишком трудно), и каждый раз кто-нибудь отводил в стороны длинные хвосты двух центральных привидений и прихватывал сбоку пружинистыми шнурками. И все-таки то и дело Стем или Денни – или еще кто-то, тащивший мебель – запутывался в марле, пригибал голову, чертыхался и отчаянно пытался высвободиться. Ворчал: «И какого черта поразвешивали!..» Однако никто не предложил привидений снять.

* * *

В последнее время в семье только и говорили, какой хороший помощник Денни, – и что же тот учудил? В субботу вечером объявил, что утром уезжает.

– Утром? – переспросила Джинни. Обитатели Боутон-роуд ужинали у нее, поскольку вся их посуда была запакована, и Джинни только что поставила жареный свиной окорок перед Хью – чтобы разрезал. Она рухнула на стул, даже не сняв варежек-ухваток, и вскричала: – Но ведь папа утром переезжает!

– Я помню, и мне от этого очень грустно, – сказал Денни.

– А Стем – днем!

– Ну а я что могу сделать? – воззвал Денни к семейству в целом. – Приближается ураган, а это все меняет.

Семейство глядело озадаченно. Об урагане твердили по всем новостям, но считалось, что он минует их, пройдет к северу. Хью, муж Джинни, заметил:

– Обычно люди бегут *от* урагана, а не к нему.

– Да, но я должен убедиться, что дома все в порядке, – ответил Денни.

Повисла изумленная пауза, как будто секундный атмосферный разряд. Слово «дом» в сознании семьи никак не вязалось с Нью-Джерси – даже в сознании Денни, как все они до этой минуты полагали. Джинни моргнула и открыла рот, собираясь заговорить. Рсд вопросительно обвел глазами стол; было непонятно, что именно он расслышал. Деб первая обрела дар речи:

– Дядя Денни, я думала, что твои вещи сложены в гараже.

– Сложены, – подтвердил Денни. – В гараже моей хозяйки, но она женщина одинокая, нельзя же ее бросить в трудную минуту.

Стем спросил:

– А ты не можешь остаться хотя бы, пока папа не переедет?
– На канале погоды объявили, что поезда «Ам-трак» к завтрашнему дню перестанут ходить, и тогда я застряну здесь.

– Застрянешь! – с обиженным видом повторила Джинни.

– Говорят, что сообщение прекратится по всему северо-восточному направлению.

– Так... – протянул Ред и глубоко вздохнул. – Давайте разберемся, все ли я правильно понял. Утром ты уезжаешь.

– Да.

– Раньше, чем я перееду на новое место?

– Боюсь, что так.

– Но тогда как же мой компьютер? – осведомился Ред.

– Твой компьютер? – не понял Денни.

– Я рассчитывал, что ты мне установишь Wi-Fi. Ты же в курсе, что я в таких делах ни бум-бум! Вдруг я не смогу подсоединиться? Вдруг мой ноутбук из-за переезда сойдет с ума? Или я попробую подсоединиться, а ничего не будет, кроме этой их дебильной надписи на экране «Подключение к интернету отсутствует»? Когда, знаешь, надувной мячик вращается, и вращается, и вращается, а нельзя это прекратить. Что, если я не смогу установить связь, не смогу никуда выйти?

Он спрашивал не только Денни, но и всех за столом, отчаянно глядя то на одного, то на другого. Денни сказал:

– Папа, вот у Аманды Хью знает про компьютеры в сто раз больше, чем я.

Но Хью, муж Аманды, вытаращил глаза:

– Кто, я?

Ред смотрел испуганно. Наконец Нора, сидевшая рядом, накрыла ладонью его руку и заверила:

– Мы обо всем позаботимся, я обещаю, папа Уитшенк.

Ред пронзил ее испытующим взглядом и хоть не сразу, но успокоился. Никто не стал напоминать ему, что у Норы нет даже электронной почты.

– Что же, Денни, ты просто великолепен, – заявила Джинни, сняла варежки и с размаху плюхнула их рядом со своей тарелкой. – Ты делаешь что хочешь и когда хочешь, и мир должен замереть для господина Денни. Мы должны поклониться, что ты оставался с нами так долго, и быть абсолютно вне себя от счастья за эту редкую, особую привилегию. Спасибо, что почтил нас своим присутствием!

– Блудный сын, – спокойно произнесла Нора и через стол улыбнулась

Пити: – Да, малыш?

Но мысли Пити были заняты ураганом. Он спросил:

– Дядя Денни, а вдруг ветер подхватит тебя и унесет, как злую соседку в «Волшебнике из страны Оз»? Как думаешь, такое может случиться?

– Всяко бывает. – Денни взял из корзинки булочку, весело подбросил ее и положил к себе на тарелку.

Рано утром в воскресенье небо затянуло грозными тучами, что, впрочем, никого не удивляло. Пусть ураган прошел стороной, но порывистый ветер, дождь и электрические помехи по всему городу неизбежны, и поэтому, прежде чем погода еще ухудшится, Джинни и Аманда привезли своих мужей грузить тяжелое, а потом Аманда взяла мальчиков и собаку и переправила к себе, чтобы не путались под ногами. Джинни назначили транспортировать Реда и кое-какие кухонные принадлежности на его квартиру и начать обустройство, постановив, что ему незачем смотреть на окончательное разорение дома. Однако он все тянул и тянул с отъездом. Обычно никогда не капризничал, а тут, когда Нора предложила холодные хлопья на завтрак, брюзгливо отказался и потребовал яичницу, хотя яйца уже положили в сумку-холодильник, а сковородку спрятали на самом дне коробки.

– Пап, – начал было Стем, но Нора перебила:

– Ничего-ничего, я скоренько.

Потом он долго ел и все еще сидел за столом, когда приехала Джинни. Ей пришлось ждать, с трудом пряча раздражение, и смотреть, как отец медленно и методично вилкой подносит ко рту крошечные кусочки и жует задумчиво, наблюдая, как Стем и оба Хью ходят мимо и таскают коробки из гостиной в машину Джинни.

– Она постоянно твердит, что ей следовало понять, что я за человек, когда она узнала, что я не сортирую мусор, – жаловался Стому Хью, муж Аманды. – Но интересно, что следовало понять *мне*, когда она написала *такую* записку?

Джинни звякнула ключами от машины и спросила:

– Пап, не пора ли нам?

– Мне сегодня приснилось, что дом сгорел, – отозвался он.

– Какой дом? Этот?

– Я видел стропила и вообще весь остов, чего не видел с тех пор, как отец его строил.

– Ну... – Джинни тайком страдальчески глянула на Нору, которая заново заворачивала сковородку в газету. – Но это же вполне объяснимо. –

Она чуть пожала плечами и поинтересовалась: – Денни нормально уехал?

– Нет, – ответил Ред, – по-моему, он еще в постели.

– В постели!

– Я к нему постучалась какое-то время назад, и он сказал, что встает, но, видно, опять заснул, – сообщила Нора.

– Ему же не терпелось уехать!

– Спокуха, – раздался голос Денни. – Вот он я. – Он возник на пороге уже в куртке, на каждом плече – по цилиндрической сумке, третья, куда объемистей, стояла в ногах. – Всем доброе утро.

Джинни воскликнула:

– Ну наконец-то!

– Я смотрю, дождя пока нет?

– Только по счастливой случайности, – язвительно бросила она. – Я думала, ты торопишься!

– Я проспал.

– Опоздал на поезд?

– Нет, время есть. – Он повернулся к отцу, который с завидным упорством ловил на тарелке убегающий кусок яичного белка: – Как себя чувствуешь, пап?

– Нормально.

– Волнуешься из-за новой квартиры?

– Нет.

– Кофе? – предложила Нора.

– Не надо, спасибо, попью на вокзале. – Денни помолчал мгновение и спросил: – Мне вызвать такси или как?

Он смотрел на Джинни, но ответила ему Нора:

– Я могу тебя отвезти.

– Да у тебя, похоже, и без меня забот полон рот.

Он снова глянул на Джинни. Та сердито отбросила назад волосы, завязанные в хвост, и огрызнулась:

– А вот я не могу. У меня машина под завязку.

– Мне не сложно, – сказала Нора.

– Готов, пап? – спросила Джинни.

Ред положил вилку, вытер губы бумажным полотенцем и проговорил:

– Как-то неправильно взять и уехать, чтобы остальные тут все разгребали.

– Но нам же надо устраиваться на новом месте. Кроме тебя, никто не скажет, куда положить твои шпатели.

– Господи, да какая мне разница, куда положат мои шпатели? – почти

крикнул Ред.

Но все-таки встал, хотя и с трудом, и Нора, шагнув вперед, прижалась к нему щекой:

– Увидимся завтра вечером, папа Уитшенк. Не забудьте, вы обещали прийти к нам на ужин.

– Я помню. – Он снял со спинки стула ветровку и начал надевать, но вдруг замер и уставился на Денни: – Слушай, а тот тип с валторной, это ты подстроил?

Денни удивился:

– Чего?

– Ты все организовал? Вполне представляю. Небось еще и заплатил неплохо! Только затем, чтобы мы все по тебе затосковали.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ну да, – Ред хихикнул, как будто бы про себя, – да, действительно, это было бы полное сумасшествие. – Он надел ветровку как следует, поправил воротник. – И все-таки, не так-то часто качки в спортивных майках слушают классическую музыку.

Денни вопросительно посмотрел на Джинни, но та не обращала на него внимания.

– Все взял, пап? – спросила она.

– Нет, не все, – ответил тот, – но остальное, я так думаю, привезут.

Он подошел к Денни и положил ладонь ему на спину – не то приобнял, не то хлопнул слегка:

– Счастливо тебе добаться, сынок.

– Спасибо. Надеюсь, на новой квартире все сложится.

– Да, я тоже надеюсь.

Ред отвернулся от Денни и пошел из столовой. Джинни и Нора тянулись следом. Денни взял сумку, стоявшую у него в ногах, и направился за ними.

– Скоро увидимся, – сказал в холле Ред обоим Хью. Те как раз опять вернулись за вещами, причем оба уже слегка выдохлись.

Хью, муж Джинни, обратился к ней:

– Уже едете? Думаю, можно бы еще ящик к вам втиснуть.

– Не надо, лучше в грузовик, – отказалась она. – Я уже тороплюсь.

Она миновала его, слегка толкнув плечом, и поспешно догнала отца, будто опасаясь, что тот убежит. Они пробрались между перевязанными марлевыми полотнищами, Стем отступил, пропуская их.

– Мы приедем где-то через час, – сообщил он Реду.

Спустившись с крыльца, Ред остановился и оглянулся на дом. Потом

посмотрел на Джинни:

– Вообще-то это был не совсем сон.

– Что, пап?

– Когда мне снилось, что дом сгорел, это был ненастоящий сон. Скорее картинка, какие, знаешь, мелькают перед глазами, когда засыпаешь. Я лежал в постели, и он прямо встал передо мной, этот остов сгоревший. Но я подумал: «Нет-нет-нет, срочно выкинь это из головы! С ним и без нас все будет хорошо».

– Все будет хорошо, – заверила Джинни.

Он повернулся и побрел вниз по мощеной дорожке, а Джинни подождала Денни и Нору и потянулась к Денни через все его сумки, чтобы обнять.

– Скажи дому «до свидания», – велела она.

– До свидания, дом, – сказал он.

* * *

– Последний раз я пропустила церковь, когда рожала Пити в больнице. – Нора и Денни ехали на вокзал.

– И что, теперь ты попадешь в ад?

– Нет, – абсолютно серьезно ответила Нора, – но все равно странно. – Она включила поворотник. – Попробую, может, на вечернюю службу попасть, если успеем с переездом.

Денни смотрел в окно на проносящиеся мимо дома и левой рукой отбивал на колене такт музыки, звучавшей у него в голове.

– Наверное, ты рад вернуться к преподаванию, – помолчав, произнесла Нора.

Он отозвался:

– Хм? А, да, конечно.

– Ты всегда будешь внештатным или потом получишь постоянную должность?

– Для этого пришлось бы взять больше нагрузки, – проговорил он, но его мысли явно где-то витали.

– Мне кажется, ты должен очень хорошо ладить со старшеклассниками.

Он быстро перевел на нее взгляд:

– Нет. Как выяснилось, все это меня жутко угнетает. Депрессивное какое-то занятие. Все, чему ты их учишь, – просто капля в море, причем ты

сам это знаешь, и к тому же почти всегда бесполезно в обычной жизни. Я, может, другим займусь.

– Чем?

– Скажем, изготовлением мебели.

– Мебели... – повторила она, словно пробуя слово на слух.

– Мне нужно, чтобы работа приносила нечто... осязаемое, понимаешь? Что можно предъявить в конце дня. Да и чего с собой бороться: я же из семьи работяг.

Нора кивнула, как будто сама себе, и Денни опять уставился в окно.

– Кстати, насчет валторны, – обратился он к проезжающему автобусу, – что это было, ты не в курсе?

Нора еле заметно пожала плечами:

– Представления не имею.

– Надеюсь, крыша у него не поехала?

– С ним все будет нормально, – успокоила Нора. – Ты не волнуйся, мы за ним присмотрим.

Они достигли Сент-Пол-стрит. Теперь на юг по прямой – и скоро Пенн-стейшн. Нора села свободней, едва касаясь руля пальцами. Даже управляя машиной, она точно плыла.

– Я вот что хотела тебе сказать, Денни, – мы с Дугласом оба хотели, – мы очень ценим твою помощь, то, что ты приехал. Это было очень важно для твоих мамы и папы. Надеюсь, ты это понимаешь.

Он взглянул на нее:

– Спасибо. В смысле, пожалуйста. Обращайтесь. Ну и вам обоим спасибо тоже.

– И ты молодец, что не рассказал про его мать.

– Это, знаешь ли, никого не касается.

– Не сказал Дугласу, я имею в виду, когда он был маленький.

– А.

Снова молчание.

– А знаешь, что со мной произошло? – В его голосе звучало удивление, словно он заговорил против своей воли. – Помнишь, я чинил папину рубашку?

– Да.

– Эту его дашкики.

– Да, помню.

– Я думал, что ни за что не найду нитку нужного цвета, это же такой безумно яркий синий. Но потом я подошел к бельевому шкафу, где мама держала швейные принадлежности, открыл дверцу и не успел даже

потянуться за коробкой, как с полки откуда-то сзади выкатилась ярко-синяя катушка. Мне оставалось только руку подставить и поймать.

Они затормозили на светофоре. Нора посмотрела на Денни задумчиво, отстраненно.

– Это, конечно, объяснимо, – продолжал он. – Понятно, что у мамы были такие нитки, это ведь она сшила рубашку, а нитки не выкидывают, у них же нет срока годности. А почему она валялась не в коробке?.. Видно, выпала раньше, когда я пришивал пуговицу. А выкатилась из-за того, что я резко открыл дверцу. Устроил сквозняк. Или что-нибудь в этом роде, не знаю.

Зажегся зеленый. Нора поехала дальше.

– Но на долю секунды, прежде чем все это до меня дошло, – продолжал он, – мне почти показалось, что она *протянула* мне эти нитки. Подала вроде как тайный знак. Глупо, да?

Нора ответила:

– Нет.

– И я подумал: «Значит, она говорит, что прощает меня». Забрал дашики в свою комнату и сел на кровать зашивать рубашку. А в голове, как будто из ниоткуда, возникла мысль: «Или это она говорит, что знает, что я прощаю ее». И мне неожиданно стало так, знаешь, легко-легко.

Нора кивнула и включила поворотник.

– Хотя кто тут разберет? – спросил Денни у домов, мелькавших за окном.

– Мне кажется, ты все правильно разобрал, – отозвалась Нора.

И свернула к вокзалу.

Остановилась, выключила передачу и, нажав на кнопку, открыла багажник.

– Не забывай нас, – сказала.

– Да уж не забуду. Не пропаду просто так. Я же нужен, чтобы вам не заскучать.

Она улыбнулась, ямочки на щеках стали глубже.

– Пожалуй, что так. Это правда. – Подставила щеку для поцелуя и плавно махнула рукой, когда Денни вышел из машины.

Тучи были уже антрацитовые и бурлили – будто кто-то размешал воду в озере и поднял со дна ил. В здании вокзала потолочные витражи, обычно калейдоскоп бледных прозрачных оттенков морской волны, стали темны и непроницаемы. Денни обошел автоматы для продажи билетов, куда тянулись извилистые очереди, и встал к кассам. Но и там перед ним

топталось еще десять-двенадцать человек. Он поставил сумки на пол и по мере продвижения очереди толкал их вперед ногой. Чувствовалось, как волнуются рядом люди. Немолодые супруги позади него, видимо, не позаботились заказать билеты, и жена все повторяла:

– Господи, господа, билетов не останется. Не останется.

– Да останется, – не выдержал муж. – Хватит с ума сходить.

– Я так и знала, что надо заранее звонить. Все драпают от урагана.

«Урргана». Металлический, протяжный балтиморский акцент, хрипотца курильщицы.

– Не будет мест в этом поезде, поедem на следующем, – сказал муж.

– На следующем! Да не будет его! После этого пути уже перекроют.

Муж раздраженно фыркнул, но симпатии Денни были на стороне его жены. Он свой билет зарезервировал, но полной уверенности все равно не ощущал. Что, если сообщение прекратят раньше, чем прибудет его поезд? Придется вернуться на Боутон-роуд, и он застрянет со своим семейством, вратет в него, как ноготь.

Мужчину впереди позвали к окошечку, и Денни пропихнул свои сумки дальше. Сейчас ему непременно попадется какая-нибудь злобная старушенция. Он отчетливо ее себе представлял. «Мне жаль, сэр...» – загундосит, но по голосу будет ясно, что не жаль ни капельки.

Но нет, ему досталась веселая афроамериканка, и ее первой реакцией на его код подтверждения было: «Да вы везунчик!» Денни радостно расписался в билете и даже не стал, как обычно, ворчать из-за цены. Поблагодарил кассиршу и потащил сумки к «Данкин Донате» – купить кофе и еще, пожалуй, пончик, чтобы отпраздновать отъезд. Все-таки удалось вырваться!

Несколько столиков перед кафе да и все скамьи в зале ожидания оказались заняты. Есть пришлось, прислонившись к колонне и бросив сумки в ноги. Вокруг сновали пассажиры, их было больше, чем в Рождество или День благодарения, и все измученные.

– Нет, шоколадку нельзя, – прикрикнула мать на маленького сына, – и не отставай, а то потеряешься.

Медоточивый женский голос сообщил по громкоговорителю, что поезд на юг прибывает на платформу Б. «Б – Бубба»^[48], – пояснил голос, что показалось слегка странным и Денни, и девушке рядом с ним – рыжеволосой красотке с золотистым загаром, особенно приятным глазу потому, что для рыжих он редкость. Красотка посмотрела на Денни, подняв бровь, приглашая повеселиться вместе с ней.

Иной раз взглянешь на женщину, и она взглянет на тебя, и возникает

неуловимое узнавание, взаимопонимание, при котором всякое возможно. Или нет. Денни отвернулся и выбросил бумажный стаканчик в урну.

Поезд с платформы «Б – Бубба» направлялся в округ Колумбия, куда, похоже, никто не хотел ехать, зато, когда объявили северный поезд Денни, буквально все ринулись к лестнице. Денни вспомнились вчерашние слова Хью, мужа Джинни, что обычно люди бегут *от* урагана. Но, видно, на севере их дом, и их тянет туда неодолимо, будто перелетных птиц. Толпа протолкнула Денни вперед и вниз по лестнице и вынесла слишком близко к краю платформы – у него закружилась голова. Он зашагал к голове поезда. Однако ему не хотелось, чтобы в вагоне было слишком пусто. В пустых вагонах неуютно. Он любил купаться в море чужой болтовни, любил почти домашний уют перекрестных разговоров по мобильникам.

Издали, дугой, к ним приближался поезд, темносерый, еле видный на фоне неба; мимо Денни прополз ряд вагонов, а затем состав, лязгнув, остановился. Пустых мест тут, по всей видимости, не будет. Денни шагнул к ближайшей двери и занял первое попавшееся кресло рядом с подростком в кожаной куртке – знал, что сесть поодаль от всех не получится. Поставил багаж на полку над головой и лишь тогда спросил:

– Тут свободно?

Мальчик пожал плечами и отвернулся к окну. Денни плюхнулся на сиденье и вытащил из внутреннего нагрудного кармана билет.

Всегда это чувство «слава тебе господи», когда наконец устроишься в поезде. И сразу, буквально через пару минут, «скорей бы приехать». Но пока что Денни владел абсолютный, благодатный покой.

Люди искали и не находили, где сесть. Они запрудили проход, протискивались вперед с пухлыми рюкзаками, нервно перекликались. «Дина, куда пошла?» – «Сюда, мам!» «Впереди есть места, проходите!» – закричал откуда-то кондуктор.

Поезд тронулся, и те, кто еще стоял, покачнулись и принялись хвататься за что попало, лишь бы не упасть. Дама, немолодая и, вероятно, считавшая, что ей полагается уступать, целую минуту грозно нависала над Денни, но он сосредоточенно изучал свой билет до тех пор, пока даму не отозвала подруга.

За стеклом унылым потоком медленно плыли дома – их задние окошки с убогими шторками или завешенные старыми, завивающимися вверх газетами, грили и мусорные баки на крыльце, во дворе ржавая, никому не нужная кухонная утварь. В вагоне все понемножечку успокаивалось. Сосед Денни смотрел в окно, прислонив голову к стеклу. Денни насколько мог незаметно достал из кармана телефон, нажал на кнопку с

запрограммированным номером и наклонился вперед, сложившись почти пополам. Он не хотел, чтобы его подслушивали.

«Привет, это Элисон, – заговорила запись. – Меня либо нет дома, либо я занята, но вы легко можете оставить мне сообщение».

– Возьми трубку, Элли, – попросил он. – Это я.

Пауза, щелчок.

– По-твоему, если сказать «это я», то я сразу все брошу и прибегу?

Раньше он бы спросил: «А разве нет?» Еще три месяца назад спросил бы, но сейчас сказал:

– Ну помечтать-то можно.

Она молчала.

– Чем занимаешься? – не сразу осмелился поинтересоваться он.

– Готовлюсь к Сэнди.

– Кто это – Сэнди?

– Не кто, а что, болван. Сэнди – ураган. На каком ты свете?

– А.

– В новостях показывают, как закладывать двери мешками с песком.

Но где, спрашивается, их покупают, эти мешки?

– Я все сделаю, – заверил он. – Я уже еду.

Снова пауза. Он мучительно замер, но она лишь обронила:

– Денни.

– Что?

– Я еще не ответила «да».

– Я понимаю. – Он почти перебил ее, чтобы она не успела взять обратно слово «еще». – Но надеюсь, что вид моей неотразимой персоны произведет должный эффект.

– Да неужели. – Без выражения.

Он зажмурился и ждал.

– Мы уже говорили об этом. Ничего не изменилось. Я ни за что не стану продолжать так, как было раньше.

– Я знаю.

– Я устала. Измучилась. Мне уже тридцать три.

Рядом остановился кондуктор. Денни сел прямо и не глядя сунул ему в руки билет.

– Мне нужен человек, на которого можно положиться, – продолжала она. – Который не будет менять работу чаще, чем другие люди фитнес-клубы. И срываться незнамо куда без предупреждения. И сидеть целый день в трениках да покуривать травку. А главное, у кого не будет вечно плохого, плохого, плохого настроения. Неизвестно почему! Плохое

настроение – и все тут.

Денни опять наклонился вперед:

– Послушай, Элли. Ты всегда спрашивала, что со мной не так. Но неужели ты не понимаешь, что я и сам очень хотел бы знать? Всю жизнь спрашиваю себя, просыпаюсь среди ночи и спрашиваю: «Что со мной не так? Почему я только все порчу?» Смотрю иногда на свои поступки и никак не могу их объяснить.

Тишина на другом конце провода стала мертвой, и он испугался, что она повесила трубку. Позвал:

– Эл?

– Что?

– Ты здесь?

– Здесь.

Он сказал:

– Мой папа даже во сне помнит, что мама умерла. Так он говорит.

– Это грустно, – помолчав, ответила Элли.

– Но и я тоже! Я помнил, что тебя нет, каждую секунду, пока был в отъезде.

В ответ – молчание.

– Поэтому я и хотел бы вернуться. Чтобы на этот раз все по-другому.

Молчание.

– Элли?

– Ладно, – согласилась она. – Давай попробуем и посмотрим, как пойдет.

Он выдохнул с облегчением.

– Ты не пожалеешь.

– Как знать, может, и пожалею.

– Не пожалеешь, богом клянусь.

– Но ты будешь на испытательном сроке, понял? А я подумаю. Будешь ждать, пока я окончательно не дам добро.

– Конечно. Без вопросов, – отозвался он. – При первой же провинности ты меня вышвырнешь.

– О господи, не знаю, и почему я такая размазня?

– Мои вещи по-прежнему у тебя в гараже?

– Были, когда я последний раз заглядывала.

– Так что, можно перенести их обратно в дом?

Она не отвечала, и он, крепко вцепившись в телефон, уточнил:

– Это вовсе не обязательно. Если, по-твоему, для начала мне опять надо пожить над гаражом, я пойму.

Элли ответила:

– Пожалуй, вряд ли стоит начинать *до такой степени* сначала.

Его рука, державшая телефон, расслабилась.

Две девчонки прямо за ним смеялись и не могли остановиться. Они буквально купались в своем хихиканье, непрерывно прыскали и повизгивали. Интересно, что в их возрасте кажется таким смешным? Другие пассажиры читали, слушали музыку, набирали что-то на компьютерах, а эти две лишь покатывались, замолкали, ловили ртом воздух, а потом снова заходились в хохоте.

Денни обернулся к соседу-подростку, мол, как тому нравится это «ха-ха-ха», но, к своему ужасу, увидел, что мальчик плачет, причем отнюдь не тихими слезами. Нет, он вздрагивал от рыданий, растянув рот в страдальческой гримасе, руки конвульсивно вцеплялись в колени. Денни растерялся. Что делать, утешать или не обращать внимания? Но не обращать внимания бесчувственно. Разве мальчик, столь открыто демонстрируя горе, не просит о помощи? Денни осмотрелся, но никто из пассажиров, похоже, не замечал, что происходит. Денни устался на спинку переднего кресла и молился, чтобы это прекратилось.

Все в точности так, как когда Стем только появился у них в доме. Он спал в комнате Денни и каждую ночь плакал, прежде чем заснуть, а Денни лежал, молчал, напряженно вглядывался в темноту и старался ничего не слышать.

Много позже, уехав в школу, он сам весь день думал лишь о том, когда можно будет лечь в постель и позволить слезам незаметно стекать по щекам в подушку. Без причины – он был счастлив убраться подальше от своей семейки, да и они мечтали от него избавиться. Счастье, что другие мальчишки ни разу ничего не заметили. На этой последней мысли Денни вдруг понял, что ему делать со своим соседом, – ничего. Притвориться, будто не замечаешь его слез. Смотреть мимо, на залитое дождем стекло. Сосредоточиться на пейзажах за окном, давно уже деревенских, ибо далеко позади остались невзрачные домишки и вокзал под нахлобученной шапкой сизых туч, и пустые городские шоссе, и узкие улочки, тянущиеся на север в обрамлении деревьев, чьи кроны ветер выворачивает наизнанку, и дом на Боутон-роуд, где на крыльце, пока никто их не видит, веселятся и танцуют привидения в призрачных юбочках.

Примечания

Фанк (*funk*) – одно из основополагающих течений афроамериканской музыки, появившееся в начале 60-х годов. – Здесь и далее примеч. перев.

«Приятные вибрации» (*Good Vibrations*) – песня американской рок-группы *The Beach Boys*, вышедшая в 1966 году. По версии журнала *Rolling Stone* заняла шестое место в списке 500 величайших песен всех времен.

Butthole Surfers — американская рок-группа, образована в 1981 году. Прославилась экстравагантными концертными шоу с участием обнаженных девушек, танцевавших на фоне демонстрировавшихся на экране учебных фильмов для студентов-медиков, которые вызывали у зрителей рвотные позывы.

4

От английского разговорного *hankie* – носовой платок.

Универсальная церковь жизни (*Universal Life Church*) – новое религиозное движение, основанное в США, отличительной чертой которого является предоставление любому желающему священного сана. Такой подход основан на убеждении, что все люди изначально имеют посвящение от Бога, церковь просто признает этот факт.

«Прыг да скок» – иллюстрированная книга детских стихов Теодора Сьюза Гейзеля (Доктор Сьюз, 1904–1991), американского детского писателя и мультипликатора. Книга вышла в 1963 году и знакомит детей с базовыми фонетическими конструкциями.

От англ. *Junior* — младший.

Лириодендрон тюльпановый, или тюльпанное дерево (лат. *Liriodendron tulipifera*), – высокое дерево семейства магнолиевых, в природных условиях растущее на востоке Северной Америки.

В США есть традиция: дети летом продают домашний лимонад прямо у своего дома, для чего на улице устанавливают специальную стойку.

Парчиси, или «двадцать пять», – американская адаптация настольной игры, появившейся в Индии более 4000 лет назад. Представляет собой игровое поле в виде креста, по которому игрок перемещает фишки. Количество клеток, на которые перемещается фишка, определяется броском двух костей.

«Изи Спирит» (*Easy Spirit*) – знаменитый американский бренд удобной женской обуви на все случаи жизни.

День Варежкового Дерева празднуется ежегодно 6 декабря; заключается в создании дерева из теплых вещей (варежек, шарфов, шапок) для нуждающихся.

Серапе (или сарапе) – длинные шали-одеяла, распространенные в Мексике.

Университет Джона Хопкинса – частный исследовательский университет, основанный в Балтиморе Джоном Хопкинсом (1795–1873), американским предпринимателем и филантропом.

Американский стиль крафтсман появился в начале XX века, его отличительная особенность – широкое применение изящных деревянных деталей, встроенных шкафчиков, полок и т. п., оптимизирующих пространство при небольшой площади комнат. Для домов этого стиля характерна низкая – часто в несколько уровней – крыша и широкое крыльцо на тяжелых квадратных колоннах.

«Уандербрэд» (*Wonder Bread*) – один из первых заранее порезанных на куски сортов хлеба, впервые появившийся в Америке в 1921 году.

Больница в Балтиморе.

Карпулинг – система, при которой соседи по договоренности совместно пользуются автомобилями друг друга с целью экономии бензина и максимального заполнения салона.

Стем – стебелек {англ.).

«Балтимор Ориолс» – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Восточном дивизионе Американской главной лиги бейсбола. Основан в 1894 году.

Бэби-шауэр (*baby shower*, дословно – «младенческий дождь») – американский обычай устраивать вечеринку для будущей матери и праздновать рождение будущего ребенка. Выражение подразумевает, что на виновницу праздника обрушивают ливень подарков.

Одна из карточек в игре «Монополия»: «Не проходите старт. Не получаете 200 долларов. Отправляетесь в тюрьму».

Суккоташ – блюдо из кукурузы и фасоли или других бобовых с добавлением помидоров, зеленого или красного сладкого перца. Из-за относительно недорогих ингредиентов блюдо было популярно во времена Великой депрессии в США.

Карточная игра.

Будь здоров {нем.).

Бодиборд – доска для катания по волнам, легче и короче, чем доска для серфинга; на бодиборде плавают, лежа на груди.

Имеется в виду фильм Делберта Манна 1959-го года «Телефон на двоих».

Фарфоровые фигурки, изготовленные по рисункам францисканской монахини Марии Иннокентии Хуммель (1909–1946).

Бёрл Айвз (1909–1995) – актер и фолк-певец, лауреат премий «Оскар», «Золотой глобус» и «Грэмми». Благодаря ему снова стали популярны многие народные песни.

Лимб – место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем.

Джеймс Ли Макбет Бейн (1860–1925) – шотландский священник, автор гимнов, известный как брат Джеймс и запомнившийся своими религиозными текстами и гимном «Ария брата Джеймса».

«Дом участия» (*House of Ruth*) – благотворительная организация, предоставляющая приют женщинам и детям, пострадавшим от домашнего насилия. Основана в 1977 году, штаб-квартира находится в Балтиморе, штат Мэриленд.

Нарезанные брусочками или соломкой овощи, подаются с соусом как закуска.

Red — красный, рыжий (*англ.*).

Пирог коблер представляет собой нечто среднее между традиционным фруктовым пирогом и сочным летним десертом. Это лакомство довольно популярно в американской и западноевропейской кухнях.

«Хатцлерс» (*Hutzler's*) – сеть универсальных магазинов в штате Мэриленд. Первый из них в 1858 году основал Абрам Дж. Хацлер (1835–1927).

Сирсакер – легкая жатая ткань в полоску.

Первая буква фамилии Whitshank (Уитшенк).

Джеймс Дин (1931–1955) – американский актер, ставший легендой благодаря трем фильмам, которые вышли на экраны в год его гибели.

Джон Филип Суза (1854–1932) – американский композитор и дирижер духовых оркестров, автор знаменитого марша «Звезды и полосы навсегда», ставшего национальным маршем США. Суза вошел в историю американской музыки как «король маршей».

Уилла Сиберт Кэсер – известная американская писательница, удостоена Пулитцеровской премии за роман «Один из нас» (1922) о Первой мировой войне.

Восточный берег – прибрежный район на полуострове Делмарва в штатах Мэриленд и Вирджиния, вдоль восточного берега Чесапикского залива. В Мэриленде считается частью штата, культура и обычаи которой отличаются от остальной территории, которую принято называть Западным берегом.

Bethlehem Sparrows Point Shipyard – судостроительный завод, основанный в 1887 году в Спэрроуз-Пойнт, Мэриленд, США.

Травянистое растение, используется во флористике.

Банки «Мэйсон» – обычные стеклянные банки, использовавшиеся для консервирования, стекло имеет легкий голубоватый оттенок.

Берли – относительно молодой, «высушенный воздухом» трубочный табак. Растет в штатах Теннесси, Кентукки и Огайо. Имеет богатый, насыщенный ореховый вкус.

«Би-ви-ди» (BVD, сокр. от *Bradley; Vooxies and Day*) – известная в США торговая марка нижнего белья.

В Америке так часто называют братьев, особенно старших.